

SLEEPY ХОМА

НА ПУТІ
В БЕЗДНУ

Хитроумная интрига удалась и Вороний Король в гневе совершил ошибку, которая может дорого обойтись всему миру.

В воздухе отчетливо пахнет порохом, а звон стали заглушает доводы разума.

Полки уже начали маршировать и скоро польется кровь. Пока еще — небольшая, но то лишь пока.

Народы, населяющие Интерсис, вновь шагают по дороге, ведущей в бездну, и даже боги не ведают, хватит ли у них сил, чтобы свернуть.

Каждое утро его жизни начиналось с молитвы и каждый вечер заканчивался ею. Человек благодарил Отца и Сына и Святого Духа за красоту рассветов, когда новорожденный день яркими лучами восходящего светила возвещал о повсеместном пробуждении жизни. Он возносил хвалу за спокойное умиротворение закатов, особенно прекрасных здесь, в горах.

Ему нравилось наблюдать за мягким и возвышенным погружением дневных существ в блаженный покой, слышать голоса вылетевших на охоту ночных птиц и поднимать взгляд на огромную, желтую — точно головка сыра — луну.

Ему нравилось слушать журчание ручья, и понимать, что эта вода ничем не отличается от той, что пил Христос в далеком мире, из которого его предки сбежали тысячелетия назад.

Он не тяготился, питаясь — подобно великим отшельникам древности — тем, что Бог пошлет, а если бы кто-нибудь сказал, что так жить неправильно, он бы лишь грустно улыбнулся, и помолился за душу этого заблудшего агнца.

В его сердце не осталось места злу, обидам и тревоге, он расстался с миром и надеялся, что мир ответит взаимностью.

Дни сменяли один другой, он давно потерял счет времени в своем уединенном убежище. Ведь какая, в сущности, разница, какой сейчас день, год или век? Есть только человек и его Служение. Есть только Бог, единый в трех ипостасях. Есть только молитва.

Так оно и было. До сегодняшнего утра.

Он откинул капюшон рысы и внимательно разглядывал маленькую птичку, присевшую на камень прямо перед входом в пещеру. Черные глазки-бусинки внимательно следили за ним.

— Уже третья. Твой хозяин, кажется, действительно нуждается во мне, — вздохнул человек, протягивая к птичке раскрытую ладонь.

Та забавно чирикнула и перебралась на нее, после чего отшельник приблизил свою гостью к глазам и подслеповато прищурился, внимательно изучая вестницу.

Птичка чирикнула еще раз, превратившись превратилась в аккуратно сложенный лист бумаги, который мужчина незамедлительно раскрыл и принялся изучать. Сперва его брови поползли вверх от удивления, затем глаза сощурились еще сильнее, превратившись в две щелочки, и в них засветилось нечто, совершенно неподходящее для святого — пламя гнева, казалось, отброшенного за ненадобностью века назад.

Уголки губ мужчины опустились, и он запустил пятерню в длинную, нечесаную бороду, словно раздумывая о смысле прочитанного.

— Так как они сеяли ветер, — наконец произнес отшельник, сокрушенно качая головой, — то и пожнут бурю.

Сказав это, мужчина топнул ногой, и земля прямо под ним разверзлась. Спустя мгновение никого не оставалось на поросшем редким кустарником горном склоне, лишь со всех сторон доносились звуки пробуждающегося леса.

Великий Салутэм, столица Аэтернума — вечной империи, наследницы великого Рима, основанной теми, кто бежал от гнева Бича Божьего, тоже пробуждался от ночного сна.

Звонили сотни колоколов, возвещая о наступлении нового дня, по улицам текли тонкие людские ручейки, готовые вот-вот превратиться в неугасимое море.

Быть может, Салутэм и уступал по размеру Сентию — столице соседнего Дилириса — но и маленьким этот город, чье население превышала сто пятьдесят тысяч человек, назвать было нельзя.

Его не просто так именовали центром Веры всего Интерсиса. Веры с большой буквы, ибо именно здесь располагалась резиденция митрополита Аэтернумского, претендовавшего на духовную власть во всех государствах, в которых имелась хотя бы одна церковь Христова.

Здесь же гордо возвышался и дворец императора — великого правителя, человека, способного одним мановением руки отправить в бой бесчисленные легионы. Землерожденного, избранного, великого мага стихий, отмеченного божественной благодатью. Истинного владыки этого мира.

По крайней мере, так обстояли дела для несведущих. Но каждый, кто обладал реальной властью, знал, что вот уже три сотни лет Аэтернумом, а также всеми странами, зависимыми от древней империи, правит отнюдь не император, а некто иной. Тоже землерожденный, тоже избранный, тоже великий, причем по-настоящему, а не потому, что так говорили придворные лизоблюды. Маг, Ступивший на Путь Вечности. Лорий Мариан Солум: Генерал. Полководец, Хозяин Големов. Этот Древний обладал многими именами, и ни одно из них не могло описать всю его мощь.

И сейчас этот выдающийся человек сидел в рабочем кабинете и внимательно читал донесение. И выражением лица в этот момент он сильно походил на святого отшельника, приходившегося Генералу дальним предком.

Когда письмо подошло к концу, чародей уронил бумагу на стол и прикрыл глаза руками. — Проклятье, — прошептал он, — ну почему все получается именно так? Почему вы, дураки, затеяли это?

Тяжело вздохнув, Лорий протянул руку и в ладонь его скользнула старая, выцветшая от времени картинка — магический отпечаток, нанесенный на тонкую мраморную пластинку, созданный лично Архитектором. С картинки на Генерала смотрели улыбающиеся молодые люди. Один — высокий и невероятно красивый чернокожий юноша, держал руку на плече второго — столь же высокого худощавого парня с короткими светлыми волосами. Рядом с ними, вытянувшись во фронт возвышался настоящий гигант добрых девяти футов ростом. Впрочем, кроткий взгляд этого человека совершенно не вязался с его могучим телосложением. Рядом с ним напряженно замер коротышка, достигавший гиганту от силы до пояса, и вот уж он-то смотрел куда более грозно. В центре стоял, с мечтательно ухмылкой на тонких губах, коротко стриженный шатен, на чьем плече угнездилась громадная восьмиглазая ворона, у него из-за спины выглядывала, застенчиво улыбаясь, молоденькая, ничем не примечательная блондинка. Справа помещались еще четверо: невысокий парень с бесцветной внешностью и глазами убийцы, обворожительная девушка с рыжими волосами, эффектная фигуристая блондинка, чьи ярко-красные губы походили на две вишни и невероятно похожая на нее брюнетка, широко улыбающаяся и буквально излучавшая веселье. Танма, Лорий, Маркус, Бревис, Корвус, Дулсия, Изегрим, Мия, Амата и Диана.

Те, кого называли поколением надежды. Увы, реальность разбила эту самую надежду на куски, и из неразлучной десятки уцелели лишь пятеро.

"А как все хорошо начиналось", — промелькнула мысль в голове прославленного полководца. — "Как же тогда все было просто".

Он вздохнул и пробормотал:

— Наивные дураки.

После этого Лорий вновь обратился к документу, лежащему перед ним. Письмо это не предвещало ничего хорошего ни для Дилириса, ни для всего Интерсиса. Перечитав его еще раз, точно надеясь, что, быть может, буквы возьмут и сложатся во что-нибудь более приятное, Древний со вздохом потянулся и взял другой конверт. Небольшой и запечатанный Марком — главой его личной тайной службы. Первой Тенью, как сказали бы восточные соседи.

Это донесение касалось той же темы, что и официальное письмо, но сопровождалось комментариями и рассматривало ситуацию с другой стороны. Впрочем, как ни посмотри, а хорошего в ней было немного.

То, что в случившемся целиком и полностью была виновата Кэлиста Вентис, сомнений не оставалось, вот только...

"Вот только я не могу позволить Корвусу уничтожить Дилирис! О чем они думали? О чем эти кретины думали, когда разрушали самое ценное, что осталось у моего старого товарища? Они хотели его спровоцировать? Ну что ж, можно поздравить недоумков во главе с их припадочной королевой. Провокация удалась на славу! Дочь Корвуса пропала и, скорее всего мертва, тот обвинил в случившемся Вентисов и натравил на них Изегрима!"

Истинный правитель Аэтернума опять вздохнул. Вот так всегда — кретины, наделенные властью, придумывают какой-то очень хитрый план, а все остальные в итоге должны страдать. С одной стороны, Аэтернум, конечно же, никак не затронут. С другой, у Дилириса нет ни единого шанса выстоять против Волукрима. Уж в чем-чем, а в этом Лорий ни на секунду не сомневался.

Всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы не дать Корвусу, ослепленному гневом, а потому заблуждающемуся, распространить свои предрассудки на весь континент. А значит, когда дела у Дилириса пойдут совсем плохо, ему придется вмешаться.

"Кэлиста слишком много на себя взяла. Но разве она могла иначе? Она — тупая дура", — рассуждал чародей. — "Но Амандус, он-то, о чем думал? Нет, что-то здесь нечисто".

В то, что канцлер Дилириса — один из умнейших людей континента — не сумел просчитать последствий своих действий, Генерал попросту отказывался верить. К тому же, недоверия добавлял и характер увечий, нанесенных принцу Таривасу. Лорий прекрасно знал, на что Охотник способен, особенно если его разозлить, и понимал, что ослепление — это не случайность и не ошибка, допущенная, к примеру, из-за нехватки времени. Нет, послание должно было достичь адресата, и неважно, сколько ловчих погибло во время безумной ночной атаки.

Лорий слишком хорошо знал повадки Изегрима, чтобы сомневаться, будто такая мелочь, как гибель собственных людей, остановит этого фанатика.

Но, несмотря ни на что, вмешиваться не хотелось. Корвус не желал войны, в этом не было ни малейшего сомнения. Лорий жаждал ее еще меньше. И все же, все же...

Еще раз вздохнув, Лорий положил перед собой чистый лист, окунул перо в чернила, и начал писать.

Быть может, войны получится избежать, но нужно готовиться к самому худшему. Следует поставить в известность Аматеру...

Изегрим брел по пустынной равнине. Тот, чье имя произносили шепотом, жмурясь от ужаса, оказался совсем один. Ни единой живой души не было видно на многие мили вокруг, лишь спекшаяся земля, без намека на растительность, да ветер.

Сперва слабый, с каждый пройденным шагом он крепчал, но Охотник знал — останавливаться нельзя, остановка означает смерть.

Шаг, другой, еще один.

Порыв ветра ударил в лицо, высветив перед глазами белозубую улыбку очаровательной рыжей девушки, держащей на руках малышку, унаследовавшую от матери цвет волос. К ним бежал, весело смеясь, статный шатен, а из-под тени, даруемой ветками дуба, за молодыми людьми наблюдал широкоплечий бородатый здоровяк.

Шаг, другой, еще один.

Ветер крепчал, и в его завываниях послышался отчаянный детский плач, молящий мужской голос и злой, довольный смех.

Изегрим стиснул зубы. Он, к счастью, не присутствовал при тех страшных событиях, но, когда Корвус делился с ним своей памятью, несколько обрывков просочилось через все барьеры, возведенные другом.

Все эти годы Изегрим, видевший лишь малую толику бывшего кошмара, поражался силе духа товарища, нашедшего силы жить после того, что случилось.

Шаг, другой, еще один.

Ветер стал ураганным, и в его реве проскакивали стоны давно умерших мужчин и женщин, а в пыли, поднимаемой порывами стихии, виднелись неясные силуэты тех, кого больше нет.

Шаг, другой, еще один.

Ледяной холод сковал тело, пробирая до костей, и говоря: "Остановись, отступись, не иди"!

Шаг, другой, еще один.

Сила ветра была такой, что песчинки, поднимаемые им, стесывали кожу, отрывали плоть от костей, а сами кости перемалывали в труху.

Но он шел — неясная тень среди таких же теней. Шел и с каждым шагом все яснее ощущал запах крови и гари, запах смерти и разложения. Запах большой — возможно самой большой со времен выступления безумного Архимага — войны.

Шаг, другой, еще один.

Исчезло все: холод, боль, голоса. Мир затопила непроглядная чернота, и в ней Изегрим увидел восемь пылающих багровым заревом глаз, и крылья, что чернее мрака, расправляемые гигантской птицей.

Охотник, с трудом сдерживая крик, проснулся. Он оглядел походный лагерь и облегченно вздохнул — все было так, как и должно было быть. Выжившие ловчие, а также ученицы Орелии и Ридгара в безопасности. Неделя безумной скачки по землям Дилириса осталась в прошлом.

Он вновь огляделся.

По веткам деревьев сновали гарпии.

Изегрим улыбнулся. Он дома, среди друзей.

Поймав взгляд учителя, подле походного ложа появился один из ловчих.

— Наставник, все готово. Уже через несколько дней мы будем в Кастэллуме.

— Да, — рассеянно кивнул Изегрим, — я знаю. Спасибо.

"Уже через несколько дней я узнаю, оказался ли мой сон вещим", — подумал он.

Катержину, Видящую, могучего оракула, тоже посещали сны. И Древняя многое бы отдала за то, чтобы не видеть их.

Прошое, настоящее и будущее тесно переплелись, не оставляя ни единой лазейки прочь из кошмара. Сонм бессвязных образов, один ужаснее другого, опутывал ясновидящую своими скользкими щупальцами, заставляя ее кричать и молить о пощаде.

Вот маленькая окровавленная синичка падает в снег, который в следующий миг оборачивается пеплом от сгоревшего дуба.

Вот человек с тысячью лиц стоит лицом к лицу с человеком, ведущим тысячи марионеток.

Вот побитый трехлапый пес впивается в руку своего хозяина, и зубы его — яркие и острые — отсвечивают бирюзой в клубках пороховой гари.

Вот ворон оглушительно каркает, и от его голоса небеса рушатся огненным дождем! Раскаленные капли забрызгивают маленькие, будто игрушечные фигурки, в окружении которых — это Катержина видела отчетливо — милая ручная лисичка.

Вот лодки пристают к берегу и с них сходят страшные чудовища в людском облиии, они рвутся в белый город, объятый паникой и огнем.

Вот звери и люди схлестнулись с людьми и зверьми во мраке, отбрасываемом уродливыми изломанными деревьями, дупла которых скалятся, точно пасти.

Вот старик подбирает едва тлеющий огонек и, не обращая внимания на ожоги, прижимает его к груди и дарит живительное тепло.

Вот тьма, невообразимая и всепоглощающая затопляет огромное поле, заполненное светлячками, и те один за другим растворяются во мраке для того, чтобы дать пищу тому иному, что таилось на другой стороне...

Катержина широко распахнула глаза, но ее губы не издали ни единого звука. Крик застрял в горле ясновидящей, и та, кашлянув, потянулась к кубку с водой, который всегда стоял возле ее огромной постели. Утолив жажду, Катержина потерла виски, силясь вспомнить, что же ей снилось, но на сей раз ничего не сохранилось в памяти оракула.

Аелла с детства знала, что она — особенная. Не просто так ей при рождении досталось столь почетное имя. Когда ей исполнилось восемь, девочку, как того требовал обычай, проверили на способности, и обнаружили, что она — повелительница ветров.

Ну, точнее, может ею стать.

Десять долгих лет обучения не прошли даром, и Аелла, в числе трех лучших жриц, предстала перед Афэнтэсом! И он похвалил ее — ее, дочку охотника и ткачихи! Тогда она три дня подряд плакала от счастья. Но Аелла знала, что ей на роду написано нечто большее, верила в то, что ее способности будут оценены по достоинству, и не ошиблась — сама Митэра Эрато вызвала ее для выполнения особо опасной миссии — сопровождения Игнис Фейргебор, огнерожденной принцессы и приемной дочери Афэнтэса. Большой чести нельзя и представить!

Аелла поклялась именами своих родителей в том, что оправдает доверие. При этом ей

было строго-настрого приказано не вмешиваться, если только не возникнет крайней необходимости. Один раз — в горах, когда отряд принцессы сражался с обезумевшими фанатиками, она все-таки преступила через приказ, спасая жизнь лункса, который, как ей показалось, стал близким другом госпожи.

Конечно, божественная Орелия смогла бы вернуть его из мира мертвых, но все дети небес знали, как мало сил осталось у Целительницы, и как она нужна всем обездоленным в грубом и жестоком государстве людей — Дилирисе. А потому Аелла взяла на себя ответственность и приказала Птолемею — лучшему стрелку подчиненного отряда — прикончить глупца, посягнувшего на жизнь спутника божественной. Тот арбалетчик метил рысеухому прямо в спину, и никто не заметил, когда он, пронзенный стрелой, завалился на бок и рухнул в пропасть.

Во время ночного побоища в Ничейных Землях ее сотня смогла прикончить одного центуриона и сопровождавших его изначальных, оставших от основной массы атакующих, после чего, скрыв все следы помощи, раствориться в ночи. При этом, они не потеряли ни единого воина! Этим дочь неба особенно гордилась.

Аелла читала наставления великого Сир-Тана — легендарного вождя рода Черного Крыла, который первым присягнул Антэфасу на верность. Тот говорил, и не один раз повторял, что истинный полководец не тот, кто побеждает любой ценой, а тот, кто побеждает, сберегая своих воинов.

"А значит, я хороший командир", — думала Аелла, распушив перья от гордости.

Когда разведчики донесли страшную весть о том, что со всей округи изначальные собираются для того, чтобы сотворить зло она не раздумывала ни секунды и направила всю сотню к Паллидию.

Это решение оказалось правильным, и Аелла даже смогла принять участие в избиении проклятых монстров. Жаль, конечно, что ей, как и другим жрицам, запретили использовать Силу, но она понимала причину этого — посторонним не нужно знать о тайных умениях детей неба. По крайней мере, до тех пор, пока не придет время воевать. Люди сотни лет не видели ни одной гарпии и считают большую часть рассказов о них жалкими выдумками.

Ха, ну пускай! Пускай спасаются в милой их сердцам лжи. Когда придет время, пернатый народ всем покажет!

Она нахохлилась, сидя на ветке большой сосны, и воинственно взъерошила перья.

Аелле не очень нравилось то, что огнерожденная отправляется под землю. Там темно, там узко, там нет просторов. Там ее сотня бесполезна, останется лишь ждать, пока все разрешится само-собой, а ждать Аелла не любила. Торопливость была ее единственной слабой чертой, и гарпия прекрасно знала об этом.

А еще ее не оставляло смутное беспокойство. Что-то шло не так — она чувствовала, нет, не Силу, а какой-то отголосок Силы, тонкий след, смердящий коварством и опасностью. Что за след — Аелла не знала, но собиралась выяснить — именно поэтому она разослала разведчиков, которые и должны были разобраться, что же творится в округе.

И эти самые разведчики почему-то сильно запаздывали!

Неожиданно Хелайос, сидевший рядом с ней, без единого звука повалился вниз, а в следующий момент страшная боль разорвалась в голове у Аеллы.

Падая, она заметила какую-то тень, проشمывающую над нею, услышала шум разгорающегося боя, а затем земля стала неожиданно совсем близкой, и гарпия рухнула, сбив дыхание.

Над ней нависла неясная фигура, замотанная во все черное, и блеснул нож.

— Вот и все, птичка, — услышала она мерзкий смешок.

Но у Аеллы была своя точка зрения на сей счет. В последний момент она сумела-таки поймать за хвост убегающую Силу, и нападавшего отшвырнуло с такой мощью, что тело его, ударившись о ближайшее дерево, с мерзким хрустом изогнулось под неестественным углом.

Ничего не понимая от боли, наполовину оглушенная и ослепшая, обливающаяся кровью Аелла каким-то образом сумела подняться в воздух и устремилась ввысь, туда, где сквозь кроны просвечивало вечернее солнце.

Она слышала предсмертные крики братьев и сестер, вопли умирающих людей, но они оседали где-то на самом краю ее сознания, единственно, чего сейчас хотелось гарпии — так это оказаться в небе, и когда она, не чувствуя боли от ветвей, цеплявшихся за крылья, наконец-то прорвалась, крылатая дева не сумела сдержать радостного крика.

И уже в следующую секунду, когда ее разум немного прояснился, Аелла, расправив крылья и рыдая навзрыд, устремилась к горе, туда, где должна была находиться огнерожденная.

Она слишком возгордилась, и в результате потеряла всех вверенных ей воинов. В том, что сражение закончилось полным разгромом, не оставалось ни малейших сомнений — гарпия уже поняла, с кем ей пришлось столкнуться, а потому не испытывала иллюзий.

Но она еще могла предотвратить самое страшное, могла спасти ту, кого ей было приказано оберегать и защищать любой ценой. А для этого надлежало спешить, и Аелла вновь обратилась к Силе, чувствуя, как мощь переполняет легкое пернатое тело.

За это придется расплачиваться, но чуть позже, а сейчас она просто обязана успеть...

Дернувшись, точно от удара, гарпия открыла глаза и с трудом сдержала слезы. Слезы боли, слезы разочарования, слезы обиды.

Она осторожно потянулась и дотронулась до того, что еще столь недавно было крылом. Теперь там красовалась культя пульсирующая адской, как сказали бы люди, болью. И она сама отрезала то, что осталось от крыльев — ее великолепных огромных крыльев — зачерпнув те остатки Силы, до которых смогла тогда дотянуться.

Отрезала, потому что иного выхода не оставалось. Привести в порядок мешанину плоти, перьев и изломанных костей не смогла бы, наверное, сама Целительница.

Аелла вновь расплакалась от дикой обиды и взглянула на того, кто стал причиной увечья.

Полукровка метался в бреду. Да, ему тоже изрядно досталось, Аелла, даже не будучи лекарем, понимала, что он никогда больше не возьмет меч в правую руку, да и бегать сможет медленно и недалеко, но...

«Но он не потерял полет!»! — в отчаянии подумала дочь неба и в очередной раз попыталась дернуть себя за крыло. Несуществующее крыло. — «Каой же я была душой!»!

Нет, конечно, она не жалела, что спасла жизнь другому существу, но... Но, когда гарпия, подлетев к высокой площадке, увидела, как с нее сбрасывают человека, она, кажется, на миг сошла с ума. Аелла и сама не могла точно сказать, что именно щелкнуло в этот момент в мозгу, но, сложив крылья и придав телу максимальное ускорение, гарпия метнулась вниз, камнем рухнув в глубокий каньон, оставшись при этом незамеченной для врагов.

Лишь когда ее руки сомкнулись на теле, а крылья распахнулись в обе стороны, гася скорость, она поняла всю глубину ошибки, и осознала, что изрядно переоценила себя.

Мышцы спины напряглись, крылья затрещали, едва не ломаясь от натуги, и она, с трудом, но все-таки замедлила падение. На какой-то миг гарпии даже показалось, что все обойдется... Но затем правое крыло пронзила острая боль, оно обвисло, и мир завертелся, закружился волчком, и принялся вращаться перед глазами, а затем их со всей силы приложило о скалу, и Аелла потеряла сознание.

В себя она пришла, когда голубая ленточка реки превратилась уже в полноценный поток, лететь до которого им оставалось от силы несколько ударов сердца. В последний момент она при помощи Силы чуть-чуть затормозила полет, но на большее оказалась уже неспособна.

Затем был всплеск, удар о камни, и стремительная вода, бьющая, хватающая, тащащая безо всякой жалости.

Сильная рука выдернула ее и бросила на гальку, на которую Аелла извергла содержимое желудка, после чего — забылась лихорадочным сном в луже собственной рвоты.

Придя в себя, она проверила то, что осталось от крыльев, разрыдалась, но, безо всякого снисхождения к собственным ранам, сделала то, что следовало, после чего оттащила спасенного полукровка — тот лежал без сознания — подальше от воды. Затем, найдя сухой плавник, сумела соорудить ему что-то вроде лубков, и, самое главное, зажгла огонь. Каким чудом она умудрилась сотворить последнее, гарпия не смогла бы вспомнить, наверное, даже на Страшном Суде антропосов.

Спящий дернулся и что-то выкрикнул, нарушая сосредоточение Аеллы и та, вздохнув, легла поближе к нему, пытаясь согреться — из-за отсутствия у одеял, сохранение тепла ночью стало одной из главных забот.

«Нужно спать, нужно закрыть глаза и спать», — думала она, тихонько плача из-за обиды и горя. — «Я никогда больше не увижу неба, но я еще жива. И он — тоже. Мы должны быть сильными, должны добраться до патераса. Должны рассказать правду» ...

Дочь неба прижалась к спутнику еще ближе, положив голову тому на широкую грудь, и полукровка затих, дыхание его стало ровнее. Сама Аелла быстро согрелась — с другого бока ее приятно ласкало пламя костра — и глаза гарпии начали сами-собой закрываться.

Последнее, о чем она подумала, погружаясь в забытие, было: «Что же сейчас происходит с принцессой?»

Глава 1

Сознание возвращалось к Игнис тяжело, можно даже сказать — мучительно. Девушка застонала и с большим трудом разлепила веки. Несколько последних дней слились в один непрерывный кошмар, воспоминания о котором смутно трепыхались в самом уголке ее измученного мозга.

Она не могла точно сказать, как им удалось так быстро достичь Флодстата — столицы Ривеланда — но отчего-то ее не оставляла мысль о драконах. Хотя огнерожденная и знала, что ни одного из них не осталось — тысячи лет назад были перебиты настоящие драконы, затем во время Третьей Войны Гнева — драконы-лорды оборотней, — эта мысль не давала ей покоя.

Принцесса не могла точно сказать, сколько времени она провела в беспмятстве — судя по всему, ее контролировали при помощи ментальной магии Кайсы. Этой же магией мутили и сознание. Одно было бесспорно — их миссия, призванная помочь Интерсису и, может быть, положить начало сотрудничеству между сильнейшими государствами континента, с треском провалилась.

"Хотя нет, не провалилась", — с горечью подумала девушка. — "Те, кто изначально желал получить выгоду, добились своих мерзких целей"!

Она ощутила приступ неконтролируемого гнева и с трудом взяла себя в руки. В ее положении нельзя поддаваться эмоциям. Для начала следует разобраться в том, каково, собственно говоря, это самое положение.

Игнис полностью открыла глаза и огляделась. Она лежала на неплохой перине и была укрыта толстым шерстяным одеялом. Это не слишком вязалось с тем, как должна выглядеть тюрьма, а потому огнерожденная удивленно села, обводя взглядом помещение, в котором очутилась. Достаточно просторная комната, пол устлан ковром, стол, стул, в углу настоящая ночная ваза, рядом с кроватью — табурет, на котором стояла большая тарелка супа, еще свежего и исходящего паром. Если бы не толстая дверь с закрытым смотровым окошком, Игнис ни за что бы не подумала, что находится в плену.

"Вот уж не ожидала, что со мной будут обращаться согласно статусу", — подумала она, машинально касаясь кошмарных ожогов на левой щеке — следов, оставленных людьми Речной Королевы.

"Маски нет", — столь же машинально отметила девушка, ощутив приступ паники.

Она попыталась вскочить, однако тело не слушалось. Огнерожденная была слаба, точно котенок, и лишь ценой невероятных усилий она смогла кое-как сесть, причем каждую секунду девушке очень хотелось забраться под одеяло. Однако она этого не сделала. Давя все нарастающий страх, Игнис протянула руку, ставшую вдруг невероятно худой, к полотенцу, лежащему на табурете рядом с кроватью и замотала им лицо, после чего — вновь легла.

И все же то, что удалось обойтись без панической атаки поразило Игнис. Причиной столь резких перемен, однозначно, стал Лариэс.

"Интересно, как он сейчас"? — с тоской подумала девушка и, вздохнув, сама ответила на свой вопрос. — "Мертв, конечно же. Вряд ли он знал о том, что задумал принц, и вряд ли обрадовался, когда истина открылась во всей своей неприглядности".

Отец не один раз говорил ей: "Не позволяй ушедшим за Грань тащить тебя за собой, пока ты жива — борись"! И он сам подавал пример, вот уже несколько сотен лет оставаясь

на этом свете лишь потому, что так нужно, потому что от него зависят жизни других, хотя все мечты и чаяния этого древнего чародея — и Игнис знала это слишком хорошо — были связаны с убитыми дочерью и женой.

"А раз отец продолжает бороться, то и я не имею права сдаваться. Так что — встать, и за дело"!

Поднявшись, она натянула простое платье, висевшее на спинке стула, и попыталась призвать огонь. Конечно же, ничего не получилось, зато шею пронзила острая боль. Игнис подошла к зеркалу и с удивлением узнала, что обзавелась за время сна успела обзавестись украшением. Простая полоска железа с вставленным в центре голубым камнем, размером с перепелиное яйцо обвивалась вокруг шеи.

Обычное ожерелье она, естественно, почувствовала, а значит...

"Отведение взгляда", — с ходу определила девушка, вспоминая уроки отца. — "Скорее всего, неснимаемое. Ну а камень, естественно, гаситель дара — переплетение ментальной магии королевы с чарами воды и сковыванием".

Она не помнила точно, как эта штука работает, но со слов отца выходило, что Кайса — одна из самых одаренных чародеек Интерсиса — владела двумя магическими школами. Основным ее даром, естественно, являлась стихийная магия, второстепенным — ментальная. Их сочетание и позволило королеве, смешивая свою кровь с кровью жертвы и, призывая на помощь сковывание, творить артефакты, не дающие цели обращаться к своей силе без разрешения Дикой Розы Севера.

Производство подобных артефактов осуществлялось в обстановке такой секретности, что даже отец ничего не знал о сковывающем, который делал их. Кайса прятала своего слугу надежнее, чем сокровищницу, и в этом было мало удивительного — столь одаренные люди стоят куда дороже золота и драгоценных камней.

Все-таки, девушка попыталась снять ошейник, естественно, безрезультатно, после чего она напрочь забыла о нем и стала исследовать свое узилище.

Не обнаружив ничего особенного, огнерожденная с трудом взяла тарелку и принялась есть. Вкуснейшая северная уха таяла во рту, и принцесса, осознав, насколько же она голодна, в три присеста расправилась с порцией. Игнис не боялась того, что ее отравят. Конечно, Кайса была совершенно невменяемой, но даже ее безумие не простиралось так далеко, чтобы, сплетя сложнейшую интригу и заполучив ценную заложницу, просто так взять и прикончить ее.

По крайней мере, Игнис хотелось в это верить.

"В любом случае, у меня нет выбора. Если хочу сохранить силы, должна питаться", — подумала она. — "Весь вопрос в том, действительно ли я ценный заложник? Отец слишком умен, чтобы ради меня очертя голову броситься в ловушку, и слишком обязателен для того, чтобы плясать под дудку шантажиста. Его сердце будет обливаться кровью, но он пожертвует мной, если этого потребуют обстоятельства, и Кайса не может не знать об этом. Но тогда для чего я нужна"?

Игнис принялась размышлять, перебирая в уме варианты, и ни один из них не нравился девушке.

Где-то на втором десятке предположений грубая действительность вторглась в одинокий мирок узницы — за дверью послышались шаги, затем щелкнул замок, и на пороге возникла Кайса Иссон Ривеландская собственной персоной.

— Оставьте нас, — коротко распорядилась она, заходя внутрь, и тюремщик,

склонившийся в подобострастном поклоне, захопнул дверь за спиной королевы.

Игнис впервые получила возможность разглядеть свою пленительницу. До этого раза она видела ее лишь дважды — на переговорах по поводу заключения вечного мира, последовавших за авантюрной попыткой Ривеланда вторгнуться в Волукрим через свежезавоеванную границу по Лесу Гарпий, да пару дней назад — в пещере.

В первый раз Игнис была плохо соображающим от пережитых ужасов ребенком, во второй раз она безумно устала от многочасового сражения с изначальными, и было темно.

А потому, только сейчас огнерожденная смогла в полной мере оценить северянку.

Кайса действительно была сказочно красива. Ни одна из виденных Игнис стихийных чародеек и близко не могла сравниться с Дикой Розой Севера. Все они бледнели на ее фоне, сколько бы дилирисцы не восхищались своей Кэлистой. И все было бы ничего, если бы не глаза.

Взгляд выдавал истинную Кайсу, ту, что на людях пряталась глубоко-глубоко, и выбиралась лишь здесь — в сердце своей империи, где ее власть безгранична. В льдистоголубых глазах королевы застыли безумие и ненависть ко всему миру, так жестоко обошедшемуся когда-то с невинной девочкой.

Игнис знала историю правительницы Ривеланда и при других обстоятельствах, быть может, даже пожалела бы ее, но, увы, они оказались по разную сторону баррикад: последняя из дома Фейргеборов и захватчица, оккупировавшая великое герцогство и убившая весь родных и близких Игнис.

Кайса тоже изучала свою пленницу с нескрываемым интересом и безумие в ее глазах потеснило нечто иное, тень чувства, непонятного Игнис, но оттого не менее пугающего.

— А я слышала, — промурлыкала водорожденная делая шаг вперед, — что ты, моя сладкая девочка, и шагу не можешь ступить без этой игрушки.

С этими словами королева извлекла из-за пояса серебряную маску огнерожденной и, взвесив на ладони, точно думая, стоит ли так поступать, или нет, протянула ее пленнице.

Игнис стоило очень большого труда не дернуться по направлению к предмету, вот уже много лет скрывавшему изуродованную кожу от посторонних. Она прекрасно понимала, что Кайса играет, и никогда не позволит своей пленнице заполучить столь мощный артефакт обратно. Как минимум, та должна была опасаться скрытых возможностей маски, которые обязательно проявятся, как только артефакт восстановит запас энергии. Есть эти возможности или нет — вопрос отдельный, чтобы ответить на него у Кайсы в запасе должен был находиться сковывающий, не слишком сильно уступавший отцу в могуществе. И пускай у нее имелся таинственный чародей, что преследовал их всю дорогу из Дилириса до Финибуса, командуя сперва разбойниками, затем — фанатиками из культа изначальных и, под конец, самой настоящей армий этих древних существ; пускай имелся не менее таинственный изготовитель гасителей дара; Игнис сильно сомневалась, что эти двое справятся со столь сложной задачей.

— Путешествие пошло мне на пользу, ваше величество, — склонив голову и стараясь сдерживать рвущуюся наружу ярость, — произнесла она, — я сумела победить некоторых своих демонов.

Речная Королева улыбнулась одновременно мило, зловеще и несколько грустно.

— Глупая маленькая девочка, ты еще не знаешь, что наши демоны остаются с нами до самого последнего вздоха, забирая души в преисподнюю, когда сердце останавливается. Но ничего, ты еще поймешь...

Она сделала еще один шаг и положила маску на стол.

— Оставлю эту игрушку здесь, быть может, она скрасит твое пребывание в не слишком-то комфортабельных покоях моей темницы. Надеюсь, тебе удобно?

— О, ваше величество, как я могу выказать неуважение к столь гостеприимной и ласковой хозяйке. Жаль только, что оно было высказано, — в столь странной форме. Вы могли бы просто попросить меня погостить в вашем чудном замке.

Кайса рассмеялась, точно зазвенели колокольчики, и, сделав ещё один шаг вперед, оказалась над Игнис, а в следующий миг ее пальцы проникли под тонкую защиту ткани и коснулись бугристой, уродливой кожи. Игнис попыталась было отпрянуть, но тело — и без того не слишком послушное — полностью отказалось повиноваться своей хозяйке, подчиняясь, по-видимому, приказу водорожденной менталистки.

— М-м-м, какие красивые шрамы, — прошептала Кайса, прикрыв глаза. — Так и хочется исследовать их шаг за шагом, постепенно, медленно, вдумчиво.

Она облизнула губы и огнерожденная затряслась от ужаса — кажется, безумие королевы все-таки вырвалось наружу. Но Игнис ошиблась — Кайса сумела взять себя в руки, хотя было видно, каких усилий ей стоило это.

Королева выдохнула и присела на кровать, продолжая пожирать Игнис взглядом.

— Думаю, ты хочешь обо многом меня спросить, девочка, не так ли? — чуть наклонив голову проворковала она. — Просто уверена, что у тебя набралась масса вопросов. Ну же, не стесняйся, задай их.

Игнис сглотнула — она действительно знала, о чем спросить свою пленительницу, но не была уверена в том, что хочет услышать ответы.

"Ну же, не трус", — подбодрила огнерожденная себя и произнесла.

— Ваше величество, сколько дней я спала?

Лицо Кайсы озарила улыбка.

— Корвус научил тебя задавать правильные вопросы, дитя. Очень, очень хорошо, ведь ты, наверное, ощутила некоторые изменения?

Игнис кивнула.

— Я, кажется, похудела на пару фунтов.

— Увы, — Кайса всплеснула руками, — неизбежное зло Ледяного Сна. Забавно, не находишь? Чары не имеют никакого отношения к силе хладорожденных, но, тем не менее, все знают их под этим именем.

Королева весело рассмеялась, и тотчас же осеклась.

— Но извини, милая, я немного увлеклась. Останавливай, когда в следующий раз богатая фантазия погонит мои мысли вскачь. Ты ведь знаешь, бедняжка Блаклинг, когда разговорится, тоже перепрыгивает с темы на тему, это у нас семейное. Ой, опять, вот видишь.

Она умолкла и прикрыла рот ладонью в притворном смущении. Игнис терпеливо ждала, понимая, что стала свидетельницей театра одного актера, и если не хочет серьезных проблем, то должна заткнуться и слушать.

Это помогло — Кайса лукаво сверкнула глазами и продолжила.

— Так вот, моя милая. Ты отдыхала две с небольшим недели. Ровно столько понадобилось, чтобы найти и уничтожить все игрушки, которые старая ворона нацепила на твою одежду, а также, чтобы убедиться в том, что он заглотив наживку.

Игнис против своей воли подалась вперед, и это не укрылось от зоркого взгляда

северянки.

— Тебе, наверное, до смерти интересно, что же произошло в мире за то время, что ты бродила в царстве сновидений? Ладно, так и быть, расскажу. Во-первых, твой ненаглядный принц Таривас, потратив Ковчег, вернулся в Сентий, где у него случилась одна крайне неприятная встреча.

Игнис побледнела — она слишком хорошо изучила отца и понимала, на что тот способен в гневе. А то, что гибель приемной дочери выведет Корвуса из себя, не вызывало ни малейших сомнений — враги знали о единственной слабости великого чародея и безжалостно ударили по болевой точке, надеясь заставить того совершить ошибку. И, судя по довольному лицу королевы, ошибка действительно была совершена.

— Ну, и ты даже не спросишь, что случилось? — надула губы Кайса.

— Что случилось? — повторила за ней Игнис.

— Принц был так ослеплен своим величием, что лишился зрения, — весело рассмеялась чародейка, очень довольная удачной шуткой. — Поговаривают, что на его дворец ночью совершили налет ловчие во главе с самим Охотником. Понимаешь, что это означает?

Игнис кивнула. Еще бы ей не понять. То, что отец всеми силами оттягивал, то, чего он так страшился, то, ради чего даже пожертвовал своими планами, согласившись на предложение Лория, пошло прахом.

И причиной тому стала она! Ее глупость и желание посмотреть на мир за пределами дворца. И они знали, они использовали это. Расчётливо, жестоко, беспощадно.

У Игнис на глаза навернулись слезы, и она спросила:

— Как вы сговорились с Вентисами?

— О-о-о, — Кайса мечтательно зажмурилась, — это было сложно. Кэлиста, конечно, дура полная, но надо отдать должное — она не верит никому и ничему. У меня ушли долгие годы на то, чтобы плавно и неторопливо подвести мою коронованную сестру-чародейку к правильному решению. Не буду раскрывать всех деталей — у нас, девочек, должны оставаться свои маленькие тайны, но скажу, что сейчас Кэлиста пляшет под мою дудку, как послушная собачка, сама того не осознавая.

Игнис вздохнула. В целом, она уже успела сложить кусочки мозаики в более-менее непротиворечивую картину, но все-таки, решила, что должна знать всю правду, какой бы ужасной та ни была.

— Значит, весь наш поход с самого начала был...

— Обманом, хитростью, военной уловкой, — перебила ее Кайса. — Называй, как хочешь. Да, именно так. Вы думали: «кто же предатель», а предателями оказались все, кроме людей Корвуса и шпиона Охотника. — Тут на ее лице промелькнула тень недовольства. — Надо сказать, Изегрим умеет внедрять людей. Я, если честно, до последнего была уверена, что Вилнар — всего лишь удачная находка, послушная шестеренка вроде того королевского песика Вентисов, как там его...

— Лариэса, — произнесла Игнис, чувствуя, как накатывает злость и отчаяние.

— Ну, может и так, какая разница? Мне нет дела до мертвецов.

Игнис едва не охнула.

"Значит, он все же не смирился с мерзостью, творимой господином. Глупый и правильный дурачок", — с болью подумала Игнис.

— Как он умер?

— Также, как и любой пес, смеющийся кусать руку кормящую, — пожала плечами

водорожденная. — Да и не все ли равно? Куда важнее то, что ты, а также — Кающийся — живы, и то, что вы целиком и полностью в моей власти. А вредная святая валяется где-то на дне бездонного ущелья. Даже ее таланта не хватит на то, чтобы пережить такое падение.

Игнис не знала, каким чудом она сумела сдержать вопль ярости, рвущийся наружу, но, когда девушка заговорила, ее голос был убийственно спокоен.

— Я не понимаю лишь одного, ваше величество.

— И чего же? — благосклонно поинтересовалась Кайса.

— Как вы смогли приручить изначальных?

Дикая Роза Севера улыбнулась.

— Ну-ну, детка, не нужно считать меня сильнее, чем есть на самом деле. Подчинить изначальных, скажешь тоже, такое не под силу никому из живущих. Я всего лишь нашла яйцо, древнее — пролежавшее в земле не одну тысячу лет — но целое. Эти существа, чтобы ты знала, вообще отличаются поразительной живучестью. — Она хлопнула себя по лбу. — И снова разговор на отвлеченные темы, прости. Так вот, яйцо. Я лишь нашла его и убедилась в том, что королева проклянется точно там, где мне нужно, и в том, что у нее будет достаточно пищи. Вот и все.

Она чего-то не договаривала, огнерожденная сразу же поняла это, а потому девушка попыталась настоять на своем:

— Но тот ваш сковывающий-убийца, он же был заодно с культистами, более того, командовал армией изначальных, штурмовавшей замок барона Урсуса!

Северянка пожала плечами.

— Кто знает, быть может, они нашли общий язык, как ты думаешь?

Она врала, это было очевидно, но ни малейшей возможности вывести собеседницу на чистую воду у Игнис не оставалось, а потому она задала вопрос, который уже некоторое время вертелся на языке.

— Неужели вы думаете, что Генерал примет вашу сторону?

Кайса поднялась, но вместо того, чтобы подойти к своей пленнице, она направилась к двери и постучала в нее. Тотчас же щелкнул замок и стражник, склонившись в глубоком поклоне, открыл своей госпоже выход. Дикая Роза Севера обернулась на пороге, и окинула Игнис оценивающим взглядом, а когда девушке начало казаться, что этот ее вопрос останется без ответа, она вдруг произнесла:

— А ты считаешь, моя хорошая, что у Лория останется выбор? Seriously?

Принцесса стиснула зубы. В душе она знала ответ на этот вопрос, но боялась озвучить его даже себе самой.

"Да, у правителя Аэтернума — настоящего, а не марионетки-императора, согревающего задницей трон, — не останется ни малейшего выхода после того, как армии Волукрима осадят Сентий".

Точно угадав ее мысли, Кайса проговорила:

— И я и ты, мы обе знаем, что у Дилириса нет ни единого против Волукрима. У Ривеланда в союзе с Дилирисом — тоже. И если мы падём, власть Вороньего Короля на континенте станет абсолютной... А потому, наслаждайся последними мирными деньками, девочка.

— Но война еще не объявлена? — выпалила Игнис, подавшись вперед. — Еще есть шанс...

Ответом ей была очередная снисходительная улыбка Кайсы. Речная Королева, по-

видимому, решила, что разговор окончен, и переступила порог, выйдя из камеры.

Дверь с грохотом захлопнулась, надежно отсекая пленницу от внешнего мира, катящегося на полном ходу к катастрофе.

Тени кружились вокруг него в безумном хороводе. Не было света, не было тьмы, не было ничего. Лишь безумная круговерть, да голоса, шепчущие, обвиняющие, презирующие.

Маленький лункс не знает, чего он просит. Он не видит дальше своего носа, он — точно мотылек — летит на свет, думая, что впереди ждет теплое солнышко, а на самом деле мотылек спешит к костру, на котором жгут трупы.

— Нет, нет, хватит! — кричал он. — Отстаньте!

Не бойся меня, маленький. Тот, кто друг, станет враг, но не бойся его, бойся друга, что не друг еще. Мертвый и живой укажет путь, но пройти его ты сможешь лишь под сенью крыла.

— Прекратите, перестаньте мучать меня! — он побежал, не разбирая пути.

Хотя, разве можно было бежать, находясь нигде?

Тени, кажется, уловили эту мысль, потому что хихиканье переросло в оглушительный хохот, а голос стал громче, он уже не кричал, а ревел, заполняя собой все вокруг.

Сердце в огне, пламя станет кровью. Кровь наполнит чашу и возродит жизнь. Два мира сойдутся в пляске смерти, чтобы выбрать одну тропу.

— Нет, нет, нет, нет, — он упал и свернулся калачиком, поджав под себя ноги — точно ребенок, убежавший от пьяного отца и залезший под кровать. — Хватит, умоляю, хватит, хватит.

Древнее зло и зло древнейшее, но кто скажет, какое из них правит, а какое — преклонило колени? — продолжало существо. — То ведомо лишь человеку с тысячью имен и тысячью лиц. Имена... Имена закружат тебя в своем хороводе, даруя и любовь, и радость, и горе, и смерть. Выбирай лишь истинные, маленький лункс, и обретешь великую силу.

Он забыл их. Забыл! Так много всего случилось за считанные недели, и слова, которые следовало постоянно вспоминать и пытаться осмыслить, затерялись где-то на задворках памяти. Они не стерлись и не потускнели, нет, они... просто ненадолго отступили в сторону, давая ему возможность свершиться тому, чему суждено было случиться, а теперь...

О-о, теперь же они терзали его каждую Божью ночь! Они напоминали о поражении, о никчемности, о глупости. О ничтожности.

Будешь предателем, не предавая, будешь проклинаяем, но не проклят. Твой полет прервет ветер, и ты падешь на камни... Пройти по ним босыми ногами иль нет — решать тебе...

Адский хоровод закружил его. Вместо теней начали проступать лица тех, кого он любил, тех, кого потерял, тех, кого подвел. Кларисса, Игнис, Индржих, Цилла, принц Таривас Вентис...

Страшная боль обручем сковала виски, и он обхватил голову ладонями.

Плотина пустоты прорвалась, заполняясь образами: камень, запечатывающий проход, полет вниз, в пропасть и, конечно же, улыбочка. Гаденькая миленькая улыбочка его высочества.

Человека, давшего ему имя. Человека, возвысившего его. Человека, предавшего все, все что было можно и нельзя.

Он с воплем открыл глаза и попытался подняться, но знакомая тяжесть на груди помешала сделать это — гарпия опять забралась на него во время сна и сейчас, глупо моргая, пыталась понять, что случилось.

— Прости, — прошептал он. — Очередной кошмар... Опять... Я видел...

— Тихо, — прошептала она, кладя тонкий пальчик ему на губы. — Я все понимаю. Но мы живы, а значит, должны идти дальше.

— Да, — в тон ей ответил он. — Должны...

Гарпия — Аелла, как она назвала себя, — медленно поднялась и подбросила несколько веток в костер.

— Не вспомнил, как тебя зовут? — как бы невзначай уточнила она.

— Я и не забывал, — ответил он. — У меня больше нет имени.

Дитя небес вздохнула и сокрушенно покачала головой.

— С тобой не понять: что забыл, а что — бросил на землю.

— Прости за все проблемы, что создаю, — он медленно — насколько позволяла изуродованная нога, зафиксированная самодельными лубками — доковылял к ней и помог насадить на прутьики пару небольших рыбок — остатки их вчерашнего улова. — Имена для моего народа крайне важны. То имя... Старое... Его мне подарила королева, чтобы подчеркнуть статус защитника. Я отказался от него, когда падал в бездну.

— А что с новым? — гарпия по-птичьи склонила голову на бок и тут же поморщилась от боли — видимо, дали о себе знать обрубки крыльев, которые не загноились исключительно благодаря невероятной удаче.

— Нужен тот, кто дарует его мне.

— И как же мне звать тебя тогда?

Этот вопрос она задавала едва ли не каждое утро, и ответ на него все время был одним и тем же:

— Зови Безымянным. Я недостоин большего.

Он кое-как справился с рыбами и протянул спасительнице одну из них, после чего принялся поджаривать свою на разгорающемся огне.

— Все равно не понимаю, — вздохнула Аелла. — Ну да ладно, это твое дело. Безымянный, так Безымянный. А что с остальным?

— Все также, — ответил он.

Да, гарпия умудрилась схватить его во время падения в бездну и затормозить, однако сил на то, чтобы удержать двоих в воздухе у дочери неба не хватило. В результате, оба закрутились, и несколько раз хорошо приложились о камни, после чего — плюхнулись напрямиком в быструю реку.

Безымянный не помнил точно, когда именно он ударился головой, и сколько именно раз — кажется, больше одного — но эти соприкосновения не прошли бесследно.

Кости выдержали, но голова была... какой-то странной.

Он помнил большую часть своего путешествия, но некоторые моменты... Их словно подернуло дымкой. От удара ли, или еще по какой причине — Безымянный этого не знал. Однако факт оставался фактом, кристально четко помня одно, он напрочь забыл другое, причем что именно — не имел ни малейшего понятия.

Однако лучше всего он помнил образ девушки с волосами, подобными пламени. Прекрасной до невозможности, и столь же желанной. Той, которую он поклялся защищать и той, которую невольно предал.

Безымянный ни на секунду не сомневался в том, что она не смогла выбраться из-под горы. Принц не стал бы всего лишь запечатывать все выходы, нет, тут крылось нечто куда более отвратительное и жуткое.

Впрочем, теперь это уже не имело значения. Ничего не имело...

Сердце резануло болью, а из глаз вновь потекли невольные слезы, удержать которые не было ни сил, ни желания. Его жизнь окончена, да, но одно дело еще осталось незавершенным.

Вороний Король должен узнать правду, а потом — пусть он обрушит свой гнев на клятвопреступника. Так будет справедливо.

Именно мысли о грядущем искуплении поддерживали Безымянного в эти дни. Именно они помогали вставать по утрам, ловить рыбу по вечерам и ложиться спать после заката. Они, да признательность гарпии, которая ради ничтожества пожертвовала самым дорогим, что может только быть у детей неба.

Они шли уже больше двух недель, но конца и края узкому и глубокому каньону, на дне которого пролегало русло реки, не было видно. И все эти дни лишь боль — телесная и душевная — была его спутницей.

Безымянный поднялся, подхватил сухую ветку, на которую опирался при ходьбе, после чего помог встать своей спутнице.

— Идем? — спросил он.

Гарпия кивнула, и они продолжили свой путь.

Орелия внимательно изучала тоннель, отметив, что он мало отличается от двух других, исследованных за сегодня. Такой же темный, мрачный и заканчивающийся тупиком.

«В последнее время нам сильно не везет», — подумала Целительница, — «но что делать? К сожалению, я не умею летать, а без этого наверх не подняться».

Будь она одна, Древняя, наверное, попыталась бы забраться по стене. Подумаешь — одним падением больше, одним меньше. Вот только...

Повернув голову вправо, она взглянула на своего спутника. Ему, несмотря на подготовку, наверное, было невероятно страшно — две недели в абсолютной темноте тяжело пережить даже столь опытному воину, как Вилнар. И все же...

— Госпожа...

Судя по тону, юноша собирался вновь завести старую песню.

— Да, Вилнар, — ответила она.

— Вы не должны были оживлять меня.

Эта тема уже какое-то время являлась главной в их беседах и Орелии начинала надоедать невероятная твердолобость северянина. Тот с уверенностью, достойной лучшего применения, твердил одно и то же, словно от этого что-то могло измениться.

— Юный ловчий, ты начинаешь утомлять меня.

— Госпожа, я не стою капли вашей крови.

— Уверен?

— Да.

— Скажи, чтобы я делала без тебя? Как бы исследовала тоннели?

— Без еще одного воскрешения ваше восстановление проходило бы куда быстрее.

Тут, конечно, он был прав, не поспоришь. Еще одна капля крови с невероятным трудом

исторгнутая из раскальваемого иглами боли сердца, на месяцы замедлила восстановление ее тела, и на добрые годы закрыла возможность вернуть из-за Грани хоть кого-то. Но...

«Но я поступила так, как поступила, и хватит об этом».

Им повезло, что Мелис первой в полет отправил именно Древнюю — та успела расправить металлические крылья и начала планировать вниз, после чего успела даже поймать Вилнара, вот только... Вот только раны, полученные во время пути из Дилириса и усугубленные схваткой с королевой Изначальных, дали знать о себе где-то на середине пути вниз — металл сделался хрупким и начал крошиться. Поэтому последнюю сотню футов до дна пропасти они фактически падали. Орелия приземлилась на спину, это немного смягчило падение Вилнара и позволило сохранить его мозг целым. Мозг, но не сердце, легкие, почки, печень, кишки, а также — руки с ногами и приличную часть костей.

Да, она вернула Щита принцессы к жизни, а тот — стал ее ногами, потому как сама Орелия потеряла всю нижнюю половину тела. Но это означало также и то, что они оказались заперты на дне пропасти высотой, наверное, в добрых полмили, а то и глубже, в лабиринте тоннелей, не ведавших солнечного света.

Враги хорошо подготовились к атаке: вывели ее из борьбы, захватили Ридгара и Игнис. Из этого следовал один крайне неприятный вывод: надвигается буря, и Корвус, когда грянет гром, будет не только лишен возможности воскресить какого-нибудь наиболее ценного командира, но даже исцелить тысячу-другую воинов. Если, конечно, она вообще вернется к друзьям.

Древняя вновь и вновь прокручивала события, предшествовавшие ее падению в пропасть, и никак не могла отделаться от мысли, что за чередой предательств, нападений и на первый взгляд простых совпадений таится злая воля сильная и могучая сверх всякой меры.

«Нет, этого не может быть», — подумала она. — «Не верю».

И все же... Все же, одним только Дилирису с Ривеландом подобное не под силу. Лорий — тот да, мог бы соорудить столь хитроумный план, но Орелия была слишком высокого мнения о Генерале и Швее для того, чтобы заподозрить истинных правителей Аэтернума в плетении интриг. Ну а Танма сидел на своих Бархатных Островах и плевать хотел на дела континента.

«По крайней мере до того момента, как Лорий позовет его на помощь».

Орелия вздохнула и приказала:

— Поднимай меня, продолжим движение, у нас осталось слишком мало времени.

Тут она не кривила душой — немногочисленные запасы еды, которые Вилнар всегда таскал на поясе, подходили к концу, а воду вот уже некоторое время они добывали, собирая влагу, оседающую на стенах. Еще несколько дней, и юный ловчий начнет слабеть, а значит, следует торопиться.

Вилнар осторожно поднял Орелию и усадил ее себе за спину, обмотав куском веревки. Древняя прошептала простенькое заклинание и перед Вилнаром появился маленький светлячок. Его хватало на то, чтобы чуть-чуть разогнать мрак, не более, зато и силы почти не тратились, что было крайне важно в текущем состоянии Целительницы. Она копила каждую крупичку, которую только могла добыть, не позволяя телу восстанавливаться, все свободное время проводя в медитациях. Еще один день. Если прохода не будет, придется воспользоваться последним козырем.

Они шли, почти не разговаривая и стараясь экономить силы. Вилнар — физические,

Орелия — духовные. Прошли один коридор до конца, вернулись до ближайшей развилки, сделали отметку на стене и двинулись направо. Ничего. Вернулись к началу сегодняшнего своего маршрута и отправились в следующий тоннель. На этот раз идти Вилнару пришлось почти час, и, как показалось Орелии, тоннель начал немного подниматься... Коридор повернул под углом в девяносто градусов, и их взору предстал тупик.

Снова — вернуться. Снова — плутать в бесконечных каменных лабиринтах то ли естественного, то ли искусственного происхождения.

Минуты складывались в часы, а те — нанизывались один на другой, подобно жемчужинам в ожерелье. Пару раз Орелия останавливала Вилнара — тот не выказывал никаких признаков усталости, но Целительница прекрасно знала, как измотан ее спутник. После каждой такой передышки — это было видно — ее товарищу было все труднее возобновлять движение.

Наконец, когда они оказались возле очередной глухой стены, Древняя не выдержала.

— Проклятье. — Ровный и спокойный голос целительницы, как всегда, не выдавал бурю эмоций, захлестнувших ее в этот миг. — Кажется, у нас не осталось выбора.

— Госпожа?

— Юный ловчий, напомни, какой приказ тебе давал Изегрим, отправляя прислуживать принцессе Блаклинт?

— Собирать сведения и наблюдать.

— Ты хорошо справился со своей задачей. Когда мы вернемся к Изегриму, думаю, тебя ждет повышение. Но сперва нам предстоит одно смертельно опасное путешествие.

— Путешествие?

— Да. Полагаю, ты догадался, куда отправились Ридгар и Игнис?

— Конечно, — без тени сомнений ответил Вилнар.

— Вот и я тоже. Они — в плену, а мы — здесь. Мы можем помочь, если выберемся из этой западни, но просто подняться наверх, кажется, не выйдет. Ты раньше умрешь от жажды и голода.

— Согласен с вами, о Ступившая на Путь Вечности. Но как нам быть? Разве есть выбор?

— Выбор есть всегда. Я предлагаю тебе ступить со мной на Дорогу Грани.

Видит Всесильный Отец, она не хотела этого! Целительница до последнего искала хотя бы какой-нибудь выход, но ничего не осталось. Лишь этот проклятый всеми богами путь.

— Госпожа, — произнес Вилнар. — Я не знал, что вы умеете выходить на Грань во плоти.

— Почти никто в этом мире не знает, а я не тороплюсь рассказывать об этом. Очень надеялась избежать посещения Грани, но, кажется, выбора у нас нет. Стало быть, придется открывать ворота.

— Но почему только сейчас?

— Во-первых, я копила силы. Нужно было хотя бы чуть-чуть восстановить мои магические способности. Во-вторых, надеялась на другой исход. Ну и, в-третьих, ты ведь не забыл о том, что гора была запечатана? Требовалось отойти подальше.

— Я понимаю.

— Что ж, хорошо. Тогда поспи, поешь, передохни, и тогда я открою нам путь на Грань. Но учти, мы страшно рискуем, причем не только телами, но даже душами. Это — ясно?

— Да, госпожа, — в ответе Ловчего не было и тени страха. Тот намеревался идти до конца, и это было понятно по его взгляду.

— Хорошо, так тому и быть. Отдыхай.

Услышав команду, Вилнар снял Древнюю со спины, повалился на бок, укрылся остатками своего плаща, и уснул крепким сном. Орелия же думала. О прошлом, о настоящем. И, конечно, о будущем.

Что их ждет? Какую глупость сотворит Корвус в ее отсутствие? Скольким эта глупость будет стоить жизней?

«В итоге континент снова утонет в огне. Как в прошлый раз, и позапрошлый, и позапозапрошлый. Ничего не меняется? Нет, это не так. Многое, очень многое переменялось со времен войны с Багряным Орденом. Вот только как же я не хочу участвовать в очередной Последней Войне, кто бы знал»!

Орелия коснулась единственной здоровой рукой участка брони, скрывавшего сердце. Металл погнулся, был шершавым на ощупь и производил не самое приятное впечатление.

«Эта война, действительно, окажется для меня последней. Что ж, такова судьба всех живущих. Надеюсь, Отец примет мое служение и простит грехи» ...

Она не будила ловчего, позволяя тому отоспаться. Затем — не торопила с «завтраком». Лишь когда Вилнар был полностью готов и закинул Целительницу себе за плечи, приказала спутнику подойти к стене.

— Готовься. Как только я скажу, ты должен будешь без колебаний шагнуть вперед, ясно? Не сомневайся, не бойся, не думай. Выполний каждый приказ, и тогда, быть может, мы сумеем добраться до цели живыми.

— Вас понял, Древняя. Можно один вопрос?

— Спрашивай.

— Сколько времени займет дорога?

— Отсюда до ближайшего выхода в Ривеланде? От суток до недели. Возможно, придется ночевать на Грани.

Орелия, даже будучи за спиной Вилнара, могла представить себе выражение его лица, а потому, Древняя проговорила:

— Вариантов у нас нет.

— Да, понимаю.

— Вот и хорошо. Прикрой глаза, иначе ослепнешь, сейчас будет ярко.

Орелия вытянула вперед правую руку и на кончиках ее пальцев зажглись огоньки. Один за другим они переключивались на стену, превращаясь в багрово мерцающие символы Истинного языка.

Когда пятый символ занял положенное ему место, между ними прочертились линии. Когда пятиугольник, образованный линиями, замкнулся, внутри него начала разливаться непроглядная тьма, глубокая и насыщенная куда сильнее, нежели чернильный мрак подземного тоннеля.

«Три».

Портал замерцал.

«Два».

Потянуло затхлым воздухом склепа, и чуткие уши Орелии различили протяжный стон.

«Один».

В центре черного пятиугольника разверзлось багровое отверстие.

— Пошли!

Орелия не пользовалась этим проклятым путем уже очень, очень много лет, и

надеялась, что никогда больше ей не придется ступить сюда впредь.

На миг она оказалась в полной темноте и потеряла ориентацию в пространстве, однако спустя пару ударов сердца чувства начали возвращаться, и Орелия с горечью подумала, что за прошедшие века ничего не изменилось.

Она стояла посреди бескрайнего пшеничного поля, раскинувшегося под фиолетовыми небесами. Куда ни кинь взгляд, всюду золотели хлеба, которым не суждено повстречаться с крестьянской косой.

Вилнар восхищенно выдохнул.

«Ну да, мало кто из простых смертных получает возможность увидеть это при жизни».

— Так вот какая она — Грань, — благоговейно прошептал рыжеволосый северянин.

— Да, место между жизнью и смертью выглядит красиво, но не стоит обольщаться — оно чудовищно опасно для тех, кто приходит сюда во плоти, — произнесла Ступившая на Путь Вечности. — Лишь сноходцы защищены от всех ужасов междумирья, а потому — ни на йоту не отклоняйся от моих приказов.

Она прикрыла глаза, собираясь с мыслями, и спустя минуту указала направление.

— Нам туда, пойдём.

— Слушаюсь, — Вилнар двинулся вперед. — Госпожа Орелия, разрешите вопрос?

— Спрашивай.

— Учитель говорил, что посещал это место не один и не два раза.

— Да. Изегрим может открывать двери в междумирье, но даже он рискуют, околачиваясь тут.

— А Вороний Король с Кающимся?

— Корвус — сновидец. Ридгар же... — она проводила взглядом улетающие пылинки, — живет сразу в двух мирах. Таким как он всегда было несложно перемещаться на Грань. Можно сказать, здесь он — как дома.

— Кто же он? — непроизвольно вырвалось у Вилнара. — Какой грех так давит на душу этого человека?

— Тебя что, покусал Лариэс? — пошутила Орелия. — Куда пропал невозмутимый и молчаливый телохранитель принцессы?

— Если я молчу, это не значит, что мне не интересно, — парировал северянин.

— Справедливо, — согласилась с ним Орелия. — Прости, мальчик, но тебе не следует знать истинного имени Ридгара, как и его прошлого. Есть преступления столь страшные, что о них не стоит говорить даже вслух, особенно — в месте вроде этого.

Она еще раз сверилась с направлением и, кивнув своим мыслям, уверенно зашагала вперед.

— Идем, наши товарищи нуждаются в помощи. Надеюсь, что мы успеем вовремя.

Тонкий луч света, скользнувший по глазам, моментально пробудил Изегрима, и тот, прежде чему успел понять, что же случилось, уже сидел, держа в руках кинжал, с которым не расставался ни днем, ни ночью.

Бирюзовый камень моргнул, и Охотник, сфокусировав зрение, расслабился. В палатку заглянул Варг: первый и самый опытный ученик, правая рука, надежный друг. Один из трех высших посвященных, получивших Вечность из рук своего наставника.

— Учитель, — мужчина склонился в почтительном поклоне, а его изумрудно-зеленые глаза блеснули, — все готово.

Полог опустился, и Изегрим, получивший возможность немного прийти в себя после сна, не торопясь оделся, и выбрался наружу.

Лагерь, разбитый на самой опушке Леса Гарпий, кипел жизнью: воины завтракали, собирали коней в дорогу, некоторые — болтали с детьми неба, сопровождавшими изрядно поредевший отряд от самой границы.

Изегрим бросил короткий взгляд на двух девушек, замерших возле дальнего костра. Обе были подавлены и всю дорогу почти не разговаривали, что, в общем-то, и неудивительно — их наставники, скорее всего, покинули этот мир, либо же попали в очень серьезный переплет. В Интерсисе немного существ, способных навредить Орелии и Ридгару.

Охотник покачал головой — он понимал, каково это, терять человека, которого ты считаешь своим учителем и другом, а может, даже и чем-то большим. Он понимал это, а потому не беспокоил ни одну из них: ни чернокожую красавицу Алиссию, ни светловолосую Лиру.

"Пускай немного придут в себя и поверят в то, что надежда еще есть. Да, надежда — это глупое чувство, это удел слабых и убогих, но ни я, никто другой не посмеет отрицать, что многим она дает силы двигаться вперед".

Сам Изегрим знал лишь одно чувство, достойное уважения — долг. Он был невероятно строг к окружающим, но столь же высоко Охотник спрашивал и с себя. И, несмотря на это, он никогда не осуждал тех, кому вера и надежда помогали преодолевать трудности. Как ни крути, а лишь немногим дано идти вперед, несмотря ни на что. Он сам был из таких, Корвус был из таких, Орелия с этим святошей Ридгаром — тоже.

"И вот теперь Святой вместе с Бледным дурнем, возможно, нет в живых", — мрачно подумал Изегрим, — "а мы стоим на пороге большой войны".

К таким вещам человек, прозванный в Хавланде Учителем, относился философски: раз надо воевать, то он поведет полки в сечу, подумаешь. Однако, из уважения к мнению Корвуса, для которого любая война была проклятьем, и который всеми силами стремился сохранить мир, он сдерживался и даже дал слово Лорию.

"Мир сохраняет не смирение, а сила, и мы все знаем это", — подумал Изегрим, стряхивая с себя остатки сна. — "Но что-то я сегодня настроен на философский лад, не к добру".

Ему уже подвели коня, и Охотник, забравшись в седло, с грустью осмотрел своих воинов. В карательный поход он отбирал лишь самых лучших, и для того, чтобы быстро оказаться в Сентии пришлось пожертвовать одним из бесценных Ковчегов, хранившихся в главной сокровищнице ордена.

Из восьмидесяти трех человек, отправлявшихся в столицу Дилириса, назад скакали лишь пятьдесят шесть, но иначе было нельзя. Враги должны знать, что клятва, данная Вороньему Королю, нерушима и что любой идиот, осмелившийся предать Корвуса, получит то, что заслужил.

Лично Изегрим отправил бы принца Тариваса на тот свет, однако он понимал, что иногда просто убить человека — означает оказать тому незаслуженную милость, а потому не возражал против наказания, назначенного старым другом.

"Пусть теперь его высочество попробует жить во мраке, в котором пребывает его сердце. Быть может, немного поумнеет и научится не делать с другими того, чего не хотел бы ощутить на своей шкуре".

Однако Изегрим понимал, что у приказа Корвуса была и другая, куда более прагматичная сторона, которую обезумевший от горя отец мог и не осознавать разумом. Мертвый принц — это война без вариантов. Слепой принц — это пускай и призрачный, но шанс на переговоры.

Именно поэтому Изегрим и торопился в Кастэллум, туда, где сейчас должны были собираться полки. Точнее, та их часть, что по планам Корвуса потребуется для карательной экспедиции.

Они скакали без передышки, загоняя коней и сменяя их на новых, и все равно, огни Кастэллума зажглись на горизонте уже в глубокой ночи. Изегрим понимал, что и его спутницы, и даже ловчие валяются с ног от усталости, но просто не мог заставить себя промедлить и остановиться на привал!

А потому, когда отряд наконец-то оказался во дворе замка, люди буквально попадали с седел в изнеможении. Сам же Охотник легко соскочил на каменные булыжники и, бросив поводья подбежавшему слуге, широким шагом устремился к тронному залу, в котором, как он знал, сейчас должен был находиться кровный брат.

Слуги и сановники расступались, сгибая спины в почтительных поклонах, Изегрим коротко кивал им, совсем не обращая внимания на то, с кем здоровается. Несмотря на глубокую ночь, жилище Корвуса бурлило жизнью, точно подоженный муравейник. Все бегали по делам, таскали из хранилищ зачарованное оружие и доспехи, носили туда-сюда кипы бумаг, и, конечно же, совещались, совещались, и еще раз совещались.

Все понимали, что затевается нечто серьезное, и никто не хотел подводить Отца нерасторопностью.

"Кажется, в замке сегодня не спит ни одна живая душа," — подумал Изегрим. — "И это правильно: у нас почти не осталось времени, а поготовить следует слишком многое".

Возле дверей, ведущих в тронный зал, дежурили десять закованный в тяжелую броню гвардейцев-каррасов во главе с генералом Каш-роном.

То, что предводитель гордых и бесстрашных каррасов лично возглавлял караул о многом говорило Изегриму, и не нравилось ему.

- Господин, — вороноголовый поклонился при виде Охотника.
- Здравствуй, Каш-рон, как там Корвус?
- Плохо, господин. Заперся вместе с Эрато и никого не пускает.
- Александра не призвал?
- Нет, тот занят на Великой Равнине.

«Стало быть, все еще не настолько кошмарно, как могло бы быть», — подумал Изегрим.

— Понял, открой.

— Нет. — Голос карраса не дрогнул, а птичьи глаза прищурились, глядя на человека непроницаемо и враждебно. — Он приказал никого не впускать.

Охотник набрал полную грудь воздуха и выдохнул.

"Не забывай, он просто выполняет приказ. Он — каррас, вороноголовые иначе не могут".

И все же, тяжело было унять зверя, рычащего в глубине души и бившегося о прутья незримой клетки. Очень тяжело. Будь Изегрим помоложе, его ярость прорвалась бы наружу, и стражники оказались бы в лазарете — даже в юности он не позволял себе убивать товарищей по оружию просто за то, что те четко выполняют приказы, — но прошедшие столетия изменили Охотника, научив смирять ярость с гордыней.

Поэтому он просто сделал пару шагов назад, и когда каррасы скрестили на его пути нагинаты, взмахнул рукой.

Здоровенные вороноголовые, закованные в тяжелые доспехи, отлетели в стороны, точно пушинки, а генерал, заступивший путь, спустя секунду последовал вслед за подчиненными. Да, они были хорошими воинами, но каждому было также далеко до Изегрима, как до Бархатных Островов.

Пускай малолетние идиоты вроде Мелиса цепляют на себя прозвища непобедимых, они лишь жалкие щенки, не знавшие настоящего дела. Изегрим мог почти на равных сражаться с самим Алриком! Пускай и недолго.

Он распахнул тяжелые сосновые двери, обитые железом, с такой легкостью, точно те были бумажными, и вошел внутрь.

Корвус обнаружился на троне в противоположной стороне от входа. Подле него, прямо на ступенях, дремала верная Эрато.

"Бедная девочка", — с жалостью подумал Изегрим, — "Пришлось же ей натерпеться за последние дни".

Сам Вороний Король не спал, он сидел, пристально вглядываясь в какой-то предмет, зажатый в единственной руке. Ания, как и всегда, занимала почетное место на левом плече — прямо над культей.

"А я ведь знаю, на что он смотрит", — с болью подумал Изегрим, двинувшись вперед.

Лишь когда Охотник оказался у подножия трона, Корвус оторвался от созерцания и устремил на друга полный боли и отчаяния взгляд.

— Изегрим, — выдохнул он. — Почему они так делают? За что?

Древний поднялся по ступеням и замер перед человеком, с которым смешивал кровь, глядя на него сверху вниз. В руке Корвус держал небольшой древний портрет, на котором застыло улыбающееся девичье личико, обрамленное копной рыжих волос.

"Как же Игнис была похожа на Хилэрию"! — наверное, в тысячный раз подумал Охотник, поражаясь этому невероятному сходству. — "Как же они были похожи"!

Сковывающий перевел взгляд с изображения ребенка на мужчину, нависающего над ним, и повторил:

— Почему?

— Корв, они всегда были такими: жалкими, мелочными, алчущими власти. Они никогда не изменятся.

— Нет, — прошептал чародей, — изменятся, если мы станем менять их. Ты ведь

помнишь, что говорил учитель?

"Еще бы я не помнил. Айнрит Гарш дэ Жиллтэн, легендарный Архитектор, был величайшим из всех, а те глупцы даже не пытались постичь его мудрость, вознесшись в своей гордыне".

— Нет плохих детей, есть плохие родители, нет плохих людей, есть дурные обстоятельства...

— И нет неисправимых, есть просто ленивые воспитатели, — закончил за него Корвус. — И в чем-то он даже был прав.

Некоторое время они молчали. Изегрим не хотел мешать брату собираться с мыслями, а Корвусу, оглушенному горем, судя по всему, просто нечего было сказать в ответ.

Наконец, сковывающий произнес столь тихо, что даже чуткие уши Охотника с трудом уловили сказанное:

— Спасибо, что согласился.

— Тебе не нужно меня благодарить.

— Нужно. Это была блажь, глупая, эгоистичная, кровавая. Ошибка, стоившая жизни твоим людям, скольким, кстати?

— Двадцати семи.

— Двадцати семи, — чародей как бы распробовал это число на вкус и нашел его мерзким. — А еще моя слепая ярость поставила под угрозу судьбы миллионов. Ты ведь понимаешь, что война практически неизбежна? А все из-за меня, из-за моей злобы.

Изегрим ничего не ответил, он лишь устало опустил рядом с другом и сел, скрестив ноги.

— У нас был выбор?

— Нет, — последовал ответ Корвуса. — Даже если отвести в сторону чувства, я обязан был бы покарать их, иначе расписался бы в собственной слабости, и результат в итоге оказался бы точно таким же. Вот только...

Он не договорил, да слова и не были нужны. Изегрим прекрасно понимал, что хочет сказать кровный брат.

"Вот только если бы ты не был ослеплен горем, то наверняка сумел бы придумать куда более изящный план".

— А теперь двадцать семь ловчих мертвы, Ковчег, ведущий из твоей горной крепости в Сентий, деактивирован как минимум на год, а королева стягивает войска к столице.

— А почему не к Секундусу? — удивился Изегрим. — Это более очевидный пункт сбора.

— Потому что она боится меня, — коротко проговорил Корвус, и по его тону было видно, что чародей начал приходить в себя — слезы подсохли, в карих глазах вновь появился знакомый металлический блеск, и вообще Вороний Король точно помолодел на пяток лет. — Боится и ждет официального ответа Лория, в этом нет никаких сомнений.

— И что же скажет доблестный Солум?

— Не знаю точно. У него есть моя версия событий, да и вряд ли наш старый товарищ желает ввязываться в бойню из-за злобной гадины. Вот только ты же знаешь: мы все делаем не то, что хотим, а то, что должно.

— Знаю, именно поэтому я сам отправлюсь на переговоры с ее величеством.

— Это опасно.

— И что же она мне сделает? — осклабился Изегрим, демонстрируя зубы, — обдует

ветерком? Я выбирался и из куда больших передряг.

— Именно поэтому они будут ждать тебя.

— Кто — они? — насторожился Охотник.

— Пока не знаю, но выясню это. Несомненно одно, интрига такого уровня не по плечу Кэлисте.

— А Амандусу? Я читал трактаты, написанные канцлером Дилириса, он дьявольски умен.

— Возможно, — Корвус нахмурился, — но есть и другие варианты.

Изегрим вздохнул.

— Корв, он мертв, мертвее некуда. Мы с тобой лично сжигали тело и разрушали филактерий. Я сам проткнул этот проклятый сосуд ножом, и ты видел, как потускнел бирюзовый камень. Никто не в состоянии пережить такое.

— Да, ты прав, — Корвус встал с трона и положил руку на плечо своего друга. — И все равно, на переговоры отправится кто-нибудь другой. Мы лишились Орелии и Ридгара, не хватало еще потерять тебя.

— Как пожелаешь, — Изегрим был недоволен этим решением, но оспаривать его не стал. — Мы найдем достойных послов, я в этом не сомневаюсь. А теперь давай перейдем к более важным делам.

— А именно?

— Разработке плана боевых действий. Не забывай, осень на носу, а значит, действовать придется быстро, — он поднялся и потянулся так, что хрустнули ребра. Буди Перышко, зови Каш-рона, прикажи полковникам и генералам прибыть в тронный зал, и приступим. Я хочу знать, какими силами мы располагаем на сегодняшний день, и, самое главное, точно ли все обстоит так, как ты рассказывал мне во время нашей прошлой встречи.

Глаза Корвуса сощурились, и Изегрим знал, что там, под маской, изуродованные шрамами губы разошлись в улыбке.

И это заставило его сердце радоваться — один простой разговор позволил брату вспомнить, кто он такой, и как обязан поступать.

"Мертвых мы оплачем, когда вернемся с победой. Ничего, они поймут".

Ну а если малышка Игнис, Орелия и Ридгар каким-то чудом остались в живых, что ж, они узнают об этом и найдут способ вызволить друзей.

В любом случае, наматывание соплей на кулак ничем не поможет, а значит — пора действовать.

— Проклятье!

Брошенный со всей силы предмет столкнулся со стеной и разлетелся на куски с характерным звуком. Да, именно что со звуком. Видеть траекторию полета ему теперь не дано, но острый запах свидетельствовал о том, что в колбе находилось лекарство.

Очередное.

Бесполезное.

Таривас с трудом сдержал вопль отчаяния.

— Сынок, сынок, упокойся! — нежные мягкие руки обхватили его за плечи, и принц расслабился. — Все вон!

По топоту, донесшемуся до слуха принца, он заключил, что многочисленные слуги и

лекари Ордена Спасения стремительно покинули комнату, опасаясь столкнуться с яростным характером королевы.

Принца окутала волна жалости и заботы, с легкими нотками гнева. Эмоции матери успокаивали и возвращали душевное равновесие. Как всегда.

— И снова провал, — прошептал он одними губами.

— Ничего, мы что-нибудь придумаем, обязательно придумаем, — шептала мать, как заведенная.

По волне напряжения, идущей от нее, можно было понять, что дела идут не слишком хорошо. И в этом не было ничего удивительного — в воздухе отчетливо пахло войной, большой и страшной, и аромат этот нервировал как дворян, так и простых горожан. Сентий замер в напряженном ожидании, а войска — отряд за отрядом собирались возле столицы, однако по другую сторону реки Латы было тихо и спокойно. Слишком тихо и спокойно.

— Какие новости от дяди?

— Привел своих в готовность, будет держать север и ожидать команд, — ответила мать.

— Не поедет в Сентий?

— Нет, — в ее голосе послышались нотки раздражения, — он считает, что вероятность атаки на герцогство Ришгат слишком высока для того, чтобы рисковать.

— И он прав, — заметил Таривас.

Эти разговоры помогали, они давали возможность забыть о том, что дневной свет стал несбыточной мечтой. Такие беседы напоминали, что он — все еще наследный принц, все еще жив.

— Ну конечно, — фыркнула мать, однако злость начала уходить, королева наконец-то сумела взять себя в руки, что в последние дни происходило с ней нечасто.

Королева переживала о том, что с ним случилось. В первый же день после трагедии во дворец были согнаны все лекари, каких только получилось найти, но...

— Никаких следов ученицы Орелии? — Таривас понимал, что не должен спрашивать об этом, но не мог удержаться.

Полыхнуло яростью.

— Нет. — Скрип зубов Кэлисты был слышен так отчетливо, что принц легко представил, как мать цедит это слово, а ее пальцы сжаты так сильно, что костяшки побелели. — Эти ублюдки прихватили ее и воспитанницу Кающегося с собой, бежали из страны.

— Ожидаемо, — Таривас с трудом сумел сдержать вздох разочарования.

Говоря начистоту, он и не надеялся на столь сильное везение, но небольшая надежда все-таки осталась. Теперь и она растаяла.

Таривас коснулся уродливого рубца, пересекавшего оба глаза, и свежий шрам отозвался фантомной болью. Да, Вороний Король оказался прав, жить без солнечного света — это страшно. Но все-таки, он дышит, а значит, шансы на исцеление остались.

Мать, в очередной раз безошибочно угадав настроение, подошла к принцу и обняла его.

— Мы что-нибудь придумаем, сынок, обязательно.

— Спасибо, мама, — Таривас нежно погладил ее руку и улыбнулся, — ты всегда поддерживала меня.

— А как же иначе.

В дверь постучали и Кэлиста отстранилась. Таривас сразу же представил, как она поднялась, сложила руки так, чтобы те подчеркивали форму безупречной груди,

приосанилась, убрал с лица все намеки на страх, неуверенность или слабость. Ее эмоции, впрочем, как и всегда, бурлили, но тут уж ничего нельзя было поделать — Роза Юга никогда не отличалась сдержанностью.

Злость, раздражение, жалость.

— Войдите, — распорядилась она, и дверь открылась.

— Госпожа, есть новости. — Вошедшей оказалась Мислия.

Боль, усталость, жалость к себе.

Первая Тень, как рассказывали принцу, с трудом пережила ту страшную ночь, и до сих пор полностью не восстановилась от ран.

— Да, и новости очень важные.

Вслед за Мислией вошел Амандус.

С одной стороны, это было удивительно, но с другой — ожидаемо. Таривас сразу же понял, что они сейчас скажут, а потому — напряженно замер, готовясь встретить надвигающуюся бурю.

— Слушаю, — коротко бросила королева.

— Посланники Волукрима, — в один голос произнесли канцлер и первая Тень.

Жаркая волна ярости затопила все вокруг. Эмоции матери оказались столь сильными, что принц тихонько охнул, не в состоянии справиться с ними.

«Три, два, один» ...

— Что-о-о!!! Какие еще посланники! — Вопль правительницы Дилириса, должно быть, слышали в самом дальнем флигеле дворца. — Вздернуть их на ближайшей осине!

Это было ожидаемо. Они с матерью задумывали то, что задумывали не для того, чтобы теперь пойти на попятную, но все-таки, столь бурная реакция не могла не вызвать улыбку. Мать, как всегда, была искренна в своих чувствах, и если уж ненавидела кого-то, то делала это всей душой.

— Я понимаю ваш гнев, о моя госпожа, — ровный и уверенный голос Амандуса, как всегда, сумел притушить ураган по имени Кэлиста, — но все-же вынужден настаивать на приеме послов. Дворяне не желают войны и открыто высказывают свои мнения, мы не можем не учитывать этого, а потому должны показать, что не являемся агрессорами.

— Это так, — подтвердила первая Тень. — Ночное нападение на дворец, несмотря на все свое вероломство, испугало многих. Они не понимают, что происходит, и чем мы заслужили возмездия Вороньего Короля и Охотника. А напуганные и непонимающие люди — плохое сочетание. Нужно сделать так, чтобы виноватой стороной оказался именно Волукрим.

— Что весьма непросто будет организовать, — продолжил за нее Амандус, — если посланцев, имеющих дипломатическую неприкосновенность, казнят без суда и следствия.

И снова мать заскрипела зубами в бессильной ярости. Она знала, что советники правы, более того, эти вопросы не один и не два раза обсуждались до начала путешествия, и все-же, принять истину было трудно даже для нее.

— Хорошо, — наконец процедила Кэлиста Вентис, — пусть придут в столицу для переговоров. Я даю слово, что ни один волос не упадет с их головы. Мислия, ты знаешь, что нужно сделать.

— Знаю, — холодно и бесстрастно ответила она.

Холодная решимость, злость, злорадство.

Таривас с трудом сдержал вздох. Еще каких-то три недели назад эти слова переполнили

бы его радостным возбуждением, но теперь... Теперь он начал смотреть — хех! — на вещи немного иначе.

Принц вновь коснулся рубца на лице и впервые за долгие годы задумался:

"А правильно ли мы поступили, дергая ворону за перья"?

— Подсекай, — Безымянный, не обращая никакого внимания на шипение гарпии, дождался, пока рыба надежнее клюнет на наживку, и лишь после этого резко, насколько позволяло изломанное тело, дернул самодельную удочку вверх.

Серебристый росчерк хвоста свидетельствовал об удаче, и когда в следующий миг тело рыбы затрепыхалось на камнях, юноша ощутил некое подобие радости.

"Подумать только, как иногда мало людям нужно для счастья", — пришло ему в голову, но вслух Безымянный не стал говорить ровным счетом ничего — какой смысл в словах, когда речь идет о пище.

Даже одна пойманная рыба в их положении означала возможность жить и бороться. О том, для чего ему нужна эта самая жизнь, и какой смысл в борьбе, юноша старался не думать. Да что там, он решительно отгонял эти мысли так далеко, как только получалось, вот только получалось — паскудно. И все же, Безымянный боролся с собой, потому что знал — если не будет этого делать, то груз предательства, разбитых надежд и тяжелых обид приведет его к ближайшей осине. Хотя повесится, конечно, не выйдет — не на чем.

"Придется вскрывать вены", — меланхолично подумал полукровка, насаживая на крючок нового червяка.

Да, перерезать себе вены он еще мог — чудесная волукримская сталь не пережила падения и меч разлетелся на несколько осколков, но тот, что торчал из гарды был ничуть не менее остер, чем раньше, а значит — один разрез от кисти и до предплечья, и все кончится.

Но Безымянный не мог так поступить по двум причинам. Во-первых, это бы свело на нет самопожертвование гарпии. Аелла лишилась крыльев, спасая его жизнь, и нужно было оказаться последней тварью, чтобы просто так взять и плюнуть на старания дочери неба. Но не только лишь благодарность мешала юноше наложить на себя руки. Было вторая — не менее важная — причина.

Он обещал Вороньему Королю защищать Игнис даже ценой своей жизни, и с треском нарушил клятву, а значит, жизнь и смерть ему больше не принадлежат. Корвус должен будет сам решить, как поступить с клятвopреступником, и Безымянный был серьезно настроен предстать пред его очами для суда.

В голове что-то кольнуло и перед глазами возник образ: фиолетовые небеса, крыша чего-то, напоминавшего крепость, Вороний Король и Кающийся. Корвус что-то говорит, но слов не разобрать.

Безымянный моргнул и видение бесследно растаяло, оставив после себя резкий приступ головной боли. Скривившись, полукровка коснулся виска пальцами изувеченной правой руки и зашипел. В последние дни время от времени у него начали появляться видения, судя по всему, имевшие какое-то отношение к тому, о чем он бесследно забыл. И это что-то, определенно, имело колоссальное значение.

Посидев несколько секунд и не найдя ответа, он вернулся к мысленному самобичеванию.

«Да, я обязан расплатиться за свои грехи»!

Юноша понимал, что в случае возвращения ничего хорошего ждать не стоит, но его это не волновало. Смерть — так смерть, пытки — так пытки. Какая разница? Особенно теперь, когда мир застыл на пороге новой Последней Войны. Безымянный не страдал от излишнего оптимизма и понимал, что Вороний Король не спустит такого предательства. Он наверняка хотя бы в общих чертах уже знает о том, что произошло. Не может не знать. Лично сам виконт на его месте передал бы гарпиям, призванным следить за Игнис, какой-нибудь магический артефакт, позволяющий экстренно выйти на связь, ну или хотя бы подающий сигнал в случае гибели разведчиков. Правда, у Аеллы, которая, вроде бы, и командовала гарпиями, ничего такого с собой не было, но это мало что значило. Так или иначе, Корвус должен был понять, что за нападением стоял Дилирис, а даже если и нет — то возвращение его высочества и первой Тени весьма подозрительно само по себе. И Древний, до помешательства любящий свою приемную дочь, обязательно сорвется и сотворит какую-нибудь глупость.

«Допустим, он совершит или уже совершил нечто непоправимое. Что произойдет после, ближе к концу лета?»

Со стороны все будет выглядеть так, словно безумный Вороний Король напал на ни в чем не повинный Дилирис, и у Аэтернума не останется иного выхода, кроме как прийти на помощь. А где Аэтернум, там и Империя Бархатных Островов, с феноменальной силой флота которой придется считаться даже легендарному сковывающему.

Неясным Безымянному оставалось отношение к происходящему Ривеланда, но юношу начали посещать нехорошие мысли на предмет сговора двух королев. Уж очень все хорошо сходилась, прямо такие удачные случайности, что дальше некуда.

От размышлений его отвлекло то, что леска дернулась. Безымянный вновь подсек, и горная речка подарила им с гарпией еще одну рыбу. Аелла радостно пискнула и схватила ее, а юноша устало улыбнулся и насадил нового червяка на крючок.

"Какие же они все-таки жизнерадостные создания", — с легкой завистью подумал он. — "Осталась без крыльев, и все равно находит в себе силы радоваться мелочам жизни".

Сам он так не мог. Теперь не мог.

Циничное и гнусное предательство принца что-то надломило в еще недавно несгибаемом капитане личной гвардии его высочества. Безымянный, смысл жизни которого заключался в служении, внезапно понял, что он — всего лишь расходный материал, верный сторожевой пес, которого пинком под зад погнали со двора, стоило лишь один раз отказаться выполнять приказ.

И снова он вспомнил Талиссу, чье лицо в следующий момент почему-то сменилось маской Игнис.

Безымянный вздохнул и в очередной раз постарался изгнать из головы настойчиво лезущие мысли.

Выживание — вот единственное, что заслуживает внимания. Только оно, и ничего больше. Они сумели кое-как перевязать свои раны, хотя юноша до сих пор не мог встать на распухшую ногу, левый бок жгло огнем при каждом глубоком вдохе, а на то, что осталось от правой руки и смотреть лишней раз не хотелось. Не загноилось, и слава Богу — он видал, как и от меньших увечий людей начинала сжирать гангрена. Безымянный отчетливо понимал: если он хочет принять смерть от Корвуса, следует набраться сил и поправиться. Со сломанной ногой, изувеченной рукой и поврежденными ребрами нечего и мечтать о том, чтобы перебраться через графство Финибус, а затем — пройти по Ничейным Землям.

А потому он принялся внимательно следить за поплавком, изготовленным из куска коры.

Чтобы жить, нужно есть, а оставшиеся с собой предметы не оставляли особого выбора. У Безымянного имелись лишь осколок меча в сломанных ножнах, нож, порванная одежда, прохудившиеся, но еще защищавшие ступни сапоги, да кое-какие мелочи. У гарпии — и того меньше. За исключением лески с крючком — вообще ничего полезного. У них не было даже одеяла или плаща, чтобы укрыться ночью, и им приходилось прижиматься друг к другу возле небольшого костерка.

Здесь на дне каньона, кроме реки не было особых источников пищи, и оставалось радоваться тому, что вообще удастся найти хоть что-то съедобное. Червей приходилось копать в каменистой почве все тем же осколком меча, рыбу жарить на открытом огне, причем без соли и каких бы то ни было специй, жажду утолять речной водой.

И, тем не менее, и он и Аелла мало-помалу поправлялись — у обоих спал жар, сломанные кости удалось зафиксировать с помощью веток, срезанных с растущих на дне каньона деревьев. А благодаря все тем же деревьям они были обеспечены огнем, так что, в целом, все было не так плохо, как могло бы.

До вечера полукровка поймал еще четырех рыб, которых Аелла, освежевав и почистив, принялась готовить с поразительной сноровкой заядлого рыбака.

Гарпия протянула товарищу по несчастью палочку с насаженной на нее жареной рыбой, и Безымянный принялся жадно поедать пресное мясо, выплевывая косточки.

Есть значило жить, и он не собирался сдаваться.

"Ваше величество Корвус, я обязательно приду, чтобы получить заслуженное наказание", — упрямо думал юноша, вгрызаясь в ужин. — "Я не сдамся, вы узнаете всю правду"!

Дни меняли один другой, август уверенно перевалил за середину и начал клониться к завершению, а ничего не происходило. Одурачивающая, тягучая тишина, скука и страх стали верными спутниками Игнис. Она вновь превратилась в маленькую девочку, с ужасом ожидавшую палачей, готовых привязать ее к вертелу над костром.

От осознания собственного бессилия хотелось выть и ругаться, жаль только смысла не было. По каким-то причинам Кайса не находила времени на свою игрушку, и это радовало. Ни одна из игр, в которую с ней могла бы сыграть Дикая Роза Севера определенно не понравилась бы огнерожденной.

Каждый раз, когда в коридоре слышались шаги, она замирала от ужаса, смешанного с дикой, непонятной надеждой. Игнис очень хотелось верить, что вот сейчас появится отец, и все станет как прежде, но она понимала: возврата к прошлому уже не будет. А шаги обычно принадлежали тюремщику, несущему еду. Кормили тут, надо отдать должное северянам, отменно. Блюда, как казалось девушке, покидали личную кухню королевы, и Игнис решительно не понимала, что это такое: забота, или очередная изощренная пытка.

Ее размышления прервали приближающиеся шаги.

"Ко мне"? — подумала Игнис, чувствуя, как по ее спине начинает катиться холодный пот. — "Или нет"?

Шаги остановились, щелкнул замок, и дверь распахнулась. И снова, как и в предыдущий раз, в дверном проеме возникла светящаяся от радости Кайса.

— Привет, сладкая моя, — проворковала королева, радостно улыбаясь, — как настроение?

С этими словами она грациозно вошла в камеру и, плотоядно улыбаясь, подошла к Игнис?

— Все хорошо, ваше величество.

Девушка надеялась, что ей удалось произнести эти слова бесстрастно, ничем не выдать свои чувства. Кайса плотоядно облизнула губы и в ее глазах вновь зажглись огоньки безумия.

— Знаешь, скоро прольются реки крови, — заговорщическим шепотом, точно близкой подруге, сообщила она своей пленнице. — Эта дура Кэлиста делает все ровно так, как и должна. Иногда мне даже страшно становится, как только представлю, какими же предсказуемыми бывают самовлюбленные идиотки.

"Как бы потом этого не сказали и о тебе", — злобно подумала Игнис.

Вслух же она произнесла иное:

— Госпожа моя, я не понимаю.

— В этом нет ничего удивительного, — ухмыльнулась Кайса, — ты еще очень молода. Но я, так и быть, объясню кое-что. Видишь ли, Кэлиста думает, что все те гениальные планы — дело ее ума, в то время как это не совсем соответствует истине.

Это она уже говорила, но Игнис сочла за благо сделать вид, что ей очень интересно, и кивать, дабы не злить свою пленительницу.

— Но тебя, наверное, интересуется, как же тогда делаются дела, верно?

Да, настроение Кайсы, определенно, было лучше некуда, раз она решилась пооткровенничать. Впрочем, возражать Игнис не стала, пусть говорит, быть может, удастся вытянуть что-нибудь полезное.

— Итак, — Кайса облизнулась, точно сытая кошка, и задумчиво склонила голову набок. — С чего бы мне начать. Пожалуй, с того, чем окончились переговоры между Волукримом и Дилирисом. Я сама получила новости лишь пару часов назад, и просто не могу не поделиться ими с тобой.

Ее улыбка стала еще шире, а безумие в глазах — куда отчетливее и осязаемее. Было видно, что королева, вынужденная на людях постоянно сдерживать себя, просто в восторге от того, что у нее появилась столь благодарная слушательница.

— Итак, переговоры должны были состояться в Сентии.

Таривас ощущал и слушал. Ничего другого ему, честно говоря, и не оставалось. Впрочем, принц совершил открытие: оказалось, что слушать — это очень важно и полезно. Почти так же, как и читать женские эмоции, направляя их в нужное русло. Нет, даже важнее! Никогда раньше ветророжденный не узнавал столько, как сейчас. Он слышал раздраженное бормотание матери, слышал, как Мислия перебирает четки — наверняка очередной магический артефакт, слышал, как скрипит по пергаменту перо. Амандус даже в преддверии важнейших переговоров в истории Дилириса не оставлял работу с другими вопросами — работа канцлера поистине неблагодарная!

А еще он слышал бряцанье мечей в ножнах и скрип арбалетных тетив — многочисленные гвардейцы королевы по периметру окружили зал с круглым столом, за которым должны были состояться переговоры.

От Дилириса помимо королевы с принцем присутствовали также почти все самые влиятельные аристократы. Лишь дядя, да еще несколько пограничных властителей не сумели оставить свои владения, все же остальные, кто имел право находиться на подобных мероприятиях, уже прибыли. Мест не хватило, и аристократам попроще пришлось довольствоваться принесенными из других покоев креслами. И они перешептывались где-то позади.

"Вы еще надеетесь на мир", — с какой-то неожиданной для себя жалостью подумал принц. — "Такие же недалекие, как глупый верный Лариэс, вот только не столь честные и надежные. Жаль, что пришлось оставить его позади"...

Принцу действительно было жаль. Лариэс — этот удобнейший инструмент, не раз и не два полностью окупал все вложенные в него средства. Марк Лоусилл, к сожалению, лично на взгляд — ха! — Тариваса оказался слабее, как командир. Да и гвардия приняла своего нового капитана, как бы это сказать помягче... Прохладно. Да, хорошее определение.

Принц ощутил острый приступ раздражения справа и вздохнул — мать, как всегда, не могла сидеть спокойно. Ее бурные эмоции сменяли одна другую с такой скоростью, что иногда от этого начинала болеть голова. Не в пример ей, Тень была совершенно спокойна и собрана. Ни страха, ни злости, лишь ожидание.

«Вот бы мать так умела», — подумал он, ощущая очередную волну ярчайших чувств — на сей раз весьма неожиданной радости — долетевших от Розы Юга.

В это время объявили о прибытии послов, а значит, ждать оставалось уже недолго.

"Надеюсь, все пойдет по плану", — подумал он, обнаружив еще одно интересное изменение в своем характере.

Раньше Таривас, приняв решение, никогда не сомневался и шел до конца, теперь же... Охотник, видимо, сумел-таки заронить в его душу зерна неуверенности, которые уже начали

давать всходы.

"Да ладно, что может пойти не так"? — успокоил сам себя принц.

И правда, финальная часть плана, как ни странно, была самой простой и легкой. Послов Корвуса, равно как и их господина, нельзя было унижить — они не обращали внимания на такие мелочи; их нельзя было подкупить — Таривас не представлял, что он может предложить человеку, обличенному доверием одного из сильнейших Древних; с ними нельзя было и договориться. А потому, нужно просто выставить их агрессорами, выдвигающими абсурдные требования. И это было до смешного легко. Таривас представлял, как послы начнут говорить об устном договоре с Вороньим Королем, о переданном в пользование Вентисов драгоценном артефакте и дочери, отправившейся в рискованный поход. Они скажут про Древних — сторонников Корвуса, и добавят пару слов о невыполненном обещании.

Вот только...

Вот только слова стоят дешево, а говоря точнее — ничего.

Единственные свидетели, помимо, конечно же, дилирисцев, принадлежали Ривеланду, и, естественно, ни один из них не поддержит версию Вороньего Короля.

Так что, с какой стороны не посмотри, все будет выглядеть, будто бы Корвус в порыве безумия приказал своему ручному монстру атаковать Сентий, а теперь прикрывается какими-то бредовыми выдумками.

У этого плана были сплошные плюсы и ни одного минуса. Во-первых, он позволял заткнуть рты аристократам, недовольным надвигающейся войной и требующим переговоров — с безумцами не о чем говорить. Во-вторых, давал возможность избежать быстрого начала боевых действий — самого паршивого для Дилириса развития событий. Провал переговоров не означает автоматического начала войны. Дипломаты начнут снова туда-сюда, пытаясь все-таки решить вопрос без большого кровопролития, а время продолжит свой бег. Уже конец августа, пройдет месяц, и ни один — даже самый уверенный в себе — правитель не решится атаковать. Из этого следует «в-третьих». За осень и зиму Дилирис и Ривеланд, который до поры до времени скрывается в тени, сумеют перетянуть на свою сторону Аэтернум и Империю Бархатных Островов, и, если весной следующего года Корвус все-таки решится на драку, его будет ждать полноценная коалиция.

Впрочем, Таривас, равно как и Амандус с матерью были единодушны во мнении, что старая ворона даже ради дочери не решится на такое. За зиму он остынет и отступит, что, в свою очередь, серьезно ослабит его влияние на континенте. И все события, которые происходили с момента возвращения Тариваса в столицу свидетельствовали о правильности этого решения.

Ослепленный яростью, Корвус задействовал редчайшую ценность — один из скрытых в Сентии Ковчегов — для того, чтобы привести в город отряд ловчих во главе с Охотником. Безусловно, лично для Тариваса это стало катастрофой, однако же, говоря объективно, с военной точки зрения подобная бездумная трата ресурсов — идиотизм. Почти три десятка ловчих — убийц высочайшего уровня, подготовка каждого из которых занимала десятилетия, Ковчег, выставление себя психом, наконец! И все это — ради одного человека!

Нет, конечно, оставалась вероятность того, что у старой вороны где-то спрятан еще один артефакт мгновенного перемещения, к тому же, если верить секретным донесениям, Охотник, как и Кающийся, умеет пользоваться тропами Грани, однако первое было чересчур маловероятным, а второе — рискованным для того, чтобы рассматривать эти два варианта

всерьез.

Стало быть — принц позволил себе легкую улыбку — сейчас сюда придут послы, и ловушка захлопнется.

Он ни на миг не сомневался в правильности своих действий. То, что Таривас несколько месяцев назад — подумать только, как будто в другой жизни! — говорил Лариэсу, было чистой правдой. Еще одна-две сотни лет, и Волукрим победит безо всяких войн. Сколько еще продержатся Лорий с Танмой? Они стареют из-за дефектов в философских камнях Кукловода. Что будет, когда восточные графства, уже зависимые от северного соседа, окончательно войдут в сферу интересов Волукрима, а то и станут частью вороньей империи? А сковывающие? В год Волукримский университет, если верить Кайсе Иссон, выпускает до полутора десятков артефакторов, и это число медленно, но неуклонно растет. Ни одна страна мира не может похвастаться таким количеством отменных магов, которых всегда можно поставить в строй.

А их мануфактуры? А армия? Даже из тех куцых и обрывочных сведений, которые удавалось получать — все-таки полноценных агентов на территории Волукрима завести так и не вышло — рисовалась жутенькая картинка. Такая, что даже если Корвус и умрет лет через сто, это уже ничего не изменит.

А значит, подрезать вороне крылья нужно именно сейчас, пока его страна не зашла слишком далеко, пока изменения не стали необратимыми.

Ход его мыслей прервали распахнувшиеся двери и цокот каблучков по гранитным плитам пола.

"Ну вот, началось", — подумал принц и почувствовал, как мать положила руку ему на плечо и от нее пахло неуверенностью.

— Не бойся, мама, все будет так, как мы хотели, — прошептал он, склонившись к ее уху.

— Да, сынок, ты прав, — расслышал он ее тихий шепот.

Пока церемониймейстер представлял вошедших, Таривас вновь напряг слух — нечто насторожило его, но юноша не мог понять, что же именно.

"Посол — тот самый рысеухий, что присутствовал на собрании, посвященном изначальным. Вторая — гарпия, судя по имени. Третий — человек. Нет кар-расов? Ах да, эти ребята же предпочитают бить в лицо вместо того, чтобы болтать, поэтому их, видимо, решили не брать".

Послы как один поприветствовали королеву и наследника престола, и Таривас милостиво кивнул в их направлении. Мама же резко кинула: "к делу", не удосужившись даже выказать уважения к в общем-то ни в чем неповинным слугам Древнего.

Снова стук каблучков, скрип отодвигаемых стульев. Переговоры начались.

Таривас не слушал ни единого слова, все его внимание было занято странностью — отчетливым скрипом натягиваемой тетивы, доносившейся откуда-то сбоку. Это было совершенно непонятно — никто не предполагал атаковать послы, в этом юноша был уверен.

Он по старой привычке посмотрел в сторону звука, но ничего, естественно, не увидел.

Посол сказал что-то еще сказал, мать ответила, и тут...

Звук вылетевшего из арбалета болта нельзя было спутать ни с чем и магический щит появился вокруг Тариваса даже раньше, чем тот осознал, что делает. Спустя миг по дуновению ветра он понял, что мать также подняла барьер.

Но болт был выпущен не в него и не в королеву, нет. На противоположной стороне стола, там, где должны были сидеть послы Волукрима, послышался чавкающий звук, с

которым стрела входит в тело.

На долю секунды повисла тягучая, давящая тишина, которая была разорвана одновременным воплем десятков голосов. Крики о помощи, приказы найти убийцу, призыв стражи, и прочее заглушали стоны раненого или даже умирающего посла Волукрима для всех, кроме Тариваса.

В ушах же наследника престола эти тихие звуки были громче набата. Нет, они звенели, как похоронные колокола, возвещающие самое страшное бедствие, которое только выпадало на долю Дилириса.

— Хорошо быть менталистом, правда, милая моя? — доброжелательно улыбнулась Кайса. — Я успела подчинить одного гвардейца еще когда ездила в Дилирис в прошлый раз.

— Но как? — поразила Игнис, сама не заметив, как втянулась в разговор. — Ментальная магия работает лишь на очень малом расстоянии? Как вы передали ему приказ?

— О, тут не было ничего сложного. Самая большая проблема в нашем деле — сломать волю человека. Я, к примеру, могу практически любого превратить в марионетку, взяв под контроль его тело, но вот поработить разум... Это — очень и очень непросто. Признаюсь честно, в моем случае это — один из ста, да и то — с оговорками. Если бы этот гвардеец так удачно не подвернулся, мне пришлось бы искать слугу, или еще кого. Впрочем, неважно, он нашелся, а потому все остальное было делом техники. Приказ не пришлось передавать, — охотно пояснила Кайса. — Я просто заложила в его подсознании команду: убить вашего рысехого посла, когда он увидит его в следующий раз.

Что-то в ее рассказе не сходилось. Что-то, было не так. Что-то не нравилось Игнис. Казалось, она упускает какую-то важную деталь, вот только вспомнить — какую — у девушки не выходило. Это однозначно было связано с даром Кайсы, но как? Северянка даже не говорила полуправду, она врала, точно заправский шулер. Но почему?

Сделав себе зарубку на память, девушка решила вернуться к более важным вопросам.

— Но ведь мог приехать другой посол, — произнесла она.

— А вот тут вот и настал черед моего человека в Дилирисе делать свое дело, — ухмыльнулась Дикая Роза Севера.

— Но как? Кем должен быть ваш агент, чтобы повлиять на такие решения? — невольно воскликнула она, вызвав приступ радостного и веселого смеха у Кайсы.

— Ну-ну, моя сладкая девочка, ты хочешь знать слишком много. Пусть это будет маленькой тайной как для тебя, так и для дилирисских идиотов. Лучше скажи, понимаешь, что будет дальше?

Игнис понимала даже лучше, чем ей хотелось бы.

Отец попытался обуздать свои чувства и отправить послов на переговоры, а на тех цинично и совершенно дико напали. И теперь, даже тот мизерный шанс договориться, эта тоненькая ниточка, по которой следовало перейти бездонную пропасть, исчез...

Игнис знала, на что способна армия Волукрима. В течении ближайшего месяца-двух об этом узнают и Вентисы, а с ними — и весь мир.

— Стрелок покончил с собой до того, как попал в руки гвардии?

— Конечно же, — водороденная надула пухлые губы, как бы негодуя, что ее собеседница задает столь очевидный вопрос. — Правда, удобно?

Кайса наклонилась к Игнис и неожиданно лизнула щрам, зажмурившись от

удовольствия.

Огнерожденная прикрыла глаза и всеми силами сдерживала подступающую тошноту, моля всех богов, которые только есть, чтобы эта психопатка не пошла дальше.

— Скучная ты, — фыркнула Кайса и ее пальцы стальной хваткой сомкнулись на запястье пленницы, — не понимаешь, когда нужно быть хорошей и послушной девочкой, ну да ничего, я тебе объясню. Идем!

С этими словами она вытащила Игнис из камеры и повела ее вперед по коридору мимо толстых металлических дверей, снабженных смотровыми окошками.

Они добрались до лестницы, спустились на два пролета вниз, после чего оказались возле толстенной двери, из-за которой доносились приглушенные вопли. Кайса сделала знак стражам и те сняли засов. Скрипнули петли, в уши девушки ударил дикий животный, полный отчаяния крик, а перед глазами заплясали языки пламени.

Игнис закричала и попыталась вырваться, но Кайса, рассмеявшись, потянула ее за собой.

— Не бойся, сегодня мы не будем играть тут. Не хочу портить твою ценную шкурку еще сильнее. Смотри!

Глаза Игнис, зажмурившейся, чтобы не видеть пламя, коверкающее плоть, сами-собой распахнулись, и она увидела человека, растянутого на дыбе в ближайшей к выходу камере. Два полуголых здоровяка в масках жгли его бок факелом. Несчастный выгибался дугой и вопил, как безумный, но пыточным мастерам не было до этого ни малейшего дела.

Ожоги Игнис заныли и перед ее внутренним взором опять появилась деревенская площадь с подготовленным костром и вертелом.

— Нет, не надо, молю.

Эти слова — мерзкие и недостойные — сорвались с ее губ без воли разума, но девушка ничего не могла с собой поделать. Страх, который, казалось, ушел навсегда, и не думал покидать тело огнерожденной, он лишь притаился на дне и уснул, ожидая подходящего момента для того, чтобы выбраться наружу и расправить свои крылья. И вот теперь Игнис, шагая на ватных ногах позади Кайсы, смотрела на людей, испытывающих невероятные страдания, и не могла даже зажмуриться. Эта роскошь была безжалостно отобрана у нее безумной северянкой.

— Не волнуйся, каждый из них заслужил то, что тут происходит, — бросила ей через плечо Кайса, — хотя знаешь, — она повернулась и Игнис увидела, как хищно раздуваются ноздри королевы, и какая животная похоть делит с безумием место в глазах, — иногда так здорово просто зайти сюда и расслабиться, глядя, как эти животные, эти... самцы... страдают...

Она облизнулась и тут Игнис вырвало. Она едва успела сорвать с лица маску, исторгнув из себя завтрак прямо на каменные плиты пола.

Кайса с визгом отпустила руку своей пленницы и отскочила на пару шагов, после чего презрительно фыркнула.

— Знаешь, девочка, я ожидала большей стойкости от наследницы рода Фейргеборов. Ладно, вытирай рот и пойдём. Это, — она обвела рукой застенки, — не интересно нам сейчас, у нас другая цель.

Они шли и шли по кошмарному коридору, пока тот не закончился еще одной лестницей. Королева Ривеланда первая ступила на отполированные за сотни лет ступени и жестом поманила Игнис за собой. Та не стала заставлять себя ждать и поспешила следом — девушку

трясло от неконтролируемого ужаса, и каждый болезненный вопль узница пыточного подвала впивался ей в мозг раскаленной иглой.

Новая дверь и новые стражники.

"Похоже, это — нижний уровень", — предположила Игнис, вновь обретшая возможность рассуждать здраво, когда вопли с предыдущего яруса чуть смолкли. — "Что же меня ждет тут"?

Дверь распахнулась и Игнис с Кайсой вошли в просторное помещение, заставленное самым разнообразным пыточным инвентарем.

В жаровнях ярко горело пламя, отбрасывая устрашающие блики на ножи, иглы, пилы и прочие столь же омерзительные приспособления. Справа размещалась дыба, слева — железная дева. С потолка свисали цепи, а в центре комнаты, растянутый в вертикальном положении, находился Ридгар.

Кающийся был полностью обнажен и залит кровью, а возле него, весело хохоча, орудовал плетью еще один старый знакомый — Мелис.

Услышав вошедших, он обернулся и приветливо помахал Игнис.

— Привет, Огонек, как отдых в гостеприимных покоях моей хозяйки?

Сказав это, он со всей силы обрушил плетью на плечо Ридгара. Кожа лопнула во все стороны, обнажая мясо. Кровавые брызги долетели до Мелиса и тот слизал их, закатив глаза от удовольствия. Кающийся сжал губы еще плотнее, чем обычно, и проглотил стон.

Игнис, чьи глаза при виде этой картины наполнились слезами, окончательно потеряла остатки силы воли и рухнула на грязные булыжники.

— Какая ты нежная девочка, — фыркнул Мелис, еще раз хлестнув Ридгара, — вот, бери пример с Бледного, что бы я с ним не делал, этому херу все, как быку зубочистка.

Ридгар открыл наполненные мукой глаза и посмотрел сперва на своего палача, затем — на Игнис, после этого — на королеву.

— Девочка, надеюсь ты понимаешь, что творишь, — прошептал он. — У тебя не получится держать меня тут вечно, а когда я освобожусь, то можешь поверить: все договоренности с Лорием будут забыты и род Иссонов отправится в вечность целиком, включая грудных детей и стариков. Оставшиеся оборотни — тоже.

— Ой боюсь, боюсь, — осклабился Мелис, нанося очередной удар, на этот раз — по спине. — Знаешь, что мне нравится в тебе, Бледный? То, как раны заживают.

Тут он был прав — плечо, развороченное минутой раньше, уже почти пришло в норму, а спина, по которой только что пришелся удар, начала стремительно срастаться.

— Не поверишь, Огонек, — весело хохотнул Мелис, — я уже почти устал лупить этого хера, а ему — хоть бы хны.

— Смотри, не переусердствуй, — холодно — и куда только делась веселость прошлых минут — распорядилась Кайса, — ты сам понимаешь, что случится, если ненароком убьешь его.

— Не бойсь, хозяйка, я знаю, что делаю, — осклабился оборотень, замахиваясь для очередного удара.

— Хватит, пожалуйста! — взмолилась Игнис.

Мелис беззлобно ухмыльнулся и с оттягом ударил Ридгара. Кающийся и на сей раз не проронил ни звука, а Игнис всхлипнула.

— Ну-ну, милая, не плачь, это же просто щекотка для нашего Древнего, — подбодрила ее Кайса, подходя к жаровне и доставая из нее раскаленный до бела железный прут. — А вот

это — уже интереснее.

С этими словами водороденная прислонила железо к гениталиям Ридгара. Запахло паленым, тот дугой изогнулся в цепях, его мышцы напряглись, глаза полезли из орбит, а зубы закрипели так, что девушке на миг показалось, будто они сейчас сломаются.

Спустя еще одну секунду Ступивший на Путь Вечности потерял сознание и Кайса с довольным видом отшвырнула прут.

— Мне очень нравится делать это с самцами, — пояснила она, присев рядом с девушкой, — но железо — это не самое веселое, вот факел — куда интереснее, правда-правда.

— Пожалуйста, госпожа, не надо больше, — взмолилась Игнис, чье тело сотрясалось от рыданий и страха, — умоляю, не нужно.

— А что же я получу, если пойду тебе навстречу?

Кайса склонилась над Игнис, взяла ее за подбородок и, притянув к себе, лизнула здоровую щеку девушки, собрав катящиеся по ней слезы. После этого она приблизилась к ней так близко, что их губы едва не касались друг друга и повторила свой вопрос:

— Что я получу взамен?

— Игнис, не вздумай, — прохрипел пришедший в себя Ридгар, но огнерожденной было все равно.

— Я сделаю все, что вы попросите, госпожа моя, — чуть слышно прошептала она.

— Докажи, — приказала Кайса, — сейчас.

И Игнис стараясь не дрожать и не жмуриться, преодолела отделявшее их расстояние, запечатлев на губах своей мучительницы поцелуй.

Кайса отстранилась и плотоядно улыбнулась.

— Вот видишь, строила из себя недотрогу, но стоило только чуть-чуть подтолкнуть тебя, как все сделалось само-собой.

Она явно была очень довольна.

— Мелис, — королева повернула голову к оборотню, который с нескрываемым возбуждением во взгляде наблюдал за ними. — Для начала, убери-ка эту похотливую ухмылку со своей рожи, а не то окажешься на соседних цепях и твои яйца тоже познакомятся с раскаленным железом.

Улыбку оборотня сдуло, будто ветром, и тут не было ничего удивительного — тон королевы не оставлял ни малейших сомнений в том, что именно так она и поступит, если только у Непобедимого хватит глупости не повиноваться.

— Отлично. Теперь мы временно оставим нашего бессмертного друга отдыхать и не станем докучать ему глупыми играми, все понятно?

Мелис кисло кивнул.

— Куда уж яснее, хозяйка.

— Хороший мальчик, получишь за это пару девочек, с которыми сможешь повеселиться всласть.

Похотливая улыбка на миг вернулась на лицо Мелиса, но тотчас же пропала под ледяным взглядом королевы.

— Теперь ступай, — распорядилась Кайса, после чего она повернулась к молчаливо наблюдающему за них Ридгару и спросила, — что такое, о Древний?

— Знаешь, я отправляю своих жертв на тот свет без мучений, — процедил он, сплюнув кровь, выступившую на губах, — но для тебя сделаю исключение, поверь мне, о Дикая Роза

Севера.

— Мечтай, мой дорогой, мечтай, — сладко отозвалась Кайса, поднимаясь, и заставляя Игнис встать на ноги. — Но не беспокойся, я пока что не намерена забавляться с этой милой девочкой — дела, знаешь ли. На сегодня хватит и того, что она стала такой послушной и нежной. Идем, солнышко.

Игнис, бросив последний, полный отчаяния и мольбы взгляд на друга своего отца, покинула пыточный зал. Когда ее водворили в камеру, девушка бросилась на кровать и, сжавшись в позе эмбриона зарыдала. Слезы неукротимым потоком текли по ее щекам, но огнерожденная не могла заставить себя успокоиться.

"Нечистая, нечистая, я нечистая"! — думала она, обхватив плечи руками.

Игнис не знала, как ей отмыться от мерзости, в которую, казалось, королева с головой окунула ее просто для того, чтобы продемонстрировать свою власть.

"А просто ли для этого"? — эта мысль была еще страшнее и горше, но Игнис понимала, что, если Кайса пожелает, ей придется разделить с безумной правительницей Ривеланда ложе, да что там, прикажи ее пленительница, и Игнис будет вылизывать той ноги и исполнять любой, даже самый мерзкий каприз.

И причина этого крылась отнюдь не в камере с распятым на цепях Ридгаром, о нет. Она таилась в пламени, опаляющем плоть, в воплях поджариваемых заживо людей, в огромном костре посреди деревни.

Причина крылась в ней самой и ее слабости. И от осознания этого, чувство собственной никчемности становилось только больше. Настолько, что у девушки даже промелькнула мысль, а не откусить ли себе язык?

Она с негодованием отвергла эту мысль, вспомнив слова отца:

"Как бы плохо тебе ни было, борись, не смей опускать руки и лишать себя жизни. Умереть всегда успеешь, вот только мертвый не может сделать ровным счетом ничего. У живого же всегда остается шанс".

Эти воспоминания вернули ей присутствие духа и Игнис поклялась самой себе:

"Я не сдамся, я буду бороться. Если нужно — унижусь перед королевой, если нужно — возлягу с ней, да что там, если нужно — возлягу со всем гарнизоном крепости! Но я буду ждать шанс. И он обязательно, обязательно выпадет"!

С этими мыслями она, измученная переживаниями тяжелого дня, закрыла глаза и наконец-то погрузилась в спасительный сон без сновидений.

Безымянный с трудом удержал равновесие и подал руку гарпии. Вот уже два дня как они продирались сквозь чащобы Финибуса выбравшись, наконец-то из длинного каньона неподалеку, в котором провели едва ли не месяц.

И, оказавшись вне каменных стен, они предстали перед выбором: двигаться на северо-запад, к Флюмену — крупному торговому городу и единственному чисто волукримскому поселению к югу от Бесконечных Гор, или направляться на юг — к замку барона Урсуса.

Обсудив этот вопрос, путники решили двигаться на юг. Все-таки, в замке еще оставались раненые гвардейцы, которых принц вряд ли сумел забрать с собой. Там же можно будет послать сообщение Паллидию. Ученик Вороньего Короля, определенно, сумеет быстро связаться со своим наставником и передать слова бывшего капитана гвардии его высочества, а значит, миссия Безымянного будет выполнена, и он сумеет встретить смерть, сохранив хотя бы остатки чести. Полукровка надеялся, что получится ценой своей жизни выкупить жизни товарищей, оставшихся у барона и наверняка плененных.

«Нас было пятьдесят, а теперь»? — с горечью думал он время от времени, старательно избегая вопроса о том, что же стало с Индржихом и теми гвардейцами, которые сопровождали его высочество к Одинокой Горе. Ответ был слишком очевиден и невыносим. — «Ну, хотя бы Солнышко с Волком в относительной безопасности, и то неплохо».

Впрочем, до замка барона еще нужно было добраться. Главной проблемой стало отсутствие карты, хотя и ситуацию с припасами тоже нельзя было назвать хорошей — остатки заготовленной вяленой рыбы подходили к концу, а охотиться, по большому счету, было нечем и не кому — два калеки, даже будь у них луки, вряд ли были в состоянии подстрелить дичь. И, все-таки, безнадежной ситуация стать пока не успела — Безымянный сумел поймать в силки пару кроликов, а Аелла — собирала съедобные грибы и ягоды, этим они и перебивались. По-хорошему, следовало бы выйти к жилью, однако Безымянный не знал, что сейчас творится с графством. Он очень хотел верить в то, что Игнис и прочие зажатые в ловушку члены отряда справились, но умом понимал, что без принца с Мислией, и, что самое главное, без звериного амулета, шансы на успех оставались минимальными.

Безымянный что-то помнил насчет бессмертия Ридгара, хотя воспоминания эти и были отрывочными и подернутыми пленкой. Помнил он и о невероятных боевых возможностях Целительницы — картина кровавого побоища во дворе таверны, увы, осталась с ним. Вот только Орелия была сильно ранена, а Древний, кажется, не имел защиты от ментальной магии — этот момент как-то ускользал из памяти. Так что вряд ли они ли могли сравниться с чудовищем, чья магическая сила позволяла контролировать сотни тысяч разумных магических жуков.

Поэтому полукровка исходил из худшего: миссия провалилась, магические насекомые продолжают опустошать восточные земли. А их теперь — всего лишь двое...

Аелла с благодарностью приняла руку, и они перебрались через поваленное дерево, перегородившее звериную тропу.

За прошедшие недели раны неплохо зажили, но, все равно, до поправки было далеко, и любое резкое движение отдавалось болью как в теле бывшего капитана гвардии, так и — он видел это по старательно укрываемым гримасам — его бескрылой спутницы.

— Как думаешь, они уже воюют? — задала гарпия вопрос, мучавший также и полукровку.

Безмянный осторожно, так, чтобы изувеченная нога не отозвалась уколом боли, наклонился, подобрал подберезовик, удачно примостившийся возле самой тропинки, а потому ответил не сразу. Убрав гриб в самодельную корзинку, сплетенную ловкими пальцами гарпии во время одной из ночевок, он ответил:

— Его величество предал нас около четырех недель назад. Предположу, что он вместе с Тенями, напавшими на твой отряд, подождал прояснения ситуации с королевой изначальных, — его высочество, определенно, имел какие-то планы на запертых под горой Древних. После этого он наверняка вернулся в Сентий, где, голову даю на отсечение, заявил о своем триумфе. Весь вопрос в том, что за этим последовало. Не знаю, как поступил Вороний Король, но не думаю, что он сумел сдержать ярость. Быть может, его высочество уже мертв, быть может мертва и ее величество. Если это так, то война неизбежна. С другой стороны, его величество брал с его высочества не смертельную клятву.

— А какую?

— Света дневного.

Гарпия ахнула, прикрыв рот ладошкой, после чего покачала изящной головой.

— В этом случае принц уже ослеп. Архонтас не знает жалости к клятвopреступникам и жестоко карает их.

— Ну что же... — Безмянный подошел к очередному поваленному дереву, оцетинившемуся во все стороны сучьями, и принялся ломать их здоровой рукой, используя обломок меча вместо топора. Когда проход стал достаточно широким, бывший капитан гвардии аккуратно обхватил лёгонькую гарпию за талию, перенес ту через поваленный ствол, стараясь при этом не нагружать изувеченную ногу, и поставил деу небес рядом с собой. Еще несколько недель назад такое тесное общение с хорошенькой девушкой, пусть и из другого народа, вызвало бы у него приятные чувства, сейчас же он не ощущал ничего, кроме пустоты в груди.

Аелла скромно поблагодарила своего спутника, и они продолжили путешествие.

— Если мы возьмем за данность твое предположение, — продолжил полукровка, — то война еще могла и не разразиться. Ослепление венценосной особы — чудовищное преступление, но измена слову — тоже не абы что. Сейчас, полагаю, дипломаты пытаются решить все мирно, вот только...

— Вот только?

— Мира уже не будет, — уверенно ответил ей Безмянный.

— Почему ты так думаешь?

— Его высочество и ее величество не просто так задумывали столь хитрую интригу. Слишком серьезная подготовка и слишком много вложенных средств. Говоря начистоту, я не совсем понимаю, какая муха укусила их — нападать на сильнейшее государство континента — но раз уж так получилась, они доведут дело до войны, сколотив коалицию против Волукрима. Готов поспорить, что сейчас Дилирис взывает о помощи к Аэтерному и Ривеланду и он ее получит, можно не сомневаться.

— Но ведь они изменники! — в голос возмутилась гарпия.

— А где доказательства? Если все было сделано так, как я думаю, то из-под горы не выбрался ни один член нашего отряда, зато Волукрим сотворил что-то нехорошее в Сентии. Но и это не главное. Ты должна понимать, что Волукрим, усиливающийся год от года, стал

костью в горле буквально у всех западных держав. Они ждали только повода, и вот он, преподнесен на блюдечке с голубой каемочной.

Аелла напряженно уставилась куда-то вперед. Простодушной гарпии было невыносимо слушать столь циничные речи, но умом она не могла не понимать, что собеседник говорит здравые вещи.

— Зная ее величество, могу предположить, что Дилирис постарается затянуть переговоры и отсрочить начало войны до следующего года, — он криво, без какого бы то ни было веселья, ухмыльнулся. — И вот тут-то пригодимся мы — выживший свидетель, знающий правду, сумеет разбить ложь Вентисов. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Но ты уверен, что пойдешь против своих благодетелей? — задала вопрос Аелла.

— Да, — уверенно ответил ей Безымянный. — Есть вещи, которые можно простить, и те, что подлежат наказанию!

Гарпия некоторое время молчала, и юноше показалось уже, что тема исчерпана, но тут дочь неба спросила:

— Они так много значили для тебя?

Не нужно было пояснить, кто такие — они.

Бывший телохранитель принца не очень хотел отвечать — он не рассказывал всего даже Игнис, с которой очень сблизился за время путешествия, но...

"Но она спасла мне жизнь и заслуживает правды".

— Ее величество и его высочество были моим смыслом жизни. Я бы с радостью пошел на смерть ради того, чтобы отплатить Вентисам за доброту.

— А что они сделали?

Полукровка набрал воздуха в грудь и начал свой рассказ.

— Когда мать с отцом поженились, от них отвернулись родственники с обеих сторон. Люди, потому что дочка оказалась шлюхой, посмевшей осквернить себя семенем богомерзкого рысеухого выродка. Лунксы, потому что наследник древнего и уважаемого рода осмелился заклеить себя отношениями с шисситар. Ты ведь знаешь этот термин?

Аелла кивнула.

— Так вот, родители, сумев прихватить кое-какие деньги, сбежали куда подальше из родного города, и поселились в одной небольшой деревеньке, скорее даже — хуторе. Жили мы не слишком богато, но уж точно не бедно. Отец, как благородный, умел читать и писать, и работал в ближайшем поместье, мать — занималась хозяйством. У нас было несколько батраков. Мне было семь, когда случилось это...

Юноша прикрыл глаза, и перед его внутренним взором тотчас же встала страшная картина прямиком из детства. Горящий дом, толпа с вилами и косами, и болтающийся на суку труп со связанными за спиной руками.

Он сглотнул.

— Была засуха, а ветророжденный, владевший герцогством, то ли забыл про свой долг, то ли плевать на него хотел. И крестьяне решили, что всему виной нелюдь и выродок. Отца поймали по дороге из поместья. Дом сожгли. — Он сглотнул, чувствуя, что голос начинает дрожать. — Нас с матерью спасло лишь то, что солдаты аристократа успели добраться до хутора раньше, чем добрые селяне успели спалить на костре дьяволу шлюху и ее ублюдка. Но мы не могли больше оставаться там, перебрались в Сентий — мать надеялась, что одна ее старая подруга поможет. Напрасно. Мать продержалась около года. Вторая дочка графа, с детства приученная к хорошей жизни и не умевшая заботиться о себе. Она мыла полы и

посуду, разносила заказы в таверне, делала все, что могла, и видела лишь презрение в глазах окружающих. Как же: нагуляла выродка от рысеухого, а теперь еще что-то просит.

Бывший капитан гвардии перенес Аеллу через очередную корягу и их взору предстал внушительных размеров овраг. Жестом указав двигаться вдоль него, юноша подал пример и зашагал в южном направлении.

— Так вот, я тогда уже подрабатывал, как мог, и придя в нашу комнатенку в один прекрасный день, увидел мать, болтающуюся в петле — он криво усмехнулся, понимая, что улыбка эта больше похожа на оскал. — Естественно, церковь отказалась хоронить самоубийцу на кладбище, а служителям Мертвых Богов было невыносимо видеть рысеухого нелюдя — плод греховного соития. Пришлось мне закапывать тело самому, за городской чертой. После этого — улица. Около полугода я как-то выживал в трущобах Сентия, а потом в один день все изменилось. Меня нашли гвардейцы, притащили во дворец, отмыли, одели, как подобает человеку моего статуса, накормили, а потом — представили ее величеству, которая сказала, что ищет верного спутника для своего сына и выбор ее пал на меня. Понятия не имею, откуда она узнала про то, что случилось с нашей семьей, не понимаю, как отыскала меня в трущобах, не знаю, отчего решила, что из тощего дохляки выйдет толк, но я в благодарность за новую жизнь рвал жилы, работал больше и усерднее других. Я оттачивал свое мастерство, точно заведенный, дабы оправдать доверие королевы и завоевать дружбу ее сына.

Он выдавил еще одну кривую ухмылку.

— Как видишь, мечта о дружбе осталась мечтой. Стоило только посметь выказать неповиновение, как принц избавился от меня, не думая и секунды. — Он развел руки и взглянул на Аеллу. — Вот такая вот история.

В глазах гарпии стояли слезы и полукровка здоровой рукой непроизвольно потрепал девушку по макушке.

— Не волнуйся, что было — то прошло. Нам же нужно двигаться вперед и надеяться, что удастся избежать встречи с изначальными.

Заночевали они на опушке леса. Полукровка развел небольшой костерок, на котором путники поджарили грибы, собранные за день.

— А что будет, когда мы доберемся до Кастэллума? — поинтересовалась Аелла.

— Не знаю, — пожал плечами Безымянный. — Я расскажу его величеству всю правду, а потом — потом он может делать со мной все, что пожелает.

А на самом деле мотылек спешит к костру, на котором жгут трупы.

Слова пророчества больно — точно молоток по шляпке гвоздя — ударили в мозг, отпечатываясь огнем под полуприкрытыми веками.

«Может быть, действительно, будет лучше, если этот мотылек сгорит?»

— Разве твоя жизнь не имеет цены? — с искренним беспокойством спросила гарпия.

— Она не стоит и ломаного медяка, — резко, резче, чем следовало, ответил полукровка. — Моя жизнь — бессмысленна и до боли смешна. Она...

Юноша не договорил. До его чутких ушей донесся шорох в траве, и бывший капитан гвардии его высочества, тотчас же попытался вскочить, выхватывая обломок меча. Сломанная нога дернулась от боли, и он припал на одно колено, шипя и не в состоянии встать, но — держа перед собой сломанный меч.

«Воистину, клинок — отражение души воина», — прокралась в голову невеселая и несвоевременная мысль.

— Не стоит делать глупостей, — услышал он плавный чуть тягучий голос. — Опустит оружие.

Юноша, не споря, бросил обломок на землю и поднял руки над головой.

— Не стреляйте, братья, — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, — мы с дочерью неба спешим к вашему владыке.

— Не брат ты нам, полукровка, — услышал он в ответ ожидаемые слова, но и бровью не повел.

Безмянный знал, что не стоит делать резких движений, находясь на прицеле как минимум нескольких пистолетов. В том, что говорившие вооружены именно этим оружием, юноша не сомневался, ведь их небольшой диалог состоялся на языке лунксов.

Четверо шагнули на опушку из-за деревьев и Безмянный сразу же узнал гостей. Конные стрелки Волукрима из бригады, возглавляемой герцогиней Магной Тиирташ, такие, как он их запомнил со времен осады крепости.

Лица воинов-лунксов не выражали ни капли жалости или снисхождения, и полукровка понимал, что один неверный жест, и пули превратят тело в решето, но тут поднялась Аелла.

Несмотря на многочисленные раны и особенно — обрубки крыльев, болтающиеся за спиной, — она выглядела внушительно и грозно.

— Опустить оружие! — резко приказала гарпия и лунксы как один отступили на шаг. — Я не буду повторять дважды!

В этот самый миг точно поток ледяного ветра пролетел над головами воинов, и бывшему капитану гвардии стало как-то не по себе. Аелла не шутила, и в словах ее легко читалась Сила. Он точно не знал, какой именно магией пользовались дети неба, но теперь не сомневался в том, что его спутница — чародейка.

Воины несколько мучительно долгих секунд разглядывали гарпию, затем, как по команде отступили на шаг и склонили головы в почтительных поклонах.

— Приносим свои извинения, мудрая, — проговорил старший.

— Извинения приняты, нет времени на склоки. Нам нужно как можно быстрее попасть в Кастэллум. Где барон Паллидий?

Лунксы неуверенно переминались с ноги на ногу, но старший произнес:

— Господин Паллидий с основными силами уже две недели как отбыл в Волукрим.

Безмянный с Аеллой переглянулись.

— Это значит, что королева изначально повержена? — не скрывая возбуждения, спросил он.

— Да, полукровка, — с прохладой в голосе ответил ему лункс.

— А что слышно о Кающемся, Целительнице и ее высочестве Игнис Фейргебор?

Удивления во взглядах лунксов стало еще больше и тут один из них неожиданно хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Я помню его по осаде замка барона Урсуса! Это тот, из отряда принцессы!

Воины заговорили одновременно. Они требовали объяснений, задавали вопросы, интересовались. Безмянный понял, что если хочет узнать что-то, то должен будет сперва удовлетворить их любопытство, а потому в общих чертах пересказал произошедшее с момента отъезда из крепости.

Когда он закончил, старший лункс странным голосом поинтересовался:

— И после всего, ты собираешься встретить короля?

— Да.

— И расскажешь ему все?

— Да.

— Ты предашь своего господина?

— Он больше не господин мне. Он — клятвопреступник. А я...

— А ты?

Он собрался с мыслями и ответил:

— Я — Безымянный. И я свято чту данные обеты.

— Это может стоить тебе жизни.

— Не имеет значения.

Лунксы вновь переглянулись и взгляд старшего заметно потеплел.

— Не ожидал встретить дух истинных тристов у шисситара. Ну что ж, тогда предлагаю не тратить время зря, идите за нами, лошади ждут.

— А что насчет моего вопроса? — напомнил Безымянный.

— По дороге.

Спустя каких-то пять минут они уже скакали на запад в составе полного десятка — как оказалось, остальные шесть всадников дежурили в лесу — на случай, если товарищам понадобится помощь. А благодаря заводным лошадям, и Безымянный и Аелла могли перемещаться в седле. Так как почти ничего не было видно, отряд продвигался шагом, и все же, это было существенно быстрее, чем топтать на своих двоих. К сожалению, с ранами простые солдаты ничего не могли поделать, но тут уж грех было жаловаться. Переломы худо-бедно срослись, оставалось просто потерпеть.

«Если, конечно, меня не казнят сразу», — подумал Лариэс. — «Ну, тогда и о лечении можно будет не беспокоиться. Как ни посмотри, во всем есть свои плюсы».

По дороге старший лункс наконец-то соизволил ответить на некоторые вопросы бывшего капитана гвардии.

— Мы не знаем, где сейчас Древние и принцесса. Ни от кого из них не было ни единой вести, и ты, парень, первый, кто сумел рассказать хоть что-то.

Этого он и боялся.

— А что с армией Паллидия?

— Как я и говорил, ушли на запад.

Пояснять, зачем, не требовалось.

— Стало быть, война?

— Еще не совсем, но никто не сомневается в том, что скоро польется кровь.

— А изначальные?

— Изначальные кончились.

— В каком смысле?

Десятник почесал ухо, пригладив рысью кисточку, и пояснил:

— Спустя неделю после боя за крепость барона, твари внезапно потеряли волю к сражению. В их действиях пропала та смертоносная эффективность, что мы видели раньше. Они начали грызть друг друга, точно дикие звери, перестали атаки совместно, короче говоря, превратились в обычных монстров. Нам понадобилась всего неделя для того, чтобы разобраться с большими ордами в окрестностях, а затем подоспел приказ возвращаться. Господин Паллидий собрал всех, кто был под рукой, оставил опоздавших разбираться с

недобитыми тварями, и отправился на запад.

«Значит, Игнис смогла убить королеву? Но где она тогда?» — подумал полукровка.

Этот же вопрос, судя по всему, пришел в голову и Аелле, и гарпия озвучила его вслух.

Настроение спутников резко ухудшилось.

— Ты знаешь, что мы терпеть не можем шисси, — проговорил десятник Безымянному.

Тот кивнул — это было совершенно очевидно.

— Но и среди них есть исключения, такие как Кающийся, Целительница, и, конечно же, Вороний Король. Когда Истребление разрушило наше последнее королевство, именно он подарил остаткам народа укрытие и дал место, где можно жить и растить детей. Наш долг перед Древним нельзя выплатить никакими деньгами, а признательность — высказать словами.

Бывший Щит Принца внимательно слушал. Он практически не общался с сородичами, которые относились к полукровкам еще хуже, чем к обычным людям, а потому не знал взаимоотношения между истинными — теми, кто откочевал в Волукрим, и сдавшимися — общинами, обосновавшимися в человеческих городах.

Десятник вздохнул и продолжил.

— И мы в этом не одиноки. Каррасы и гарпии считают его величество живым богом, а люди, бежавшие из королевств запада в Волукрим, почитают как великого правителя. И вот, сперва пропадает его дочь, а потом до нас докатывается весть о том, что принц вернулся в Сентий.

— И что после? — сглотнул Безымянный.

— Как нам рассказывал капитан, а тому, в свою очередь, полковник, а тому, конечно же, барон Паллидий, его величество потребовал разъяснений. А потом... — лункс вздохнул и кисточки его ушей дернулись. — Потом он приказал Охотнику напомнить принцу, что слово стоит держать.

— О Боже! — не смог сдержать ужаса полукровка. — Ловчие вошли в Сентий?

— И, как нам говорили, устроили там кровавую баню.

В этом сомнений быть не могло — ручные убийцы Вороньего Короля никогда не славились добросердечием и мягкостью характера.

— Стало быть, принц больше не видит солнечного света?

— Выходит, что так, — согласился десятник.

— И когда это случилось?

— Перед отправкой корпуса на запад. Что-то около трех-четырёх недель назад.

— Вы не знаете, что произошло с тех пор?

— Нет, — с сожалением ответил десятник. — Мы предоставлены самим себе, и все это время гоняемся за остатками изначальных, лишь изредка выбираясь отохнуть в деревни и крепости, пережившие нашествие этих тварей.

— А бывали ли вы около крепости барона Урсуса? — спросил юноша.

— Пару раз.

— Что случилось с моими товарищами, оставшимися у него на излечение?

Задав этот вопрос, Безымянный непроизвольно сжал поводья, ожидая услышать самое страшное, что всех, кто оказался невольным пленником барона, вздернули на ближайшем дереве, четверговали, посадили на кол, обезглавили, а то и все сразу в произвольной последовательности.

— Чего не знаю, того не знаю. Кажется, господин Паллидий забрал их с собой, но

утверждать ничего не могу.

На сердце Безымянного стало чуть легче, и он подумал невпопад:

Сердце в огне, пламя станет кровью. Кровь наполнит чашу и возродит жизнь. Два мира сойдутся в пляске смерти, чтобы выбрать одну тропу.

Проклятое пророчество, напрочь забытое еще в Виннифисе, теперь едва ли не каждый день всплывало перед его внутренним взором дразня и издеваясь.

«Что ж, по крайней мере, два мира действительно готовы сойтись в пляске смерти».

Тот, кто друг, станет враг, но не бойся его, бойся друга, что не друг еще.

«И тот, кого я считал другом, стал... врагом»?

Твой полет прервет ветер, и ты падешь на камни...

«К счастью, упал я все-таки в воду. Будь проклято это пророчество! Лучше бы я вспомнил что-то действительно полезное»!

В очередной раз слова, произнесенные существом, овладевшим телом слепой прорицательницы, гремели внутри черепной коробки. Невпопад, кусками, и, тем не менее, не желая уходить. Почему так — он не знал. Как будто это проклятое пророчество, точно живое, спряталось до поры до времени в глубинах памяти и, дождавшись подходящего момента, выбралось, чтобы мучить свою жертву.

Мертвый и живой укажет путь, но пройти его ты сможешь лишь под сенью крыла.

«Мертвый и живой... Ридгар. Он указал мне путь»? — резкий приступ головной боли заставил Безымянного поморщиться, но на сей раз и не думал отступать — «Указал путь? Не помню. И что значит, под сенью крыла»?

С каждой секундой голова болела все сильнее и сильнее.

«Значит ли это, что я должен умолять его величество Корвуса о прощении»?

Пройти по ним босыми ногами или нет — решать тебе...

Боль стала невыносимой. Кажется, десятник что-то говорил, а может, нет. Лариэс не слышал и не видел ничего, кроме проклятых слов, да гулких ударов собственного сердца, лихорадочно бьющегося внутри грудной клетки.

«У меня есть право выбора? Но только теперь, да? Я ничего не помнил, потому что должен был пасть? Или нет? Ничего не понима»...

Додумать эту свою мысль полукровка не успел. Внутри черепной коробки будто взорвалась бочка с порохом и он, застонав, погрузился в беспамятство.

Уже через два дня бешеной скачки они добрались до замка барона Урсуса.

Возвращение оказалось не столь триумфальным, как юный воин представлял себе. Едва только заметив могучие стены, закопченные пламенем Игнис, Безымянный ощутил вкус пепла на губах.

Подъемный мост был опущен, а ворота — широко распахнуты. Сразу стало ясно: хозяин здешних земель не опасается больше изначальных, и демонстрирует свою уверенность окружающим. Внутри оказалось гораздо просторней, нежели в прошлый раз — большая часть крестьян разошлась по деревням, чтобы попытаться спасти хотя бы часть урожая.

Впрочем, замок барона стал временным пристанищем конной сотне, оставленной Паллидием для очистки прилегающих территорий, потому как тут и там по двору прохаживались лунксы. Очень недружелюбно выглядящие лунксы. Безымянному, правда, было на это наплевать. Тупая апатия все сильнее и сильнее завладевала его сознанием, последние сутки полукровка вел себя, точно лишенная воли марионетка: почти не говорил, делал, что прикажут, ел, если давали, спал, когда удавалось слезть с коня.

Он даже не занимался одолженным скакуном — он, тот, кто никогда не заботился о себе прежде, чем конь будет вытерт, накрыт попоной, напоен и накормлен!

Его и Аеллу повели напрямиком в покои барона. Владыка пограничья уже ждал гостей и выглядел не слишком дружелюбнее лунксов. Смерив сперва Безымянного, а затем и его бескрылую спутницу долгим оценивающим взглядом, он, нахмутив густые брови, коротко бросил:

— Садитесь. Стоять вы все равно не можете.

Безымянный поклонился и сделал то, что барон приказал. Гарпия же, перед этим представилась.

— Мудрая Аелла по прозвищу Эфколос, — проговорила она, и в голосе дочери неба явственно слышалась усталость вперемешку с болью. — Господин, нет ли поблизости кого-нибудь из моего народа? Вести, что мы несем, крайне важны.

— Увы, нет. И — упреждая твой следующий вопрос — никаких способов быстро связаться с его величеством — тоже. Паллидий ушел на запад и увел всех, кого только можно, включая, наверное, половину всех конных дружин графства.

Барону последнее явно не нравилось, и причину того было нетрудно понять. Потерять собственных вассалов, обретя вместо них защитников в лице воинов Волукрима — не слишком приятно для привыкшего к вольности феодала.

— И многие ушли? — неожиданно спросил Безымянный.

Глаза барона вмиг превратились в две щелочки, наполненные подозрением и недоверием.

— Достаточно, Щит.

— Я больше не Щит, — одними губами прошептал Безымянный. — И, наверное, не виконт.

— Та-ак... — барон подошел к кувшину, налил из него два кубка вина и передал их сперва Аелле, затем — полукровке. — Рассказывай, Лариэс.

— Безымянный, — механически приняв вино прошептал тот.

— Что?

— У меня больше нет имени.

— Та-а-ак.

Барон вновь вернулся к кувшину, налил еще один бокал, залпом осушил его, после чего — повторил процедуру и лишь затем уселся в массивное кресло и вперил напряженный взгляд в собеседников.

— Рассказывайте. Все.

И они рассказали.

Когда Безымянный закончил, то лицо барона Урсуса попеременно то бледнело, то наливалось краской, а могучая лапища сжимала бокал так, что металл гнулся.

— Я ожидал чего угодно... — одними губами прошептал он, — но не такого...

Барон прикрыл глаза и вдруг грубо выругался.

— Тва-ари, — прошипел он, — какие же твари...

— Господин, — Безымянный взглянул на собеседника, — могу я задать вам вопрос.

— Да, конечно.

— Что с моими... бывшими моими людьми? С ранеными?

Барон склонился к полукровке и недоверие вперемешку со злобой в его взгляде сменились на понимание и... уважение, что ли?

— Идем, все покажу. А ты, пернатая, передохни пока, слуги сейчас придут и позаботятся о тебе.

Они вышли из покоев барона и направились напрямиком к лазарету, в котором Орелия исцеляла больных во время нападения изначальных.

— Для начала я немного расскажу о том, как оно тут было у нас с момента вашего ухода, — начал барон.

Безымянный лишь кивнул в ответ.

— Спустя где-то неделю, изначальные неожиданно стали вести себя, точно дикие звери. Исчезла вся эта их организованность. Тогда мы все праздновали победу, послали весть Паллидию и начали ждать вашего возвращения. Но время шло, и никто не появлялся, а затем с запада пришли вести...

— Вести?

— О том, что случилось в Сентии.

Они как раз вышли во двор, и барон на миг остановился, глядя в небеса.

— Вот уж не думал, что увижу своими глазами новую Последнюю Войну, — неожиданно проговорил он. — А ты, парень?

Безымянный не ответил. Какой смысл был говорить что-то?

Барон покосился на него и вздохнул.

— Я не раз наблюдал такой взгляд, как у тебя. Взгляд живого покойника, смирившегося с судьбой и готового к смерти. Все понимаю, но постарайся найти в себе силы жить дальше. Возможно, еще не все потеряно.

— Даже... даже если нас ждет новая Последняя война, которая, и правда, может оказаться последней? — с неожиданной горечью в голосе прошептал полукровка.

— Особенно, — барон положил ему руку на плечо и улыбнулся, — жизнь продолжается даже после конца света, что бы там ни утверждала церковь. Не веришь — посмотри на северян с их мертвыми богами. Додагударианство прямым текстом говорит об этом. Ладно, идем, на чем там я остановился?

— На вестях с запада.

— Ах да. Так вот, как только прилетела гарпия с письмом, все пошло наперекосяк. Паллидий в три дня собрал всех, до кого только мог дотянуться, прихватил также и нашу конницу, после чего, отправился на запад напрямик через Ничейные Земли.

— На запад? Он хочет вторгнуться в Дилирис?

— Видимо, да, — пожал плечами барон. — Мне не докладывает, знаешь ли. Всех гвардейцев, оставшихся на излечении, воукримец забрал с собой.

— Значит, они были живы тогда? — эта новость сумела-таки чуть-чуть пробить ледяной панцирь, сковавший его сердце.

— Думаю, и сейчас с ними все хорошо, — пожал плечами барон. — С чего бы им умирать-то? Впрочем, — они подошли к двери, и владыка замка положил могучую ладонь на полированное дерево, — один остался. Правда, к нам он прибил уже после того, как Паллидий забрал остальных твоих товарищей.

Он распахнул дверь и Безымянный проковылял внутрь.

Здесь было чисто и прибрано, пахло душистыми травами и, почему-то, овсяной кашей. А на кровати в самом углу комнаты трое играли в кости. Двое — в цветах барона. Один же... Безымянный замер, открыв рот от удивления.

— Индр? «Это ты?» — прошептал он, не веря увиденному.

Впрочем, настрочу ему устремился не менее пораженный взгляд карих марравских глаз.

— Капитан? — Индржих вскочил с кровати, оттолкнул одного из товарищей по игре и, насколько позволяла цепь, сковывающая лодыжки, бросился к нему, после чего заключил в столь крепкие объятия, что плохо сросшиеся ребра Безымянного едва не затрещали, а перед глазами у того поплыли круги.

— Вот, — закончил барон. — Подобрали в лесу пару недель назад. Едва живого от ран. Пришел в себя только четыре дня назад, а уже какой бодренький. Никому ничего не объяснял, видите ли, память отшибло. Другой бы на дыбу вздернул, но я пожалел, все-таки, вместе с насекомыми рубили. Вот, ждал, сам не знаю, чего... Дождался.

Барон фыркнул, но во взгляде его читалось уважение к гвардейцу.

— Ладно, оставлю вас. На выход! — последнюю команду он обратил к охранникам, сторожившим, как понял Безымянный, Индржиха.

Спустя пару ударов сердца они остались вдвоем и гвардеец, немного смущенно, указал полукровке на ближайшую кровать.

Они сели друг напротив друга, и Безымянный спросил:

— Что с другими? Или действительно память отшибло?

Лицо Индржиха помрачнело.

— Я — единственный, кто выжил... Повезло.

Он тяжело вздохнул и начал рассказ.

Когда его высочество с товарищами начал восхождение на Седого Старика, гвардейцы привычно занялись возведением лагеря, в который, собственно говоря, и должны были с победой вернуться герои. Никто не сомневался: пройдут сутки, может быть — двое, и они, воссоединившись с товарищами, отправятся назад, овеянные славой.

Индржих, как старший из оставшихся бойцов, контролировал ход работ, и когда все было завершено: палатки выстроены, кони накормлены, напоены и укрыты, караулы расставлены, дрова запасены, решил немного злоупотребить статусом офицера и — отправился к каньону.

— Понимаешь, — проговорил он, — мы же остановились совсем недалеко, а ведь

знаменитый каньон реки Подземной — чудо природы, ничуть не меньшее, чем сама гора.

— Понимаю, я ощутил всю его чудесность на собственной шкуре, но ты продолжай.

Продолжать особо было нечего. Минут пятнадцать-двадцать занял путь в одну сторону, но, наконец, воин оказался возле обрыва, резко, будто ножом кто отрезал, уходящего вниз. Там, на глубине, наверное, футов в триста, журчала быстрая и весьма глубокая на вид речка.

— Очень глубокая, — согласился Безымянный, — футов семь-восемь, а то и все десять. Это спасло нас.

— Ага, я так и подумал, — легко согласился Индржих. — Ну а дальше все случилось очень быстро.

Уже идя назад, он вдруг услышал шум, затем — звуки сражения. Он понесся к товарищам, но опоздал — непонятные воины вместе с Марком и его бойцами, как раз дорезали последних гвардейцев принца.

— Игнациуса прикончили прямо на моих глазах, — неестественно ровным голосом рассказывал Индржих. — Распороли, точно поросенка, от плеча и до бедра — снял доспехи, дурень... Хотя помогли бы они?

— Нет... Но ты продолжай.

Индржих сжал и разжал пальцы, тихо процедил грязное марравское ругательство, наконец, взял себя в руки и рассказал, что было после.

— Тут, честно говоря, я решил проявить ту, вторую доблесть, ну, ты в курсе?

— А, ваше знаменитое марравское: «будь героем, но если все против тебя, то отступи и будь героем в следующий раз»? — без тени улыбки ответил полукровка.

— Именно. И я бы, наверное, даже сбежал, не будь у них с собой нескольких сковывающих.

— Погоня?

— Она, родная. Правда, мне повезло во второй раз — эти парни очень спешили, а потому отправили лишь одного колдуна и трех бойцов.

— Ошибка.

— Еще какая, — невесело ухмыльнулся Индржих. — Но они торопились, это чувствовалось, а потому делали глупости. Впрочем, я сумел плутать от них около суток, прежде чем стало понятно — оторваться не выйдет.

То, что произошло дальше, было очевидно Безымянному. Кто бы что ни говорил, а его гвар... его бывшая гвардия была натренирована именно для сражений, причем — отнюдь не только честных схваток строй против строя. Наоборот, им чаще приходилось сталкиваться со всякой взвесью вроде наемных убийц, разбойников, а то и просто буйнопомешанных. А потому, старослужащие вроде того же Индржиха отлично умели сражаться грязно, с помощью ловушек и засад.

Так и случилось. Первым Индржих прикончил мага, что было обязательным условием выживания. И это оказалось до банального просто — он, используя запас времени, подготовил несколько примитивных, но не менее от того действенных ловушек, и заманил четверку преследователей на них. Пока те вытаскивали упавшего в яму с кольями товарища, он со спины атаковал сковывающего и прикончил того одним ударом, после чего — растворился в тенях. Затем — добил раненого.

И вот на этом его удача закончилась.

Оставшиеся противники вцепились в жертву, точно гончие, не давая передышки и не отставая ни на секунду. В итоге, каким-то чудом он сумел заманить одного из них в болото,

а вот с последним уже пришлось схлестнуться на мечах.

— И знаешь, этот парень, наверное, был бы достойным противником даже для тебя... —

Индржих осекся, бросив короткий взгляд на изувеченную ногу Безымянного.

Тот поймал его взгляд и пожал плечами:

— Плата за верную службу. Рассказывай до конца, а потом будет мой черед.

— А что там еще говорить? Я кое-как перевязал раны и вернулся к лагерю, но там уже ничего не осталось кроме здорового пепелища. Пришлось топтать на юг пешком. Сам не понимаю, как добрался. Не иначе, Господь спас, — он осенил себя крестным знамением и закончил, выжидающе уставившись на своего бывшего капитана.

Безымянный вздохнул и заговорил. Он рассказывал медленно, не торопясь, старательно маскируя боль и отчаяние в голосе. Получалось так себе, но он старался. Когда последнее слово было произнесено, Индржих спросил:

— И что теперь?

— Я — отправлюсь на суд Вороньего Короля.

— Я с тобой!

Наверное, раньше он бы возразил, но теперь... Семь свежих имен кровоточили на его сердце. Семь душ, загубленных во имя амбиций... Еще одна гирька, брошенная на весы его совести. В результате, из всего отряда выжил он, Индр, и, возможно, пять пленников, который барон Паллидий забрал с собой. Слишком тяжелая ноша для того, чтобы нести ее в одиночку!

— Ты можешь погибнуть.

— Знаю.

— Хорошо, — он улыбнулся одними губами, хотя на сердце не было и тени радости, — отправимся вместе. Попросим барона дать сопровождение и припасы, чтобы как можно скорее оказаться в Кастэллуме.

— Думаю, его величество сейчас следует искать южнее.

— Ах да, армия Паллидия, отправившаяся на запад... Тоже неплохой вариант. Так и поступим.

Барон ни секунды не возражал против их спешной отправки. Казалось, он даже был рад тому, что этот груз теперь ложится на чьи-то еще плечи, и трудно было его осуждать за такое. Восточные графства разорены, и нужно заняться их срочным восстановлением и наведением порядка, что окажется весьма непростым делом, учитывая отправку изрядной части дружины для помощи Вороньему Королю, у которого традиционно не хватало собственной тяжелой конницы.

И, очевидно, что несколько чудом выживших людей, полулюдей и гарпий, совершенно не вписывались в эту картину мира. Безусловно, барона возмутило вероломство его высочества, но с этим пусть разбирается Вороний Король, как-никак, оскорбление было нанесено ему.

А потому, он договорился с командиром сотни, который выделил все ту же десятку для сопровождения, подготовил фураж, провиант и по три коня для каждого, после чего отряд со скоростью хорошего конного курьера отправился прочь, назад в Дилирис.

До Серены они добрались за какие-то сутки, нещадно мучая бедных животных. Заночевали на переправе — паромы снова начали работать, а с рассветом, угробив на это

несколько часов, перебрались на другую сторону, и оказались в Ничейных Землях.

Безымянный опасался встречи с порождениями этих гиблых мест, но, как и во время пути к королеве изначальных, дни шли один за другими, но ничего страшного не происходило. Если чудовища и водились здесь, то корпус Паллидия смел их с лица земли.

Знакомые пейзажи наводили на юношу тоску и усиливали приступы апатии, бороться с которыми он пытался, позаимствовав у десятника меч и пытаюсь тренироваться на привалах. Изломанное тело отказывалось слушаться: пальцы не гнулись, дыхание сбивалось спустя несколько минут, сломанное ребро больно кололо при каждом глубоком вдохе, ну а о том, что происходило с ногой, лучше было и не вспоминать.

Если до этого момента у него еще и оставались какие-то иллюзии относительно своего будущего, то теперь те развеялись, точно дым. Мастер меча умер и никогда больше не возродится вновь.

«Чудо, что я вообще остался в живых, рухнув с такой высоты», — думал он, пытаюсь левой рукой нанести укол в третью четверть с должной скоростью. Пока что получалось почти в три раза медленнее. — «И я по гроб жизни обязан Аелле, не думаю, что когда-нибудь смогу расплатиться с ней».

Он вздохнул и, оглянувшись по сторонам. На кострах уже вовсю готовили ужин, но немного времени оставалось.

— Ладно, — пробормотал он, — успею еще разок пройти малый цикл.

Заняв базовую стойку, он нанес первый удар, поставил блок, шагнул в сторону, нанес следующую атаку, отбил невидимый выпад, очередной подшаг...

Шаг, атака, блок. Шаг, атака, блок. Шаг, атака...

Скрипнув зубами от злости, бывший капитан гвардии отбросил меч.

— Проклятье!

Тело решительно отказывалось выполнять давным-давно до автоматизма заученные команды, и становилось понятно, что одним только упорством тут ничего не добиться. Есть стены, которые нельзя преодолеть без лестницы.

«Если бы Целительница была жива»... — закралась в голову гаденькая мыслишка, которую он тотчас же отбросил прочь. — «То что? Она и так перенапряглась сверх всякой меры, когда спасала нас на пути в графства, и исцеляла раненых во время ночного боя за замок Урсуса. Хватит уже, взгляни правде в лицо: ты больше не воин».

Его мысли прервали легкие шаги и тихий голос:

— Все тренируешься?

Полукровка обернулся на голос и увидел Аеллу. Гарпия шла, опираясь на костыли, которые для нее соорудили сопровождающие, и в целом она уже выглядела не столь жалко, как какую-то неделю назад.

— Пытаюсь, — он сел, ощущая волну облегчения, разлившуюся по измученному телу, — но, кажется, толку не будет. Как ты себя чувствуешь сегодня?

— Лучше, — гарпия присела рядом, но он заметил, как непроизвольно дернулись плечи девушки, будто та попыталась расправить крылья.

«Не один я мучаюсь от фантомных болей», — невесело подумал он.

— Знаешь, — заговорила Аелла, — я долго думала над твоими словами, ну, там, в лесу.

— Какими именно? Я многое говорил.

— Теми, что ты произнес сразу перед встречей с лункасами.

— Не помню, — соврал Безымянный, которому не хотелось возвращаться к тому

разговору.

— Насчет того, что твоя жизнь бессмысленна и пуста.

Она уставилась на полукровку, видимо, ожидая ответа, однако тот промолчал, надеясь, что собеседница поймет его настрой. Увы, но та и не думала отставать.

— Я понимаю — это не мое дело, но хочу сказать, что не стоит так сильно цепляться за прошлое. Даже я вижу его оковы на твоих руках и ногах. Если патэрас будет милостив, и не станет требовать крови, тебе придется как-то двигаться дальше. Но как это сделать в цепях из сожалений и старых обид? Подумай об этом.

С этими словами она повернулась и медленно ковыляя, зашагала обратно — к кострам, оставив Безымянного размышлять над сказанным.

«Двигаться дальше... Куда? И зачем?»

Голова опять начала болеть, а перед глазами возник образ: зеркало, подле него — трое. Он сам и две размытые тени... Картинка резко сменилась, став горной площадкой напротив черного зева пещеры. Перед внутренним взором вновь появилась гаденькая улыбочка принца, а пальцы правой руки, раздробленные ударом кованого сапога, заныли. Безымянный судорожно сглотнул и видение исчезло, а он спрятал лицо в ладонях, с трудом удерживая слезы.

— Двигаться дальше... — едва слышно прошептал он. — Обязательно двинусь, как только меч его величества дарует мне покой.

С этого вечера он еще больше замкнулся в себе, почти не разговаривал и лишь смотрел на далекие горы, вырастающие на горизонте, ведь каждая миля приближала к искуплению.

Когда далекие горы стали вдруг близкими — отряд добрался до подъема на перевал — полукровка испытал нечто, отдаленно напоминающее ностальгию.

Да, каких-то полтора месяца назад они вместе с Игнис скакали тут наперегонки, а теперь... Теперь он едет навстречу судьбе, Игнис, скорее всего мертва, а великие державы континента стоят в шаге от того, чтобы перегрызть друг другу глотки. А может, уже сделали и его.

Навстречу им не попадалось ни единого конного или пешего отряда, а потому спросить было некого. Голову все так же туманило, мысли путались, а провалы в памяти решительно не желали заполняться, но и это тоже уже было неважно.

Все было неважно. Значение имело лишь число миль, преодолеваемых в сутки. Оно, и ничего больше.

И все-таки, какая-то его часть, бывшая некогда капитаном гвардии и сохранившая воспоминания о страшной войне Мотыги, когда несколько лет подряд приходилось топить в крови взбунтовавшиеся провинции королевства, не прекращала попыток проанализировать сложившуюся ситуацию. Иногда даже ей удавалось взять контроль над разумом Безымянного, вот как сейчас.

«Итак, раз Паллидий увел армию на запад, не имея при этом тяжелой осадной артиллерии и большого количества боевых магов, можно предположить одно из двух» — размышлял он, глядя в затянутое тучами небо. — «Первое — Вороний Король без объявления войны ударил основными силами по герцогству Ришгат, сметя оборону его светлости Устина Вентиса и захватив регион целиком, в результате чего его ученик имел возможность беспрепятственно соединить свои силы с силами наставника и господина. С одной стороны, в этом есть смысл — герцог является лучшим полководцем королевства, а также — одним из сильнейших магов страны, и его поражение — страшный удар,

оправиться от которого будет весьма непросто. С другой же стороны, крепости герцогства могучи, войска — многочисленны, а значит, потери нападавшего окажутся серьезны, даже если речь идет про Древнего».

Он рассеянно отпил из фляги немного воды, радуясь, что на сей раз головная боль ненадолго оставила в покое. Этим подарком судьбы следовало распорядиться правильно.

«Так вот, мало того, что герцогство сильно, так оно еще и не самая перспективная цель с точки зрения завоевания, ведь самые богатые города находятся в центральной и южной частях страны, то есть — весьма и весьма далеко от него».

Безымянный вздохнул. Из этих умозаключений совершенно определенно вытекало второе объяснение, которое казалось совершенно неправдоподобным.

— Приветствую, Лариэс, барон предупредил о твоём приближении и сказал, что ты обладаешь чрезвычайно важными сведениями.

Безымянный дернулся, как от удара и широко раскрыв глаза уставился на говорившего. Он и не заметил, как к отряду подъехали почти три десятка конных воинов, вооруженных пистолетами, во главе с наследником герцога Устина Вентиса. Подъехали, в сопровождении почти двух десятков солдат в цветах Волукрима.

Несколько секунд потребовалось бывшему капитану гвардии для того, чтобы принять реальность, поражаясь, как же сильно все изменилось за столь короткий срок.

— Долгих лет жизни вашей светлости, — полукровка склонил голову в глубоком поклоне, — прошу простить мой вид, не знал, что буду счастлив лицезреть вас столь скоро. Я действительно везу очень важные сведения. И прошу не называть меня больше этим именем. Отныне я — Безымянный.

Улыбка сошла с прекрасного лица Клеменса Вентиса.

— Лариэс... — прошептал он.

— Ваша светлость, молю. Я больше не Лариэс, прошу забыть это имя и того человека, который на него отзывался.

Повисло тягостное молчание — бойцы сопровождения во все глаза смотрели на него, и в их лицах читался ужас вперемешку с любопытством.

— Тяжело тебе пришлось, вижу, — наконец произнес ветророжденный. — Надеюсь, я смогу услышать эту историю.

— Все смогут.

— Хорошо, тогда поспешим же к отцу, я уверен, что ему не терпится задать тебе множество вопросов.

— Как прикажет ваша светлость, — согласился Безымянный, в котором вдруг шевельнулась еще одна частичка его прежнего. — Но могу ли я прямо сейчас удовлетворить любопытство?

Взгляд Клеменса потеплел и в том появились огоньки надежды.

— Конечно, спрашивай.

— Как давно вы и его светлость Устин предали Дилирис?

Таривас сидел, слушая завывания. Никогда еще королева не была в таком бешенстве. Мать рвала и метала, била посуду и тяжелую утварь, покалечила пару слуг, оказавшихся не в том месте не в то время, и непрерывно бранилась вот уже около часа. А уж волны лютой, нечеловеческой ярости, то и дело накатывавшие на него, каждый раз лупили, точно тяжелые осадные орудия. Не самое приятное ощущение, от которого уже успела разболеться голова.

Мудрый Амандус и не менее мудрая Мислия ретировались при первых же признаках разразившейся бури и не показывали носа до сих пор, что, в принципе, было логично. И канцлер, и первая Тень целиком и полностью отвечали за провал, да еще какой!

Кто бы мог подумать, что дядя сотворит нечто подобное!

Кэлиста запустила очередной стеклянной шпукой, и та разбилась о воздушный щит, заблаговременно выставленный предусмотрительным принцем вокруг взбешенной королевы.

"Уже третья", — меланхолично подумал Таривас, — "Проклятье, я бы тоже сейчас хотел оказаться подальше от матери, но что поделать, должен же хоть кто-то воззвать к ее благоразумию".

Правда, рта он так и не раскрыл, ожидая, пока королева хоть немного восстановит самообладание. И так выходило, что ждать придется долго.

"Когда дела от состояния "совсем плохо" перешли к фазе "все пропало"? После убийства посла? Или после официального объявления войны"?

Сложно было сказать. События развивались так стремительно, что угнаться за ними не успевали даже зрячие возможным, что уж говорить про калеку, лишённого дневного света.

Болт поразил лишь главу посольства, но этого было вполне достаточно. Первым сориентировался Амандус — канцлер тотчас же приказал схватить оставшихся в живых посланников Волукрима, а также — всех членов свиты. Естественно, их и пальцем не тронули, лишь пытались выиграть неделю-другую времени...

Бесполезно. Одному Богу ведомо как, но Вороний Король почти сразу же узнал о случившемся, и его реакция оказалась однозначной. Буквально через два дня после убийства легионы вороноголовых перешли границу на севере, а целых пять боевых таборов виннифисцев — на северо-западе.

При этом все наемные отряды марравов как один отказались повиноваться короне и разбежались, точно тараканы, причем Таривас прекрасно понимал, куда именно они направились. Наемников, в одностороннем порядке разорвавших свои контракты никто не преследовал, и причина того была банальна — войско выступило из Сентия на север, дабы встретить орды вороноголовых на подступах к Секундусу — второму по величине городу королевства. Вот только никто и не собирался идти им навстречу. Захватив пограничные земли, Вороний Король неожиданно остановился, точно предоставляя своим врагам возможность совершить какую-то глупость, в то время как его марравы начали весело и задорно разорять западные пределы страны.

И тогда королева, чья армия уже успела дойти до Секундуса, отправила гонца к брату, который был как воздух необходим в действующей армии...

Ответ поверг в шок весь двор.

Таривас до сих пор помнил дрожащий голос чтеца, который озвучивал написанное

дядей, и даже сейчас принцу время от времени казалось, что ему это приснилось.

Дражайшей сестре моей. Сим письмом уведомляю о том, что ты — подлая тварь и клятвопреступница, чьи грехи могут быть смыты лишь кровью. Отрекаюсь от тебя и проклинаю, надеюсь, что Сатана заберет твою душу в ад, где она будет жариться до Страшного Суда на самой большой сковороде.

Более не считаю себя связанным какими бы то ни было вассальными обязательствами и объявляю тебя узурпатором, против которого и подниму верные мне полки, дабы очистить Дилирис от скверны.

Твой брат, Устин Вентис.

Таким образом, в одночасье, армия Дилириса безо всяких сражений потеряла порядка пятнадцати тысяч солдат, двух стихийных магов и шесть сковывающих. Если добавить к этому виннифисских наемников — еще около семи тысяч — то общие потери составили цифру, которая не всегда выходит после серьезного и очень кровопролитного сражения.

Вороний Король щелчком пальцев получил в свое распоряжение целое герцогство, а еще — претендента на престол Дилириса.

Таривас не вчера родился, он знал, что такое "борьба с узурпатором". Но отсюда следовало, что герцог, его жена и сын уже не один год были тайными сторонниками Волукрима.

Очередной хрупкий предмет врезался в воздушную стену, мелодично звякнув, из чего Таривас заключил, что мать добралась до чьей-то неосмотрительно оставленной в покоях гитары.

"Когда же она успокоится"? — подумал принц, начиная терять терпение.

Очередная жаркая волна ярости ответила: не сейчас.

Да, ситуация ухудшилась, а хитрые планы рассыпались в прах, но опускать руки, определенно, не стоило. У Дилириса еще оставалось порядка пятидесяти тысяч человек полевого войска, причем почти тридцать тысяч из них были лучшей в мире тяжелой кавалерией, с которой не могли сладить даже стальные легионы Аэтернума! Да, предательство дяди все осложнило до предела, но у короны есть верные полководцы, которые сумеют возглавить армию на поле боя. Тот же Пьюрхарт. Если удастся разбить Вороньего Короля в генеральном сражении, то получится затянуть войну и дожидаться, когда приготовления Ривеланда будут завершены, а дипломаты склонят Генерала на правильную сторону.

"Проклятье, если бы не это убийство"!

Принц так и не понял, с какого перепуга гвардеец прикончил старшего посла Волукрима и на кого он работал. Да что там — принц, Мислия билась головой о стену в бессильной ярости — ее хваленая агентурная сеть не смогла выдать ни единой зацепки, и первой Тени оставалось лишь предполагать.

Да, убийство выглядело предельно странным, но теперь это не имело никакого значения. Правителя Волукрима приперли к стенке. Вороний король попросту не мог не отреагировать на смерть подданного, наделенного правом говорить от его имени, да еще такую. Нет железных улик, указывающих на виновного? Значит, наказать следует Дилирис, ибо никто на континенте не поймет подобного миролюбия, да еще после яростных обвинений и безумной ночной атаки на Сентий.

Как результат, вместо затягивания переговоров и начала войны в следующем году, Дилирис получил вторжение уже сейчас.

"Стало быть, придется делать ставку на генеральное сражение", — решил принц. — "По идее, у вороны не должно быть войск больше, чем у нас. Он просто не успел бы их собрать за месяц, а значит, схватка окажется равной. Понять бы еще, почему он остановился там, где остановился"...

А мать, меж тем, начинала уставать.

Поорав еще десять минут — больше для приличия, нежели из необходимости, она наконец хрипло выдохнула, сделала несколько шагов, и до Тариваса донеслось судорожное бульканье — Кэлиста пила из каким-то чудом сохранившейся бутылки. Аромат, коснувшийся носа принца, принадлежал крепкому вину, выдерживаемому в дубовых бочках минимум пять лет и сейчас мать поглощала этот изысканный напиток прямо из горла.

Ярость начала сменяться усталостью, затем — обидой, после — отчаянием.

Она шумно выдохнула и произнесла:

— Сынок, как нам быть?

Эмоции этой властной и сильной женщины сейчас источали страх и неуверенность, и Таривас, немного помолчав, ответил:

— Все хорошо, мама, мы как-нибудь справимся.

Его словам не хватало уверенности, но с этим ничего уже нельзя было поделать — Тариваса переполняли сомнения. В какие-то моменты ему даже начало казаться, что, быть может, во всем виновато его желание прославиться и войти в историю победителем легендарного Вороньего Короля? Что не нужно было заваривать кашу, проглотить которую он не в состоянии? Но ветророжденный старательно гнал от себя эти мысли. Он — избранный Богом, он — сверхчеловек, имеющий право на все, что только пожелает. И не старой вороне стоять на пути его мечты!

Убедив себя таким образом, он повторил уже куда уверенней:

— Мы справимся мама. Выступаем завтра.

На губах Клеменса Вентиса снова появилась улыбка и он поравнялся с Безымянным, глядя на возвышавшиеся справа скалы.

— Как я понял, в этих горах на вас напали?

— Да, — кивнул полукровка, — и после — в Воллисе. Их командир возглавлял армию изначальных, которая штурмовала замок барона. Но Паллидий, наверное, уже рассказал это.

— Да, рассказал, — сын Устина задумчиво почесал подбородок. — Мы так и не смогли понять, кто стоит за этим, хотя место боя проверяли как ищейки матери, так и гарпии его величества.

Безымянный не перебивал, он слушал.

— Так вот, возвращаясь к твоему вопросу. Мы — не предавали. Мы считаем, что с Волукримом нужно дружить, что эта держава единственная удерживает мир от хаоса новой Последней Войны. Идеалы его величества — ограничение числа Ступивших на Путь Вечности, а также укрощение их нрава — то, что нужно Интерсису. Ты видел, на что способны Ридгар и Орелия? А теперь представь сотни таких существ, не сдерживаемых ничем: ни моралью, ни верой, ни какими человеческими законами.

— И поэтому вы переметнулись? Предали свой род?

Изящные брови изогнулись.

— И что с того? Если я все правильно понимаю, Таривас бросил тебя, иначе ты бы не

отказался от имени, дарованного тетей. Или я ошибаюсь? Почему же ты держишься за кузена?

Бывший капитан гвардии отвернулся. Это было справедливо, но, увы, старые привычки умирают медленно.

— Да, все верно. Его величество предал нас, а меня — сбросил со скалы, и, если бы не самопожертвование Аеллы, я бы сейчас не ехал рядом с вами.

И он в трех словах пересказал все, что произошло на на Седом Старике.

Ветророжденный слушал молча и лишь по тому, как сжимались его кулаки и крепчал ветер вокруг, можно было понять — он в бешенстве. Когда Безымянный, наконец, закончил, Клеменс спросил:

— Но?

— Но все-таки вы предали свою страну.

— Моя страна тут, — Клеменс обвел рукой вид, открывавшийся с горной тропы. — Это герцогство, я люблю его всем сердцем, и мне, откровенно говоря, нет дела до того, что произойдет с развращенным Сентием.

Юноша кивнул, принимая доводы ветророжденного.

— Господин, не расскажете ли вы мне, что сейчас творится в мире? — задал он следующий вопрос.

— Расскажу, — радостно согласился тот. — С чего мне начать?

— С войны. Она уже идет?

— Увы, да.

— И как обстоят дела?

— Хм-м, дай подумать. Это зависит от того, с чьей точки зрения смотреть, — он улыбнулся, явно рассчитывая на то, что собеседник ответит на улыбку, но виконт, увы, был сейчас на это не способен.

— Пускай это будет точка зрения вашего нового господина.

Клеменс несколько секунд смотрел на полукровку, затем кивнул.

— Пускай. Итак, с чего бы начать? Пожалуй, все резко ускорилось после убийства Волукримского посла.

Глаза воина широко распахнулись.

— Они безумели?

— Понятия не имею, но это стало последней каплей.

Безымянный кивнул — не понять такое было невозможно. Сперва — предательство и то ли похищение, то ли убийство приемной дочери и друзей, затем — такое.

— И что было дальше?

— Дальше — армии Волукрима вступили в северные регионы Дилириса, захватив ряд пограничных крепостей. Марравы, в свою очередь, двинулись из Виннифиса, правда, без Оракула, насколько я знаю.

— Все настолько серьезно?

— Даже серьезнее, чем ты думаешь.

— И где сейчас армия его величества? Под Секундусом? Или уже штурмует Сентий?

— Нет, она остановилась на Мариевых полях, и мы как раз к ним направляемся.

Полукровка недоуменно воззрился на своего собеседника.

— Как это? Зачем отдавать преимущество своему врагу?

— Увы, это мне неизвестно. Все, что я знаю, так это то, что войска Дилириса уже

подошли к Секундусу и очень скоро выступают навстречу захватчикам, которые никуда не торопятся. Почему? Это, наверное, нужно спрашивать у генералов Вороньего Короля...

— Итак, брат, напомни еще раз, зачем мы торчим тут? — Изегрим вопросительно воззрился на Корвуса, склонившегося над картой области, и внимательно слушавшего донесение Каш-Рона.

Генерал каррасов замолк и покосился на Охотника, но тот и бровью не повел.

— Так что скажешь, брат? Раз уж ты начал войну, почему бы не пойти на юг? И отчего ты до сих пор не отдал мне приказ? Ловчие готовы по первой твоей команде устроить бойню среди дворян Дилириса.

— На второй вопрос отвечу: нет. Договор с Лорием все еще в силе — я попытаюсь придерживаться его так долго, как только получится. У нас еще есть шанс избежать новой Последней Войны.

— Ну ладно, а теперь ответь на первый.

Корвус отстранился от карты и почесал перышки Ании. Птица гордо каркнула и Изегрим поморщился.

— Да-да, я знаю, что плох в стратегии, можешь не напоминать, пернатая. Ну так что?

Корвус покосился на Каш-Рона и генерал, поняв приказ, откашлялся.

Гигантский каррас, чьи перья были черны, как ночь, чуть наклонил голову, и все равно он на две головы возвышался над Охотником.

— Все очень просто, о Древний. — Клюв даровал каррасу специфический выговор, отчего некоторые его слова было непросто разобрать. — Цель войны — победить врага, не так ли?

— Естественно.

— Но что нужно сделать для этого?

Изегрим на миг задумался.

— Захватить его земли и разрушить города?

Каррас громко каркнул и покачал головой.

— Нет, о Древний. Сердце любой страны — армия. Уничтожь ее, и земли падут, точно спелый плод, а города растворят свои ворота.

— Это, в целом, понятно, но вы так и не ответили на мой вопрос.

— Я почти добрался до сути, о Древний.

— Слушаю с большим интересом.

— Чтобы уничтожить армию врага, нужно навязать ему бой на своих условиях в выбранном тобой месте. И эти поля — то самое место.

Изегрим посмотрел на воронолюда с нескрываемым удивлением.

— Знаешь, я действительно плохой стратег, но все-таки кое-что понимаю. Например, то, что лучшая в мире конница имеет на ровных, точно блюдце, лугах подавляющее преимущество.

Генерал заклокотал, что у каррасов означало смех.

— Враги будут думать также, о Древний. И придут сюда. Они приведут все, что смогут, а потом их ждет сюрприз, очень, очень интересный сюрприз. Времена, когда конница повелевала полем боя, проходят, и Дилирису придется осознать эту горькую правду рано или поздно.

— Стало быть, ты желаешь рассказать им об этом, — усмехнулся Изегрим.

Клюв генерала снова раскрылся, издав клекот.

— Я уже немолод, о Древний. Я начал воевать еще во время Третьей Войны Гнева, но, увы, после нее мне так и не представилось возможности вписать свое имя в историю. Пусть наш род долговечнее людского, но пройдет еще полсотни лет, и моя рука будет слишком слаба, чтобы удерживать древко нагинаты, а ум — слишком вял, чтобы командовать армиями. Потому, разделяя скорбь Отца о душах, что будут загублены, я одновременно ликую, ведь очень скоро мне выпадет поистине редкий шанс.

— Сразиться с Генералом? — понял его Изегрим.

— Да, о Древний.

— Стало быть, не веришь, что наш маленький спор с Вентисами удастся обезопасить от вмешательства Лория Солума?

— Ни на секунду.

Охотник покосился на Корвуса, который с отсутствующим видом смотрел в дальний угол шатра, наблюдая что-то только одному ему понятное. Ощувив на себе взгляд друга, сковывающий моргнул и, не оборачиваясь, ответил:

— Вы оба — пессимисты.

— Скорее уж, реалисты. Да и ты сам не думаешь, что на этот раз нам удастся выкрутиться.

— Отчего же, я верю в то, что шанс есть. Лорий, что бы ты о нем ни думал, еще меньше меня жаждет погрузить мир в пучину новой войны между Ступившими на Путь Вечности.

Изегрим нетерпеливо махнул рукой.

— Ладно, ладно, поступай, как знаешь, меня сейчас больше интересует нечто другое. Генерал Каш-Рон.

— Да?

— Сколько у нас войск на сегодня?

— К сожалению, не так много, как хотелось бы, — недовольно ответил каррас. — Отряды все еще продолжают стекаться со всех уголков страны, при этом порядка двадцати тысяч мы вынуждены оставить на востоке — порождения Темного Леса в этом году атакуют с необычайно силой. Еще пять тысяч продолжают очистку южных областей Бескрайней Равнины — некоторое количество изначальных просочилось через горы. И пускай они разрознены и лишены командования, но их надлежит уничтожить. Также не стоит забывать про корпус Паллидия, который подойдет к нам вместе с новыми союзниками, но лишь через неделю, не раньше. И это, не говоря о тех полках, что остались на западе страны по приказу Отца. Так что мы можем говорить едва ли о пятой части постоянной армии Волукрима. Прс союзников я молчу. Впрочем, для Дилириса этого будет более чем достаточно, в противном случае, нас сейчас бы здесь не было.

Изегрим кивнул:

— Не думал, что его величество Устин Вентис так быстро определится со стороной.

— Его величество? — Корвус отвлекся от размышлений и сейчас внимательно слушал беседу своего полководца со Хозяином Горы, как Изегрима называли в Хавланде. — А не торопишь ли ты события?

— Ничуть. Я, в целом, понял твой план. Разбить королеву в пух и прах, после чего — скорым маршем взять Сентий и посадить на престол ее брата. Если проделаем это быстро, то появится шанс закончить до того, как Лорий примет окончательное решение.

— В целом да, — согласился Корвус, — но есть одна маленькая проблема.

— Ривеланд?

Охотник был плохим стратегом, но хорошо разбирался в политике.

— Именно. Я пока еще не знаю, какое отношение ко всему этому имеет Кайса, но совершенно уверен — она несет свою долю ответственности за случившееся. Именно поэтому почти сорок тысяч воинов собраны в окрестностях Кастэллума. Они могут понадобиться, если армия страны Тысячи Рек вторгнется в герцогство Тиерланд. Вассалов следует защищать.

— Стало быть, у нас остается не так и много?

— Двадцать пять тысяч каррасов, десять тысяч человек и около восьми тысяч гарпий, — ответил сковывающий. — Итого — сорок две тысячи человек.

— Внушительная сила.

— Да, и она станет еще внушительнее, когда к нам присоединятся Паллидий и Устин Вентис, и два из пяти боевых таборов Катержины. Если успеют, конечно.

— А если Кэлиста прибудет раньше?

— Придется потрудиться, — ответил вместо Корвуса Каш-рон, — но только и всего. Наши маги ни за что не проиграют ветророжденным, артиллерийская поддержка на порядок превосходит вражескую, а пехота, я уверен, сильнейшая в мире. Останется только продемонстрировать это. А на вас и ваших ловчих, о Древний, ложится важная задача.

— Я знаю, — нехорошо усмехнулся Охотник, ощущая раздражение. — Разведка, диверсии и убийства. Все, как всегда. Тут мало кто может со мною тягаться, кроме, разве что, этого ханжи.

Он презрительно скривил лицо.

— И когда вы с Ридгаром помиритесь? — меланхолично задумался Корвус.

— Никогда, это же очевидно... — Изегрим взял паузу и поинтересовался. — Кстати, ничего о нем не слышно?

Глаза Корвуса превратились в щелки, и он вновь коснулся перьев Ании.

— Ни о нем, ни об Орелии, ни об Игнис. Можно быть уверенными в том, что они выполнили свою задачу, но...

— Но в королевских темницах Дилириса их не оказалось, мы проверяли.

— Именно. Быть может, они все еще блуждают по подземельям, но тогда становится непонятно, отчего мне не удастся найти на грани ни Ридгара, ни Лариэса.

— А это еще кто?

— Щит принца Тариваса и сноходец. Совсем молодой и неопытный, мы вместе с Кающимся дали ему несколько уроков.

Древнему показалось, что он ослышался.

— Погоди. Ты что же это, обучал доверенного человека Тариваса искусству хождения по Грани?

— Да, а что?

Охотник глухо застонал и хлопнул себя по лбу.

— Ах да, я же забыл, с кем имею дело. Фанатичный учитель, готовый передавать знания даже булыжнику, если тот окажется в состоянии их усвоить.

— Сноходцев слишком мало, — мягко заметил Корвус.

— Да, да, расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю, — отмахнулся Изегрим.

«Проклятье, вот всегда он так! Подумать только — учить воина врагов... Впрочем, тот,

стало быть, тоже не отвечает? Хм-м» ...

— Ты проверяешь регулярно? — уже другим тоном уточнил Охотник.

— Каждую ночь.

А вот это, действительно непонятно. Если Орелию еще можно убить, то Ридгар — бессмертен. Буквально. Не существует способа окончить его пытку. Тут пасовали даже бирюзовые камни Изегрима. А значит, что?

«Значит, его пленили. Сильный сковывающий вполне в состоянии заключить этого ханжу в тюрьму. В прошлом было несколько умников, провернувших такой трюк».

Вся проблема заключалась в том, что чародеев подобной силы не так уж и много. Да что там, Корвус с Изегримом не одну сотню лет работали не покладая рук, чтобы число подобных типов свелось к минимуму, и Охотник с уверенностью мог сказать, что с этой задачей они справились. По крайней мере, частично. Количество Ступивших на Путь Вечности неуклонно сокращалось со времен Второй Войны Гнева, когда большая часть Древних, разделившись на два лагеря, практически истребили друг друга. А уж после уничтожения изменников из Темного Леса в Интерсисе едва ли можно было насчитать полсотни Ступивших на Путь Вечности.

«Но если не Древние, то кто?»

Ответ на этот вопрос приходил в голову сам-собой, и Корвус, определенно, не мог не думать о том же самом. И поэтому сорок тысяч человек полевого войска остались в Кастэллуме.

«Если не Древние, то либо особо могучий сковывающий, либо менталист. Проклятье, неужели эта сумасшедшая сука действительно учудила подобное? Надо было в свое время плюнуть на Лория и прикончить ее, хотя чего уж теперь, прошлое нельзя переписать».

Он потянулся и кивнул товарищам.

— Ладно, планируйте сражение и дальше, а мы с ловчими подготовим королеве несколько своих сюрпризов.

Кивнув Корвусу, он развернулся и покинул шатер, возле которого замерли четыре старших ловчих — его ученики, сумевшие пройти последнее посвящение и ступить на Тропу Вечности.

— Каковы будут твои приказы, Учитель? — обратился первый из них.

— Выдвигаемся, не теряя времени. Мы должны продемонстрировать ее величеству наше гостеприимство.

«Не волнуйся, Корв, я не подведу тебя. Армия Дилириса прибудет на Мариевы поля после корпуса бледного мальчишки. Победа будет за нами».

«И вот я снова тут», — подумал Безымянный, когда копыта коней вновь застучали по булыжникам дороги.

Горы остались позади, и он оказался непосредственно во владениях герцога.

— Кстати, а ваш отец еще тут, или уже выступил на соединение с армией Вороньего Короля? — поинтересовался он у Клеменса.

— Через несколько дней должен уже быть на месте, — ответил юноша. — Так что и мы не будем тянуть время. Сейчас сменим коней, пополним припасы — и вперед. Через несколько дней на Мариевых полях разразится страшная битва, результат которой во многом определит будущее Дилириса, и я ни за что не пропущу ее. Сможете скакать по ночам?

Этот вопрос был обращен не к Безымянному, который даже в таком состоянии мог держаться без сна несколько суток и не выбираться из седла днями. И не к двужильному Индржиху, который после встречи с отрядом ветророжденного заметно повеселел. Сын герцога спрашивал Аеллу, с которой немало общался в последние дни. Тяжелейшее путешествие заметно сказалось на недолечившейся гарпии — она похудела и осунулась, под глазами залегли круги, да и само лицо ее все больше и больше начало походить на маску боли и отчаяния.

Да, Аелла крепилась, делала вид, что все в порядке, но Безымянный не один и не два раза слышал, как она всхлипвала по ночам, думая, будто все вокруг уснули. Дочь неба продолжала оплакивать свои крылья.

— Я справлюсь, — тихо произнесла гарпия, — спасибо, ваша светлость, вы очень добры.

Клеменс тепло и открыто улыбнулся ей.

— Тогда поторопимся!

И снова нудные тягучие дни, наполненные страхом и надеждами. Игнис была предоставлена самой себе — ее мучительница то ли не могла оторваться от государственных дел, то ли решила мучать огнерожденную неизвестностью, и девушке оставалось лишь молить Бога о том, чтобы та подольше не приходила. И еще очень хотелось верить, что Дикая Роза Севера не станет больше мучать Ридгара.

«Ну да, конечно же, именно умением держать слово Кайса и известна», — саркастически подумала принцесса, горестно вздыхая и поворачиваясь на другой бок.

Неожиданно ее размышления были прерваны тихим звуком. По коридору кто-то шел, а точнее — крался.

Игнис тотчас же вскочила и наострила уши. Несколько секунд ничего не происходило, но потом ее слуха вновь достигли эти слабо различимые звуки.

«Нет, не показалось».

Тотчас же в сердце девушки зажглась дикая, безумная надежда, что сейчас ее спасут.

«Может, это ловчие Изегрима? А может, отец? Или Лариэс?»

Она сама не поняла, почему подумала о Щите принца, но это было бы действительно в его духе — пробраться в центр вражеского логова, чтобы спасти товарища.

Звуки неуклонно приближались, и Игнис вся обратилась в слух, забыв даже дышать. Наконец неизвестный остановился — прямо напротив ее камеры. В замке повернулся ключ и дверь с тихим скрипом отворилась. Увидев, кто стоит перед ней, Игнис лишилась дара речи: на пороге камеры замерла Блаклинт, одетая в дорожное платье. Подле камеры, прислонившись к стене, лежали охранники, не подававшие признаков жизни.

— Блаклинт? Что ты тут делаешь? — пораженно воскликнула огнерожденная.

— Тише... Идем, пока не поздно.

С этими словами ее спасительница сделала шаг назад, но огнерожденная продолжала стоять на месте.

— Скорее же, у нас очень мало времени.

— Что, еще одна забава Кайсы? Ей мало моих унижений, теперь хочет лишить и надежды? — с ненавистью в голосе спросила она.

— Нет, все не так, верь мне.

— Верить тебе? — ее трясло от ненависти. — А с чего бы? Ты предала нас всех, ты делала вид, что мы подруги, а за спиной ждала подходящего момента, чтобы нанести удар, ты...

Последнюю фразу она не договорила, но перед глазами огнерожденной вновь возникла картина двух переплетенных в порыве страсти тел.

— Убирайся прочь, Блаклинт, — процедила она.

Северянка затравленно посмотрела на огнерожденную.

— Игнис, я не предавала и даже не знала, что в конце пути нас ждет ловушка. Мать никогда не верила мне достаточно для того, чтобы посвятить в детали. Я же рассказывала, кем меня считают при дворе. Пожалуйста...

Отчаяние в голосе девушки было неподдельным, ну, или она очень хорошо умела играть, но... Игнис вспомнила их посиделки втроем с Клариссой, вспомнила искреннюю боль и обиду в словах Блаклинт, вспомнила, как учила ту преодолевать собственные страхи...

«Нет, такое нельзя имитировать! Я отказываюсь верить, что кто-то может оказаться столь гениальным актером, нет, это просто невозможно»!

Но если предположить, что Блаклинт говорит правду, то выходит...

«Она собирается пойти наперекор воле матери? Блаклинт? Наш трусливый северный василёк?»

Поверить в такое было весьма непросто. Ривеландская принцесса еще во время похода зарекомендовала себя девушкой крайне неуверенной в собственных силах, и лишь помощь Игнис и Клариссы — воительницы, чья красота вызывала у огнерожденной приступы острой зависти — помогли северянке выбраться из раковины, в которую та спряталась, будто пугливая улитка.

«Получается, наша улиточка умудрилась отрастить себе пару... хм-м, ног, так, что ли?»

Это следовало проверить.

— Почему? — спросила она.

— Что? — не поняла Блаклинт.

— Почему ты здесь? Почему предаешь собственную мать? Представляешь, что она с тобой сотворит, если поймает? Для чего нужно так рисковать?

— Я... — Блаклинт зажмурилась и сжала пальцы так, что костяшки хрустнули, — всю жизнь старалась угождать ей, быть преданной и послушной дочерью. Я любила ее и верила, несмотря ни на что... Но это... То, что она совершила... Это непростительно!

Последние слова были произнесены с такой яростной уверенностью, что сомнения Игнис окончательно рассеялись.

— Ты знаешь, что она планирует делать дальше?

— Нет, — отрицательно покачала головой девушка. — После возвращения меня заперли во дворце, постоянно следят и не позволяют и шага ступить одной. Ты не представляешь, как трудно было пробраться сюда незамеченной! У меня месяц ушел на подготовку.

И Игнис приняла решение. Быть может, все это — хитрая игра Кайсы, а Блаклинт — идеальная актриса, но, если судьба дает шанс, им нужно пользоваться, а потому огнерожденная шагнула вперед и указала на ошейник, блокирующий чары.

— Сможешь снять это?

Блаклинт протянула руку вперед и коснулась артефакта. Что-то хрустнуло, и камень, сковывающий дар девушки упал, а затем Игнис захлестнула эйфория. Сила, долгие дни сдерживаемая при помощи магии Кайсы, рекой хлынула в тело и девушке пришлось прикрыть рот руками, чтобы не застонать от наслаждения.

Как же, оказывается, хорошо быть самой собой.

Игнис щелкнула пальцами, и возле ее маски зажглось несколько огоньков. Девушка с блаженством улыбнулась и повернулась в сторону коридора, ведущего к спуску.

— Идем.

— Стой, ты куда?

— За Ридгаром.

— Нет, мы должны бежать!

— С ним наши шансы заметно повысятся, — безапелляционно заявила Игнис, направляясь вперед. — За мной.

«Ну, девочка, соберись», — подбодрила она себя, добравшись до лестницы, — «скоро все будет хорошо».

В несколько прыжков огнерожденная добралась до последней ступеньки, прикончила

стражников двумя огненными шарами, сбила засов и распахнула дверь. После чего, не останавливаясь, побежала вперед, стараясь не обращать внимание на тружеников заплечных дел. Блаклинг спешила за ней, и Игнис, не теряя ни секунды, испеклила двух последних стражей и бросилась в камеру Ридгара.

"Сейчас я спасу тебя"! — лихорадочно билась внутри черепной коробки одна единственная мысль. — "И мы сбежим отсюда"!

Она распахнула дверь в пыточную и...

Оглушающая боль расцвела внутри девушки и та, пронзительно закричав, рухнула на каменный пол. Рядом с ней повалилась и Блаклинг. Ни одна из них не успела даже подумать о сопротивлении, как все было кончено.

— Подумать только, а вот и две маленькие горлинки, ай-ай-ай, как нехорошо, — сквозь накатывающие волны кошмарной муки различила Игнис. — Доченька, я не ожидала от тебя такой глупости. Неужели ты и правда считала, что сможешь скрыть от меня подготовку? Нет, серьезно?

Боль немного отступила и Игнис поняла, что вновь отсечена от магии. Рядом с ней стонала Блаклинг, и на ее красивом лице было написано дикое, непередаваемое страдание. Перекатившись на спину, огнерожденная увидела Кайсу, совершенно спокойно сидевшую возле прикованного к цепям Ридгара; Мелиса, с мрачным лицом стоявшего там же; и еще троих. Первым оказался безногий и однорукий старик в бесформенном черном балахоне, сидевший в кресле с приделанными к нему большими колесами. Девушка раньше никогда не встречала столь искусно изготовленных приспособлений для передвижения калек, и даже сквозь боль поразила мастерству неизвестного ремесленника. Позади старика стоял тот самый колдун, что преследовал их по дороге от Сентия и до крепости барона Урсуса. Конечно, Игнис сама не видела его, но описания, оставленные Лариэсом и Орелией были предельно детальными. Сковывающий, заметив взгляд огнерожденной, отсалютовал ей, причем в жесте его не было ни капли насмешки. Кажется, наемник действительно восхищался отважностью беглянки.

Наконец, она перевела взгляд на последнюю незнакомку — девушку лет шестнадцати. При взгляде на нее глаза Игнис широко распахнулись от ужаса, а на губах замер вопль. Девушка — нескладная, с неоформившейся фигурой подростка и простым, незапоминающимся лицом, — на самом деле была нечто большим, чем человек. Из ее слепых глаз взирала Вечность.

«Оракул»! — поражено подумала Игнис. — «У нее есть свой чертов оракул»!

И она вперила взгляд в старика, который казался ей странно знакомым.

— Вот видите, наставник, — Кайса обратилась к калеке в черном, — я же говорила, что эта дурочка бросится сюда, спасти своего ненаглядного Кающегося.

Ридгар был без сознания, но Игнис не видела на его коже крови, а на полу — следов пыток. Скорее всего, Дикая Роза Севера усыпила Древнего при помощи ментальной силы. Но почему она это сделала? Быть может потому, что Кающийся не должен был видеть эту троицу? А из-за чего?

Девушка с трудом сглотнула и попыталась встать, но ничего не вышло. Тело полностью отказалось повиноваться.

«Стоп... наставник»? — до нее вдруг дошло, с каким почтением безумная королева обратилась к калеке.

Старик сделал жест, и чародей подкатил кресло на колесах к лежащим девушкам.

Старик опустил капюшон, и мороз прошел по коже Игнис. Волосы и уши у него отсутствовали, лысый череп покрывали кошмарнейшие шрамы, горло было исполосовано так, что возникло ощущение, будто голова этого человека в свое время была отделена от тела.

Как можно было выжить с такими ранами, Игнис не представляла. Даже отца не столь сильно изувечил Кодем, прозванным за это преступление Продитором.

Старик щелкнул пальцами, и Игнис сама по себе поднялась и замерла напротив холодных гноящихся глаз, в которых застыли прошедшие века. В следующий миг она ощутила дикую, раскалывающую голову боль. Ей на миг показалось, что нечто мерзкое заползает в сознание, старается подчинить, переделать, изменить.

Леденящий холод ужаса заполз в сердце девушки, но она собрала все силы и вытолкнула это нечто наружу. Глаза старика сузились, и его безгубый рот искривился в подобии усмешки.

— Сильная, как и все Фейргеборы, — процедил он. — Другого и не ожидал. Теперь — вторую.

Игнис без сил упала на землю и услышала дикий вопль водороденной. Спустя несколько томительно долгих секунд вновь раздался голос старика.

— Как и эта. У тебя крепкая дочь, Кайса.

— Она-то? — в голосе королевы послышалось неподдельно удивление. — Эта неумеха?

— У этой неумехи хватило сил для того, чтобы бросить вызов родной матери и попытаться спасти подругу. Девочка, не зазнавайся.

— Кто ты? — с трудом прошептала Игнис.

— Не имеет значения, дитя. Тебе необязательно знать это. Пусть я буду всего лишь придворным сковывающим ее величества Кайсы Иссон. Все равно ты забудешь этот разговор, уж это-то я могу обещать.

Повинуясь знаку старика, сковывающий за его спиной развернул коляску.

— Я увидел все, что хотел, Кайса. Неплохо.

— Спасибо, наставник.

— Не за что. Мы отправляемся назад, а ты действуй согласно плану.

Игнис чуть приподняла голову и смогла увидеть, как безумная королева склонилась в глубоком, полном уважения поклоне.

В противоположной стороне камеры в стене открылся проем, в который и направились незнакомцы.

«Да кто же он такой»? — промелькнуло в голове у девушки, но увь, ответа не было. Ей оставалось лишь смотреть на исчезающих в потайном ходе людей.

Когда стена вернулась на место, Кайса нехорошо улыбнулась.

— Ну а теперь мы с вами, девочки, вернемся в милую и уютную камеру. Мелис.

— Иду, иду, — оборотень легко подхватил девушек и закинул их на плечи плечи. — Следую за вами, хозяйка, а вы, дурочки, не дергайтесь. Ах да, вы же не можете шевельнуть и мизинцем.

— Да пошел ты, придурок, — процедила Игнис.

— Куда ж я денусь? А вот ты вернешься туда, откуда пришла. И кто из нас придурок после этого? Надо было вам сразу бежать прочь из темницы, а не пытаться спасти Бледного.

Игнис ничего не ответила, и не потому, что ей было больно, нет. Оборотень оказался прав — ее глупая попытка спасти всех обернулась трагедией.

— Ну, не то, чтобы это помогло, — продолжил Мелис, — вас, Огонек ждали и снаружи. Он пронес своих жертв по через пыточные залы и поднялся в тюремный коридор.

— А если честно, Василек, ты что, действительно настолько глупая? Неужели думала, что сможешь скрыться от надзора и обмануть магию? — продолжил оборотень.

Блаклинт прошептала что-то, но Игнис не расслышала ее слов, да этого и не требовалось. Что можно сказать в этой ситуации? Да, обе девушки повели себя как дуры, и теперь им придется расплачиваться за содеянное.

По команде оборотня стражники — это уже были новые воины взамен тех, что нейтрализовала Блаклинт — открыли дверь камеры и Мелис кинул девушек на кровать. Они все еще находились под воздействием ментального контроля Кайсы и практически не могли двигаться, а потому Игнис, которая упала на спину, оставалось лишь смотреть на своих пленителей.

— Выйдите все, я хочу поговорить с дочерью с глазу на глаз, — скомандовала Дикая Роза Севера, грациозно вступая в камеру.

Все присутствующие испарились, как по мановению волшебной палочки, и тяжелая металлическая дверь с лязгом затворилась за спиной королевы Ривеланда.

Повисла тишина, нарушаемая лишь жужжанием мухи, влетевшей через небольшое зарешеченное окошко. Кайса стояла, уперев руки в бока, и молча разглядывала девушек. Те — во все глаза смотрели на нее.

Наконец, королева широко улыбнулась и щелкнула пальцами. Оцепенение и боль исчезли, как по волшебству и Игнис смогла наконец пошевелиться. Рядом застонала и села на кровати Блаклинт. Игнис последовала ее примеру.

Не было ни малейшего смысла пытаться напасть на Кайсу — без защитного амулета их силы попросту несопоставимы. Да, Кайса Ривеландская выделялась недюжинным талантом даже на фоне очень одаренных чародеев. Два дара: магия воды и ментальная магия породили такую взрывную смесь, что даже Древние бы десять раз подумали, прежде чем атаковать нее.

Это прекрасно понимала и северянка, восставшая против матери. Кому, как ни ей, были известны пределы безумной королевы.

— Ничего не хотите сказать мне, девочки? — изящная бровь Кайсы выгнулась, и водороденная по очереди пробуравила взглядом сперва Блаклинт, затем — Игнис.

Девушки молчали.

— Хорошо, тогда скажу я. Ты, Блаклинт, повела себя, как последняя дура, попытавшись вытащить подругу из тюрьмы, но я ценю столь трепетную и преданную девичью любовь, — алые губы Кайсы чуть приоткрылись, обнажая жемчужные зубки, — а раз так, то отныне вы будете скрашивать заключение друг-другу. О да, скрашивать...

Она прикрыла глаза, и мурлыкнула, точно кошка, которую погладили за ухом, после чего, все также зажмурившись, извлекла откуда-то два новых ошейника вроде того, что был на Игнис.

— Оденьте их друг другу.

Игнис со вздохом взяла ошейник в руки и одними глазами показала Блаклинт: "не сопротивляйся", та кивнула и чуть задрала подбородок, облегчая подруге ее невеселое дело. После того, как Игнис приладила украшение, то с легким щелчком закрылось, причем так, что не осталось даже щели, в которую можно было бы просунуть, например, булавку.

Следующая очередь была за Игнис, и та гордо вздернула подбородок, стараясь смотреть

на Кайсу как можно суровее. Та лишь улыбнулась, но во взгляде широко распахнутых глаз Игнис увидела тлеющие угольки безумия и поспешно отвернула взгляд. Когда ее ошейник оказался защелкнут, Кайса испустила долгий протяжный стон и, как на миг показалось огнерожденной, чуть наклонилась в их сторону, затем водороденная тряхнула головой, отчего локоны цвета жемчуга рассыпались по гладким щекам, и повернулась лицом к двери.

— Тебе принесут кровать и все необходимое, дочка, — сдавлено проговорила она, — и завтра вы пойдете в бани, смоете с себя грязь... Да, смоете... грязь...

Ее дыхание становилось все более прерывистым, во взгляде читалось все большее безумие. Пальцы королевы судорожно сжимались и разжимались, комкая платье, в какой-то момент в уголках губ выступила слюна и Кайса, плотоядно облизнувшись, сделала шаг навстречу своим беспомощным пленникам.

— Вы были очень, очень плохими девочками... вы грязные, мерзкие шлюшки... вас нужно... наказать... О да, грязные... мерзкие... наказать, наказать... Наказать!

Последние слова она выкрикнула, одним прыжком преодолев расстояние до обездвиженных принцесс, затем схватила Игнис за волосы и с силой дернула.

— Ты что удумала, убежать от меня? Неблагодарная тварь! И это после того, как я спасла тебе жизнь!

Лицо Кайсы почти вплотную касалось лица Игнис, и девушка могла различать странный аромат, исходивший от королевы — чуть пряный, не походил на аромат духов, скорее — на какое-то алхимическое зелье.

«Она что, под действием наркотика»? — ужаснулась Игнис, но уже в следующую секунду ей резко стало не до рассуждений.

Невменяемая Кайса сорвала с огнерожденной маску и поцеловала ее. Жадно, давясь и кусая губы, просовывая свой язык в рот беспомощной девушки. Это было настолько мерзко, что Игнис едва не стошнило, и, к несчастью, Речная Королева ощутила эмоции своей пленницы.

Она резко отстранилась и закатила девушке оглушительную пощечину, от которой голова огнерожденной дернулась, а внутри черепной коробки загудело. Удар пришелся по обожженной части лица, и омертвевшая кожа несколько смягчила боль, но Кайса, видимо, решив, что негоже жертве отделяться так легко, ударила ментальными чарами. Не сильно, можно сказать, любя, но все тело девушки выгнулось от невыносимой агонии, а рот открылся в немом крике — по какой-то своей прихоти Королева перехватила управление голосовыми связками и лишила свою жертву даже такой милости.

Пытка продолжалась считанные секунды, после чего дрожащая и вновь обретшая власть над своим телом Игнис упала прямо на Блаклинт.

При виде этого Кайса плотоядно ухмыльнулась и сделала шаг назад, подошла к стулу и уселась на него. Пелена безумия, наконец-то полностью укутала ее глаза, в которых больше не было ни тени здравомыслия и рассудка. Лишь жадная животная похоть смотрела на девушек, одна из которых была родной дочерью чародейки.

— Вы очень... плохие... девочки, — голос Кайсы был глухим, рваным и надтреснутым, слова вылетали из ее рта резко, рвано, да и сама она то и дело прерывалась, тяжело дыша, — но... ваша дружба... она так трогательна... Я... сделаю вас... еще ближе... О да, гораздо, гораздо ближе...

Игнис ощутила, как тело вновь подчиняется чужой воле и начинает, точно марионетка на ниточках, двигаться само по себе. Ее губы приоткрылись и устремились навстречу губам

Блаклинт, которая, точно также, ничего не могла противопоставить могуществу своей сумасшедшей материл.

— Мелис говорил... что эта глупышка легла под мужлана... который приглянулся тебе... Глупые девчонки... Я научу вас... правильно... любить, — прохрипела Кайса. — Не сопротивляйтесь... Вам понравится...

Из последних сил Игнис постаралась хотя бы зажмуриться, но и в этой милости ей было отказано.

— Ну и что там? — Таривас задал этот вопрос, едва слышал стук копыт лошади его нового капитана гвардии — бедное животное слегка прихрамывало на левую ногу, отчего копыто издавало весьма характерный звук.

Принц и сам иногда удивлялся, как же сильно изменился его слух всего за пару недель. Возможно, все дело было в магии воздуха, возможно — в чем-то еще, вот только он очень быстро начал улавливать такие мелочи, о которых раньше и не задумывался.

— Ни следа противника, ваше высочество, — ответил Марк Лоусилл.

Он был все так же немногословен, как и всегда, говорил лишь если спрашивали, и, увы, не дотягивал до Лариэса по всем статьям. К тому же, гвардия не слишком хорошо приняла своего нового командира, а потому самых недовольных пришлось оставить в столице — брать таких людей на войну Таривас не желал.

— Тем не менее, мы потеряли уже почти два десятка бойцов авангарда, и, если бы не насекомые под управлением первой Тени, эта цифра оказалась бы на порядок выше.

— Так точно, ваше высочество.

— Мислия, что скажешь?

Растерянность, тревога, страх. Весь комплекс чувств в трех простых словах.

"Какие же люди все-таки простые существа", — подумал Таривас. — "И какие сложные... Кто знает, что двигает скрытыми струнами нашей души? Уж точно не я".

Тут он кривил душой и сам понимал это. Принц с детства умел пользоваться женщинами, и навыки эти оттачивал годами. Именно поэтому он ни на секунду не сомневался, что сможет влюбить в себя дурочку Игнис, эту глупенькую маленькую обожженную девочку. Женские мысли и чувства были для него подобны открытой книге. С мужчинами, увы, его поистине божественный дар не работал, однако, потратив столько времени на шлифовку искусства убеждения, принц по праву считал себя мастером в этой науке.

— Предполагаю, то гончие шлют нам пламенный привет, — после непродолжительной паузы подала голос первая Тень. — Убийства профессиональные и чистые, ни одного раненого. Все стрелы, все колья в волчьи ямах, все лезвия, вонзающиеся в стражей по ночам — отравлены. Поговаривают, что несколько бойцов видели бирюзовые камни. Но при этом — ни одного пойманного или даже замеченного противника, ни одного следа на траве или сломанной веточки в лесу. Даже мои насекомые и звери максимум способны найти ловушки, но не тех, кто их устраивал.

Последнее признание далось чародейке с трудом, ее сильно задевала бесполезность могучего Звериного Амулета, на овладение которым сковывающая потратила столько времени и сил. Впрочем, толк от артефакта все же имелся. Противник действовал против их колонны вяло и осторожно, не совершая по-настоящему дерзких нападений, не устраивая

крупных засад и не ввязываясь в стычки. Остальным трем армиям, если верить донесениям курьеров, приходилось тяжелее.

— Что предлагаешь, о первая Тень? — поинтересовался Таривас, подпустив каплю насмешки в голос.

— Утроить патрули и удвоить отряды авангарда, а заодно и команды фуражиров. Никаких отлучек из лагеря по ночам, всех магов, включая стихieroжденных — особенно стихieroжденных — держать в центре строя под надежной охраной. Как в нашей колонне, так и в трех других — у них ситуация еще хуже.

"Логично, с чего бы ситуации быть лучше, если одну из колонн возглавляет мама, еще одну — Амандус, которому не сиделось в столице, и лишь последнюю — генерал Пьюрхарт".

— Мама уже отдала какие-нибудь распоряжения?

— Приказала прочесать лес.

— Понятно, — принц сразу погрузился.

"Стало быть, еще несколько дюжин покойников. Проклятые ловчие! Война толком не успела начаться, а они уже прикончили добрых три сотни человек, пользуясь тем, что мы идем четырьмя колоннами. А что делать, войско нужно разделять".

Хотел принц того, или нет, но факт оставался фактом. Пятидесятитысячная армада просто не могла двигаться по одной дороге, иначе колонна растянулась бы на многие мили, подставляя хвост, бока и голову ударам любых врагов, которые только пожелают эти самые удары нанести.

И нападения ловчих продемонстрировали всю мудрость разделения армии на четыре больших группы, каждая из которых придерживалась своего маршрута, но обязана была соединиться с остальными тремя возле Мариевых лугов.

— Ну что ж, — решил он, — тогда предлагаю не делать ничего. Все не успеем ничего. Осталось два дневных перехода, и судьба Дилириса будет лежать в наших руках. Скажи, Мислия, что докладывают разведчики? Каковы силы Волукрима?

— Точных сведений нет, — чуть замялась первая Тень, — но по прикидкам разведки их не больше тридцати тысяч.

— Стало быть, у нас практически двукратное преимущество. А что с дядей и корпусом Паллидия?

— Они вышли из герцогства, но запаздывают. У нас будет по крайней мере день-два до прибытия этих армий.

— Которые уравновесят шансы, — задумчиво проговорил Таривас.

— Так точно, ваше высочество.

"Ну что ж, тогда, пожалуй, нам следует торопиться, пока преимущество на нашей стороне. Если, конечно, эта демонстративная слабость — не хитроумная ловушка".

Таривас поспешно отогнал эту неприятную мысль, полную неуверенности в себе, а оттого — недостойную избранного Богом, и приказал:

— Что ж, не будем терять время. Ускорить марш, судьба зовет!

Они уже около часа шли под фиолетовыми небесами, и Орелия прилагала титанические усилия, дабы не пропустить приближение врага.

Грань была местом, слишком опасным для живых, и не терпела даже секундной расхлябанности. И, судя по напряженным взглядам Вилнара, которые тот время от времени бросал за спину, юный ловчий понимал это не хуже нее.

В целом, сегодня здесь было на удивление тихо и спокойно, особенно если вспомнить, что творилось на границе миров во время прошлой прогулки. Тогда на Грани было не протолкнуться от неупокоенных душ, каждая из которых так и норовила закусить вкусными смертными. Сейчас же нечто похожее на опасность встретилось лишь один раз — спустя полчаса после начала движения Орелия заметила вдалеке, на границе видимости, марево и приказала своему носильщику прибавить шаг.

Она помнила, кто именно вызывает подобные «природные» явления, и не горела желанием приближаться к этому существу.

За исключением же этого случая, Грань была пуста и уныла. Лишь пару раз встречались двери во сны, и один раз — в реальный мир. Куда-то в Ничейные земли, как поняла Орелия, бросив беглый взгляд в искривленное пространство. Она, конечно, была бы рада покинуть границу миро, но увы, путь их сейчас шел дальше.

— Госпожа моя, — вдруг подал голос бывший Щит принцессы.

— Да, юный ловчий?

— Расскажите мне про это место?

— Что ты хочешь узнать? — вопрос Вилнара не застал ее врасплох. Кто хоть раз увидел Грань, обязательно спросит о ней. Исключений в этом правиле Древняя не знала.

— Кто тут обитает?

— А что, в Логове вам ничего не рассказывали? — Орелия в очередной раз пожалела о том, что не в состоянии добавить к речи нотку сарказма — в бытность свою человеком она любила спорить и отменно использовала интонации, тон и мимику лица. Увы, те благословенные времена давным-давно канули в Лету.

— Рассказывали, — замялся ловчий, — но...

— Но тебе интересно узнать версию, отличную от вбитой в голову Изегримом, — закончила за него Орелия.

— Нет, что вы, госпожа! — горячо запротестовал Вилнар. — Наставник ничего не вбивал, он — открыл нам глаза и пролил в умы свет истины.

— Да, да, — нетерпеливо отмахнулась Ступившая на Путь Вечности, — прошу, избавь меня от ваших сектантских проповедей. Я не согласна с Изегримом в вопросах воспитания послушников, и меня сильно раздражает неприкрытый фанатизм гончих. Впрочем, мы отвлеклись от темы. Охотник просто обязан был рассказывать про Грань. Полагаю, в основном, пугал обитающими тут кошмарами, верно?

— Да, госпожа.

— Замечу, что он поступал так абсолютно правильно. Граница миров поистине ужасна, хотя сегодня тут что-то подозрительно спокойно. Основные обитатели Грани — это души умерших. Те, кто уже не может оставаться в материальном мире, но по каким-то причинам не пересек Реку.

Последнее слово она выделила, чтобы было понятно — речь идет не об обычном водном потоке, а о чем-то несоизмеримо большем.

— И они опасны.

Не вопрос, утверждение.

— Смертельно опасны для тех, кто оказывается тут во плоти. Духи чувствуют живое тепло и тянутся к нему, стараются коснуться, согреться, завладеть, получить второй шанс. Иногда им это удается, — Орелия сорвала колосок и задумчиво принялась крутить его в пальцах. — Я лично была свидетелем нескольких сотен таких случаев.

— Сотен?

— Да. Мы, как я уже рассказывала, всегда умели бороться с демонами. Экзорцизм — один из способов борьбы.

Неожиданно слева, там, где небо сливалось с полем, что-то слабо блеснуло. Орелия прищурила глаза и посмотрела в ту сторону.

"Показалось"? — подумала Орелия, напрягая зрение, но ничего не различила. — "Надеюсь, что да".

— Смотри по сторонам, — предупредила она. — Мне не нравится эта тишина, она слишком неприятная.

— Слушаюсь, госпожа. Скажите, кто еще обитает здесь? Учитель как-то рассказывал с встрече с демоном.

Орелия кивнула.

— Да, потусторонние сущности, пришедшие из иных, но недостаточно сильные, чтобы пробить себе путь в материальный мир, тоже иногда встречаются на Грани. Причем в отличие от призраков они опасны и для сноходцев, которые перемещают сюда свои души, а не тела. К счастью, этих тварей до смешного мало, иначе Интерсису грозила бы смертельная угроза.

— Духи не опасны сноходцам? — удивился Вилнар.

— Не очень. Для мертвых они — такие же бесплотные тени, блуждающие под фиолетовыми небесами. Конечно, если сновидец будет долго смотреть в сторону призрака, тот поймет, что перед ним — не собрат по несчастью, и это чревато неприятностями. Но в большинстве случаев проблем не бывает. А вот с демонами все иначе. Они способны похищать души, пожирать их и развоплощать. Именно поэтому в участках Грани, где поселились inferнальные создания, обычно нельзя встретить духов мертвых. Те либо разбегаются кто куда, либо отправляются в ненасытную пасть.

"Вот и у здесь подозрительно тихо. Всесильный Отец, прошу, обереги нас от встреч с демонами на пути, ты же знаешь, как я сейчас слаба"! — взмолилась она.

— Значит, — невесело улыбнулся ловчий, — мы встретимся либо с голодными душами, либо с не менее голодными демонами?

— Такая вероятность есть, а потому наша задача — как можно быстрее покинуть Грань и вернуться в реальный мир. К счастью, я примерно знаю, куда следует идти.

Телохранилитель обернулся и в его взгляде сквозило недоумения.

— Куда идти? Да тут поле во все стороны, куда не посмотри. Госпожа, как вы можете знать это?

— Опыт, — произнесла Древняя, не слишком желая развивать тему, ибо вопрос, заданный Вилнаром, был крайне скользок.

Действительно, почему сноходцы знают, как преобразовывать реальности Грани под

свои нужды? Почему некоторые люди, попав сюда во плоти, сразу же понимают, куда следует двигаться, и что из этого получится? Как вообще случилось, если уж быть точной, что одни, уснув, могут отправить душу сюда, а другие — вообще в состоянии открыть проход на Грань, после чего выбраться из нее в месте, где реальность тонка?

Причина тому была, и Орелия надеялась, что она никогда не станет известна простым людям, ведь тогда сноходцев, как и в былые времена опять начнут сжигать живьем вместе с семьями. А их и так мало осталось.

Виной всему была слишком тесная связь тех, кто способен войти на Грань, с границей миров. Связь, ярко проявившаяся в народе лунксов, в котором сноходцами в былые времена назывались, наверное, трое из десяти. Связь, названная потусторонней и отчасти таковой и являющаяся.

И сама Орелия — она это прекрасно понимала — так хорошо ощущала себя на Грани исключительно потому, что никогда, с самого своего рождения, не была простым человеком. Говоря начистоту, она вообще не принадлежала к роду людскому. И никто из Церкви Света — тоже. Да, они могли иметь общих детей с обитателями Интерсиса и их нельзя было отличить от простых людей по внешности. Но сути это не меняло.

Объяснить все это Вилнару не представлялось возможностью, несмотря даже на то, что учил его сам Изегрим, а потому она решила перевести разговор на иную тему.

— Скажи, Вилнар, кстати, это твое настоящее имя?

— Да, о Древняя, его дали родители.

— Хорошо, Вилнар, скажи, как случилось, что ты оказался на службе у Кайсы? Я, конечно, знала, что Изегрим — мастер разведки, но, чтобы провернуть такое... Даже для него, наверное, это было непросто.

— Так точно, госпожа. Нам пришлось попотеть, чтобы добиться желаемого.

— Не сомневаюсь.

Вилнар повернул к ней голову и робко улыбнулся, после чего — продолжил:

— Так уж сложилось, что я делал огромные успехи в обучении. Быстрее всех одногодок бегал, лучше стрелял из лука и дрался на копьях, мне не было равных с ножом и булавой, с мечом и на кулаках. Я в совершенстве постиг сложную науку чтения следов и научился двигаться тихо, как мышь. Но, мало этого, я проявлял тягу к знаниям.

— Да ну? — удивилась Орелия. — В отличии от Лариэса, который пять минут не мог посидеть, чтобы не задать пару вопросов, ты большую часть пути вообще не проронил ни слова.

— Да, госпожа, — согласился Вилнар. — Я предпочитаю получать знания из книг.

— Почему же? — заинтересовалась Целительница.

— Они меньше склонны лгать.

"Какой забавный мальчуган", — подумала Древняя. — "Спрошу потому у Изегрима, где он откопал его".

— Вилнар, поверь женщине, умудренной сотнями лет жизни: книги врут еще сильнее, чем люди. Никогда не принимай на веру утверждение только потому, что оно записано на пергаменте или бумаге.

— Я запомню, госпожа моя.

— Вот и хорошо. Но ты продолжай, прости, что перебила.

— Как пожелаете, о Ступившая на Путь Вечности. Так вот, Учителю понравилось мое усердие, и он впервые вызвал меня к себе. Меня — сопливого второгодку, не перешедшего

даже на третью ступень первой сферы! Вы ведь знаете про ступени, госпожа?

— Знаю, Изегрим позаимствовал девятиуровневую систему рангов у моей церкви.

Глаза Вилнара широко распахнулись и тот чуть было не запнулся о невесть откуда взявшийся камень.

— Что, впервые слышишь об этом? — поинтересовалась Орелия. — Ну да, одним из множества талантов твоего драгоценного Учителя всегда было поразительное умение заострять внимание других на том, что ему нужно, и скрывать то, что невыгодно. Впрочем, речь не об этом. Итак, Изегрим разглядел талант и решил, что сможет внедрить тебя к ривеландцам. Но как вы это провернули? Кайса — сумасшедшая, но в ее безумии есть один серьезный плюс — паранойя, заставляющая Дикую Розу Севера проверять и перепроверять все по десять раз. Какой трюк вы провернули? Притворное нападение? Победа на турнире? Спасение заложника? Что именно?

Вилнар снова улыбнулся, причем на сей раз так широко, что, казалось, еще чуть-чуть и его щеки порвутся от натуги, не выдержав напряжения.

— Я просто пришел во дворец.

Орелии показалось, что слух подводит ее.

— Что? — переспросила она. — Это как?

Вилнар рассмеялся.

— Вошел с парадного входа и заявил, что желаю попасть в гвардию и что пускай меня испытают.

— И?

— Прошел испытания и получил назначение — быть Щитом принцессы.

Эти слова он произнес с гордостью и счастьем в голосе. Не было ни малейших сомнений в том, что Вилнар по уши влюблен в свою подопечную, и, как показалось Орелии, это была любовь с первого взгляда.

"В противном случае ты, глупый мальчик, сразу бы понял, что являешься лишь приманкой, чья задача — отвлекать внимание от настоящего шпиона, который, естественно, не будет, как идиот, ломиться в главные ворота. Впрочем, эта прямота, пожалуй, сработала наилучшим образом. Скорее всего, Кайса не смогла тебя раскрыть, потому как в жизни не поверила бы в столь идиотский способ внедрять агента. Но ты, мальчик, прошел по лезвию бритвы. Был на волосок от смерти".

Именно за такой цинизм Орелия и недолго любила Изегрима. Тот с готовностью жертвовал своими учениками, если результат на его взгляд стоил принесенных жертв. При этом он глубоко и искренне любил каждого из них и горевал о смерти любого из ловчих. Как такое умещалось внутри одной черепной коробки, понять было невозможно. Орелия иногда ловила себя на мысли, что всерьез рассматривает варианты психического расстройства Охотника. Чаще всего она останавливалась на раздвоении личности.

— Понятно, — сказала Древняя, наконец, в коем-то веке радуясь тому, что голос ее всегда звучит холодно и безэмоционально.

За этим разговором они добрались до очередного окна в реальность, и заглянув в него, Древняя увидела горный кряж, тянущийся далеко-далеко, насколько хватало взгляда. Изображение подрагивало и искривлялось, точно в кривом зеркале, но Орелия сразу узнала эти места — высочайшие пики западных отрогов Седых гор.

— Нам осталось идти около восьми часов, — не без облегчения в голосе произнесла она. — Будь предельно осторожен, и обо всем подозрительном сообщай мне.

И вновь потянулись тягостные, заполненные пустыми разговорами, минуты. Орелия непрестанно молилась о безопасном проходе. Ведь может же им повести, почему нет? В последние столетия эфирные возмущения заметно ослабли, и куда меньшее число потусторонних сущностей попадало в Интерсис. Быть может, и Грань обезлюдела?

Неожиданно пейзаж вдалеке изменился — золото хлебов уступило место угольной черноте.

— Что там такое, госпожа? — насторожился Вилнар. — Враги?

— Нет, — Орелия горестно вздохнула, — идем, думаю, тебе будет полезно увидеть это.

Пройдя милю, или десять, или сто — в этом странном месте понятия времени и расстояния заметно отличались от привычного — они оказались возле огромных размеров воронки. Глубиной та, пожалуй, достигала доброй половины мили, а диаметром — едва ли не целой лиги.

— Что это такое, госпожа моя?

— Напоминание. Вечное напоминание о человеческой глупости.

— Что тут произошло? — поежившись спросил юноша.

— Здесь Архитектор лично прикончил Архимага. Противостояние двух титанов разорвало ткань реальности, ударив по самой Грани и оставив этот кратер. Видимо, мыслями я витаю где-то в прошлом, раз мы вышли сюда, прости.

— Витаете в прошлом? — Вилнар с недоумением уставился на Древнюю. — Как это понимать, госпожа?

— Грань, не материальна. Она — тонкая линия, отделяющая физический мир живых от духовного мира мертвых, а потому расстояния, время, предметы, места — все это здесь имеет достаточно, м-м-м, вариативный характер, да, скажем так.

Они подошли краю воронки и пошли вдоль нее. Орелия покосилась вниз, туда, где клубился мрак. Плохое место, испорченное древней магией и древним злом...

— Госпожа, не нравится мне это, — честно признался Вилнар.

— Мне тоже, — согласилась с ним Орелия, — но выхода у нас нет. Несмотря на крюк, который придется сделать, это — самый быстрый путь.

— Просто меня не покидает ощущение, что за нами следят, — пожаловался бывший телохранитель.

"Как и меня", — подумала Орелия.

Вслух произносить этого она не решалась, но мысль о чужом навязчивом взгляде не оставляла Целительницу вот уже некоторое время.

— Предлагаю ускориться, — сказала она.

И Вилнар пошел быстрее. Затем — еще быстрее. Наконец — побежал.

Со стороны могло показаться, что это — глупая блажь, не имеющая смысла, но с каждой секундой напряжение, разлитое под фиолетовыми небесами, сгущалось, превращаясь в нечто осязаемое, готовое вот-вот обрушиться на беглецов.

Через какое-то время показался край воронки и у Орелии мелькнула безумная мысль, что они испугались собственных отражений на воде, что все это померещилось, что еще час-другой, и они доберутся до спасительной двери в реальный мир...

И тут снизу повалил густой черный дым, перегораживающий беглецам путь к отступлению. Древняя сразу поняла, что это такое, и тихо выругалась.

«Проклятье, ну почему без этого — никак»?

— Вилнар, ты — мои ноги, а потому — выполняй каждый приказ, не задумываясь, но

— не вздумай сам лезть в драку, — распорядилась она. — Против этого существа ты мало что можешь даже с помощью кинжала с бирюзовым камнем.

Дым, меж тем, начал оформляться, принимать очертания человекоподобной фигуры, голову которой украшала пара внушительных рогов.

— Кого я вижу, — раздался глумливый голос, — такие люди и без сопровождения. — Неужто целый серафим Церкви Света? Госпожа моя, разве вам никто не говорил, сколь опасно посещать Грань вашему виду?

Демон — а это был именно он — принял человеческий облик и сейчас выглядел как импозантный дворянин средних лет: аккуратно подстриженная бородка, волосы, заплетенные во множество косичек, орлиный нос, мускулистое тело, тога с пурпурной каймой. Лишь глаза — алые, полные голода и ненависти, да рога выдавали его.

— Здравствуй, порождение Изнанки, — не очень вежливо ответила Орелия, опираясь на плечи Вилнара и выглядывая из-за его головы — давно не встречала никого из вашего вида. И, если честно, не сильно горюю об этом.

Демон весело рассмеялся.

— Я тоже не плачу оттого, что в последние столетия мало вижу с вами — демоноборцами.

"Какой уровень? Выглядит сильнее третьего, вероятно — второй. Надеюсь, что не первый, в моем нынешнем состоянии сложновато будет справиться даже с Господством, не говоря уже о Престоле мира тьмы. Так кто же он?" — лихорадочно думала Орелия. — «Проверим».

— Вилнар, — шепнула она, — три шага назад.

Ловчий беспрекословно повиновался, и его действия не укрылись от потусторонней твари. Пасть демона изогнулась в глумливой ухмылке.

— Неужели достопочтимая госпожа уже уходит?

— Не смею навязываться в гости, дела.

— Но я настаиваю, задержитесь ненадолго, госпожа моя, у нас так много общих тем для разговоров. Война, в которой мы оба участвовали, была такой милой и интересной, не правда ли.

"Запугивает. Он слишком молод для того, чтобы побывать на полях войны Багряного Культа, — осознала Орелия, а с этим осознанием пришла и некоторая уверенность.

Сильным нет смысла играть в слова и пытаться заставить врагов ощутить неуверенность. Они могут просто смести тех своей мощью. И, тем не менее, даже молодой демон средней силы на Грани представлял нешуточную угрозу для нее. Особенно сейчас.

Орелия тряхнула руками, расслабляя кисти и улыбнулась металлическими губами.

"Да, старые привычки не забываются, сколько бы сотен лет ни прошло".

Она атаковала без предупреждения, ведь лишь полный идиот будет объявлять врагу: "я нападаю".

Сразу три ослепительно белых сферы зажглись в небе и из них ударили лучи столь яркие, что будь у Орелии обычные глаза, ей пришлось бы зажмуриваться. Демон взревел от боли и воздвиг на пути лучей стену из мрака и дыма.

"Сейчас окажется позади нас", — промелькнуло в голове Орелии и она, на раздумывая, хлопнула в ладоши.

От места соприкосновения стоп Вилнара с примятыми колосьями во все стороны побежали символы, и демон, материализовавшийся аккурат позади, оглушительно взревел,

попав в ловушку.

— Развернись! — воскликнула Орелия и, не раздумывая, вытянула вперед обе руки, формируя печать Амалиэля. В материальном мире ей бы не пришлось ничего выдумывать, хватило бы и знака Лахабиэля, но здесь, на Грани, ее могущество было подорвано самой природой пограничья. Демон же, напротив, подпитывался энергией, проникающей из его родного плана бытия, а потому был куда сильнее, нежели в реальном мире.

Он превратился в громадного быка, который сейчас бился в сияющие прутья клетки, образованной волей и письменами силы, и Орелия прекрасно понимала, что оковы не продержатся долго, а потому решила применить мощнейшее из доступных ей средств.

Металлические пальцы лихорадочно забегали, формируя одну печать за другой, вокруг Целительницы роем взмывали золотистые символы истинного алфавита, принесенного из ее родного мира, а с губ слетали слова на давно забытом в Интерсисе, а может и во всех иных местах языке.

Демон взревел, поняв, что она собирается совершить, и отчаянным ударом сокрушил узилище. Бык моментально превратился в огромного волка, который ринулся на Древнюю, и Орелия с ужасом поняла, что не успевает завершить ритуал.

"Проклятье, мне не хватит нескольких секунд".

И тут, точно прочитав ее мысли, Вилнар, метнул в чудовище кинжал с ярко горящим бирюзовым камнем. Как это оружие пережило падение, Древней было неизвестно, но именно оно спасло их жизни и души.

Демон, определенно, никогда раньше не встречался с гасителями магии, а потому не придавал особого значения обычной человеческой железке. И напрасно! Кинжал вонзился в бок чудовища и то взревело так, что ударной волной Вилнара едва не повалило на спину, а Орелии стоило огромных усилий удержать в пальцах ткань сложнейшего заклинания.

Ловчий зашатался, точно пьяный, и рухнул на колени, а бирюзовый камень в его кинжале пошел трещинами, и разлетелся роем мелких осколков, но дело было сделано! Монстр, получивший неожиданно серьезную рану, замедлился, на какое-то мгновение потерял концентрацию, обратившись дымом. Миг, и он снова был волком, несущимся к Орелии, но на сей раз не успевал уже он сам.

Чародейка выкрикнула последнее слово силы и вытянула руки перед собой, одновременно с этим склонив голову и прикрыв глаза. Копье чистого света, легендарное творение Уриэля — основателя церкви в Интерсисе — устремилось к чудовищу, оставляя за собой яркий шлейф. Даже более могучие демоны были не в состоянии разминуться с ним или заблокировать удар, что уж говорить про этого молодого — прожившего от силы сотню лет — монстра.

С диким воплем демон осыпался золой, черные хлопья которой тут же подхватил иллюзорный ветер Грани. Копье Уриэля не просто развоплощало, нет, оно уничтожало демона, разрушая самую его суть. Но и платить за такую силу приходилось изрядно.

Орелия ощутила головокружение и слабость, затем — тошноту. Не то, чтобы у нее было чему кружиться или извергаться наружу, но она прекрасно знала подобные симптомы — перенапряжение.

Кровь истинных детей Всесильного Отца была поистине изумительна. Она позволяла сделать многое, очень многое, но даже у столь ценной жидкости имелись свои пределы, которые Орелия за последние месяцы смело и уверенно перешагнула несколько раз. Те крохи силы, которые Древняя старательно собирала после падения, выгорели без остатка, и

левая рука Ступившей на Путь Вечности, только-только успевшая восстановиться, рассыпалась металлической пылью, точно намекая своей хозяйке, что стоит остановиться.

"Ну уж нет", — с вызовом подумала она, — "я отказываюсь умирать до того, как спасу Игнис"!

— Вилнар, — позвала она. — Очнись, нам нужно идти.

Ловчего контузило, причем достаточно серьезно, но, к сожалению, Орелия не могла ему помочь — у нее попросту не осталось сил на это, а потому Древней оставалось уповать на живучесть ученика Изегрима. И тот не подвел — с трудом поднявшись, Вилнар, не говоря ни слова, двинулся вперед.

Да, его пошатывало из стороны в сторону, а из ушей и — это Орелия знала, даже не глядя на лицо юноши — носа и глаз воина текла кровь, однако он исполнял приказ: четко и не задавая лишних вопросов. Ловчие вообще были идеальными исполнителями, выдрессированными Охотником до предела.

"Когда Вентисы подбирали себе Щита для принца", — промелькнуло в голове у Древней, — "наверное, использовали тот же принцип. Нашли ребенка с тяжелой судьбой, лишили всего, что еще оставалось, если это что-то, конечно же, было, и подарили служение, как единственный выход".

Они медленно брели мимо кратера, все удаляясь от него, а Орелия усиленно выискивала очередное окно, ведущее в материальный мир. Ей требовалось щель между реальностями, ведущая в одно — вполне конкретное — место.

— Госпожа моя, это же был демон? — спустя некоторое время прошептал Вилнар.

Голос его был тих и неразборчив, поэтому Орелия поняла вопрос лишь со второй попытки.

— Да, конечно, демон, — ответила она. — Не слишком могущественный, на наше счастье.

— Но ведь ваши братья и сестры изгоняли куда более сильных тварей. — Почему же он стал проблемой для вас?

В обычном состоянии ловчий вряд ли задал бы столь бестактный вопрос, но сейчас он слишком плохо себя чувствовал и, по-видимому, практически не соображал.

"Проклятье, придется делать привал", — подумала Орелия, осознавая, что человеку, ставшему ее ногами, нужна передышка.

Она оглянулась назад.

«Вроде бы, отошли достаточно далеко от воронки. Ладно, так и быть».

— Отдыхаем, — скомандовала она.

Вилнар, не говоря ни слова, повалился на землю, и, дождавшись, когда Орелия отцепится от его спины, улегся, глядя на фиолетовые небеса.

Выглядел он, откровенно говоря, страшно: бледное лицо, измазанное кровью; запавшие щеки и ввалившиеся глаза, вокруг которых наливалась неестественная синева; дергающаяся в приступе нервного тика рука; пустой взгляд...

Орелия в очередной раз остро ощутила свою беспомощность и бесполезность. Каких-то сто-двести лет назад она в подобной ситуации смогла бы вылечить десяток раненых бойцов, а пять-шесть сотен лет назад — размолота бы демона в пыль щелчком пальцев.

«Но не теперь. Теперь я — вот это», — она с грустью взглянула на единственную оставшуюся в ее распоряжении конечность и спросила Вилнара:

— Изегрим обучил тебя медитативным техникам?

— Да, госпожа, — монотонно ответил тот.

— Тогда начинай, причем немедленно. Тут — на Грани — это единственный способ хоть как-то восстановить силы. Впитай столько энергии, сколько получится.

Сказав это, она уселась, скрестив обрубки ног и, вытянув единственную руку в сторону, слилась с миром. Это было легко и просто, точно с момента последней медитации Орелии не прошли годы. Но сейчас она — измученная непрерывными воскрешениями, боем с королевой изначальных, открытием двери на Грань, а теперь еще и сражением с демоном — нуждалась в каждой капле силы, которую только получится впитать.

"Будет очень глупо, если мое старое сердце откажет возле двери, ведущей прочь из этого мерзкого места", — подумала она. Следующая мысль была связана уже с юным Вилнаром. — "Он заслужил пару ответов".

Передав той части сознания, что отслеживала обстановку вокруг, контроль над зрением и речью, она приоткрыла один глаз. Вилнар сидел напротив нее, скрестив ноги. Пальцы, сцепленные в замок, касались паха, и молодой ловчий, расслабленный и открытый миру, тихо нашептывал себе под нос какую-то молитву

"Скорее всего — мантру Тишины", — пришло Орелии на ум. — "Изеграм всегда предпочитал ее иным".

— Хочешь знать, почему даже молодой демон — проблема для меня? — проговорила она.

Вилнар дернулся от неожиданности — он ушел уже достаточно глубоко — но все же кивнул в знак согласия.

— Мы с тобой — люди — есть удивительный гибрид материального с невещественным. Неуничтожимая и бессмертная субстанция, именуемая прочими духом, заключена в плотскую оболочку. Когда оболочка разрушается, освобожденный дух устремляется в иной мир.

Вилнар слушал, не прекращая читать свою мантру.

— Наш дух, есть сосредоточение силы незримой. Я имею ввиду и волю, и способность к самопожертвованию, и многое другое. Тело же — твердо находится в материальном мире. Оно позволяет духу существовать, поглощая пищу, дарует осязаемые радости, заставляет подчиняться вполне понятным законам, кои распространяются на любые материальные объекты. Будучи двумя частями единого целого, тело и дух подвергаются влиянию мироздания в коем родились и обитают. Оно дарует смертным возможность поглощать не только еду, но и незримую энергию, что позволяет чародеям преобразовывать мир в соответствии со своими желаниями. Однако энергия эта по большей части исходит из мира материального. А Грань — слишком близка к иным пластам реальности, в которых действуют иные законы и рождаются другие существа. Она — граница между двумя реальностями, и каждая отбрасывает на нее свою тень. Что ты чувствуешь, медитируя?

— Тут, — Вилнар замялся, подбирая слова, — так голодно.

— Именно. На Грани чудовищно мало энергии, необходимой чародеям материального мира. Здесь слишком сильна Изнанка, которую пронизывают иные виды магии, непригодные для нас, но благоприятные разнообразным сущностям.

— Демонам?

— В том числе, — согласилась Целительница. — И многим другим. В любом случае, здесь мне куда сложнее использовать чары. То, что в Интерсисе я проделала бы с легкостью, здесь — предел возможного. Естественно, это не касается сноходцев, но у них — свои

особенности.

— Это не касается и Кающегося, — заметил юноша, которому явно стало легче.

— По другим причинам, — отозвалась Орелия. — Он — дитя двух миров — уникален и неповторим. Именно это и стало основой его божественного могущества, но и послужило причиной страшного падения, из-за которого мой друг уже много веков искупает грехи... Но мы немного отвлеклись. Так вот, любим чародеям, очень сложно колдовать, находясь на Грани во плоти. Но проблема не только в этом...

Она сделала небольшую паузу и Вилнар, прервав медитацию, открыл глаза, с любопытством воззрившись на Древнюю.

— Проблема в том, что я умираю, — произнесла Орелия и, видя, как глаза юноши расширяются от ужаса и удивления, поспешила уточнить, — не волнуйся, не прямо сейчас. В принципе. Еще пару сотен лет назад я справилась бы с этим демоном без особых проблем, а сейчас, как видишь, лишилась еще одной конечности и полностью опустошила тот небольшой запас сил, который удалось восстановить за время скитаний по подземным переходам. Если честно... даже не знаю, правильно ли мы поступаем, бросаясь на помощь Игнис в таком состоянии, да вот только времени разыскивать Корвуса и составлять план спасения у нас нет. Так что — будем выкручиваться на месте.

Она на миг умолкла и спросила:

— Я удовлетворила твое любопытство?

— Да, о госпожа моя.

— Вот и славно, а теперь сосредоточься на восстановлении, у нас очень мало времени.

Они не просто скакали, нет! Небольшой отряд, возглавляемый Клеменсом Вентисом летел, точно на крыльях ветра. Приближающееся сражение между Волукримом и Дилирисом подгоняло. Безымянный должен был предстать пред судом Древнего и поведать тому свою историю. Молодой ветророжденный же — сын своего отца — не мог опоздать на битву.

Полукровка ни на миг не сомневался, что Клеменс Вентис — прирожденный лидер и командир, такой же, как брат ее величества. В конце концов, он видел обоих в деле во время Войны Мотыги, когда сын герцога — сопляк одних с ним лет — лихо водил конную сотню в атаку. Вот и сейчас Клеменса окружали верные гвардейцы, и было достаточно одного взгляда на них, чтобы понять — эти люди пойдут за своим командиром даже в ад.

"Конечно же, ведь он не предаст их, как Таривас", — раз за разом думал Безымянный, стараясь отрешиться от боли и отчаяния. Получалось, надо заметить, неважно.

Оставалось утешать себя, что мучиться ему недолго. Игнис говорила о том, как трепетно Вороний Король относится к обещаниям и клятвам, а значит, едва только Безымянный окажется в лагере всесильного сковывающего, приговор будет приведен в исполнение незамедлительно. Главное, чтобы Корвус вообще захотел слушать историю предателя.

С этими мыслями проходили дни полукровки, с ними же тянулись и ночи. Он почти ни с кем — даже с притихшим и как будто собравшимся Индржихом — не общался, но слушал и наблюдал — с этим ничего нельзя было поделать, привычка не желала просто так взять, и исчезнуть. Ему было интересно следить за людьми Вороньего Короля, временно перешедшими в распоряжение юного ветророжденного, за лунксами, державшимися особняком, но взвалившими на свои плечи все вопросы, относящиеся к разведке. Но главное — за гвардейцами, которые действовали точно хорошо смазанный механизм, прекрасно дополняя друг друга, не отлынивая от рутинных обязанностей вроде несения караула и обустройства лагеря.

Даже в гвардии Тариваса, руководимой Безымянным, не было такого восхитительного порядка, а приказы не всегда исполнялись столь тщательно.

"Интересно, как там парни в Сентии"? — подумал полукровка, вспоминая прощальную пирушку, которые те закатили. — "И что им рассказали? Умер, как герой? Или предал и был казнен"?

Он пару раз порывался спросить об этом у Клеменса, но оба раза рот просто отказывался произнести нужные слова, и юноша откладывал вопрос на потом. Зато удалось узнать судьбу оставшихся в живых гвардейцев. Все они оказались тщательно допрошены и ограничены в передвижении, но — живы, здоровы. Что радовало и огорчало одновременно, ведь им, возможно, тоже придется ощутить на себе всю тяжесть королевского правосудия. Но полукровка все-таки не оставлял надежды принять вину подчиненных на себя.

Правда, Клеменс уверял его, что Вороний Король обуздал свою мимолетную вспышку ярости и теперь очень стыдится приказа, отданного Изегриму. Потому, собственно, с пленными гвардейцами и обращаются в соответствии с их статусом. И еще он уверял, что Корвус обязательно прислушается к доводам Безымянного, и не станет наказывать за то, в чем тот не виноват.

Безымянный слушал и не верил, но не возражал.

Спустя два дня бешеной скачки, результатом которой стали полтора десятка павших и

загнанных лошадей, они наконец-то подобрались достаточно близко к лагерю Корвуса — навстречу начали попадаться разезды из бригады герцогини Магны, а в небе то и дело виднелись точки разведывательных отрядов гарпий. Вороний Король, как и следовало ожидать, не бросал на самотек вопросы безопасности.

"Интересно, а что он предпримет против Мислии со Звериным Амулетом"? — подумал Безымянный, когда очередной отряд всадников пропустил их, задав лишь пару вопросов. — "Она, конечно, вряд ли сможет управлять им так же эффективно, как и его величество, но все же — глупо недооценивать могущество Первой Тени".

С этими мыслями он, наконец-то добрался до Мариевых полей, на которых размещался огромный лагерь на тысяч тридцать — сорок тысяч человек, не меньше. И где-то в этом разноцветном море из ткани с вкраплениями костров, должны были размещаться войска Паллидия и Устина Вентиса. Безымянный приметил далекий лесок на левом фланге и предположил, что скорее всего, они — там.

Он сглотнул.

"Это путешествие было долгим, но все рано или поздно заканчивается. Вот и настали последние часы моей жизни".

Юноша полной грудью набрал воздуха, который он хотел бы назвать чистым и свежим, но не мог — огромная армия создавала вполне конкретный аромат, бороться с которым были не в состоянии даже специалисты из Братства Помощи — этого волукримского аналога Ордена Спасения.

"Ну что ж, в дерьме жил, в дерьме и умру, справедливо. Надеюсь, мне хотя бы позволят исповедаться перед казнью. Игнис ведь говорила, что Вороний Король — весьма справедливый человек".

Мысли об огнерожденной, чья судьба оставалась загадкой, отдались болью в сердце. Внутри него еще теплилась маленькая — совсем призрачная надежда на то, что она, Ридгар, Орелия, Вилнар и Блаклинт живы, но юноша не обольщался на сей счет лишний раз. Если бы они выжили, то Устин и его сын наверняка знали бы об этом. С другой стороны, кто-то же остановил королеву изначальных? Потому, вступая в шатер на холме, возле которого несли службу закованные в тяжелые панцири каррасы, каждый из которых на добрую голову возвышался над немаленьким полукровкой, Лариэс надеялся увидеть знакомую серебряную маску.

Увы, чуда не случилось.

Внутри их ждали Вороний Король, Устин Вентис, Паллидий, герцогиня лунксов Магна, здоровенный каррас, матриарх гарпий Эрато, невысокий поджарый мужчина средних лет с волчьим выражением лица, а также, как ни странно, Аккэлия Вентис — супруга его высочества Устина.

Он впервые в жизни увидел герцогиню, а потому не сумел отказать себе в удовольствии и бросил на нее беглый взгляд. Это была невысокая ладно скроенная женщина, не лишенная определенного шарма, но не красивая: лицо, как у упрямой лошадки, большой лоб, всклокоченные волосы, белки глаз, испещренные красными прожилками и, конечно же, мешки под глазами — признак постоянного недосыпа. Аккэлия, как поговаривали злые языки, не тратила драгоценное время на такую банальность, как сон, занимаясь своими колдовскими штудиями по несколько суток подряд. Впрочем, как рассказывала Кларисса, пару раз пересекавшаяся с герцогиней, любой, кто общался с ней больше двух минут, тотчас же забывал про недостатки внешности, потому как более харизматичного, начитанного и

интересного собеседника было найти очень и очень непросто. На любом вечере и приеме именно эта миниатюрная, не слишком одаренная внешностью женщина становилась центром внимания, и то, что красавец герцог все эти годы хранил ей верность, совершенно не свойственную для стихийных магов, говорило о многом. Еще больше Безымянному сказал тот факт, что герцог привел на поле предстоящей битвы свою дорогую жену.

Полог за спиной опустился, отсекая полукровку, изувеченную гарпию и Клеменса от остального мира, и взоры всех присутствующих скрестились на них. Клеменс собирался было что-то сказать, но Безымянный, не желающий откладывать дело в долгий ящик, и прекрасно понимавший, что добросердечный юноша попытается за него, сделал два резких шага вперед, не обращая внимание на напрягшегося мужчину с неприятным взглядом — видимо, легендарного Изегрима, — и, достав из ножен обломок своего меча, опустился на колени, едва не зашипев от острейшей боли, пронзившей изувеченную ногу, и протянул искореженную сталь на раскрытых ладонях вперед.

— Ваше величество, я дал клятву и не отступлюсь от своих слов. Я выжил и пришел для того, чтобы расстаться с жизнью от вашей руки. Но молю, прежде чем гнев обрушится на голову недостойного, дозволейте рассказать о вероломном предательстве, свидетелем которому я стал.

Сказав это, он прикрыл глаза, надеясь, что взбешенный сковывающий не снесет ему голову сразу, без единого объяснения.

Однако вместо вопля ярости в ледяной тишине он услышал горестный стон Эрато. Приоткрыв глаза и посмотрев в сторону, бывший Щит принца заметил, что канцлер и матриарх гарпий уже стоит подле Аеллы и утешает изувеченную дочь неба, трясущуюся от рыданий у нее на плече.

"Ах да, гарпии же куда чувствительнее людей", — вспомнил он, вновь опуская взгляд к полу. — "Ну что же, подождем".

Долго ожидание не продлилась — по приказу Эрато в шатер тотчас же вошли два крылатых мужчины, которые и увели его спасительницу, после чего полукровка стал центром всеобщего внимания.

Корвус подошел к нему и присел на корточки.

— Лариэс, посмотри мне в глаза, мальчик, — приказал он и тот повиновался. — Почему тебя не было на Грани? Я едва ли не каждую ночь отправлялся искать вас с Кающимся, и ничего.

Острый приступ головной боли пронзил голову юноши и на сей раз тот не сумел сдержать гримасу муки.

— Ваше величество... — просипел он, — моя память... повреждена. Все... как в тумане. Я забыл многое...

Взгляд Корвуса стал цепким и колючим, маг опустился на колено рядом с Безымянным, поднял подбородок полукровки и внимательно заглянул тому в глаза.

— Паллидий, Аккэлия, ко мне, — отрывисто бросил Древний.

Герцогиня, точно служанка, мигом очутилась возле сковывающего и столь же пристально вгляделась в бывшего телохранителя. Ученик Древнего последовал ее примеру.

— Что видишь? — спросил Корвус у жены Устина Вентиса.

— Что лично придушу эту стерву Мислию, если встречу с ней. Подумать только, добрых десять лет делать так, чтобы мы не встретились!

— Ты ведь понимаешь причину, — заметил Вороний Король.

— Естественно! Да я бы такого самородка с руками оторвала, наплевав на все. В Сентии кроме Мислии с ним никто не решился бы работать.

— А Первая Тень слишком ценила свое место при дворе для того, чтобы растить конкурента, — закончил за нее Древний, — Паллидий, твое мнение?

— Все очень плохо, — буркнул тот, буравя Безымянного тяжелым взглядом. — Так плохо, что я даже и не знаю, что сказать. Не представляю, как можно было сотворить с собой нечто подобное.

— Это потому, что у тебя опыта в таких делах мало, — ответил Корвус, поднимаясь, после чего распорядился, — принесите виконту стул и кубок вина. Полагаю, разговор будет долгим.

Безымянный с надеждой посмотрел на Древнего.

— Ваше величество, значит, я имею право перед казнью рассказать все, что со мной случилось?

Владыка Волукрима тяжело вздохнул, а птица на его плече захлопала крыльями и громко произнесла:

— Кар.

— Да, Ания, он такой, — согласился Корвус, погладив перья своей любимицы.

В это самое время Безымянного усадили на стул и дали большой кубок, наполненный рубиновой жидкостью. Тот пригубил немного, поразившись качеству предложенного вина, и недоумевая, отчего это король общается с ним так, будто они знают друг друга.

Голова опять отозвалась резкой болью, и он решил оставить ненужную мысль позади. Какая разница? Очень скоро вся эта мука закончится.

В этот самый момент полог палатки откинулся, и внутрь, расталкивая стражников, преграждающих ей дорогу, ворвалась Кларисса.

Светловолосая красавица, не обращая внимания ни на кого, метнулась к нему и заключила Безымянного в столь крепких объятьях, что плохо залеченные ребра того затрещали, а сам он издал стон боли.

— Лар, ты жив, ты вернулся! — Кларисса рыдала, не скрывая своих чувств перед знатнейшими людьми континента. И ее объятья были такими теплыми... такими приятными... — Я думал, что ты мертв. О Господи, я думала, что ты умер!

Она чуть отстранилась и только теперь заметила изувеченную руку и ногу, с которой до сих пор не сняли лубки. Девушка побледнела и ахнула, будто не веря тому, что видит.

— Лар, что с тобой произошло?

— Я как раз собирался начать рассказ, но ты ворвалась и остановила, — чуть заметно улыбнулся он.

Кажется, и на сей раз глаза Безымянного оставались пусты, потому как во взгляде Клариссы появилась боль, но уже в следующую секунду ее сменило нечто иное — понимание того, что они, вообще-то не одни. Воительница пискнула, точно служанка, которую шлепнули пониже спины, отскочила от Безымянного и поклонилась Корвусу.

— Ваше величество, прошу простить мое поведение. Просто, когда к нам ворвался Индржих и рассказал, что приехал вместе с Ларом, я...

— Все хорошо, — успокоил ее Древний и Безымянному подумалось, что сейчас, наверное, губы, спрятанные под повязкой, выгнулись в отеческой улыбке.

«Ну да, она же с Игнис нашли общий язык, наверное, Вороний Король видит в Солнышке подругу своей приемной дочери».

А Корвус, меж тем, обратил свой взор на него и все лишние мысли покинули голову полукровки.

— Рассказывай, — приказал Древний.

И Безымянный в очередной раз поведал о разговоре с королевой за закрытыми дверьми ее покоев и о беседе с принцем на мраморном балконе жарким летним днем, когда освежающий морской бриз приятно шевелил волосы. О том, как понял, что его высочество с самого начала планировал влюбить Игнис в себя — непонятно каким способом, но планировал, и о том, как обрел в лице дочери Вороньего Короля верного товарища. О путешествии через Ничейные земли и грандиозном побоище возле замка барона Урсуса. И, наконец, о последних днях, о том, как Мислия запечатала вход в пещеру, о полете в бездну и, конечно же, о нежданном спасении. Возможно, он что-то упустил, ведь голова все это время болела, не прекращая, но основные мысли, определенно, были донесены до адресатов.

Когда он закончил, Эрато вместе с Клариссой рыдали навзрыд, и даже в уголках глаз Вороньего Короля, казалось, застыли две одинокие слезинки.

— Теперь, ваше величество, — закончил Безымянный, — я смиренно ожидаю вынесения приговора.

— Ты жаждешь смерти, мальчик, надеешься, что она принесет покой и уймет боль здесь? — глухо спросил сковывающий, касаясь груди. — Не будь ты христианином, наверное, давно бы уже перерезал горло обломком меча, да?

— Кар! — возвестила птица на его плече, после чего перелетела на колени к полукровке и внимательно уставилась на него всеми восемью своими глазами. — Кар.

— Именно. Ания права, — согласился Корвус. — Ты хочешь смерти, но не получишь ее, ведь мы делаем не то, что хотим, а то, что должно.

— И что же должно? — осторожно спросил Безымянный, опасаясь, что участь его окажется пострашнее смерти. — У меня больше нет сюзерена, у меня нет подчиненных, у меня нет смысла жизни. Даже имени нет — я отказался от него.

В этот самый миг герцогиня втянула носом воздух и выругалась так, что позавидовали бы даже пьяные матросы.

— Ты, глупый сопляк! — голос Аккэлии вознесся под самый потолок, — ты вообще понимаешь, что сделал?! Отказался от своего имени! Ты?! Такой как ты?! Проклятье, удивляюсь, что ты вообще дожил до нашей встречи!

Эта вспышка была столь неожиданной, что в шатре воцарилось тягостное молчание, а Безымянный в два больших глотка осушил кубок с вином и поставил его на ковер, устилавший пол шатра.

— Ваша светлость, я не понимаю...

— Конечно, не понимаешь, — отмахнулась та, — ведь тебе никто ничего не объяснял... Эх. Дай догадаюсь, имя Лариэс ты получил от принца, не так ли?

— От ее величества.

— Ох уж мне эти лунксы с их сложностями, прости Магна.

— Ничего, — пожала плечами герцогиня, — некоторые обычаи нашего народа кажутся вам — людям — странными, однако с точки зрения лунксов поступок Безымянного правильный.

— Его зовут Лариэс, — подала вдруг голос Кларисса.

— Нет, дитя. Лариэсом его назвала королева, она даровала основное имя, то, что следует носить в миру. Его же истинное имя может быть известно лишь членам семьи, да

нескольким ближайшим друзьям. Оно не предназначено для повседневного пользования. После измены принца, Безымянный не мог сохранить то, что было подарено столь низкими людьми, но так как у него не осталось никого, кому можно присягнуть, юноша предпочел назваться Безымянным.

— И едва не загнал этим себя в могилу, — добавил Паллидий.

Безымянный слушал их, совершенно ничего не понимая, переводя взгляд с одного говорившего на другого и пытаясь найти хотя бы крупицу смысла в сказанном. Пока что не выходило, и тогда он обратил взор на Вороньего Короля.

Тот вздохнул и жестом приказал собравшимся умолкнуть.

— Понимаешь ли, Ла... Безымянный, слова, обозначения и определения в нашем мире имеют огромную силу. У каждого предмета, явления и существа есть истинное имя. Мы — сковывающие — можем узнать его, благодаря чему обретаем власть. Правда, в основном над предметами, хотя бывает по-всякому... но не это главное сейчас. Важно то, что для таких, как мы, имена — это не просто набор букв, а куда большее. Кэлиста назвала тебя духом-хранителем, и ты оберегал, это имя было твоим, отражало суть, накрепко сплелось с душой, а ты оторвал его по-живому. Отсюда и частичная потеря памяти, хотя, полагаю, падение со скалы тоже оказало влияние.

— Ваше величество, — головная боль стала нестерпимой, но он держался, — я не понимаю... При чем тут сковывающие и — я?

— Действительно? — Древний хмыкнул. — Не сообразил, почему Первая Тень относилась к тебе так предвзято, немногочисленные артефакторы Сентия избегали, а Паллидий едва не напал, увидев в первый раз, да-да, он рассказал об этой встрече. Ничего так и не понял?

Безымянный отрицательно покачал головой.

— Ты — неинициированный сковывающий с таким чудовищным потенциалом, что даже мне становится интересно взглянуть, каких вершин ты сможешь достичь спустя десяток лет правильного обучения. И ты собственноручно вырвал сосредоточение силы, накрепко переплетенное с душой — свое имя.

Безымянный застыл, будто громом пораженный. Сковывающий, он? Это, наверное, какая-то ошибка, ну не может ведь быть таких чудес в эти мире, так не бывает...

Но если это так... Да, если у него есть способности к — подумать только! — магии, это дает шанс жить дальше. Кто он теперь? Калека, неспособный больше ни двигаться с нужной скоростью, ни пользоваться основной рукой. Как воин он больше не существует... Но магия... Она даровала интересные возможности, живой пример чего сейчас стоял напротив.

«Но при чем тут подарок Вентисов»?

— Старое имя...

— Неважно, — перебил его Корвус, — родился ли ты Лариэсом, или нет. Оно сопровождало тебя долгие годы, накрепко привязалось, стало такой же неотъемлемой частью, как рука или нога.

— Но ведь люди называют себя по-разному...

— Обычные — да. Но не сковывающие. Повторю еще раз: для нас имена — это много большее, чем набор звуков. Они — неотъемлемая часть, продолжение, суть. Добровольно отказаться от имени означает нанести себе тяжелую рану. Вот ты, наверное, в последние дни страдаешь от все усиливающихся головных болей. Мысли плывут, как в тумане, эмоции растворяются, не остается почти ничего.

Безымянный кивнул.

— А значит, у тебя есть два выбора: можешь оставить все как есть, тогда умрешь сам, причем очень скоро.

При этих словах Кларисса побледнела и схватила Безымянного за плечо.

— А можешь, — продолжал Вороний Король, — выбрать иной путь.

— Какой, ваше величество?

— Жить, несмотря ни на что, бороться, найти новый смысл. Ты сейчас больше всего похож на выброшенного сторожевого пса — Вентисы растили тебя на цепи, натаскивали, лишали того, что делает человека человеком. Так вот, мальчик, тебе придется отыскать это самостоятельно.

Безымянный пораженно уставился на него.

— Но почему, владыка? Я — клятвопреступник, я — враг, помогавший принцу осуществлять его замысел, и знал достаточно для того, чтобы нельзя было спрятаться в спасительном неведении. Я — бывший щит Тариваса Вентиса, наследного принца Дилириса. Я...

— Порядочный человек, обманутый мерзавцем, — закончил за него Корвус. — Не ты первый, не ты последний. А потому, чтобы не было недопонимания, я говорю: не держу на тебя зла и считаю, что клятва была исполнена. Ты ничего мне не должен и будешь вознагражден за свое служение. Проси, чего хочешь, и, если это возможно, ты получишь желаемое. Я сказал, и будет по моему слову.

Напряжение, копившееся в Безымянном все эти дни, неожиданно вырвалось наружу — из его глаз сами собой, не слушаясь рассудка, брызнули слезы, и он прямо со стула опустился на оба колена перед Вороньим Королем, коснувшись лбом пола.

— Ваше величество, тогда я хочу, чтобы вы приняли мою клятву верности. Будьте моим новым хозяином, даруйте мне смысл жизни и новое имя.

Эрато ахнула, Устин закашлялся, Клеменс прошептал: "одумайся", даже Паллидий пробурчал что-то непонятное себе под нос. Но это не имело значения.

"Раз я не могу успокоиться в смерти, значит, найду покой в служении", — решил бывший Щит принца, и проговорил вслух:

— Повелитель, я прошу принять клятву верности, клятву свободы и клятву жизни и даровать мне новое имя.

Повисло тягостное молчание, настолько густое и осязаемое, что чуткие уши полукровки могли без особых проблем различить, как дышит каждый из присутствующих в шатре.

— Виконт, ты ведь понимаешь, что хочешь сделать?

— Да, повелитель.

— Я обещал исполнить любое твоё желание.

— И я желаю служить.

— Посмотри мне в глаза.

Безымянный снизу-вверх взглянул на Корвуса, а тот продолжил:

— Это очень древняя и очень сильная клятва. Странно, что христианин знает о ней, у вас она под запретом, хотя, наверное, ты и не представляешь отчего...

Древний вытянул вперед единственную руку и на нее тотчас же уселась птица. Корвус держал здорового ворона безо всяких видимых усилий и продолжал говорить.

— Так вот, эта клятва древнее и сильнее чем та, что связывает меня с Изегримом, — он указал в сторону неприметного мужчины, который сейчас очень внимательно наблюдал за

происходящим, — она сильнее даже той клятвы, что давалась Вентисам. А потому я спрошу еще раз: уверен ли ты в том, что делаешь?

— Да, повелитель.

— Почему?

— Все говорили мне, что я — пес, — Безымянный криво ухмыльнулся, — что ж, это так. Я способен лаять и грызть горло по приказу хозяина. Только на цепи моя жизнь обретает смысл. А свобода... Знаете ли вы, кем становятся псы, обретшие ее?

Неожиданно Изегрим расхохотался.

— Уел он тебя, а, Корв? Ну признай. Парнишка кое-чего да стоит.

Вороний Король не обратил на эти слова ни малейшего внимания, вместо этого он изучал полукровку.

— Ты не знаешь меня, но хочешь связать свою судьбу с Волукримом. Не слишком ли опрометчиво?

— Я знаю вас, повелитель. Игнис... Ее высочество много рассказывала в дороге о годах, проведенных в Кастэллуме, о том, как вы ее спасли, о том, чего хотите добиться.

— И что же, ты внезапно отбросил прошлое и решил, что мои идеалы соответствуют твоим?

— Полет со скалы меняет людей.

Ему показалось, что Корвус улыбнулся под маской.

— Поверь, перерезанное горло и отрубленная рука меняют куда сильнее. Но, кажется, мы достигли взаимопонимания. У меня есть лишь один вопрос: что ты можешь предложить мне — правителю одного из сильнейших королевств Интерсиса?

Безымянный, как ни странно, внутренне был готов к этому вопросу. Он знал, что тот, кто вступил на путь предательства, должен доказать новому хозяину свою ценность.

Будешь предателем, не предавая.

Что ж, и вот, еще одна часть пророчества исполнилась, а значит, следует двигаться вперед. Что ж, он был готов умереть во исполнение клятвы, но если та требует жить и стать изменником...

"Значит, так тому и быть", — подумал полукровка и сказал вслух:

— Я бывал с принцем в большинстве городов и крепостей Дилириса, знаю их особенности, сильные и слабые стороны, число воинов. Я лично знаком со множеством дворян, многих из которых по праву могу назвать своими товарищами. Я владею таким количеством секретов, что его высочество очень сильно пожалеет о том, что не разрезал меня на несколько кусков, когда у него был такой шанс. И я с радостью открою их все вам. К тому же, если вы говорите, что у меня есть талант к магии сковывания... Я могу учиться у вашего величества...

— Что ж, хотя бы что-то не меняется, — в голосе Вороньего Короля послышались нотки веселья, — Безымянный, я уже считаю тебя своим учеником, хоть ты сейчас этого, по всей видимости и не помнишь. Я уже давал тебе уроки и знаю, сколь ценным подданным ты можешь стать.

— Не понимаю, ваше величество.

— Ничего, сейчас поймешь. Я приму твою клятву, — он огляделся по сторонам и тихо произнес, — оставьте нас.

Шатер опустел в считанные мгновения, и они остались вдвоем. Вороний Король помог Безымянному подняться и теперь смотрел на того снизу-вверх, будто выискивая что-то у

него в душе.

— Ты не обязан давать такую серьезную клятву, — произнес он вдруг, — можешь ограничиться вассальной присягой.

Что-то в этом тоне — Безымянный не мог понять, что именно — выдавало фальшь.

«Нет, он ведь действительно хочет, чтобы я стал его учеником и последователем, а не просто вассалом», — с удивлением осознал вдруг юноша. — «Неужели у меня действительно есть талант к сковыванию, причем такой, что он заинтересовал Древнего?»

— Ваше величество, я сделал свой выбор и не намерен отказываться от данного ранее слова.

— Хорошо. Тогда уточню еще кое-что: ты уверен, что хочешь изучать магию? Сковывание — опасная наука, хотя я уже рассказывал тебе об этом.

Эти слова отдались очередной порцией головной боли, вызвав смутные расплывчатые образы фиолетовых небес, и Безымянный скривился.

— Хотел бы я сказать, что готов подумать или опасаясь магии... Но разве у калеки, который никогда больше не сможет нормально фехтовать, есть выбор? Выучившись сковыванию, я смогу приносить пользу другим.

Вороний Король прикрыл глаза и покачал головой.

— Поистине христианское смирение и любовь к ближним. Жаль, что среди тех, кто верует в бога из старого мира, так мало людей, подобных тебе. Что ж, ответ достоин, а потому — я приму твою клятву и обучу тебя всему, что знаю. Приступай.

И виконт заговорил:

— Я Даардэаш, сын Гардера Миллиса и Луции Ивойской, клянусь своими истинным именем, кровью, жизнью и душой служить Корвусу Вороньему Королю, правителю Волукрима. Я обязуюсь выполнять все его приказы, не раздумывая, чего бы он не пожелал.

Этой клятвы полукровка не давал даже принцу, а тот, если честно, и не просил. Таривас знал, что пес, посаженный на поводок, не нуждается еще и в цепях на лапы.

— И да будет Господь мне свидетелем. Отныне я ваш ученик, слуга и Щит.

Каждое из этих слов отражало то, кем Безымянный хотел себя видеть в новой жизни, и, если Вороний Король откажется хотя бы от одной из этих ролей, виконту придется покончить с собой.

— Я, Корвус, сын Ибисса и Аквилы, клянусь, — неприятный сухой голос сковывающего в этот момент был наполнен какой-то неземной торжественностью, — что никогда не прикажу тебе того, что пойдет в разрез с рыцарской честью и опорочит доброе имя твоей семьи. Я обязуюсь защищать тебя и оберегать, как родного сына, обучить всему, что знаю сам и помочь найти собственный путь. Я клянусь в этом, и да будут мне свидетелем моя совесть, потому что я не поклоняюсь ни одному из ныне живущих богов. Встань, Даардэаш, сын Гардера Миллиса и Луции Ивойской. Ты умер в прежней жизни и возродился в новой. И твоим новым именем будет, — Древний сделал небольшую паузу, а в глазах его блеснул огонек веселья, — Лариэс.

И как только эти слова были произнесены на Безымянного — нет, снова Лариэса! — обрушился поток воспоминаний. Он вспомнил, как попал на Грань, едва не погибнув в засаде, вспомнил уроки Вороньего Короля, пьяную беседу с Игнис, признание Клариссы, смерть и возрождение Ридгара Кающегося во время кошмарного ночного боя с изначальными. В памяти всплыла каждая мельчайшую деталь последних трех месяцев, и эти воспоминания отдались такой нестерпимой болью, такой мукой и таким отчаянием, что

полукровка взвыл в голос.

По щекам его лились слезы, сердце едва не выпрыгивало из груди, а перед глазами плясали разноцветные пятна.

— Они вернулись, — констатировал Вороний Король.

— Да, ваше... Да, учитель, — Лариэс поднялся и заглянул в глаза человеку, которому предстояло стать для него чем-то большим, нежели просто властелином.

Да он и стал им, потратив столько времени на обучение юноши сноходчеству.

— Твой титул сохранится, — продолжал, меж тем, Вороний Король, — ты получишь земли в Волукрине и доход, соответствующий положению. Также, раз желаешь, можешь стать моим Щитом, хотя, говоря откровенно, не уверен, что мне требуется телохранитель. Но было бы расточительством не воспользоваться талантами столь опытного командира, а потому чуть позже я выделю тебе отряд, который станет костяком новой гвардии. Если, конечно, не передумаешь.

— Нет, ваше величество... Учитель.

— Прекрасно... А теперь — иди и отдохни, ты едва держишься.

И действительно, Лариэс вдруг осознал, что силы стремительно покидают его, превращая тело в бесформенное желе. Он с трудом вышел из шатра и едва не упал, если бы Кларисса не поддержала своего бывшего капитана.

— Клар, отведи меня к нашим, — прошептал он. — Ноги что-то перестали держать.

— Конечно, — улыбнулась красавица, — идем, тебя все ждут.

Когда шатер за новым учеником закрылся, участники совещания вновь собрались внутри. Выглядели они обескураженными и потрясенными, и удивляться тут было нечему. То, что они услышали и увидели, поистине оказалось достойным увековеченья в балладах.

— Я чего угодно ожидал, когда пришло письмо от барона Урсуса, — высказал общее мнение Изегрим, — но чтобы такого... Корв, ты серьезно планируешь взять этого рысенка под крыло?

— Да, господин, — взвился Паллидий, — неужели вы хотите сделать его своим учеником?

— Если нет, — подала голос герцогиня Аккэлия, — то отдай его мне!

Корвус обвел собравшихся долгим тяжёлым взглядом, заставив их умолкнуть. Люди очень часто реагировали подобным образом, и с этим великий чародей ничего поделать не мог. Он знал, как действует на окружающих, а потому старался лишней раз не напоминать о том, кто, а точнее — что он такое. Но иногда это умение приходилось ко двору. Например, сейчас, когда следовало немного успокоиться и подумать.

"Проклятье. Мальчишка, действительно, умеет преподносить сюрпризы. Когда я увидел его впервые, подумал, что он — новое оружие Дилириса, во второй раз — что ему можно рассказать пару вещей о Грани. В третий я так был очарован его тягой к знанию, что начал воспитывать, будто собственного ученика... А теперь — он официально стал им. Жизнь — странная штука, не перестаю удивляться ее превратностям"...

— Я ничего не планирую. Он уже мой ученик, слуга и Щит, и я поклялся передать юному Лариэсу все свои знания. Возражения?

Их не последовало, однако во взгляде Паллидия Корвус различил плохо скрываемую обиду.

«Ох уже этот мальчишка, ревнует меня к каждому способному неинициированному, будто бы от наличия новых учеником моя любовь к старым уменьшится» ...

Но Паллидия было не переделать, таким уж он вырос — этот несчастный ребенок, лишенный родительского тепла, и постаравшийся восполнить его нехватку за счет наставника.

— Понимаю, — проворчал бледный юноша, — я, когда увидел его в Финибусе, едва дара речи не лишился. Такой самородок, а эта дура Мислия даже не подумала ограничить его.

— И мы с тобой прекрасно понимаем, почему.

— Еще бы, — фыркнул молодой чародей. — У парня такие проблемы с головой, что хочется сразу стать его на излечение в дом для умалишенных. Вентисы славно постарались, растя цепного пса, без обид, ваша светлость.

Устин неопределенно пожал плечами.

— Мне сложно сказать что-нибудь в защиту сестры, ведь ты совершенно прав, юный Паллидий. Но я не совсем понимаю суть вашего разговора. Молодой Лариэс — не только великолепный мечник и опытный командир, верно? Он еще и маг предметов?

— Да, — отозвалась его жена, почесывая подбородок, — и знаешь, теперь некоторые моменты становятся более ясными. Я-то все гадала отчего мы не встречались со Щитом ни во время посещений столицы, ни когда Таривас наведывался в Ришгат, погостить у нас. Сомнений нет — это все первая Тень. Она каждый раз находила способ отослать его

подальше, осознавая, что я не стану молчать.

Устин выразительно изогнул бровь, давая жене понять, что можно бы перейти к делу.

— Парень — прирожденный сковывающий. Его дар столь силен, что это видно невооруженным взглядом! Два-три года под правильным руководством, и он начнет творить! Десяток лет — и заткнет за пояс меня с Паллидием. Полвека, и Лариэс ступит на Путь Вечности!

— Правильным руководством? — переспросил Устин, заметно удивленный столь категоричным мнением жены.

— Да, наставник такого дарования должен быть, по крайней мере, не сильно слабее его самого. В принципе, ваша супруга или Паллидий справились бы, но я сделаю это лучше, — пояснил Корвус.

"Подумать только", — промелькнуло в мыслях Древнего, — "столько талантов за такой короткий срок. Сперва Паллидий, потом эта девочка, гордо именуемая себя герцогиней, а теперь — беспризорный пес. А тут еще и ученицы Орелии и Ридгара... Видимо действительно настает время перемен. Новое поколение идет на смену нам, старикам, застрявшим в прошлом".

— Полагаю, что на этом собрание можно заканчивать, — подвел итог великий чародей. — Проверьте все, что мы обсудили ранее и идите отдыхать. Очень скоро силы нам понадобятся.

Лариэс — приятно снова было стать собой — с помощью Клариссы кое-как добрался до шатра, пошатываясь зашел внутрь... и остолбенел, а затем — едва не зарыдал. Здесь он увидел до боли знакомые лица. Товарищей по оружию, которые, сгрудившись вокруг Индржиха, слушали марравца, что-то увлеченно им втолковывающего.

Первым обернулся Эрик.

Волк выглядел куда лучше, нежели во время расставания, да и неудивительно — тогда он потерял руку и едва избежал смерти.

— Дружище! — закричал воин, вскакивая и бросаясь к Лариэсу.

Кларисса отпрянула в сторону, и товарищ заключил своего капитана в крепкие — насколько позволяла культия — объятия.

Вслед за ним подтянулись и остальные. Но, великий Боже, как же мало их осталось!

Прекрасная Кларисса, балагур Эрик, флегматичный любитель философских рассуждений Джорн, прижимистый счетовод Авелий, Цилла, раненный в голову во время штурма замка, а также чудом спасшийся Индржих — вот и все, кто пережил путешествие на восток.

— Рад, что с вами все хорошо, — улыбнулся Лариэс, с трудом удерживая слезы, готовые политься из глаз.

События последних недель дорого дались бывшему Щиту принца, и нервы его, натянутые, точно корабельные канаты, этой ночью, наконец-то, порвались, обнажая ранимую душу.

— Я так... рад, — прошептал он, и упал на колени, не в силах больше сдерживаться. — Простите меня за все.

— Нет, — процедил Эрик, с силой сжимая плечо Лариэса. — Не смей винить себя в случившемся! У всего, что произошло, есть только один ответственный, и ты его знаешь!

Виконт поднял глаза на подчиненных... на друзей. Взгляд каждого выражал лишь одно: уверенность в правоте лейтенанта. Ни капли осуждения или обиды. Лишь радость за друга.

Лариэсу помогли подняться, усадили и подали кубок с вином, а затем начались расспросы, разговоры, рассуждения. Они болтали о прошлом, думали про настоящее, строили планы на будущее.

И холодная хватка смерти, ледяной рукой сжимавшая сердце Лариэса, наконец-то начала слабеть. Все случившееся: и несоизмеримая доброта его величества, и вера друзей, и фантастическая возможность учиться магии...

Все это больше походило на безумный сон, вот только Лариэсу никак не удавалось пробудиться. Да и не хотелось, если честно.

— Индрж кратко обрисовал нам то, что случилось на горе, — проговорил Эрик. — Что будем делать теперь?

— Я — служить новому господину и учиться магии, — пожал плечами Лариэс.

Волк нервно усмехнулся.

— Магии... подумать только, мой капитан — сковывающий и личный страж владыки сильнейшей страны мира. Я всегда догадывался, что ты далеко пойдешь, Лар, но, чтобы настолько... Теперь осталось только понять, как поступать нам.

— Можете присоединиться ко мне, — не задумываясь, ответил Лариэс. — Или пойти на службу к его величеству Устину. Я правильно понимаю, что вы еще не приносили ему клятвы?

— Нас решили подержать тут, пока ситуация немного не прояснится, — за всех ответила Кларисса. — Очень повезло, что к моменту нашего прибытия сюда, гнев Вороньего Короля утих, потому как иначе, боюсь, мы бы сейчас не разговаривали. А так, к нам отнеслись в соответствии со статусом. Ну а теперь, когда ситуация изменилась, лично я рассчитываю получить обратно оружие. Завтра же подниму этот вопрос.

— Тогда решать вам, никого неволить не стану, — произнес Лариэс. — Но учтите, если пойдете под руку нового владыки, в Дилирисе вас могут назвать предателями.

— И что? — пожала плечами Кларисса. — Вот погоди, я еще встречу с отцом, расскажу ему о том, что натворил принц, посмотрим, что скажет аристократия западных земель!

Лариэс чуть заметно улыбнулся.

— Боюсь, что ничего нового. Нравится кому-то или нет, но ее величество — законная правительница, а значит, вне зависимости от того, кто и что скажет, большая часть дворянства останется с ней.

— До первого поражения, — заметил Цилла.

И с этим утверждением нельзя было не согласиться. Да, его величество не просто так заманивал Розу Юга на Мариевы поля. Вороний Король провоцировал свою коронованную оппонентку на генеральное сражение, проиграв которое та моментально теряла как минимум половину страны — Устин Вентис был крайне популярен на востоке Дилириса. Помимо этого, поражение заставит многих графов и даже герцогов сомневаться — а стоит ли держать клятвы той, кто слаба на поле боя? Добавив к этому правильные слухи, можно добиться многого, но, как ни крути, основой должна стать победа на поле боя.

Неожиданно виконт заметил двух особ, которым, по идее, нечего было тут делать. Одну из них — ангельски красивую чернокожую девушку — он узнал сразу же. Не было такого жителя Сентия, кто не слышал об Алиссии — ученице Орелии Целительницы. Зато вторук

— миловидную блондинку в мужской одежде и с изящным легким клинком на поясе полукровка видел впервые.

— У нас гости? — уточнил он, с трудом поднимаясь для поклона. — Прошу простить мою неучтивость.

— Все в порядке, господин, — дружелюбно улыбнулась Алиссия. — Думаю, нам не нужно представляться друг-другу.

— Нет, госпожа моя, — покачал головой виконт. — Я запомнил вас еще тогда, когда приходил к Древней лечить шрам.

Полукровка повернулся ко второй девушке, которая уже поднялась и шагнула вперед, протягивая ему руку. Нетипичное поведение для дамы, но сам виконт никогда не имел ничего против воительниц, особенно, если те действительно умели постоять за себя, что случалось нечасто.

Он ответил на рукопожатие, которое оказалось по-настоящему крепким, почти мужским.

— Баронесса Лира Сиринакская к вашим услугам, виконт, — поздоровалась она.

— Стало быть, вы уже знаете обо мне?

— Кларисса рассказывала, — кивнула баронесса. — Она же говорила, что вы много общались с наставником.

— Хм? — нахмурился Лариэс, не понимая, о ком идет речь.

— С Ридгаром Кающимся, — пояснила девушка.

И тут все сразу встало на свои места, стало понятно, для чего ученицы Древних пришли в столь поздний час в их палатку.

— Вы хотите, чтобы я рассказал о времени, проведенном подле Ступивших на Путь Вечности? — на всякий случай уточнил он и девушки дружно кивнули.

— Хорошо, но учтите, разговор будет долгим и неприятным.

И вот, второй раз за сутки и не пойми какой за последние недели, Лариэс пересказывал свою историю очередной группе людей, слушавших его с жадным и напряженным вниманием. Да, Индржих сумел кратко донести до присутствующих историю предательства, но вот всего остального боец не знал.

А потому Лариэс погрузился во вновь обретенные воспоминания и плыл по их волнам на челне памяти, оказавшимся таким ненадежным.

В очередной раз он переживал и радостные и грустные события недавнего прошлого.

Его спрашивали, прерывали яростными возгласами, смеялись и плакали, а Лариэс продолжал изливать душу. Закончил он далеко за полночь, и усталые слушатели разбрелись по своим постелям. Женщины ушли в отдельный шатер, мужчины же улеглись тут, предварительно выделив неприхотливому Лариэсу угол.

Несмотря на чудовищную усталость, спал Лариэс недолго — и часа не прошло, как он поднялся, пробужденный неясной силой, бросил короткий взгляд на похрапывающий товарищей и вышел на улицу. За последние дни произошло слишком много событий, главным из которых, конечно же, являлся второй шанс, подаренный легендарным сковывающим. Пережитое просто не давали закрыть глаза.

"Я стал не нужен принцу, не сумел защитить Игнис, так хотя бы послужу Вороньему Королю", — подумал юноша. — "Быть может, мои знания и умения окажутся полезны".

Прохладный ночной ветерок теребил волосы и Лариэс, прищурившись, изучал огромный лагерь, раскинувшийся на несколько миль. Несмотря на поздний час, на

удивление много бивачных костров разгоняли ночной мрак и возле них пели, разговаривали, играли и веселились воины.

"Как это знакомо... напряженные часы затишья перед бурей", — подумал Лариэс. — "А ведь шторм разразится со дня на день. Причем — настоящий, спущенный с цепи ее величеством"...

Понимать, что маги воздуха из союзников превратились во врагов, было непривычно и Лариэс поежился.

— Не спится? — раздался позади надтреснутый голос.

Юноша резко — насколько позволяла изувеченная нога — обернулся, едва не охнув от острой боли в груди, а его изломанные пальцы попытались обхватить рукоять несуществующего более меча. Корвус стоял позади, и было не совсем понятно, как это он умудрился подобраться так тихо к воину, в чьих жилах текла кровь не только людей, но и лунксов.

Словно угадав эти его мысли, Вороний Король проговорил:

— Твой народ слишком сильно полагается на свои обостренные чувства, забывая, например, что обувь можно зачаровать на бесшумность. Ну, или одеть мягкие тапочки.

Взгляд Лариэса устремился вниз, и только после этого он понял, что Корвус шутил.

Сухой неприятный смех вырвался из-под маски, и Древний встал рядом с юношей, устремив взор на юг.

— Не спится? — повторил он свой вопрос.

— Нет, ваше величество.

— Мне тоже, — вздохнул чародей. — Мы стоим на перепутье, и, боюсь, куда бы не пошли, закончим бойней.

Лариэс не прерывал. Во-первых, это было просто невежливо, во-вторых — не по статусу, ну и в-третьих, изречения людей вроде Вороньего Короля надлежало слушать прилежно, затаив дыхание, стараясь извлечь крупинцы мудрости, которые столь незаурядные личности щедро разбрасывают вокруг себя.

Хранить молчание было непросто — Лариэса буквально распирало от любопытства, он пытался понять, что же именно сподвигло короля бродить в ночи меж палаток и костров, точно неприкаянного духа. Определенно, этот вопрос отразился на его лице, но Корвус, казалось бы, не замечал любопытства своего неожиданного ученика.

— Совсем скоро они придут, и мы станем убивать, — задумчиво проговорил Древний. — Падут многие, и это будет только начало. Ты ведь понимаешь, Лариэс?

— Да, ваше величество, — полукровка замялся и покосился на сковывающего, — скажите...

— М-м-м?

— Этого не избежать?

Умом юноша понимал, что вариантов почти нет, но надежда, как известно, умирает последней.

Корвус умолк и, сосредоточенно глядя в одну точку, коснулся пустого рукава, затем поник.

— Я... я постараюсь сделать все возможное, чтобы конфликт между Волукримом и Дилирисом так и остался неприятным эпизодом в истории наших государств. Я отправил Лорию подробный отчет, и надеюсь, что благоразумие возьмет верх. Но... Понимаешь, Лариэс, — повернулся он вдруг к своему новоприобретенному виконту, — равновесие

держалось уже слишком долго. И мы стоим на пороге...

— Новой войны Гнева? — предположил юноша.

— Новой Последней Войны, — горько ответил Древний. — Каждый надеялся, что удастся этого избежать, что выйдет либо проскочить, либо победить оппонента, не погружая континент в ад. И потому мы копили силы, борясь за влияние. Именно поэтому Лорий в свое время пытался захватить Дилирис, а я поддержал Виннифис и беру под контроль восточные графства. Мы не хотим крови, мы жаждем сохранять равновесие, но...

— Оно стало слишком шатким.

— Да, — кивнул чародей, — как деревянный игрушечный домик, из основания которого убрали почти все кубики. Легкий толчок, дуновение ветерка... — он сделал неопределенный жест рукой, — и вот вся конструкция осыпается. Так и здесь. Моя слепая ярость, боюсь, стала той искрой, что воспламенит пороховую бочку. И все же...

Древний вздохнул и покачал головой.

— Все же я надеюсь на то, что нам всем повезет. Скажи, — обратился он, вдруг, к юноше, — какими были последние слова моей дочери?

— «Идем», — без раздумий отчеканил Лариэс, помнивший тот разговор возле входа в пещеру наизусть. — Она произнесла эти слова за миг до того, как вошла в пещеру. И была очень рада.

— Глупая девочка, — прошептал величайший маг континента.

— Повелитель, скажите, неужели вы не чувствовали опасности?

— Конечно же я понимал, что от затеи принца воняет, как из выгребной ямы, но Орелия с Ридгаром, как мне казалось, могли защитить Игнис от любой беды, к тому же я отправил гарпий следить за вами и дал приказ Паллидию оказать всю возможную помощь. К тому же, — тут чародей на миг остановился, точно решая, достоин ли Лариэс правды, или нет, — была еще одна серьезная причина. Письмо от одной нашей общей знакомой.

Виконт лишь непонимающе моргнул.

— Незрячей, — пояснил Древний.

— А-а-а, — протянул Лариэс.

"Если сюда вмещался рок, то, конечно, все куда серьезнее, чем я себе представлял", — подумал он.

Будешь предателем, не предавая, будешь проклинаем, но не проклят. Твой полет прервет ветер, и ты падешь на камни...Пройти по ним босыми ногами иль нет — решать тебе...

Привычно прозвучали в голове слова существа, глядящего на мир через невидящие очи. Лариэс дернулся и проговорил:

— Господин, оракул пророчествовала мне.

— Я знаю, — Корвус покосился на собеседника, явно не понимая, почему тот так резко сменил тему разговора.

— Каждое слово, каждый звук, отпечатались в самом сердце, — продолжил Лариэс, волнуясь от того, что говорит о столь интимных вещах. — Но пока мы ехали на восток, я не вспоминал об услышанном ни разу. Зато после падения, не могу выбить речи Видящей из головы, они буквально не дают мне покоя, не отпуская ни на миг. Как такое возможно? Почему?

Корвус извлек из кармана небольшой, сложенный вчетверо, листок бумаги, повертел его в руках, после чего — передал Лариэсу.

Тот принял его, развернул и прочел два слова: «Разреши ей», филигранным почерком выведенные на листе.

— Что это?

— То самое послание. Смысл его я понял лишь тогда, когда дочка попросила отпустить ее с вами... А бывало, что предсказание становилось ясным лишь после того, как все закончилось. Случалось также, что человек, поняв все неправильно, запускал цепь действий, ведущих именно к тому будущему, о котором рассказывал оракул. Происходило и так, что жертва, напротив, слишком хорошо понимала сказанное и из кожи вон лезла, лишь бы предотвратить неизбежное. А иногда одаренный знанием просто пытался игнорировать предсказание, думая отсидеться под одеялом, точно маленький ребенок.

Чародей невесело усмехнулся.

— Да, все это было, — протянул он. — Но иногда происходило иное. Когда послание получал человек, способный влиять на саму ткань мироздания, оно блокировало ему часть памяти, не позволяя вспомнить о себе, потому что предсказанное сбывается всегда. Изменить то, что через оракула поведали обитатели иных планов бытия невозможно. Но сильный маг может попытаться хотя бы чуть-чуть скорректировать результат, что недопустимо.

— Но я же не маг...

— Ты — не обучен, однако отсутствие опыта ничуть не меняет природу. Сковывающий — это всегда владыка истинных имен, а потому, магия, заложенная в предсказании, сочла, что тебе не следует пытаться изменить то, чему должно было свершиться.

— А потом, когда все кончилось, я вспомнил?

— Да. Повторю: любое четко сформулированное утверждение, прозвучавшее в предсказании, всегда исполнится. Бежать от него, мешать или пытаться каким-то образом изменить бесполезно. Однако следует понимать, что будущее все же не предопределено. Скорее, мы можем говорить о вероятностях наступления того или иного события. И опытный, по-настоящему одаренный чародей, может попытаться эти самые вероятности скорректировать, добавив себе пару процентов. Что, как я уже говорил, абсолютно неприемлемо для высших сущностей.

— Я не совсем понимаю, ваше величество.

— Неважно, — резко сменил тему Древний. — Так вот, когда тебя подхватил поток Рока, ты оказался бессильным листиком, которому только и оставалось, что послушно кружиться на волнах. Но как только эти самые волны выбросили тебя на камни, судьба разжала свою мертвую хватку, предоставляя возможность... Право выбора.

«Выбросили на камни... Твой полет прервет ветер, и ты падешь на камни» ...

— Пройти по ним босыми ногами иль нет — решать тебе, — прошептал Лариэс.

— Что? — прищурился Вороний Король.

Юноша тряхнул головой.

— Я сделал этот выбор, — произнес он. — Сегодня.

— Вот только как бы тебе не разочароваться в нем, — невесело усмехнулся Корвус. — Несмотря ни на что, в глазах многих ты станешь предателем.

— Я готов к этому, — храбро ответил виконт. — Не привык пасовать перед трудностями.

— Похвальное умение, — весело произнес Древний, после чего взглянул на полоску света на горизонте — ночь заканчивалась, порождая в сполохах кроваво-красного пламени

новый день.

— Господин мой, можно ли спросить вас об одной вещи? — проговорил Лариэс, вспоминая вдруг давно интересовавший его вопрос.

— Только об одной? — Корвус выразительно изогнул бровь и в глазах его промелькнула искорка смеха.

— Очень непонятный, — поправился Лариэс.

— Удиви меня.

— Как ее величество и его высочество смогли раздобыть яйцо изначальных, и контролировать королеву, вылупившуюся оттуда?

Этот вопрос заставил Корвуса сделать несколько шагов вперед, и Лариэс последовал за своим господином, держась чуть позади. Древний остановился возле тлеющего костра, присел и голой рукой вытащил рассыпающийся малиновые искры уголь. Он сжал его в пальцах, дробя в мелкое крошево, затем, не поднимаясь на ноги, взглянул на Лариэса и от взгляда этого юноше стало не по себе.

Этот вопрос явно пробудил едва-едва уснувшую ярость в сердце древнего чародея.

— Есть у меня одно предположение, но оно тебе, боюсь, не понравится, — хмуро ответил Вороний Король. — Впрочем, не верю, что такой умный молодой человек и сам не способен выдвинуть гипотезу-другую. Дерзай.

— Ривеланд, — осторожно предположил полукровка.

Корвус поднялся и пристально заглянул в глаза виконта.

— И я того же мнения.

— Но почему тогда... — начал Лариэс и сам закончил, — нужны доказательства, вы и так уже наломали дров, приказав атаковать Сентий.

Корвус кивнул.

— Именно так. Я могу сколько угодно подозревать Кайсу, но без улик это все не имеет значения. К тому же, магия северянки... Как бы объяснить тебе...

— Блаклинт, — начал Лариэс и сразу же поправился, — принцесса Блаклинт говорила, что ее мать не способна воздействовать на разум.

— Именно, грани дара Кайсы достаточно специфичны. Она безумно талантлива и просто безумна, но все-таки не способна ломать сознания, как Неназываемый, и значит, не может взять под контроль столь могучую тварь, как королева изначальных.

— Но как же тогда она действовала?

— На этот вопрос, увы, ответа у меня нет. Быть может, Кэлиста или Таривас смогут пролить свет на эту тайну, но то будет уже потом, а сейчас нам всем следует еще немного отдохнуть. Иди спать и учти, это — приказ.

— Слушаюсь, повелитель, — ответ пришел раньше, чем Лариэс успел осознать его.

Виконт проснулся нетипично поздно.

Измученное тело, наконец-то отказалось повиноваться и разум буквально провалился в небытие, а потому, когда Лариэс с трудом разлепил глаза, солнце стояло в зените. Ругаясь, полукровка поспешил одеться, умыться и выйти наружу. Там его уже ждали — выжившие гвардейцы и ученицы Древних наперебой выспрашивали что-то у смущенной бескрылой гарпии, оказавшейся, неожиданно для себя, в самом центре внимания.

— Аелла, рад тебя видеть, — поприветствовал свою спасительницу Лариэс. — Как самочувствие?

Лицо гарпии осветила радостная улыбка и та ответила:

— Гораздо лучше, спасибо за заботу. А ты?

Виконт, хромя, сделал пару шагов и уселся на заботливо подставленное Клариссой бревнышко.

— Спасибо, Клар, — улыбнулся он светловолосой воительнице, после чего ответил гарпии, — бывало и лучше. Ну, по крайней мере, хорошо поспал.

Индрих подал своему капитану миску с кашей, которую тот тотчас же принялся уплетать — есть с утра хотелось невыносимо. Наскоро утолив первый голод, он поинтересовался у собравшихся:

— Вы что, все это время ждали меня?

— Делать все равно особо нечего, — пожал плечами Эрик. — Ни мы, ни прекрасные дамы, — он кивнул чуть зардевшейся ученице Кающегося, — не сильно-то и нужны. Нас так и не пристроили к делу. Впрочем, если его величество действительно решил тебя возвысить, полагаю, очень скоро под твоим началом соберется изрядных размеров армия. Надеюсь, найдёшь теплое местечко для однорукого калеки? Не позволишь несчастному безземельному товарищу впасть в нищету и закончить свои дни в какой-нибудь канаве?

— Не юродствуй, — поморщился Лариэс. — Как только ее величество окажется смещена с трона, тебе, определенно вернут все земли. Если те вообще будут конфискованы.

— Кстати, справедливо, — заметила Кларисса, теребя кончик косы. — Вы были нежеланными свидетелями, мы же — оказались пленниками в замке союзника Вороньего Короля, и нас попросту передали мятежником.

— То-то ты страдаешь от нужды, — уцелевшей рукой Эрик обвел роскошные одежды Клариссы.

Графская дочка фыркнула и демонстративно не обращая внимания на болтуна, обратилась к Лариэсу:

— Чем ты планируешь заниматься сегодня?

— Не знаю. Его величество не оставлял никаких распоряжений, так что, думаю, я волен немного отдохнуть. К тому же нужно будет подобрать оружие, да и лекарю показаться было бы неплохо.

При этих словах встрепенулась Алиссия, которая, казалось, задремала на теплом солнышке. С неожиданным проворством темнокожая красавица оказалась подле Лариэса и, протянув руку, ухватила того за изувеченную кисть.

Прикрыв глаза и сосредоточившись, ученица Целительницы некоторое время точно всматривалась куда-то внутрь, затем, распахнула огромные глазищи и приказала:

— Извини, нужно было проверить тебя еще вчера... Покажи ногу.

Лариэс, прекрасно знавший подобную манеру речи, без разговоров подчинился, задрал штанину выше колена, и все повторилось.

После этого Алиссия положила руку ему на лоб и некоторое время молча продолжала свое исследование. Затем — заставила расшнуровать рубаху и принялась изучать ребра.

С каждой минутой ее лицо становилось все мрачнее и мрачнее. Наконец, ученица Древней открыла глаза, убрала ладонь и безапелляционным тоном заявила:

— Тут сможет помочь только госпожа. Моих слабых сил не хватит, прости.

Лариэс пожал плечами. Он уже успел смириться с тем, что стал калекой. Ходить более-менее мог, скакать — тем более, стрелять из пистолета — да, пусть и левой рукой. Так что все не так и плохо.

Эти мысли полукровка и озвучил, получив в ответ несколько жалостных взглядов, главный из которых, как ни странно, принадлежал Аелле.

— Впрочем, кое на что сгожусь и я, — проговорила Алиссия, извлекая из сумки небольшой мешочек. — Вот.

Лариэс аккуратно открыл его и достал небольшую пилюлю черного цвета.

— Что это?

— Обезболивающее. Сильное. Поэтому используй его только когда станет по-настоящему плохо, — серьезно проговорила девушка. — И не злоупотребляй, иначе привыкнешь.

— Благодарю, — виконт спрятал лекарство.

В его состоянии не следовало отказываться от болеутоляющих. Правда, использовать их в бою их было рискованно, потому как подобные пилюли притупляют восприятие. Весь вопрос — насколько?

«Ну, когда скрутить в очередной раз, выясню», — подумал он. — «Вот бы теперь всех развеселить как-нибудь».

И действительно, атмосфера резко испортилась, а улыбки на лицах погасли. Неизвестно, что случилось бы дальше, если бы в этот самый момент к их импровизированному лагерю не подошел бы принц Клеменс Вентис собственной персоной.

— Привет всем, — расплылся в улыбке ветророжденный. — Можно в вашу теплую компанию?

Все присутствующие дружно преклонили колени, приветствуя лицо королевской крови, и принц нетерпеливо махнул рукой, приказывая подняться.

— Думаю, Лариэсу нужно подобрать снаряжение и коня, все-таки, уже завтра в бой.

— И поэтому ваше высочество желает сделать это лично? — с удивлением в голосе проговорила молчавшая до сих пор Лира.

— Почему нет? — пожал плечами принц. — Заняться мне мне все равно нечем, а так — хотя бы проведу время с пользой.

Это утверждение звучало, откровенно говоря, странно, но Лариэс, в целом, не имел ничего против. Оставив гвардейцев под командованием Индржиха готовиться к грядущему сражению, он вместе с Клариссой, Эриком и ученицами Древних последовал за ветророжденным, который, однако, повел своих спутников не в оружейную, а на обширный луг позади лагеря. На нем как раз тренировались два больших отряда. Лариэс заметил несколько эскадронов в цветах герцогини Магны и — большую пехотную баталию, над которой гордо реяло личное знамя Устина Вентиса.

Судя по намертво вытоптанной траве и почве, спекшейся до состояния едва ли не камня, тренировки проводились на этом месте регулярно и подолгу.

— Перед тем, как заняться обмундированием, я хотел показать это, — обратился к Лариэсу Клеменс. — Полагаю, ты захочешь принять участие в завтрашнем сражении, а потому должен хотя бы в общих чертах понимать, как именно мы будем драться.

— С такой рукой? — удивился Лариэс.

Он продемонстрировал скрюченные пальцы правой руки.

— Именно поэтому я привел тебя сюда, — лукаво улыбнулся Клеменс. — Паллидий говорил, что ты отличился при обороне замка барона Урсуса Гарского, а значит, видел, как дерется пехота Волукрима. Теперь же посмотри на работу легкой конницы.

И действительно, прямо сейчас ровные колонны всадников накатывались на замершую баталию, за двадцать-тридцать шагов до нее лунксы резко забирали вправо, стреляя из пистолетов, заряженных холостыми патронами, некоторое время двигались вдоль строя пикинёров, разряжая еще один или два пистолета, после чего — поворачивали коней и двигались в хвост колонны, на ходу перезаряжая оружие.

Видимость заметно снизилась из-за клубов порохового дыма, но, в целом, было понятно, что происходит, и Лариэс с интересом принялся наблюдать за действиями сородичей. Когда каждый из лунксов поучаствовал в атаке, и колонна, увлекаемая знаменосцем, начала отдаляться от баталии, ее место заняла новая — на этот раз принадлежащая герцогству Ришгат. У этих дела шли ощутимо хуже, нежели у вассалов Вороньего Короля. Не было ни той запредельной четкости, что выказывали лунксы, ни синхронности — несколько человек едва-едва не напоролись на пики собственных боевых товарищей из числа пехотинцев. Худо-бедно отстрелявшись, они уступили место очередной конной сотне.

— Я так понимаю, вы учите своих бойцов тактике, принятой в Волукриме? — уточнил на всякий случай виконт.

— Именно, — согласно кивнул ему принц. — Держава его величества опередила весь мир, наверное, лет на сто. Они поистине непобедимы!

Лариэс вспомнил тонкий строй, сметавший море покрытых хитином монстров, но все-таки не смог согласиться с принцем.

«Когда по ним ударит лучшая в мире конница, все будет не так просто», — подумал он, однако вслух говорить ничего не стал.

Вместо этого, прищурившись, внимательно следил за тренировкой.

— Почему баталия? — уточнил он на всякий случай. — Разве нельзя тренироваться с обычными мишенями?

— Это важно и для пехотинцев, и для кавалеристов, — охотно пояснил Клеменс. — Пехота должна уметь держаться против подобного противника, всадникам же следует научиться выбирать подходящее расстояние, чтобы не напороться на пики в реальном сражении. К сожалению, пока что дела идут не так хорошо, как хотелось бы. Мы не сможем поддержать Волукрим в центре поля боя, но хотя бы прикроем фланг.

Виконт рассеянно кивнул, запечатлевая в памяти действия всадников. Да, пожалуй, даже калека вроде него сможет сражаться таким способом. Правая рука и ноги — для управления конем, левая — для стрельбы.

«Может получиться», — удовлетворенно подумал виконт. — «Я буду полезен на поле боя даже таким. Жаль, пистолет Руфина не пережил падения со скалы».

Воспоминание об утраченном оружии заставило виконта перейти к насущным вопросам, и он спросил принца:

— Ваше высочество, а из чего я буду стрелять, если окажусь в бою?

Клеменс улыбнулся.

— Идем.

Он привел своих спутников к собственному шатру, где, как ни странно, все уже было готово к обеду. Тут же размещалось несколько увесистых свертков. Гвардеец, несший караул, сообщил, что все распоряжения его высочества выполнены и нужные предметы доставлены, после чего принц завел своих товарищей внутрь.

— Присаживайтесь, — указал он на длинный стол. — Лариэс, твои вещи — вон в том свертке.

Виконт, не теряя времени, изучил подарки. Тут оказался комплект доспехов, подогнанный точно по росту, несколько пистолетов, длинный меч с узким лезвием и витиеватой гардой — даже более сложной, чем у шедевра Руфина, несколько комплектов одежды и множество мелочей, нужных в повседневной жизни. Конечно, по качеству доспехи и оружие уступали тому, что было у Лариэса раньше, но, тем не менее, дешевыми и простыми подарки принца назвать было сложно.

— Что ж, а теперь предлагаю немного отдохнуть и развеяться, — радостно улыбнулся Клеменс. — Для начала, пожалуй, давай-ка опробуем твоё снаряжение. А потом — видно будет.

До самого вечера они занимались самыми разными делами, благодаря чему виконт сумел немного приноровиться к обновкам и подаренной лошади. Да что там, он даже принял участие в одной из тренировок конных стрелков. К сожалению, отправиться на ужин виконту не светило — на закате Лариэса нашел вестовой, передавший приказ Вороньего Короля: незамедлительно явиться в шатер чародея.

Древний уже ждал его на улице и, едва заметив прибытие ученика, коротко приказал: «следуй за мной», после чего развернулся и двинулся в сторону близлежащего леса. Ания, ехидно каркнув, полетела над головой своего хозяина, а Лариэсу только и оставалось, что следовать за быстрым чарореем, подстраиваясь под его походку.

Некоторое время они шли в полном молчании, наконец, Вороний Король привел спутника на небольшую поляну, усеянную обломками, некогда бывшими — по-видимому — постройкой. Когда именно — понять было сложно: ветры и дожди стесали острые углы, мох покрыл камни густым слоем, а сами булыжники ушли в землю так глубоко, что нельзя было понять, на сколько футов вниз они уходят.

Корвус уселся на один из камней и кивнул Лариэсу, указывая на соседний.

— Туда, — приказал он.

— Кар! — громко возвестила Ания, усаживаясь на плечо чародея и тот машинально почесал ей перышки.

Лариэс, не привыкший перечить вышестоящим, повиновался, все еще не понимая, что происходит. Сегодня Древний выглядел очень серьезным, можно даже сказать, торжественным, не походил на себя в мире снов.

— Наверное, ты думаешь, зачем я тебя позвал в это безлюдное место, — произнес Древний. — Что ж, отвечу: для того, чтобы начать обучение.

Лариэс удивленно вытаращил глаза.

— Но ведь завтра... сражение. Не лучше ли...

— Нет, — резко оборвал его Ступивший на Путь Вечности. — Я не собираюсь ждать, заполучив столь перспективного ученика в полное свое распоряжение. Наши занятия снохдчеством на Грани были всего лишь легкой разминкой, а я очень хочу приняться за дело всерьез.

Лариэс сглотнул. Он еще во время бесед с Древним на Грани понял, что тот — фанатичный учитель, но только теперь он осознал, насколько же именно Древний любит свою работу.

И в этот момент юношу охватил самый настоящий ужас.

«Моя жизнь изменится навсегда. Прямо сейчас!»! — осознал он вдруг. — «Вот прямо сейчас!»!

Ни предательство Тариваса Вентиса, ни падение со скалы, ни увечья, ни смена сюзерена... Ничего не казалось таким фатальным, таким бесповоротным и однозначным, как это.

Артефактная магия... Сковывание... И он — всего лишь воин, возвышенный королевой ради защиты ее любимого сына. Разве такое возможно?

Эти мысли отразились на лице юноши, потому как Корвус неторопливо поднялся со своего места, подошел к Лариэсу и навис над ним, кладя единственную руку на лоб ученика.

— Ничего не бойся, — произнес он. — И потерпи.

— Потерпеть? — недоуменно переспросил виконт.

А уже в следующую секунду он понял, что имелось в виду — все тело пронзила дикая, ни с чем не сравнимая боль, от которой глаза полезли на лоб, хотелось выть и плакать одновременно. Даже когда он приземлился в воду, ломая ребра и конечности, даже когда вражеское копьё нашло брешь в доспехах, даже когда его избивали на улицах Сентия другие беспризорники, не было таких ощущений.

Казалось, что само тело выворачивается наизнанку, кости дробятся в порошок, внутренние органы обращаются в кашу, а кровь — закипает в венах...

Мгновение, и все прошло.

Рука Древнего медленно и осторожно покинула лоб виконта и тот, сморгнув слезы, охнул, хватаясь за сердце.

— Прости, это всегда так, — сухо выговорил Корвус. — Инициация — первая ступень, отсеивающая наиболее неприспособленных. Один из десяти одаренным не переживает ее.

— Инициация? — не понял Лариэс.

Древний вернулся на свое место и ответил:

— Да, любой неинициированный сковывающий прекрасно заметен остальным магам-артефакторам, от него исходит сияние, которое тот не может спрятать от окружающих. Такой артефактор не способен сковывать предметы, выясняя их истинные имена. Чтобы изменить это, нужен обученный чародей, который снимет блок.

— Но... тогда получается, что первый сковывающий научился всему сам?

— Хороший вопрос. Увы, ответа на него у меня нет, как не было его и у моего наставника. В его родном мире дела обстояли точно также. А потому я не знаю, кто был первым. Возможно, кто-нибудь из богов, — пожал плечами Корвус. — Впрочем, это не столь важно. Куда интереснее другое: чувствуешь ли ты какие-нибудь изменения?

Виконт внимательно посмотрел по сторонам.

«И правда, что-то не так», — подумал Лариэс.

Он не мог точно сказать, что именно, но точно знал — еще минуту назад все было иначе. Прищурившись, он вдруг понял, что именно — от Древнего исходило слабое, едва заметное свечение, которого еще миг назад не было.

— Вы... светитесь? — неуверенно произнёс виконт.

— Ага... неплохо, — кивнул Корвус. — А теперь?

Все пропало.

— Нет, ничего не вижу.

— Именно. Этому, кстати говоря, мы и начнем учиться в первую очередь — скрывать свою ауру от других артефакторов, потому как они — единственные, кто способны понять твою истинную сущность, а потому — опасны для необученного неопита. Более того, умение прятать силу — есть фундаментальная, базовая вещь, потому как прежде чем погружаться в суть предметов, выискивая их истинное имя и считывая историю, следует разобраться в себе.

Лариэс слушал старательно, не пропуская ни единого слова, но, увы, не понимал ничего из сказанного. И это не укрылось от Корвуса.

— Думаю, в твоём случае нет смысла очень долго теоретизировать, начнем сразу с практики. Закрой глаза.

Лариэс повиновался и вскрикнул от удивления.

Вместо привычной тьмы под веками разливалось свечение.

— Не пугайся, — раздался откуда-то издалека голос Корвуса. — Это нормально для только-что инициированных сковывающих, не умеющих контролировать пробуждающиеся силы. Слушай меня, очисти разум от мыслей, и дыши по счету. Вдох...

Виконт вдохнул.

— Выдох.

Выдохнул.

— Вдох... Выдох... Вдох... Выдох...

Мерный, убаюкивающий голос Древнего успокаивал, обволакивал, вызывал сонливость... Лариэс дышал по команде, стараясь не думать ни о чем. Это было сложнее, чем казалось на первый взгляд, потому как то и дело в голову лезли непрошенные мысли, идеи, сомнения, и всех их следовало прятать как можно дальше и глубже, чтобы не мешались, не путались под ногами.

— Вдох... Выдох... Вдох... Выдох...

Постепенно окружающий мир растворился во всепоглощающей тишине, пропали краски, запахи, шум. Лариэс оказался один посреди пустоты и лишь сердце билось в такт словам, произносимым, как будто, внутри черепной коробки:

— Вдох... Выдох... Вдох... Выдох...

Сложно было сказать, сколько это продолжалось — течение времени в подобном состоянии ощутить было непросто, но, неожиданно установившийся порядок был нарушен командой:

— Оглядишься.

Лариэс так и поступил, и обнаружил, что вокруг него разливается свет, точно от огромного костра.

— Сияние — отражение твоей силы. Твоей способности менять реальность согласно собственным представлениям о ней, — раздался далекий голос. — Сковывание — само по

себе подразумевает изменение законов мироздания, воздействие на материальный мир способом, невозможным при иных обстоятельствах. Это, конечно, касается любой магии, но артефактной — в особенности. Сейчас твоя сила командует, а должна подчиняться. Прикажи ей спрятаться, забиться внутрь и не высовываться без дозволения на то.

— Спрячься, — попросил Лариэсу пустоту с заведомым результатом.

— Нет! — громоподобный голос обрушился на него откуда-то сверху, точно молнии древнего северного божества, вопреки всем рассказам пережившего последнюю битву своего мира. — Не словами: мыслями, душой! Прикажи!!!

Последнее слово было произнесено столь громко, что Лариэс на миг оглох, но, как и всегда, он подчинился приказам старшего.

«Уйди, спрячься», — распорядился юноша, сам не понимая, к кому обращается, и — вот неожиданность! — сияние, кажется, чуточку потускнело.

— Еще!

«Уходи»! — уже настойчивее приказал виконт. — «Ну же, давай, подчиняйся»!

Он повторил эти слова несколько раз, и сияние медленно, неохотно, точно кошка, которую тряпкой согнали с теплого места подле камина, начало исчезать, растворяться в теле. Прошло какое-то время, и Лариэс понял, что наконец-то находится в абсолютной тишине и темноте, разогнать которую было не в состоянии даже ночное зрение бывшего Щита принца. И в этот миг ему стало действительно страшно.

Паника — неожиданная и непредвиденная — рванулась со дна мозга в клочки разметав стену спокойствия, с таким трудом выстроенную юношей.

Едва не заорав, тот открыл глаза... и удивленно огляделся по сторонам. Вокруг стояла глубокая темнота, разгоняемая лишь небольшой лампадкой, зажженной, по-видимому, Вороньим Королем. Невдалеке слышались звуки лагеря, готовящегося к ночевке. Запахи этого самого лагеря также резко ворвались в нос полукровки, заставив того закашляться. Бросив короткий взгляд на лампадку, Лариэс зашипел и прикрыл веки — даже столь слабое пламя вызывало нестерпимую боль.

— Не спеши, тебе нужно время, чтобы прийти в себя, — услышал он тихий, едва различимый голос Корвуса. — Первое погружение — всегда самое тяжелое. На нем отсеивается еще один из десятка.

«Отсеивается»... — тупо подумал Лариэс. — «Умирает»!

Эта мысль бодрила не хуже целого ведра ледяной воды за шиворот, и юноша чуть-чуть приоткрыл глаза, принаравливаясь к излишне яркому свету. Несколько минут потребовалось ему для того, чтобы привести в порядок обоняние, осязание и слух, после чего он решил на вопрос:

— Учитель, что это было?

— Как я уже сказал — погружение. В других обстоятельствах и с другим учеником я бы потратил несколько недель на разжевывание теории, но тебе это не требуется. С таким материалом, как Паллидий и ты, работает только эмпирический метод, гласящий, что все следует познавать на собственном опыте.

— А с вами?

— Аналогично. Архитектор инициировал меня, едва встретив, не спрашивая ни разрешения, ни согласия, — в голосе Корвуса прозвучали ностальгические нотки. — Как будто в те времена кто-то посмел бы ему возражать. Наоборот, родители были рады избавиться от голодного рта...

Лариэс припомнил, что Вороний Король родился на излете кошмарной Последней Войны, уничтожившей, как поговаривали, девять десятых населения мира. Ну, или, по крайней мере, континента.

— Впрочем, думаю, некоторые пояснения следует предоставить тебе прямо сейчас. — Он поднялся и занял позу лектора, так хорошо знакомую виконту по занятиям сноходчества. Лариэс чуть расслабился и приготовился вкушать мудрость.

— Как ты знаешь, сковывание — это магическая дисциплина, позволяющая выяснять истинные имена предметов и видоизменять их в соответствии с потребностями чародея и возможностями, которые эти самые предметы предоставляют. Процесс, дающий возможность осуществлять подобные магические метаморфозы, именуется погружением, и он имеет четыре уровня. Впрочем, ты сейчас не погрузился и на первый.

— А куда же я тогда попал? — удивился Лариэс.

— Разве не очевидно? — пожал плечами Корвус.

— Кар, — насмешливо поддакнула ему Ания, спикировав с ближайшей ветки и усевшись перед полукровкой, донельзя ехидно глядя на него алыми глазами.

— Не очень, — честно признался Лариэс, старательно игнорируя глумящуюся птицу.

— Ты погружался внутрь себя, конечно же, — с легким возмущением в голосе ответил Корвус. — Я ведь уже говорил: прежде чем исследовать неодушевленные предметы, начинающий сковывающий должен познать себя и свое истинное имя. Под руководством опытного мага ты станешь раз за разом погружаться в глубины собственного я. Кто-то проходит этот этап за дни, кто-то за недели, у некоторых процесс растягивается на месяцы. Все очень индивидуально. Кстати, еще один из десяти частенько отсеивается именно в процессе познания себя — обычно сходит с ума.

— Превосходно, — глаз Лариэса начал подергиваться. — А сколько вообще человек переживает обучение, не напомним?

— Не больше половины, причем — у очень хороших наставников вроде меня. У обычных — два-три человека из дюжины.

Виконт нервно хмыкнул, после чего вдруг хлопнул себя по лбу.

— Я только что понял... уже ведь ночь!

Он тотчас же прикусил язык и виновато посмотрел на Корвуса, но тот отнюдь не спешил смеяться над нерадивостью Лариэса.

— Не волнуйся, такая дезориентация и путаница мыслей — тоже совершенно нормальна для юных сковывающих, — успокоил его чародей. И вот тебе, кстати, мудрость от наставника, которую следует накрепко запомнить: погружение смертельно опасно. Оказавшись на глубине, ты перестанешь контролировать ход времени, и это легко может убить. Никогда — слышишь! — никогда даже не смей повторять то, чему научился сегодня без стороны меня, Аккэлии или Паллидия! Ты сможешь заняться самостоятельными изысканиями только тогда, когда я разрешу, и ни днем раньше. Это приказ.

— Будет исполнено! — по-военному четко ответил Лариэс, вскакивая на ноги.

Сделал он это напрасно — голова тотчас же закружилась, увечная нога отдалась страшной болью, и виконт, потеряв равновесие, упал бы, но в последний момент неожиданно сильная рука ухватила юношу, удерживая того в вертикальном положении.

— Не пытайся угодать мне, это не нужно, — ласково, по-отечески, проговорил Корвус. — Ты и так сделал больше, чем от человека можно требовать. Выжил, вопреки всему. Пришел и рассказал мне правду о случившемся возле Одинокой Горы, зная, что

можешь заплатить за это жизнью. Согласился стать моим учеником, а значит — одним из сыновей. Ты не раб и не вассал, ты — член семьи. Помни об этом.

От этих слов, полных искренней доброты, тепла и участия, у Лариэса на глаза навернулись слезы, и он коротко кивнул, надеясь, что великий маг не заметил излишнюю чувствительность своего новоиспеченного ученика.

— Ладно, для первого раза все было просто замечательно. Иди отдыхать, завтра нас ждет долгий и очень кровавый день. Завтра они, — Древний указал в сторону юго-запада, — придут. Завтра свое слово скажут сталь и свинец.

Они действительно пришли и было их так много, что в глазах рябило от количества флагов, от разнообразия цветов, от красоты и грозной силы, надвигающейся на войско Волукрима.

Армия Дилириса двигалась колоннами, которые разворачивались в полки уже на поле боя. Весь первый и второй ряд занимала рыцарская кавалерия. За всадниками начинались ровные ряды королевских аркебузирова и пикинёров. Тут и там виднелись артиллерийские позиции, а на флангах оцетинились пиками два больших квадрата — наемные баталии, набранные со всех уголков мира.

Лариэс заворуженно наблюдал за мощью, брошенной Кэлистой и Таривасом, и не мог не признать — работа, которую проделали Вентисы, действительно вызвала уважение. Меньше чем за месяц они призвали под знамена и доставили на поле боя почти пятьдесят тысяч воинов, столько же обозных слуг, маркитанток, торговцев и прочего люда, и в десять раз больше лошадей. Что-что, а управлять как его высочество, так и канцлер с маршалом умели. Порядок в армии был образцовый, и весь вопрос заключался в том, проверили ли Тени леса на флангах, и если да, то обнаружили ли ударный корпус Паллидия.

Лариэс ставил на то, что да. Мислия отлично знала свое дело.

Полукровка, облаченный в новенький комплект доспехов, отмеченных рунами скывывающих, и вооруженный мечом, а также — парой пистолетов, занял место за левым плечом Корвуса, не обращая ни малейшего внимания на убийственные взгляды, бросаемые в его сторону Паллидием. Ученик ревновал полукровку к учителю, но это были его проблемы. Лариэс, дав новый обет, не собирался ни на миг отступить от своих обязанностей. А единственное, что он по-настоящему хорошо умел, так это защищать.

Впрочем, сейчас окружающих больше волновала его осведомленность, нежели талант телохранителя.

— Стало быть, они атакуют конницей по всему фронту в лоб? — задумчиво ворчал громадный вороноголовый — генерал Каш-рон, — как старомодно.

— Не дайте себя обмануть, господин мой, — поспешил ответить Лариэс, — конница Дилириса по праву считается лучшей в мире. Латы рыцарей и конская броня, усиленные при помощи магии, специальные породы скакунов, не боящихся лезть напролом на стену копий, и, самое главное, магическая поддержка. Сперва они постараются сдуть нас.

"Они... Как же быстро все изменилось. А ведь там, на противоположной стороне, моги друзья и товарищи, те, с кем я делил тяготы службы, те, кто не раз выручал меня в трудную минуту, а теперь я готов рвать и терзать их на куски".

Вслух, однако, он произнес иное:

— Не хочу обидеть его светлость, но двух магов воздуха не хватит для того, чтобы остановить совместный удар всех прочих Вентисов. Они образуют круг, и возглавит его, скорее всего, Кэлиста. Ее величество чудовищно сильна.

— У нас найдется, что ответить Розе Юга, — спокойно проговорил Корвус, — но ты торопишься, Лариэс, время воевать еще не пришло.

— Да, должны быть парламентары. Просто обязаны.

Виконт не ошибся — спустя некоторое время от строя дилирисцев отделилось несколько фигурок, двигавшихся под белым флагом.

— Изегрим, — проговорил Корвус, и Охотник, кивнув, сделал знак.

Два вестовых, подхватив точно такие же флаги из рук слуги, поскакали навстречу посланникам Дилириса. Они вернулись спустя несколько минут, везя запечатанный свиток.

Лариэсу не нужно было читать послание, чтобы узнать его содержание, однако другие желали послушать, что же предлагала ее величество.

Корвус передал его Эрато, и та хорошо поставленным голосом продекламировала:

— Ее величество Кэлиста Вторая Ривеландская Вентис, тут дальше идут титулы, опускаю... опускаю... так, еще титулы... Ага! Призывает Ступившего на Путь Вечности Корвуса, именуемого Вороньим Королем на встречу, дабы в последний раз воззвать к его разуму и склонить к мирным переговорам. Отклонив сие предложение вышеназванный Корвус объявляет себя агрессором и подлецом, недостойным называться королем.

— Не хочется мне быть подлецом, — с сарказмом в голосе проговорил Древний, — так что поедем. Передайте ответ королеве, и в седла. Изегрим, Паллидий, вы со мной. Каш-рон, организуй охрану. Лариэс, остаешься тут — не нужно, чтобы они раньше времени узнали, что ты выжил.

Виконт коротко кивнул и, нахохлившись, точно воробей, попавший под дождь, покосился на откровенно ухмылявшихся Клариссу и Эрика — этих высокородных дворян в свою свиту временно взял лично Устин Вентис, а потому они также имели право находиться на холме.

— Не вижу ничего веселого, — проворчал он, вызвав новый приступ злорадного смеха, к которому — неожиданно — присоединился и его высочество Клеменс.

— Извини, Лариэс, — чуть заметно улыбнулся новый наследник престола, — но ты сейчас выглядишь очень уж забавно. Переживать от того, что не в состоянии защищать едва ли не самого трудноубиваемого человека в мире...

Ветророжденный переглянулся с Клариссой, и светловолосая воительница понимающе улыбнулась ему.

Лариэс фыркнул и, приложив к глазу подзорную трубу, стал пристально изучать приближающиеся друг к другу отряды переговорщиков.

Неуловимые ловчие Охотника изрядно портили всем нервы, задерживая продвижение и нанося небольшой, но неприятный урон. Впрочем, благодаря Мислии, использовавшей трофейный Звериный Амулет, слуги Древнего не слишком лютовали. Другие три колонны они задержали куда сильнее, потому как к месту объединения сил те прибыли с заметным опозданием и в куда худшем состоянии.

Неприятности на этом не кончились. Утром, когда до Мариевых полей оставалось от силы полдня пути, вернулись разведчики, сообщившие пренеприятнейшую весть: корпус Паллидия и вассалы дяди объединились с основной армией, стало быть, ни о каком численном превосходстве больше говорить не приходилось.

И Таривас и маршал ратовали за отход и перегруппировку, но мама оказалась непреклонна. Она кричала, угрожала, сулила награды и, самое главное, Амандус принял ее сторону.

— Господа мои, — начал канцлер, — да, наш враг грозен и силен, да у нас нет больше численного превосходства, но ведь мы — гордые сыны Дилириса, не раз и не два скрещивавшие мечи с самим Лорием Солумом. Мы — наследники древней традиции и наша

конница не знает себе равных. К тому же, на нашей стороне госпожа Мислия со Звериным Амулетом, чего же нам бояться?

Эти доводы убедили колеблющихся и на совете единогласно было решено нападать.

Увы, объединение неприятельских армий оказалось не единственной неожиданностью. Когда со слов Амандуса вдалеке уже виднелись ряды волукримского войска, Мислия вдруг выкрикнула:

— Проклятье, он не работает!

— Кто? — спросил принц, инстинктивно повернув голову в сторону, откуда доносился крик.

— Амулет. Что-то блокирует его, причем так, что я не могу взять под контроль ни одно животное поблизости. Еще вчера получалось, а сегодня — как отрезало.

— Вероятно, — предположил Таривас, не слишком обрадованный услышанной новостью, — у Вороньего короля в запасе имеется запасной амулет.

— Но это... — растерянный голос первой Тени был даже забавен, если бы ситуация, в которой они все оказались, не призывала к серьезности, — невозможно. Даже один артефакт такого уровня создается десятилетиями, они все уникальны, повторить нечто подобное практически нереально. Это же не серийные артефакты вроде Ковчегов!

— Тогда второй вариант: ты внезапно разучилась колдовать.

Ответом ему было недовольное сопение и волна раздражения, и принц улыбнулся.

— С амулетом или без него, неважно, отступить поздно.

— Отступать! — тотчас же взъярилась мать. — Никто и не подумает пятиться назад, покуда я жива. Нападаем и сметем этих ублюдков с моей земли! Я лично возглавлю круг!

"Она становится все несдержаннее", — с грустью подумал принц, ощущая kloкочущую ярость королевы, — "плохо, это может обернуться проблемой. Эмоции на поле боя недопустимы".

— Сперва давай все-таки попробуем поговорить, — предложил он, — древние обычаи надлежит соблюдать.

Естественно, Таривас ни на секунду не заботился о ритуалах, его волновала цепь странных событий, начавшаяся той злополучной ночью, когда он ослеп, и заканчивающаяся здесь, на Мариевых лугах, самой природой созданных для массированного использования конницы.

Когда он еще мог видеть, именно тут не раз и не два проводились королевские сборы, на которые со всей страны съезжались рыцари.

Генералы Корвуса, да и сам Вороний Король просто не могли не знать историю этого места, и, все равно, остановились там, где у Дилириса есть явное преимущество. Они не дураки, а значит, стоит ожидать ловушки.

— Мислия, твои Тени сумели проверить поле на волчьи ямы и прочие сюрпризы?

— Не слишком хорошо, — услышал он недовольный голос волшебницы, — но, кажется, чисто. В соседнем лесу разместились тысяч пять, может, семь, в основном — конница рысеухих, ну и в небесах сейчас не протолкнуться от гарпий, правда, они не приближаются к нам.

— Понятно, — кивнул Таривас, — кто возглавит левый фланг?

— Я, господин, — услышал он голос герцога Спиция Лирийского.

— Правый?

— Я, ваше высочество, — отозвался граф Марк Астинийский. — Все-таки, у них моя

дочь, а потому я настроен сегодня на победу.

«Интересна, как там Кларисса, жива ли? Или после смерти Лариэса наложила на себя руки от горя»? — невпопад подумал принц. — «Жаль, конечно, что не удалось распробовать ее... Эх, но к такой любви не подступиться, увь» ...

Он тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли и произнес:

— Тогда центр на вас, господин Пьюрхарт.

— Так точно, — коротко ответил Щит королевы.

— Вот и славно, — подытожил принц. — Пусть войны займут свои позиции, а маги начнут подготовку к формированию кругов. Мислия, полагаю, ты возьмешь командование над сковывающими?

— Да, ваше высочество.

— Действуйте по обстановке, старайтесь прикрывать нас от атак чародеев Вороньего Короля, и — если останутся силы — гарпий.

— Не смейся меня, сын!

Гнев являлся обычным состоянием матери в последние недели, но Таривас умел определять его оттенки и многообразие. Вот сейчас королева была взбешена и возмущена одновременно. Пожалуй, к этим двум чувствам можно было добавить толику гордости.

— Гарпии? Мы сметем их первой же атакой. Эти пернатые нелюди могут именовать себя детьми неба, но сегодня я покажу им, кто на самом деле повелевает небесами!

— Ваше высочество, — вмешался Амандус, — прошу не забывать про его светлость.

Скрежет зубов ясно дал понять, что именно королева думает о своем мятежном брате.

— Их двое, нас — почти пять десятков, — эти слова королева произнесла на тон ниже, медленно и тягуче, чуть растягивая слова, что выдавало крайнюю степень злости. — Как думаешь, чья магия окажется сильнее?

Таривас поспешил направить гнев матери в нужное русло:

— Матушка, пора ли нам уже выдвигаться?

— Пора, — согласилась королева.

"Бешенство и усталость? Нет, бешенство и жалость, а также — злость на кого-то другого, наверное, на Корвуса".

Его конь тронулся — телохранитель взял поводья, и Таривас обратился в слух, пытаясь без глаз определить дыхание огромной армии, ее пульс и ритм, с которым бились сердца десятков тысяч людей.

А ведь еще совсем недавно ему было достаточно бросить на них беглый взгляд, чтобы понять, кто слаб духом, кому нужна поддержка, а на кого можно всецело положиться.

Было тихо, неестественно тихо для места, на котором вот-вот должно было сойтись столько народу. Вдалеке слышалось тихое ржание — то приближались кони парламентаров вороньего короля.

Еще несколько тягучих и томительных минут, а затем злой голос матери:

— Не ожидала, что у тебя хватит наглости лично прийти сюда, старая ворона.

— Доброго дня, ваше высочество, — раздался в ответ сухой и неприятный голосу, — прошу прощения, но не могу пожелать вам здоровья.

Корвус закончил приветствие и выжидающе уставился на пышущую яростью королеву.

Кэлиста так и осталась взбалмошной и глупой девчонкой, несмотря на то что успела

встретить уже тридцать восьмой день рождения.

Стихийные маги вообще очень часто становились рабами страстей, но Роза Юга, пожалуй, выделялась даже на их фоне.

«И, тем не менее, эта глупая девчонка заманила в ловушку твоих друзей и приложила руку к смерти дочери», — возразил внутренний голос, и чародей скрипнул зубами, радуясь, что маска прячет нижнюю — изуродованную — половину лица.

Ему очень хотелось сотворить с Кэлистой что-нибудь нехорошее, но увы, позволить себе такое он попросту не мог, а потому — делал вид, что все в порядке. У Корвуса вообще хорошо получалось скрывать эмоции от окружающих, научился за прошедшие века.

Затем он перевел взгляд на принца и не без злорадства отметил повязку на его глазах. Мелкое и ничтожное, чувство удовлетворения от свершенной мести все-таки нашло лазейку в глубине души Древнего и тот безжалостно затоптал его. Он уже наломал достаточно дров, поддавшись необузданной злобе. Последняя попытка окончить дело без рек крови должна пройти под знаком холодной логики, а не чувств.

Впрочем, Кэлиста явно не разделяла это его убеждение — ярость, переполнявшая королеву, готова была вот-вот обрушиться на головы ее врагов огненным дождем... Хотя нет, скорее, ураганом. А вот Амандус — этот хитрый лис — напротив, выглядел невозмутимым и абсолютно бесстрастным, точно его собственное благополучие и не ставилось на карту сегодня, точно война с Волукримом представлялась ему чем-то незначительным, мелким.

«А может, Изегрим был прав, говоря, что я слишком давно не напоминал миру о себе, не заставлял людей трястись от страха»? — подумал Корвус. — «Меня перестали бояться, и вот к чему это привело».

Древний знал, что страх — куда более надежное средство добиться подчинения, нежели любовь, но по мере возможности старался не прибегать к нему понапрасну, считая, что кнут лучше всего чередовать с пряником. Возможно, действительно настало время огреть плетью одну не в меру ретивую лошадку.

Корвус не произносил ни слова, глядя на своих собеседников. Молчание затягивалось, и те начинали нервничать. Наконец, Кэлиста не выдержала.

— Я здесь, — дрожащим от злобы голосом, воскликнула она, — чтобы призвать к ответу своего... брата, — последнее слово ветророжденная выдавила через силу, сжимая поводья так, что побелели костяшки пальцев, — и потребовать объяснений. По какой причине ты посмел столь нагло нарушить границы Дилириса? Почему ты поддержал мятеж Устина? На каком основании ослепил сына?

Волна ярости едва не захлестнула Корвуса вновь, но он с усилием подавил ее.

«Амандус, а ты молодец», — Древний бросил еще один короткий взгляд на канцлера, безмятежно устроившегося на мощном дилирисском боевом скакуне, — «знаешь, какие слова надо нашептывать, чтобы вывести собеседника из себя. Вот только на мне этот трюк больше не работает».

— Я пришел для переговоров, — издевательски спокойно ответил сковывающий. — У нас всех было достаточно времени на раздумья, — Вороний Король сделал тягучую паузу давая своим собеседникам осознать сказанное, откашлялся и продолжил, — и я готов простить заговор против Орелии и Ридгара. Я готов забыть про смерть посла — хотя это тягчайшее оскорбление, смывать которое во все времена полагалось кровью. Я готов даже повернуть свои полки назад и восстановить мир, но вашему величеству также придется кое-чем поступиться.

— И чем же это, хотелось бы мне знать? — ярость в словах Кэлисты, пожалуй, можно было попробовать на вкус.

— Вам придется сообщить правителям всех государств о том, почему Кающийся, Целительница, а также моя дочь, пропали. Также придется рассказать вообще обо всех махинациях с изначальными. Вы должны будете отказаться от мести за увечье сына и признать вашего брата моим вассалом. Это все.

Кэлиста задрала голову и расхохоталась, протяжно, истерично, безумно. Сейчас лицо этой прекрасной женщины было перекошено гримасой такой ненависти, что даже выдавшему виды чародею даже стало не по себе. Он догадывался, что сейчас произойдет, и ее величество оправдала самые худшие ожидания.

— Ну уж нет, старая ворона. Это ты будешь умолять меня о прощении, будешь ползать на коленях прося не разрушать твое жалкое королевство. За то, что ты сотворил с моим сыном, я лишу тебя не только глаз, но еще и ушей с носом, руки и ног! А то, что останется, прикажу вздернуть на самой высокой осине, какую только получится найти!

«Глупая, глупая девчонка», — с искренним сожалением подумал Корвус.

Условия, что он ей предложил, были, пожалуй, наиболее легкими из возможных. Он не требовал контрибуции, отказа от трона, земель. Желал лишь правды, мира, да гарантий безопасности для Устина Вентиса, своего давнего и верного сторонника.

— Что ж, я попытался, — в голосе Корвуса слышалось неподдельное огорчение и в этом не было никакого притворства, — но увы, нельзя достучаться до того, кто глух и слеп от рождения. Пусть нас рассудит сталь и огонь.

Сказав так, он развернул коня и двинулся обратно — к своим войскам.

— Стоять! — взвизгнула ветророжденная, потеряв остатки самообладания и величественности. — Я не разрешала тебе уходить!

— Кто вы такая, чтобы запрещать мне что-то? — не оборачиваясь бросил Корвус. — До встречи на мирных переговорах.

К его удивлению, Кэлиста не попыталась ударить отряду Древнего в спину, и тот спокойно доскакал до холма, на котором располагалась ставка, провожаемый яростными воплями взбеленившейся королевы. Корвус ни разу не обернулся, он без этого отлично представлял, сколь мерзко и позорно сейчас выглядит ветророжденная.

«И вот этой соплячке Господь подарил корону»? — брезгливо подумал Древний. — «Даррис сейчас, наверное, возвращается в гробу».

— Никогда не видел ее в таком гневе, — проговорил Лариэс, едва только Корвус поравнялся со своим новым учеником.

— В этом нет ничего удивительного, — задумчиво произнес он, бросая короткий взгляд на высокого юношу с подозрительной трубой в руке. — Капризные дети редко умеют принимать отказы.

— Тем более таким тупые, как эта девка, — отметил Изегрим, явно не стремящийся сглаживать углы.

— Брат мой, я говорил когда-нибудь, что ты отвратительный дипломат?

— Напоминаешь примерно раз в месяц.

— Хорошо, постараюсь делать это каждую неделю.

Корвус бросил короткий взгляд на скачущих к своим позициям врагов, и покачал головой. Мотивы южан все еще было не слишком хорошо понятны ему. Впрочем, больше это не имело никакого значения.

— Ваше величество, дозвольте вопрос? — Лариэс в очередной раз не сумел справиться со своим любопытством — возле возвращения имени парень быстро приходил в себя — и его невообразимая жажда знаний то и дело напоминала о себе.

— Спрашивай, — улыбнувшись под маской, разрешил Корвус.

— Вам не страшно было поворачиваться спиной к ее величеству? — Лариэс, все это время сидевший, будто на иголках, задал вопрос, который беспокоил его каждую секунду этих странных переговоров.

— Неужели ты опасался предательского удара?

— Еще месяц назад я решительно отверг бы подобную ерунду, но сейчас уже не могу быть уверен ни в чем, — признался Лариэс. — Того принца, которого я знал и боготворил, похоже, никогда и не существовало.

— Вот и очередной мой урок подоспел, — промолвил Корвус. — Не считай людей лучше, чем они есть на самом деле. Не разочаруешься.

— Но ведь все не так плохо, — попытался запротестовать Лариэс.

— Именно поэтому человек, которого ты спасал добрую дюжину раз, без раздумий сбросил тебя со скалы. И, отвечая на заданный вопрос: нет, не боялся. У нее не хватит сил пробить мою магическую защиту.

— Кар, — поддакнула сковывающему Ания, и в голосе птицы послышались ехидные нотки.

— К тому же никогда не стоит недооценивать отрицателя под боком, — осклабился Изегрим, — мало кто из этих сосунков представляет, на что я способен на самом деле, но все трясутся за свои чародейские шкуры. Вот тебе первый урок от меня: никогда не показывай страха, тогда бояться будут уже тебя.

Он ослепительно улыбнулся, напомнив в этот момент Мелиса.

— Эти переговоры, — неожиданно для самого себя произнес вдруг Лариэс, — фарс, они были нужны Вентисам, чтобы войска немного передохнули с марша, а разведчики успели прочесать фланги.

— Конечно, — согласился Охотник. — И что с того?

— Господин, я решительно не понимаю вас и учителя. Не лучше ли было атаковать с ходу, бить врага по частям? Ведь они сейчас ударят конницей по этому...

Лариэс обвел руками ровные ряды каррасской пехоты перед собой. Весь центр армии Волукрима состоял преимущественно из стрелков, которые установили перед собой заостренные колья, укрепляя таким образом позицию. Но Лариэс знал, что такое таранный удар Дилирисской конницы, да что там, он сам принимал участие в нескольких подобных атаках! Обычное дерево ни за что не остановит всадников, и начнется резня, а два великих чародея, их генералы, их советники, вообще все, спокойны, точно не происходит ничего экстраординарного!

Да, конечно, во время боя с изначальными армия Паллидия продемонстрировала феноменальную выучку и отменное боевое мастерство, но так ведь и кованная рать Дилириса не вчера появилась! Обычные пули попросту не пробьют заговоренные доспехи, это невозможно!

— Не верит он в нас, — притворно огорчился Изегрим. — Ох уж эта молодежь.

Но Лариэс не унимался.

— Почему нельзя было укрепить центр баталиями его величества Устина? У него много хорошей латной пехоты с пиками, они подопрут ваши ряды.

С точки зрения юноши вообще было безумием выстраивать пехоту в восемь длинных и тонких шеренг, растянутых по фронту, и отделяемых друг от друга лишь небольшими квадратами пикинёров, прикрывающих стыки между полками. И он попросту не мог молчать!

— Извини, Лариэс, но я не рискну ставить своих людей в центр, — вместо Вороньего Короля ответил брат Кэлисты, — они слишком недавно влились в армию его величества и попросту не успели обучиться единым маневрам и новой тактике, а потому — станут мешать. На фланге им будет вольготнее.

— Тем более, что половина из них — отменная тяжелая конница, — поддакнул Кашрон, воинственно топорщивший перья. — Увы, мы — горцы — мы плохо деремся верхом.

— Не волнуйся, — успокоил своего ученика Древний, — ты все увидишь своими глазами.

Тут он не ошибся — Лариэс вновь приложил к глазу подзорную трубу и различил на расстоянии в пару миль фигурки людей, выстраивающихся тремя правильными кругами.

— Думаю, куда скорее, чем мне этого хотелось бы, — отозвался полукровка. — Куда скорее.

Бескрайнее поле закончилось, уступив место каменистой равнине, и Орелия вздохнула с облегчением. До выхода с Грани оставалось идти каких-то пару часов.

Они с Вилнаром вымотались до предела, но больше не позволяли себе передышек — Целительница слишком хорошо знала, что бывает с теми, кто задержится в этом опасном месте дольше, чем следует, а потому немилосердно гнала своего носильщика.

Когда вдалеке показалась черная одинокая гора, ловчий поинтересовался:

— Древняя, скажите мне, что это такое?

— Не могу дать точного ответа на твой вопрос. Эта гора была тут, сколько себя помню. Плохое место — возле ее подножия любят собираться неприкаянные души. Кто или что обитает на ней — мне неизвестно.

— А Ридгару?

— Даже Кающийся никогда не рисковал соваться туда, хотя, полагаю, уж он-то мог бы забрести на огонек к хозяину этих мест. Впрочем, нас это не должно волновать — выход сильно западнее.

— Западнее? — Вилнар слабо улыбнулся. — С тех пор, как мы сюда вошли, я не в состоянии определить не то, что стороны света, но даже направление, в котором мы движемся. И уж точно я не понимаю, как можно найти здесь какую-то связь с реальным миром.

— Все решает практика. Мы с Архитектором в свое время излазали Грань вдоль и поперек, конечно же, не забираясь на гору, и не приближаясь к Черной Реке — для живых, пришедших во плоти, это смертельно опасно.

— А зачем вы это делали?

— Просто так. Было скучно, вот решили немного развеяться.

— Достаточно странный способ разгонять скуку.

— Не хуже других, зато теперь мы с тобой знаем, где выйти, и преодолели расстояние в сотни миль от силы за пару суток. Как видишь, сплошная выгода.

— Если не брать в расчет возможность жуткой смерти.

— Все в этой жизни имеет свою цену.

Она вытянула руку, указывая на едва заметную тропинку, отличить которую можно было по голубоватым камешкам, кое-где торчавшим на поверхности.

— Туда.

Вилнар послушно сменил направление, старательно делая вид, что тяжеленное металлическое тело Целительницы на самом деле — легче перышка.

В целом, если не считать демона, все шло удачно, и все-таки, Ступившую на Путь Вечности не оставляли дурные предчувствия. Волновалась ли она из-за Игнис, или беспокоилась за Корвуса, Орелия не могла сказать. А может, ей просто не нравилась Грань.

Какая-то тут была другая атмосфера, чем даже в прошлый раз. Нечто изменилось, и Ступившая на Путь Вечности никак не могла понять, что же именно.

Орелия бросила короткий взгляд через плечо, и с трудом сдержала вопль, прямо-таки рвущийся наружу.

— Беги, — скомандовала она.

Вилнар, к его чести, не задавал глупых вопросов. Северянин, как и положено хорошему

Щиту и ловчему, повиновался, без раздумий, и только спустя пару минут осмелился оглянуться. Кровь отхлынула от лица юноши, и он затравленно спросил:

— Это — то, о чем я думаю?

— Да, именно, — Орелия тоже оглянулась, рассматривая стремительно приближающиеся к ним неясные тени. — Духи. И поверь, ты совершенно не захочешь знакомиться ни с одним из них. Быть может, до демонов и существ, пришедших с иных планов бытия этим теням и далеко, но на нас у них силенок хватит. Ходу.

И они бежали. Орелия не помнила точно, какое еще расстояние нужно преодолеть до спасительного выхода, а потому надеялась лишь на удачу. Только улыбка фортуны могла помочь в сложившейся ситуации. При иных обстоятельствах Орелия просто подхватила бы Вилнара на руки и устремилась бы к заветной цели, но сейчас она могла надеяться исключительно на выносливость спутника.

А тому с каждой минутой становилось все хуже — он дышал тяжело, прерывисто, с хрипами, был весь взмылен и, откровенно говоря, начинал сдавать.

— Вилнар, заклинаю тебя всеми богами, быстрее. Ради твоего учителя поторопись.

Эти слова, произнесенные Орелией безо всякой надежды, возымели эффект, и юноша, выжимая из измученного тела последние крупинцы сил, ринулся вперед, веря своей спутнице на слово.

Он не видел выхода, да и не мог. Несмотря на всю свою подготовку Вилнар оставался всего лишь простым человеком, лишенным магического дара, зато Древняя уже различала впереди слабое, чуть заметное голубоватое мерцание.

— Быстрее, — повторила она.

И они бежали, а стая духов следовала позади. Орелии уже были видны их изуродованные лица, горящие яростью и злобой, их скрюченные пальцы, тянущиеся к чужакам, к нарушителям, к тем, из кого следует выпить всю жизнь, кого нужно разорвать на куски и оставить в этом мрачном царстве безысходности.

"Мы не успеем", — подумала Орелия. — "Отец, даруй мне еще каплю сил!"

Она вытянула в сторону духов обе руки и сконцентрировалась. Сердце словно пронзило иглой, острая, мучительная боль становилась все сильнее с каждой секундой, но Орелия все-таки сумела исторгнуть из недр своей души еще одно заклинание. Предпоследнее — последним она намеревалась открыть дверь в мир живых.

Прозрачная стена возникла на пути у духов и те один за другим ударялись в нее, воя и рыча в бессильной ярости. Ни перелететь, ни обогнуть магический барьер призраки были не в состоянии — Орелия знала толк в защитных чарах, и умела биться не только с обитателями иных планов мироздания. Жители границы между мирами также подчинялись воле адептов ее ордена, что стало крайне неприятным сюрпризом для некромантов во время Войны Великих Жнецов.

Голубое сияние все разрасталась и Орелия увидела узкий, едва различимый лаз.

Когда они оказались тут в прошлый раз — это была широкая, точно ворота, дыра, теперь же от нее осталось лишь воспоминание. Но выбраться все еще было можно.

И Целительница выдохнула приказ...

Сияние на миг стало нестерпимым, а Вилнар замедлил ход.

— Не вздумай останавливаться, — предупредила Древняя.

Шаг, еще один, завывающая орда за спиной разразилась воплями ярости и проклятиями, но то были слова бессильной злобы. Орелия ощутила, как тело встретило незначительно

сопротивление, тонкую пленку, отделяющую реальный мир от пограничья. Миг, и эта пленка подалась, выпуская беглецов на свободу.

Вилнар рухнул на землю и Орелия, отцепившись от его спины, покатила в сторону, не способная подняться. Должно было пройти как минимум двое суток реального времени, прежде чем тело более-менее восстановится и начнет хотя бы отдаленно слушаться хозяйку, а пока...

Она обвела своими рубиновыми глазами окрестности: старые развалины, речку, весело журчащую справа, молодой кустарник, поднимающийся по обе стороны от них, а впереди — широкую гладь холодного северного озера. Чудовищно рискованная прогулка через Грань увенчалась-таки успехом.

— Где мы, госпожа? — простонал Вилнар, поднимаясь на четвереньки и оглядываясь.

Воин дышал с прерывисто, из его груди то и дело вырывались клокочущие хрипы, а на рыжей бороде застыли сгустки крови, перемешанные со слюной, но правая его рука уверенно сжимала кинжал с бирюзовым камнем в навершии и было видно, что ловчий в любой момент готов броситься в бой.

— Мы в Ривеланде, на озере Лаапинна.

— Тут произошла одна из самых страшных битв Войны Багряного Культа, — уже спокойнее произнес молодой воитель, садясь и пряча оружие.

Он на удивление быстро восстановил дыхание и теперь с интересом разглядывал окрестности. Орелия подползла к своему спутнику и уселась напротив него, выстукивая старую, давно, как ей казалось, забытую мелодию пальцами правой руки по бронированному боку.

— Да. Это было так давно... Так давно... Еще не пал светлый Наг-тор, и великая библиотека не была предана огню. Еще не рухнули шпили Золотостенного Карша, а владения гайшров не превратились в Ничейные Земли, и все же, безумие демонологов выплеснулось на эти места, разорвав саму ткань реальности. Руины — все, что осталось от большого торгового города, имени которого не помню даже я. Сотни лет эти проклятые места обходили стороной, а разрыв выплевывал духов, демонов, и всяческую потустороннюю погань, обитающую на Грани. Постепенно материальный мир залечивал свои раны. Думаю, еще сотня-другая лет, и проход полностью закроется.

— Так что нам повезло?

— Можно сказать. В любом случае, сможем отдохнуть — это место пользуется дурной славой. Десятки поколений сменились, потомки тех, кто пережил сражение уже и не вспомнят, отчего их предки, бросив все, бежали прочь, но нам это на руку. Полагаю, на расстоянии в несколько часов пути мы не встретим ни единой живой души. До столицы отсюда два дня пути, со мной на загривке — четыре.

— Управлюсь за три, — упрямо произнес Вилнар и поднялся.

Он подошел к ближайшему деревцу и с помощью своего кинжала срезал толстую ветку, которую заточил с одной стороны, получив нечто среднее между примитивным копьём и дорожным посохом.

— Пойдет, — резюмировал немногословный воин, после чего, не говоря больше ни слова, подхватил Орелию и закинул ее себе на спину. — Ну что, госпожа моя, идем?

Они не успели даже выйти из леса, когда Орелия услышала нечто, чего не должно было

быть тут — ржали лошади.

— Стой, — шепнула она, но в этом не было нужды — Вилнар все прекрасно понял и так.

Действия ловчего были четкими и выверенными. Окинув взглядом редкий лесок, он нашел поваленное дерево и, перепрыгнув через него, положил свою ношу на землю, после чего чуть высунул голову, чтобы оглядеться. Орелия последовала ее примеру и то, что она увидела, решительно не понравилось Целительнице — по тропинке, на которой еще секунду назад находились они, двигались три всадника в цветах Иссонов.

Личная гвардия королевы!

Воины лениво бросали взгляды по сторонам, в пол голоса обсуждая достоинства дочери мельника, которая, если верить одному из них — высокому молодому блондину со сломанным носом — очень даже не против дать на сеновале за пару серебряных монет и стоит этих денег до последнего медяка.

Целительница наскребла немного крох магии на самом дне души, и в ее руке один за другим появились три небольших лезвия — максимум того, на что она способна сегодня. Впрочем, если дело дойдет до боя, ножи полетят в цель. Орелия никогда не промахивалась.

Вилнар жестом остановил ее и показал пригнуться, что Древняя и сделала.

Медленно тянулись секунды, всадники удалялись, и Ступившая на Путь Вечности с ужасом ожидала, что сейчас они заметят следы и поднимут тревогу. Но время шло, и ничего не менялось — патрульные уезжали все дальше и дальше, продолжая негромко общаться, но не выказывая никаких признаков волнения.

Останься у Орелии легкие, она бы сейчас выдохнула, но и эта маленькая радость, увы, была недоступна Древней.

— Кажется, вы говорили, что тут никого не должно быть? — едва слышно прошептал Вилнар.

Целительница кивнула.

— Но окрестности патрулируют гвардейцы ее величества.

Еще один кивок.

— Стало быть, наши враги не так глупы, как хотелось бы.

И еще кивок.

Вилнар вздохнул.

— Ну что ж, в таком случае предлагаю отдохнуть. Все равно до ночи мы никуда не сможем двинуться.

Тут он был прав, и Орелия устроилась поудобнее, готовясь к долгожданной передышке.

— Спи, — приказала она, — тебе понадобятся силы.

Ловчий не заставил себя упрашивать, он погрузился в мир грез, едва закрыв глаза. Некоторое время Орелия прислушивалась к равномерному дыханию своего спутника, затем ее мысли вернулись к более важным вещам.

Их ждали. Определенно, этот, а также другие выходы с Грани, находящиеся на территории Ривеланда, охраняются. Что из этого следует? Только одно — страшные подозрения, которые появились у Целительницы еще во время нападения на постоялом дворе начали обретать форму. Она перебирала один вариант за другим, но так и не могла найти иного логичного объяснения, и все же... Все же разум решительно отказывался принимать действительность.

"Нет, не нужно подгонять ответ под свои страхи, Ори", — думала она. — "Все

необязательно так плохо. Кайса дьявольски хитра и осторожна, несмотря на все свое безумие. Она не могла не понимать, что у меня есть шанс спастись даже после падения в бездонную крепость, а выжив, я обязательно попробую открыть проход на Грань. Знать бы еще, сколько мы блуждали по ней... Жаль, что до ночи выяснить не получится".

Она одернула себя — не следовало думать о всякой ерунде, когда в повестке дня обозначились более важные темы, главной из которых было то, что таинственный враг знал и умел слишком много.

"Может быть, Мойра решила сделать свой шаг? Перерезающая Нить вполне в состоянии провернуть нечто подобное, но зачем ей? Без Алрика она не выберется из своей норы. Или Всесильному надоело гонять дикарей на другом континенте, и он решил порезвиться с нами"?

Подобная перспектива, откровенно говоря, пугала. Иметь во врагах одну из сущностей, наделенных практически божественным могуществом, не хотелось. Нет, конечно, у Орелии с Ридгаром и Корвусом были припасены сюрпризы даже для монстров вроде этих двух, но все равно, использовать их не было ни малейшего желания.

"Нет, вряд ли. Что ни говори, а у Алрика всегда было развито чувство долга и справедливости, а Мойре вообще нет дела до смертных. Но если исключить этих двух, то иных вариантов почти не остается — всех остальных мы уже поубивали".

Орелия не верила, что две розы — северная и южная — взяли и соорудили столь сложный план, сами, безо всякой помощи со стороны. Да, обе они были коварны, да при каждой находился одаренный советник. Амандус у Кэлисты и загадочный скывывающий у Кайсы. Каждая правила могучим королевством, и каждая имела зуб на Корвуса. Но...

"Я просто отказываюсь верить в то, что эти две курицы так нас обскакали"! — с горечью поняла Древняя. — "Что ж, видимо, не все человеческое выветрилось из меня. Я еще способна ощущать уколы гордыни".

Подобные мысли позволяли коротать время, и Орелия благополучно дождалась ночи, и только после этого разбудила своего спутника. Вилнар проснулся моментально, точно и не было смертельно опасного и выматывающего многодневного путешествия. Первым делом он посмотрел на небо, прищурился, и произнес:

— Мы пробьли на Грани больше двух недель?

— Да. И еще столько же потратили, блуждая в темноте. Сейчас уже самый конец августа, а я надеялась, что будет в лучшем случае вторая декада. Увы, Грань непредсказуема. Время и пространство на ней играют с людьми злые шутки. Впрочем, мы в любом случае преодолели огромное расстояние крайне быстро. Поешь.

Не говоря ни слова, Вилнар проглотил остатки еды и запил все это последними глотками из фляги.

— Воды набери из озера, а перекусить найдем что-нибудь, когда проберемся вглубь Ривеланда, — распорядилась Орелия.

— Исполню, — согласился ловчий. — Госпожа, побудьте тут, я разведую.

С этими словами он растворился в ночной тьме, оставив Целительницу одну. Вернулся Вилнар на удивление скоро, при этом по его лицу было невозможно понять, как же именно все прошло.

— Ну что?

— Их много, не меньше трех десятков. Патрулируют рошу по периметру, жгут костры, но внутрь не заходят.

Орелия ничуть не удивилась — гвардейцы в принципе оказались крайне верными и послушными солдатами. Обычные люди и на милую не приблизились бы к этому проклятому месту.

— Сможем проскочить мимо них?

— Обязаны. В случае чего — убьем.

— Кровопролития хотелось бы избежать — оно помешает. Не думаю, что наши враги столь глупы, что не оставили где-нибудь на безопасном расстоянии воинов, которые должны проверять, все ли в порядке с дозорными.

— Мы справимся, — уверенно ответил ей Вилнар, после чего поднял Древнюю и посадил себе на спину, — они не ждут опасности и очень расхлябаны, воспользуемся этим.

Тут ловчий оказался прав — солдаты явно не первый день охраняли невидимый выход с Грани, не понимая, что делают и зачем. Скорее всего, их еще не успели сменить на другую группу, и это тоже было хорошо — новоприбывшие обычно серьезнее относятся к служебным обязанностям.

Бесшумной тенью Вилнар пробирался между патрульными, проскакивая на самой границе света, отбрасываемого кострами. Ловчие были мастерами проникновения и скрытого убийства, и рыжеволосый северянин в совершенстве постиг науку, преподанную Изегримом.

Орелия проклинала свою беспомощность, но не могла не восхититься стойкости и умениям спутника.

Когда пламя, отбрасываемое кострами, осталось далеко позади, Вилнар немного расслабился и чуть слышно произнес:

— Госпожа моя, нам нужно как можно скорее раздобыть коней и одежду.

— Да, нужно.

— После этого мы направимся в столицу?

— Именно. Если Игнис жива, то ее держат там. Там же мы узнаем, что случилось с Блаклинт.

Спина Вилнара дернулась, но тот не сказал ни слова.

"Бедный мальчик, бедный глупенький мальчик, посмевающийся влюбиться в свою хозяйку", — с жалостью подумала Орелия. — "Теперь тырываешься между чувствами и долгом, не зная, что с возлюбленной, и не представляя, как быть, если кинжал с бирюзовым камнем придется вонзить в ее нежное тело".

Орелия положила ладонь на плечо своего спутника.

— Скоро мы все выясним, — произнесла она, — осталось лишь дойти.

Холод стал их вечным спутником, каждую ночь температура резко падала, и даже плотное шерстяное одеяло не спасало от пронизывающих тело ледяных игл.

Игнис не знала наверняка, с чем это связано — ведь до зимы еще было время — но догадывалась. Кайсе нравилось измываться над своими пленницами, но еще больше она любила наблюдать, как девушки, дрожа, прижимаются друг к другу, стараясь согреться.

Однажды ночью Игнис разбудили странные звуки, и она увидела, что смотровое окошко распахнуто, и с той стороны блестят льдисто-голубые глаза.

Впрочем, и это можно было бы перетерпеть, если бы не почти ежедневные посещения Дикой Розы Севера, которая с упоением пересказывала пленницам свежие новости,

делилась мыслями и мучила, мучила, мучила... Слова Кайсы причиняли ничуть не меньше боли, чем жадные языки пламени или острая сталь. Да, королева Ривеланда знала толк в садистских развлечениях и не упускала возможности лишней раз покуражиться за счет беспомощных пленниц. Пусть разумы девушек принадлежали только им, их тела были целиком и полностью во власти безумной королевы.

Но они все еще были живы и не теряли надежду.

С момента глупой попытки побега прошло около недели, а если точнее — шесть ночей. И на седьмое утро Игнис проснулась с твердой уверенностью: сегодня что-то произойдет.

Она чуть отодвинула Блаклинг, сладко спавшую рядышком и смахнула прядку волос, опустившуюся подруге на лицо. Северянка сладко причмокнула, отчего ее пухлые губы едва не коснулись щеки Игнис. Огнерожденная улыбнулась — теперь она прекрасно понимала Тариваса: Блаклинг, и правда, была обворожительно невинна.

Огнерожденная надела маску, лежавшую на полу, поднялась и ступила на холодные от ночного мороза камни. Поежившись, Игнис зевнула, после чего, задумавшись, уселась на единственный стул.

В маленькое окошко пробивался приятный солнечный свет, воздух был свеж и чист, а снаружи доносились звуки просыпающегося замка. Если бы не решетки, то можно было подумать, что она все еще в Кастэллуме.

Воспоминание про дом и отца болью отдались в сердце, и огнерожденная постаралась упрятать их как можно глубже в сердце.

"Эти мысли делают меня слабой, а слабость ведет к гибели. Пока я сильна внутри, то могу бороться".

Бороться...

Глупое слово. Что можно сделать, находясь посреди столицы Ривеланда, да еще и в самом охраняемом месте? Ответ очевиден — ровным счетом ничего. Оставалось сидеть, точно дева, заточенная на вершине башни, и мечтать о принце, который спешит на помощь. При этих мыслях она почему-то вспомнила про Лариэса и снова загрустила.

Вот уж кто точно без раздумий бросился бы на помощь. Полукровка никогда не заботился о себе и всегда думал только о других.

"Лариэс, Лариэс, что же с тобой случилось"?

Ее размышления прервали звуки шагов, разносящихся по коридору. Шагов, которые обе девушки уже успели выучить наизусть. Игнис бросила короткий взгляд в сторону Блаклинг — северянка мгновенно проснулась и в ее глазах плескался ужас.

— Она идет, — одними губами прошептала стремительно бледнеющая водороденная.

Игнис бросилась к подруге и заключила ту в объятия.

— Все будет хорошо, вот увидишь.

Дверь камеры распахнулась и к узницам влетела Кайса. Такой королева еще не представляла перед Игнис ни разу.

— Нечего тут миловаться! — резко выплюнула она и, в два прыжка добравшись до кровати, отвесила огнерожденной мощную оплеуху, от которой голова девушки дернулась, а перед глазами заплясали разноцветные искры.

— Эта тварь... Эта тварь... Эта тварь...

Трясаясь от ненависти и едва не брызжа слюной, Кайса как заведенная повторяла одно и то же. Наконец она взяла себя в руки и с ненавистью взглянула на Игнис, чья маска приняла на себя монарший гнев.

— Так не должно было быть... Слишком быстро, слишком просто, слишком легко! Он не может быть так могуч, не имеет права!

Самообладание вновь оставило королеву, и она с трудом перевела дыхание. Игнис все это время благоразумно молчала, а вот бледная от ужаса Блаклинг зачем-то открыла рот:

— Матушка, кто разгневал вас?

Неожиданно на лице Кайсы появилось ужасное выражение, которое до дрожи пугало Игнис. Водорожденная улыбнулась, хотя улыбка эта больше походила на волчий оскал, и проворковала.

— Меня очень, очень гnevят непослушные девочки, которые не ведут себя так, как следует. Они должны быть хорошими, очень хорошими, да. И будут.

Игнис ощутила, как теряет контроль над своим телом, неведомая сила развернула ее и усадила лицом к Блаклинг. По широко распахнутым глазам подруги можно было понять, что та тоже взята под контроль.

Медленно, невыносимо медленно их губы двинулись навстречу друг-другу, и вот, когда уста двух принцесс почти соприкоснулись, волшебство перестало действовать и Игнис едва увернулась от поцелуя, чмокнув подругу в нежную, ароматную щеку.

Кайса звонко расхохоталась и произнесла уже нормальным голосом:

— Глупая строптивая девчонка. Но ты повеселила меня, а потому, так и быть, узнаешь новости о своем отце. Сегодня утром на Мариевых лугах произошло, пожалуй, крупнейшее сражение последних пятидесяти лет...

Шум. Невообразимый шум наваливался со всех сторон, оглушая и сбивая с толку, оставляя в крошечной темноте. Тысячи и тысячи ртов, исторгающих девизы, приказы, слова радости и призывы к мужеству. Тысячи и тысячи ног, мерно ступающих по земле. Десятки тысяч подкованных копыт. Оглушающий рев горнов и громогласное ржание. Звуки войны, так хорошо знакомые Таривасу и так сильно любимые им в былые годы, сейчас сбивали принца с толка, бросали его — оглохшего от этого многоголосья — во тьму, из которой не было выхода.

Очень скоро эти голоса начнут изрыгать проклятья и мольбы, хрипеть в предсмертной агонии, скоро гром пушек и аркебуз смешается с лязгом стали. Очень скоро симфония войны достигнет крещендо!

Таривас ощутил, как его коня ведут под уздцы — назад, прочь от звуков. К кругам. Мать будет держать центральный, двоюродный дядя — герцог Айнилас Вентис возьмет на себя левый флаг, а он сам — правый. Охотник лишил принца глаз, но не магии. Даже бирюзовому камню такое не под силу.

"И я заставлю тебя пожалеть об опрометчивом решении, тварь", — пообещал Таривас больше себе, нежели далекому врагу.

Магические круги стихийных чародеев — древнее и надежное средство собрать силу многих, дабы преумножить могущество одного. Для создания круга требуется хотя бы пять чародеев, владеющих одной стихией. У Дилириса в каждом кругу стояло по дюжине благородных мужей и дам, наделенных даром.

— Господин мой, — услышал Таривас голос одного из магов.

"Как там его, а, точно барон Тит Исилий... Захудалый колдунчик, мать которого осчастливил кто-то из моих двоюродных или троюродных дядьев".

— Слушаю вас, барон.

— Мы готовы начинать, ждем только приказа ее величества.

— Хорошо, — Таривас уселся удобнее, хрустнул костяшками пальцев и запрокинул голову. — Я смотрю в нужную сторону?

— Да, ваше высочество.

— Отлично.

Гул труб становился громче с каждой секундой, но и у врагов нашлось, чем ответить: барабаны каррасов, казалось, разорвали поле боя. Ритм, отбиваемый множеством этих музыкальных инструментов, все ускоряющийся и ускоряющийся, звал на сечу, в самое пекло, туда, где честная сталь решает споры. В тон барабанам над полями разнесся гортанный боевой клич, издаваемый десятками тысяч вороньих клювов. Что ни говори, а орать слуги Корвуса умели.

"Ну ничего, вороноголовые, очень скоро у вас не будет и глотка воздуха", — думал Таривас.

Он возбужденно облизал пересохшие губы, ожидая, когда же мать, наконец, отдаст приказ.

— Все готовы? — услышал принц громкий и взволнованный голос королевы.

"Злость, возбуждение, злая радость... Да, она жаждет поквитаться, просто спит и видит, как бы обрушить всю мощь Дилириса на головы врагов".

Ответом правительнице стал дружный возглас всех чародеев.

— Тогда начинаем! — провозгласила Кэлиста Дилирис.

И уже в следующий момент Таривас очистил свой разум, настроившись на прием энергии. Сила полилась рекой, наполняя принца, даруя безмятежность и радостную негу. Далеко не всякий был в состоянии принять совокупную мощь круга, особенно, состоящего из полной дюжины стихийных чародеев. Вместе с ним в Дилирисе таких было четверо, включая вероломного дядю. Вот только Таривасу не хватало опыта, а потому принц прикладывал все усилия для того, чтобы удержать полученное.

Одновременно с этим он лепил, придавал своей текучей стихии форму, изменял и растил, готовясь выпустить на свободу всю разрушительную мощь ветра. Да, это заклинание требовало времени и огромного, просто фантастического количества энергии, но результат всегда превосходил любые ожидания. Даже многочисленным Солумам непросто было отразить такую атаку, что уж говорить про жалких сковывающих!

Принц ощутил, как меняются потоки воздуха, как зло и решительно воеет ветер, он не услышал, нет — увидел — взвивающиеся в небеса воронки.

— Вперед! — покричала Кэлиста, перекрывая стихию.

И принц направил свое детище на врага...

Три смерча, три огромных воронки, сотканых из воздуха, оживленные и скрепленные магией, медленно направились в сторону войска Волукрима. Точнее, казалось, что они движутся неспешно и лениво, на самом же деле смерчи перемещались до ужаса стремительно и неостановимо, точно сама смерть.

Лишь единожды Лариэс видел эту магию в бою, но тогда ветророжденные вызвали лишь один ураган, причем куда более слабый. На сей же раз маги воздуха, кажется, превзошли самих себя.

— Три штуки, — заметил Корвус, спокойно почесывая перышки Ании. — Надо же, как они расстарались ради нас. Эрато, твой выход.

Гарпия радостно ухнула, точно сова, и сделала знак своему окружению.

К удивлению Лариэса вперед вышла его спасительница.

— Мы решили, что сегодня нас возглавить Аелла, дочь Илии, прозванная Эфколос, — провозгласила верховная гарпия, по щекам которой текли слезы. — Девочка мужественно перенесла невообразимые страдания и до конца исполнила свой долг, что требует достойной платы.

Корвус посмотрел на гарпию и совершенно серьезно кивнул:

— Добродетель всегда должна вознаграждаться, а потому я не скажу и слова против. Вы поднимете ее?

— Да, Архонтас, — произнесла Эрато, и по ее приказу два дюжих мужчины из крылатого народа подхватили Аеллу, и увлекли ту в небеса. Вслед за троицей, расправив крылья, ввысь устремилась и правительница всего народа гарпий, а уже там к ним присоединились десятки крылатых женщин.

— Вижу, ты удивлен и озадачен, — проговорил Корвус Лариэсу.

— Да, учитель. Я не понимаю, что можно противопоставить силе магии воздуха.

— И все-таки, ты не бежишь.

— Я верю в вас.

"Также, как я верил в Игнис, ведь вы — ее приемный отец".

— Раз веришь — смотри.

И Лариэс смотрел во все глаза. Гарпии быстро набрали высоту где-то в две-три сотни футов, замерли, разлетевшись по сторонам. Спустя мгновение Лариэс осознал, что они не просто рассыпались по небу, а выстроили правильную геометрическую фигуру: многолучевую звезду, центром которой стала изувеченная дочь неба.

"Неужели они и правда умеют колдовать"? — пораженно думал Лариэс. — «И... это их магический круг»?

Он сглотнул, предвкушая новое зрелище, и не ошибся — в небесах протяжно завыл ветер.

Аелла жмурилась от восторга и распирающей ее радости. Все сестры и матери щедро делились энергией. Силой, данной избранным дочерям неба от рождения, силой, о которой ходящие по земле могли только догадываться, да рассказывать байки.

Она ощущала потоки воздуха, пронизывающие небеса, собирающиеся вокруг трех гигантских воронок, движущихся к армии Волукрима. И ей — ей! — простой дочери крылатого народа, оказано высочайшее доверие. Сама Митэра и Патэрас позволили рассеять зло, не дать колдунам людей совершить то, что те желали.

Аелла быстро посмотрела направо, туда, где зависла Эрато, грациозно маша своими роскошными крыльями. Она была красива, точно рассвет, и могуча, как ураган, и от осознания этого по щекам гарпии потекли слезы.

"Мне никогда не стать такой, как Митэра, но я приложу все свои слабые силы для того, чтобы оправдать оказанное доверие"! — яростно подумала Аелла.

Эрато, перехватив ее взгляд, дружелюбно улыбнулась и кивнула.

— Действуй, о дочь неба! — провозгласила она, и Аелла, звонко рассмеявшись, воздела руки вверх и не обращая внимания на мужчин, удерживавших ее в воздухе, попросила Отца всех птиц снизить до ее жалкой молитвы.

И Отец услышал!

Небеса ответили оглушительным ревом, и могучий поток, невидимый обычному взгляду, устремился к трем огромным воронкам. Сражайся с дилирическими чародеями другие люди, они бы постарались навязать им столкновение грубой силы, но гарпии были иными. Их пути отличались от человеческих...

— Сейчас вы увидите, вероломные, кто настоящие владыки неба! — выкрикнула Аелла, чувствуя, как на кончиках пальцев формируется первый шар из спрессованных воздушных потоков.

Она напряглась и запустила его вперед. Шар устремился к первой воронке и пропал в ее ненасытном чреве, а Аелла уже готовила второй. Когда тот почти был готов сорваться с пальцев гарпии, первый смерч неожиданно остановился, и начал опадать, с каждой секундой все быстрее и быстрее.

Третий шар формировался с трудом, тяжело, его буквально приходилось отрывать от себя, высасывая из ослабленного тела последние капельки Силы. Да, человеческие колдуны по праву считались сильнейшими в мире — их творения вызывали уважение, но все-таки...

"Все-таки мы умелей", — удовлетворенно думала Аелла, глядя на то, как последняя смертоносна воронка рассасывается, а тучи над полем стремительно рассеиваются.

Измученные гарпии кое-как спустились на землю, к товарищам, которые встречали их горячими приветствиями и подбадривали, и Аелла, посмотрев в небеса, ощутила теплые солнечные лучи на лице. Она улыбнулась изумленному Лариэсу, после чего в сопровождении воинов побрела в тыл, туда, где уже были готовы лежанки и горячее молоко, смешанное с медом.

— Теперь все в твоих руках, корэ, — услышала она слова Эрато.

Аелла не могла идти, так много сил отдала она, а потому ее несли сразу четыре мужчины из числа личных телохранителей матриарха.

"Да, именно так, мы сделали свое дело, их маги столь же измучены, как и наши. Теперь все решат сталь, мужество и сковывание. А сковывающих сильнее Патэраса в мире попросту нет".

Решив так, Аелла прикрыла глаза и тотчас же отключилась...

— Не может быть... — Таривас испытывал лишь два чувства: опустошение и невероятную усталость.

Они сплетались внутри, нашептывая, лишая уверенности, и даже у принца не нашлось сил, чтобы им противиться, что уж говорить про остальных. Кто-то рычал в бессильной злобе, кто-то плакал, и лишь мать бранилась так, что уши завяли бы даже у матроса.

"Что это было"? — думал принц. — "Как они сумели развеять сильнейшее из заклинаний Вентисов? Даже у Генерала не получалось такое"!

— Что произошло? — услышал он чужой далекий голос.

"Э нет, это я говорю, это мой голос. Нужно срочно брать себя в руки, иначе все пропало".

Он изобразил свою любимую улыбку и задал вопрос уже более уверенным тоном.

— Что это было, видел кто-нибудь? Я, увы, не все разобрал.

— Гарпии, ваше высочество, — раздался голос одного из магов. — Они что-то сделали, и наши смерчи развеялись.

— Остается утешаться лишь тем, что им это далось недешево, — стараясь говорить уверенно, произнес Таривас.

— Почему вы так думаете?

— Останься у них силы, они обязательно использовали бы их против нас, — пожал плечами принц, поднимаясь. — Вы можете отдыхать. Матушка...

— Да? — Кэлиста прекратила ругаться и обратилась к сыну.

"Страх, надежда, ярость, обида. Как все сложно и как много злобы"...

— Предлагаю вернуться к маршалу, — принц тотчас же постарался направить ярость матери в нужное русло. — Все маги, составившие круги, устали, а потому пускай наберутся сил. Сметем врагов ударом конницы. Пусть ветророжденные, у которых остались силы, поддержат атаку — гарпии просто не смогут остановить все воздушные ножи и стены ветра.

— Да, разумно, — королева выдохнула, — вперед, к Пьюрхарту!

Принца усадили на коня, они куда-то поехали. Спустя несколько минут раздался знакомые голоса.

— А я утверждаю, что нам не следует атаковать.

— Маршал, у нас нет выхода! Вороний Король не позволит армии отступить. К тому же мы в выгодном положении: везде луга, а у врагов нет никаких ловушек. Мы просто сметем

их.

— Думаете, они этого не понимают?

— Думаю, они нас недооценивают!

Маршал и канцлер ругались друг с другом, причем по все возвышающимся голосам можно было предположить, что мужчины вот-вот сцепятся.

— А ну замолкли оба! — прикрикнула на них мать. — Никакого отступления, атакуем!

— Но... — начал было граф, но королева не позволила ему продолжить.

— Я сказала, вперед!

— Как прикажет моя госпожа, — глухим от с трудом сдерживаемого отчаяния голосом ответил Пьюрхарт.

Таривас не видел его, но был готов поклясться — маршал горестно прикрывает лицо ладонями.

— А теперь — кавалерия, — сообщил Каш-рон Корвусу, и тот кивнул.

— Не сомневаешься насчет того, что они ударят конницей? — спросил он у Лариэса.

Бывшему телохранителю наследника Дилириса не требовалось и секунды на размышление.

— Никак нет, повелитель! Раз не отступили, значит будет именно так. Во главе армии — маршал Пьюрхарт, он опытный и талантливый полководец, а потому понимает: если у Дилириса не получится стереть нас в порошок одним мощным ударом по всей линии, они обречены. Владыка, разрешите ли вы задать мне вопрос?

Корвус вздохнул, а Изегрим сухо улыбнулся.

— Спрашивай.

— Почему вы не обрушите на армию Дилириса всю свою мощь? Где атака сотни сковывающих, где ваши сокрушительные артефакты, почему даже ветророжденные ничего не делают?

— Все очень просто, — Вороний Король наблюдал за тем, как вражеские всадники длинными колоннами выдвигаются на поле боя. — Я до последнего буду сдерживаться, чтобы усадить Лория за стол переговоров, когда он пришлет своих эмиссаров. А значит, никаких больше покушений на коронованных особ, никаких заклинаний массового уничтожения, никакой тактики выжженной земли. Впрочем, последнее я бы и так не применил. Только честная сталь, и благородный свинец. Маги же... Маги получили приказ защищать солдат от чародейских атак противника, а потому — будут предельно осторожны.

Он сделал жест генералу Каш-рону и тот отдал команду. Барабанщики позади холма начали отбивать иной ритм.

Мощный звук подхватили сотни инструментов, и шеренги пришли в движение. Каррасы шли в непривычном для Лариэса строю. Он уже видел его однажды — во время отражения атаки изначальных на замок, вот только теперь все происходило с куда большим размахом.

Длинные ровные линии, почти полностью состоящие из аркебузирова, кое-где подпирались относительно небольшими квадратами пикинёров, призванных, судя по всему, защищать товарищей от конницы. Вот только...

Лариэс перевел взгляд на войска Дилириса — стремительно приближающуюся конную лавину. Всего три ряда бронированной и закованной в сталь смерти надвигались на изготовившихся воинов Волукрима. Но этого было более чем достаточно!

Немногочисленных выбывших бойцов заменят воины второго ряда, а бойцы третьего подстрахуют товарищей и позволят развить успех. После того, как линия будет прорвана, в нужные места направятся отдельные конные сотни резерва.

И даже ураганный залповый огонь вроде того, что продемонстрировали бойцы Паллидия, не спасет! Острый глаз Лариэса приметил в центре нескольких колонн людей без копий — определенно, чародеев, которые воздвигнут воздушные щиты.

За всадниками двигались мощные квадраты дилирисской пехоты, по краям которых находились отряды пикенеров, впереди, рассыпавшись, двигались стрелки, а фланги прикрывали группы мечников. Строй, позаимствованный у Аэтернума и доведенный до совершенства в многочисленных стычках.

— Центр вряд ли устоит, — проговорил Лариэс, — я вижу там личный флаг Золотого Льва Дилириса. Маршал бросил в бой гвардию королевы. Господин, у вас ведь есть резервы?

Корвус хмыкнул.

— Знаешь, один мой знакомый сказал, что у войны есть бог.

— Что? — не понял Лариэс. — И как же его зовут?

— Сейчас увидишь.

И поле боя разорвал дружный рев сотен жерл. То ударила артиллерия Волукрима. Ядра одно за другим устремились в сторону всадников, и едва они упали, калеча и убивая лошадей и людей, как последовал новый залп! А за ним — еще один.

Скорость перезарядки пушек была просто невероятная, нет, даже не так, она была невозможной.

— Господин мой, что это?

— Это, юноша, называется полевой артиллерией, — вместо Древнего отозвался генерал Каш-рон, — ядра слабее, зато скорострельность — выше.

А каррасы, меж тем, остановились, изготовились к стрельбе... И заработал кошмарный механизм, виденный Лариэсом всего месяц назад возле замка барона Урсуса: первый ряд давал залп, после чего бойцы, не обращая внимания на приближающуюся конницу, четко разворачивались и шагали назад, а их место занимали товарищи из второй линии, затем — третьей, четвертой, пятой... Вот только у Паллидия пехоты было существенно меньше, нежели у его господина!

Поле боя заволкло облако едкого порохового дыма, а на дилирисскую конницу обрушился настоящий град свинца. И правый фланг дрогнул! Всадники сперва понемногу, а затем все большим и большим числом начали поворачивать назад, прячась за пехотными баталиями, выступившими вперед.

И будь противниками Волукрима рыцари другой страны, тут все бы и кончилось, однако никогда не следовало недооценивать Дилирис и цвет его воинства! Великолепная броня защищала как самих рыцарей, так и коней — лучших в мире декстерье, напрочь лишенных страха.

Более того, маги воздуха, скакавшие чуть позади всадников, оберегали тех от немалой части свинцового града, что обрушили на врагов волукримцы. Да, их хватило лишь на центр, да, и защита не была абсолютной — смерть взяла с наступающих щедрую плату за бесстрашие. Все так. Но вот только остановить атаку главного полка Дилириса, ведомого самим маршалом, стрелки были не в состоянии.

И это понимал не один только Лариэс.

— Багинеты! — приказал Корвус, и барабанщики принялись выстукивать очередную

команду.

Первые ряды стрелков сноровисто принялись забивать в свои несуразно большие аркебузы здоровенные лезвия, а их товарищи продолжали осыпать врагов пулями. За считанные мгновения линия превратилась в ежа, выставившего вперед бритвенно-острые иглы.

А потом конная лавина соприкоснулась с цепями вороноголовых. Однако не везде каррасы успевали перегруппироваться и укрыться за пикенерами, в нескольких местах всадники пробили строй насквозь и вот-вот готовы были двинуться дальше — к лагерю Корвуса.

— Какие энергичные, — хмыкнул Изегрим.

— Да, сил у них изрядно, — признал Корвус. — Отсеките пехоту от них и пошлите драгун залатать брешь.

Генерал отдал новую команду и барабаны выдали приказ повелителя солдатам.

Гарпии-воины, то сей поры не участвовавшие в сражении, заслонили собой небо, стремительно направившись в сторону пехотных рядов Дилириса. Они и не думали атаковать всадников — все равно доспехи, заговоренные сковывающими, не пробить, но обрушили ливень стрел на куда хуже защищенных пехотинцев. Да, среди них тоже попадались ветророжденные и сковывающие, но было их куда меньше, а потому оперенный ливень с небес собрал обильную жатву.

Воины Дилириса пытались отвечать пернатым, но те были слишком высоко.

Впрочем, не это привлекло сейчас внимание Лариэса. Его поразило другое — к месту прорыва стремительно выдвигался отряд в тысячи полторы всадников-людей. У них не было ни копий, ни тяжелых доспехов, зато каждый вез за спиной аркебузу, какую-то слишком легкую и маленькую. Так сильно смахивающую на оружие Клариссы!

— Это же моя аркебуза! — удивленно воскликнула светловолосая воительница, во все глаза провожая всадников, двигавшихся по направлению к полю боя.

— Не совсем так, графиня, — охотно ответил ей Корвус. — Скорее, вы самостоятельно дошли до концепции карабина.

— Кара...

— Не важно. Скоро вы, равно как и ваш не в меру любопытный капитан, увидите все сами.

Кларисса покорно склонила голову, и, прислонив к глазам подзорную трубу, принялась жадно следить за происходящим.

— Ваше величество, разрешите ли вы мне принять участие в сражении? — вдруг подал голос Клеменс, и все пораженно воззрились на него.

— Это слишком опасно, юноша, — заметил Изегрим.

— Полностью согласен с Охотником, — добавил герцог Устин.

— И не думай глупить, сын! — поддержала их Аккэлия.

Но юноша, упрямо насупившись, смотрел на Корвуса.

— Твоя причина? — коротко спросил тот.

— Хочу быть полезным. Раз нельзя использовать магию, положусь на сталь.

— Кар, — неодобрительно проворчал ворон Древнего.

— Ты права, Ания, — согласился тот, — но ничего не поделаешь, позволим молодости набивать свои шишки. Что ж, юный принц, бери свою гвардию и помоги драгунам. К тому времени, как вы доскачете до них, большая часть прорвавшихся всадников останется без

лошадей, это будет легким делом.

— Слушаюсь! — радостно воскликнул юноша.

— Лариэс, — Корвус перевел взгляд на телохранителя, — хватай своих бойцов, будешь защищать принца ценой жизни.

— Будет исполнено, — склонил голову полукровка, — ваше высочество, вперед!

— Не торопись, — остановил его вдруг Изегрим, — возьми-ка.

С этими словами он протянул ему что-то в расшитом бисером мешочке. Лариэс развязал тесемки и ошеломленно уставился на Охотника.

— Это же... — он выудил содержимое мешочка, разглядывая округлые бока бирюзового цвета, — пуля.

— Да. Специальная. На магов.

Объяснять дважды не требовалось и Лариэс, с осторожностью спрятав сокровище, последовал за принцем. Минутой спустя к нему присоединилась Кларисса и прочие воины. Эрик же остался подле Вороньего короля — однорукому нечего делать посреди сражения.

Лариэс заметил, что все его люди приторочили к седлу по нескольку пистолетов. Перехватив его взгляд, Кларисса пояснила:

— До твоего приезда мы немного потренировались с гвардейцами его величества Устина, вот и решили позаимствовать. Сам-то будешь полезен? Всего разок ведь пробовал.

Вместо ответа Лариэс фыркнул и пришпорил коня, догоняя Клеменса.

Как выяснилось, воины ожидали неподалеку, перешучиваясь с тяжело бронированными всадниками восточных графств, и беззлобно поругиваясь с людьми из Волукрима, вооруженными на манер той конной тысячи, что уже направилась в атаку.

— Гвардия, за мной! — прокричал Клеменс, осадив коня.

Бойцы герцога, точно ждали этого, быстро начали запрыгивать в седла, и уже спустя пару минут отряд был готов к сражению.

— Ваше высочество, у меня складывается ощущение, что вы рассчитывали на что-то подобное.

— Именно, — без улыбки подтвердил юноша. — У меня давние счеты к дражайшему кузену, так что постараюсь сегодня немного поквитаться.

Лариэс и не догадывался, что двоюродный брат Тариваса так ненавидит его.

"Неужто и у него принц увел девушку"? — подумал юноша. — "Он мог, да, это в его характере".

Но задавать подобные вопросы вслух было бы верхом бестактности, а потому Лариэс, ничего не говоря, пустил коня иноходью, чтобы не отстать от принца, возглавившего свою колонну.

— Ваше высочество, уйдите в центр! — прокричал он, перекрикивая непрекращающийся рев артиллерии Волукрима.

— И не подумай! — столь же громко отозвался Клеменс. — Это мое решение, моя воля и моя ответственность. Не отставай и делай как я!

И они пустились вскачь, обогнув командный холм и устремившись туда, где звенела сталь и грохотали выстрелы.

Когда Лариэс разглядел, что творится на поле боя, то едва не уронил челюсть от удивления. Всадники с короткими аркебузами, как оказалось, спешили и теперь спешно выстраивались в несколько рядов, причем первая шеренга распласталась на земле, вторая — села на колени, и они уже начали стрельбу по готовности. Края же пробитого строя

стремительно раздвигались — каррасы-стрелки уходили под прикрытие пикенеров, сдерживавших порыв всадников Дилириса, и перестраивали слегка потрепанные ряды, готовясь бить по верху голов товарищей. Бойцы, превратившие свои аркебузы в подобие глеф, столь любимых вороноголовыми, также усиливали отряды копейщиков.

Прорвавшиеся враги не обращали на этого никакого внимания. Те, кто не лишился коней, сейчас стремительно приближались к драгунам — как назвал этих воинов Вороний Король — остальные же отчаянно рубились в ближнем бою, стараясь расширить прорыв и позволить товарищам пробить брешь во фланге волукримского войска.

— Вперед! — весело рассмеялся Клеменс, выхватывая один из своих пистолетов. — Лариэс, верю, что ты справишься, верно же?

"Воистину, Вентис", — укоризненно подумал виконт. Вслух же он сказал иное:

— Да, ваше величество.

"Мои любимые слова, если так подумать".

Сейчас, на поле боя, посреди грохота пушек и ружейных залпов, по колено в пороховой гари, не обращая внимания на крики раненых и брань сражающихся, виконт чувствовал абсолютное спокойствие и полную отрешенность. Да, он справится, это Лариэс знал. Лишь один раз в жизни он видел, как действовали всадники, вооруженные пистолетами — тогда, во время отражения штурма изначальных. И один раз сам потренировался в конном строю. А еще до сих пор болит грудь при каждом вздохе, а нога с рукой бесполезны... Но когда это такие мелочи могли остановить его?

"Боль можно перетерпеть, что же касается стрельбы в конном строю... Тут главное — понять принцип. А принцип этот прост".

Вражеские войска были все ближе и ближе и Лариэс также извлек из кобуры один пистолет.

— Десять всадников в ряд! — прокричал команду принц.

— Понял! — отозвался Лариэс, занимая место справа от его величества и намечая себе цель.

"Пятьдесят шагов".

Больше всего юноше понравился один рыцарь в помятых доспехах, вооруженный двуручным мечом. Он яростно рубился сразу с тремя каррасами и теснил их! Четвертый вороноголовый валялся без признаков жизни, да и остальные тоже выглядели не слишком радостными.

"Сорок шагов".

Враги, те, кто не были заняты расширением плацдарма, перестраивались, пытались сформировать подобие строя, чтобы защититься от надвигающейся угрозы. И, как ни странно, у них это получалось — безлошадные, оставив товарищам, сохранившим коней, борьбу с драгунами, на глазах укорачивали свои кавалерийские копья, хватали пики убитых вороноголовых, и быстро и сноровисто выстраивали стену, оцетинившуюся сталью. Стену, на которую обычную лошадь в здравом уме не затаить ни за какие коврижки.

К своему несчастью, дилирисцы не до конца еще понимали новую тактику Волукрима, освоенную и его союзниками.

"Тридцать шагов".

— Залп по готовности! — прокричал принц и его команда, разнесенная сотнями голосов, мигом достигла конца колонны. — Три!

Лариэс вытянул руку с пистолетом, прицеливаясь.

— Два!

Он уже видел людей с холодной решимостью во взгляде.

"А ведь с кем-то из них я вполне мог выпивать у походного костра, травить байки и обсуждать дворцовые сплетни".

— Один!

"Мы делаем не то, что хотим"...

— Огонь!

Лариэс резко повернул коня направо. Палец надавил на спусковой крючок, спустя мгновение громынуло, и могучий рыцарь повалился на землю. Вряд ли убитый, но каррасам и этого будет достаточно.

Сам лункс же пришпорил коня, чтобы тот догонял принца, и, обернувшись, стал наблюдать за гвардейцами.

Вымуштрованные, возможно, лучшим полководцем Дилириса, солдаты действовали, не раздумывая. Когда ряд оказывался на расстоянии выстрела, бойцы дружно били почти в упор, затем, подбадриваемые радостными кличами товарищей по оружию, направлялись в конец колонны. Впрочем, к радости виконта, его подчиненные действовали ничуть не хуже. Кларисса резко повернула коня, ее пистолет плюнул огнем, и девушка, машинально закинув оружие в седельную кобуру, тотчас же выхватила второй и выстрелила еще раз.

Перехватив взгляд Лариэса, она ухмыльнулась и отсалютовала ему пистолетом, из ствола которого поднималась тонкая струйка дыма. Лариэс вернул жест и кивнул, указывая на принца.

— Поняла! — перекрикивая рев боя ответила ему Кларисса, пришпоривая коня и занимая место слева от Клеменса, прикрывая того от шальных пуль.

Впрочем, опасения Лариэса были напрасными. Удар, обрушенный на рыцарей Дилириса, полностью лишенных какого-нибудь дистанционного оружия и магической поддержки, оказался сокрушительным. Люди падали, кричали. Мгновение, и монолитный строй рассыпался, началась паника. И в этот момент с флангов ударили каррасы, стремительно закрывая брешь в своих рядах.

Несколько минут, и все было кончено.

— К месту сбора! — скомандовал светящийся от радости Клеменс.

В этот миг он сильно напоминал Тариваса, дорвавшегося до постели очередной прелестницы.

"Что ж, сын, кажется, пошел в отца".

Да, Устин Вентис терпеть не мог войну и был заядлым поборником мира, но стоило этому человеку оказаться на поле боя, как его словно подменяли. Деятельный, энергичный, беспощадный, кипящий новыми идеями и радующийся, точно ребенок, когда их удавалось опробовать, герцог поражал друзей и заставлял трепетать врагов. Говорят, сам Лорий Солум состоял с ним в переписке и высоко оценивал дарования ветророжденного.

И сын, кажется, унаследовал отцовскую тягу к военным забавам.

Гвардия, не потерявшая ни одного человека, собиралась чуть поодаль. Наскоро приведя ряды в порядок, Клеменс, чьи глаза горели от нескрываемого восторга, скомандовал:

— Выдвигаемся!

— Ваше высочество, куда?

— Как это куда? Атакуем одну из пехотных баталий Дилириса!

"О нет"! — Лариэс едва не застонал. — "Вентисы что, все такие"?

Ответ на этот риторический вопрос был очевидным, а потому полукровка лишь вздохнул и в очередной раз проговорил:

— Слушаюсь, ваше высочество.

— Что происходит в центре? — Таривас обратился к адъютанту, приставленному специально для того, чтобы играть роль глаз.

— Конница откатывается под защиту пехоты, ваше высочество. Мы несем большие потери от артиллерийского огня.

— А что ветророжденные? — раздраженно спросил принц.

— Они останавливают стрелы гарпий и пули, но ядра быстро истощат силы, — вместо адъютанта отозвался Эварис Пьюрхарт, успевший уже поучаствовать в атаке и вернуться. — Прошу прощения за то, что не проломил их линию с ходу.

— Что поделать, — пожал плечами принц, — вы не всеильны, маршал. Как обстоят дела на флангах?

— Почти также, ваше высочество. На правом наметился прогресс, но враги подвели резервы и быстро залатали брешь. Сейчас все решит мощь пехоты.

— Тогда нужно бросить все резервы на один фланг, — предложил принц. — Добьемся на нем перевеса, приведем в порядок конные отряды и повторим попытку. Маршал, что скажете?

— Весьма разумно, ваше высочество. Сейчас же распоряжусь.

— Очень хорошо. Какой фланг предпочитаете?

— Правый, он потрепан сильнее.

— Понял. Дозволяю задействовать мою гвардию.

— Будет исполнено.

Перестрелка продолжалась, не затихая ни на минуту. Дилирисцы отвели потрепанные конные сотни на переформирование и отдых, зато их пехотные батальи подобрались наконец-то на расстояние выстрела и принялись отвечать каррасам огнем на огонь. Да и артиллерия ее величества худо-бедно пристрелялась, хотя, конечно, ей было не сравниться в огневой мощи и количестве с Волукримской.

И все-таки, сражение продолжалось.

К удивлению Лариэса, по особенно мощному сигналу барабанов, разнесшемуся над всем полем, плотные шеренги вороноголовых рантиков неожиданно начали отходить, огрызаясь огнем, причем происходило это исключительно в центре — фланги стояли, как ни в чем не бывало, принимая вражеский огонь на себя.

До полноценной сшибки оставалось всего-ничего, и именно в этот момент их отряд наконец-то обогнул крайних бойцов, выбираясь на простор.

Невдалеке — буквально в сотне шагов — развевались знамена и блестел лес копий. На них надвигалась пехотная баталья графа Ассина Эрслийского, как заключил Лариэс, приглядевшись. Мало мушкетов, мало арбалетов, много копий, незаговоренная броня.

"Легкая мишень", — промелькнуло у него в мозгу.

Очевидно, его высочество считал так же, потому как, вытащив пистолет, он ткнул вперед.

— Готовимся расстреливать их, — кричал Клеменс, — не отставай!

И Лариэс не отстал, стегнув коня и переведя того на галоп. Враги стремительно приближались, гвардейцы Клеменса огибали их с левого фланга, а те, как и прорвавшиеся рыцари ранее, совершенно не понимали, чего следует ждать.

Полукровка прищурился и едва сдержал бранные слова. Среди воинов он заметил одну фигуру, облаченную в легкие шелковые одежды цветов королевского дома. Он даже знал обладателя этих одежд — граф собственной персоной.

"Вот уж не думал, что он лично пойдет в бой. Это проблема".

Решение пришло сразу и Лариэс вытащил пистолет, в которую успел зарядить специальную пулю, подаренную Изегримом.

"Посмотрим, как она работает".

Этот пистолет, конечно же, не мог сравниться с шедевром, утраченным Лариэсом во время падения, но с двадцати шагов бил он достаточно кучно, а большего и не требовалось.

Враги замерли, ожидая атаки, чародей воздел руку к небу, скорее всего, намереваясь обрушить на кавалеристов воздушные ножи, как только те окажутся близко, чтобы таким образом разбить строй. А может, он ждал, когда колонна начнет разворачиваться в линию.

Лариэс не знал мотивов ветророжденного, понимал лишь, что они играют ему на руку. Какая разница, что задумал враг. Главное, что он не помешал выйти на расстояние выстрела.

Голова колонны начала загибаться влево, вытягиваясь и обтекая вражеский фланг, и время как будто замедлило свой бег. Лариэсу казалось, что он видит каждую черточку в лице колдуна, ощущает его торжество и злую радость.

"Нет», — осознал вдруг полукровка, — «тот все прекрасно понимает и готовит отнюдь не воздушные ножи. Он выставит стену"!

И, точно в подтверждении этой мысли, медленно, мерцая, будто светлячок, перед пикинерами возникла едва различимая стена.

Принц выстрелил, и пуля бессильно ударилась в барьер, теряя всю свою мощь.

Лариэс сглотнул, палец замер на спусковом крючке, а ноги, точно не связанные с телом, уже заворачивали лошадь в сторону. Пистолет замер, метя в чародея и Лариэс задержал дыхание...

Миг.

Выстрел!

Грохот и привычная гарь пороха, а пуля — маленький шарик бирюзового света — устремляется во врага.

Щит ни на секунду не задержал магический снаряд, и ветророжденный рухнул, точно подкошенный, с развороченной головой.

В эту секунду время возобновило свой бег и Лариэс проскакал в сторону, выхватывая следующий пистолет — враги стояли близко, промахнуться по ним было решительно невозможно.

Он круто развернулся в седле и выстрелил, после чего устремился за принцем. Следом, не отставая ни на шаг, неслась Кларисса. По очереди она разрядила три пистолета и теперь сосредоточенно глядела по сторонам, а белые волосы выбивались из-под шлема наподобие своеобразного плюмажа, делая красавицу похожей на деву битвы, призванную богами северян, не успевшими еще сгореть в пламене Рагнарёка, чтобы забрать доблестных воинов в Вальхаллу.

Уже скача мимо всадников, устремившихся к своей цели, Лариэс поймал взгляд

Клеменса, полный удовлетворения. Принц кивнул поравнявшемуся с ним телохранителю и жестом указал на стремительно приближавшийся хвост конного полка.

— Не останавливаемся!

Лариэс, кивнув, принялся заряжать пистолеты, стараясь подготовить хотя бы один из них к стрельбе до того, как вновь окажется перед врагами.

Он пристроился в хвост колонне.

Впереди гремели выстрелы, вопили люди, все утонуло в пороховом дыму, но виконт старательно не обращал на нее ни малейшего внимания, заряжая пистолет. Как раз, когда он подготовил к стрельбе второй, его скакун внезапно вырвался из облака пыли и оказался с толпой бешено мечущихся во все стороны людей, не способных ни на какое организованное сопротивление.

Паника пожрала баталию, слабо подготовленную к встрече с всадниками, вооруженными большим количеством огнестрельного оружия. К тому же, воины графа явно не отличались богатым опытом. В результате, они превратились в кучку охваченных ужасом животных, главной целью которых было спасти свою шкуру.

Лариэс видел подобное лишь один раз, но даже того раза с лихвой хватило, чтобы запомнить: отряд, впавший в панику, обречен. И принц понял это ничуть не хуже своего временного телохранителя.

Разрядив пистолет, он затолкал его в седельную кобуру и вместо того, чтобы развернуться, выхватил меч, направляя коня прямо в бушующее людское море и прорезая себе путь при помощи воздушных ножей.

Лариэс, ни теряя ни секунды, повторил действия своего подопечного, ощупывая непривычную тяжесть в здоровой левой руке. Да, этот дилирийский меч оказался массивнее как привычного эстока, так и сломанного творения Руфина, к тому же левая рука, откровенно говоря, не была ведущей...

"Ладно, не так и важно", — решил полукровка, размахиваясь и со всей силы обрушивая оружие на голову ближайшего врага, а потом — на еще одного и еще одного. Вся гвардия в едином порыве ворвалась в разбитую баталию, коля, рубя и затаптывая. И то, что вражеских солдат было заметно больше, чем всадников Клеменса Вентиса, в данный момент играло даже против них — можно было не целиться, каждый удар находил свою жертву.

Буквально две минуты, и вот они проскакали разорванную баталию насквозь, усеивая путь трупами. Виконт отер кровь с лезвия и поморщился — ногу словно жгло огнем, да и дышать становилось больше с каждой минутой. Все-таки, длительные нагрузки сейчас были ему противопоказаны. Усилием воли полукровка запретил себе обращать внимание на позывы тела и даже думать о том, что случится завтра. В крайнем случае, можно будет принять одну пилюлю из мешочка, что передала ему ученица Орелии.

Он поравнялся с Устином, который, осадив коня, всматривался вперед, слева замерла Кларисса.

— Нужно отходить! — прокричала девушка, стараясь говорить достаточно громко для того, чтобы принц ее услышал. — Времени нет, смотрите!

Лариэс проследил за вытянутой рукой подруги и помрачнел. На них надвигалась черная масса всадников, закованных в тяжелые доспехи. Тут и там ровные шеренги перемежались квадратами аркебузирова и пикинёрова. И флаги. Их нельзя было спутать ни с чем — личный герб его высочества четко выделялся на каждом полотнище.

Лариэс так часто видел эти знамена. Он так часто скакал под ними. Он знал так многих

людей из тех, кто сейчас двигался в атаку. Да что там, он командовал ими.

— Гвардия брата, — меланхолично отметил Устин. — Полагаю, нам нечего больше тут делать. Отступаем!

Адъютант поднял рог и коснулся губ. Мерзкий громкий звук пробился через шум битвы, а Устин, меж тем, уже разворачивал коня, чтобы повторно пройти сквозь агонизирующую баталию. Лариэс, как и положено хорошему Щиту, буквально приклеился к юноше и последовал за ним вперед, а точнее — назад, к позициям вороноголовых, от которых они изрядно уже удалились.

Перестраиваясь на ходу, гвардейцы понукали хрипящих и взмыленных лошадей, стремясь как можно скорее оказаться в безопасности — за мощными рядами каррасской пехоты.

— Справа! — крикнул кто-то и Лариэс, повернув голову, скривился.

Им наперерез спешно двигался крупный конный отряд. Не гвардейский, нет. Легковооруженный, с длинными тонкими копьями вместо мощных рыцарских лэнсов. Лариэсу не пришлось даже напрягать память, чтобы понять, кто это такие — Зеленые Львы, новое подразделение маршала, которое тот довел до ума буквально за полгода до похода к изначальным.

Быстрые — на великолепных породистых скакунах — защищенные отменными легкими доспехами, каждый из которых заговаривался сковывающими, поддерживаемые тремя магами воздуха, эти воины были практически неуязвимы для дистанционных атак и могли быстро перемещаться по всему полю боя, выискивая легкую цель. И сейчас ею оказался отряд его высочества Клеменса Вентиса.

— Быстрее! — закричал принц, прекрасно понимавший, что им грозит в случае, если отряд не успеет добраться до своих.

А шансы на это имелись, причем достаточно серьезные — они, поддавшись азарту, заметно оторвались от собственной армии, хорошо пройдясь по вражескому флангу. Бесспорно, полное уничтожение целой баталии стоило любого риска, но все-таки, Лариэс предпочел бы вернуть принца живым и невредимым.

Безумная скачка продолжалась. Все ближе и ближе были сошедшиеся в смертельном противостоянии ряды воинов. Более того — Лариэс это видел уже сейчас — к ним приближались подкрепления. Он не мог еще понять, какие именно, но тот факт, что командующий волукримскими полками оценил угрозу и выдвинул свои резервы, чтобы ее предотвратить, был налицо.

«Стало быть — только вперед! Спасение в скорости»!

И он вновь дернул поводья, стремясь выжать еще немного скорости из хрипящего от натуги коня.

Затрещали нестройные выстрелы — это воины, оказавшиеся в арьергарде, разряжали свои пистолеты, стремясь хоть как-то задержать врагов, но Лариэс понимал, что смысла в этом нет никакого — Зеленые Львы были надежнейшим образом защищены от пуль и стрел. Их могли достать разве что пушечные ядра, да и то, выпущенные сразу из десятка орудий.

И точно в подтверждении этой его мысли над головой со свистом пролетело что-то, затем — еще и еще. И только теперь, присмотревшись, Лариэс увидел, что именно его величество Корвус использовал для парирования вражеской контратаки. За рядами каррасов гарцевали всадники в легкой броне с до боли знакомыми ему знаменами — армия лунксов. А чуть поодаль от них на небольшом возвышении уютно расположилась артиллерийская

батарея из добрых двух дюжин пушек. Не очень больших, зато скорострельных. И вот теперь они непрерывно били по преследующим гвардейцев всадникам, прорываясь через магические щиты, воздвигнутые ветророжденными, и сея опустошение в плотных конных рядах. Лариэс обернулся и радостно закричал — враги, не выдержав концентрированного артиллерийского огня, отступали, предпочитая не рисковать жизнями понапрасну.

Да, за ними на правый фланг двигались мощные отряды, но тем еще предстояло сойтись в бою с пехотой Волукрима. Главное, что они были далеко от его высочества.

— А вы вовремя, — Клеменс улыбнулся могучему каррасу, возглавлявшему передовую линию пехотинцев, когда они, уже пустившие своих измученных лошадей шагом, поравнялись со своими.

— Ваше высочество слишком горячи, — проклекотал каррас, напяливая на голову шлем. — Его величество ожидает вас.

— Благодарю, — улыбнулся Клеменс. — Вы уж постарайтесь продержаться.

Каррас издал звук, напоминавший одновременно и смешок, и фырканье, а потому было непонятно: доволен он, или, наоборот, взбешен.

— Уж, как-нибудь справимся.

— Хорошо, — Клеменс наклонился к адъютанту, — веди всех во-он туда, пусть передохнут немного, позаботятся о животных и окажут помощь раненым. А я — на холм. — Сказав это, он обернулся к Лариэсу. — Не отставай!

«И в мыслях не было», — подумал виконт, направляясь за ветророжденным. — «И все-таки, они похожи: Клеменс и Таривас».

— Просто близнецы, — услышал полукровка тихое бурчание Клариссы, которая в этот момент явно думала о том же самом.

На холме ничего не изменилось — все то же ледяное спокойствие, отсутствие спешки и полная уверенность в собственных силах.

— Сынок, я, конечно, ценю твой порыв, но впредь будь аккуратнее, — обратился к юноше герцог.

— Прощу прощения, отец, — смущенно поклонился Клеменс, — но я увидел возможность и использовал ее.

— Замечу, — встрял в разговор Каш-рон, — что исполнение было превосходным. Вы должны гордиться своим сыном, он — истинный воин. У моего народа подобная доблесть в почете.

— Именно поэтому я потратил не одно десятилетие на приучение каррасов к дисциплине, — со вздохом проговорил Корвус.

Все рассмеялись, но лично Лариэс не был уверен в том, что всесильный сковывающий шутит. По крайней мере, глаза его оставались убийственно серьезными.

— Лариэс, — внезапно обратился к нему наставник, — как думаешь, что произойдет теперь?

Полукровка несколько секунд обдумывал вопрос, затем попросил подзорную трубу и внимательно изучил поле боя. Отметив один интересный момент на левом фланге, он с легкой тенью улыбки ответил.

— Сражение продлится еще около часа или двух, после чего Дилирис окончательно израсходует все свои резервы, и вот тогда из леса ударит свежая конница... Так бы я сказал, не зная его высочества и маршала. Но будет по-другому: как только правый фланг завязнет, они, прикрываясь арьергардами, начнут отступление.

— Думаешь, Таривас сумеет переубедить мою бешеную сестричку? — удивленно переспросил герцог.

— Так точно, ваше величество.

— Я еще не король.

— Как скажете, ваше величество.

Устин демонстративно закатил глаза и махнул рукой.

— Думаешь, отступят? — повторил он.

— Уверен в этом.

— Я — того же мнения, — сухо произнес Корвус. — И я позволю им уйти.

Ларизс с недоверием посмотрел на Древнего. Такой доброты он от него не ожидал.

— Да, позволю, — повторил Корвус, — отступающая армия Дилириса для нас куда предпочтительнее, нежели армия, вставшая в глухую оборону.

Сражение длилось уже больше трех часов. А может, и все четыре. По крайней мере, так казалось Таривасу. Спрашивать он не хотел, а проверить, посмотрев на солнце, по некоторым, не зависящим от него причинам, был не в состоянии.

— Что с левым флангом? — уточнил он у адъютанта.

Этот фланг сильно беспокоил принца. Именно он ближе всего находился к лесу, в котором — и это принц знал доподлинно, спасибо Теням, — скрывался крупный конный отряд Волукрима. Именно на этом фланге войск оставалось все меньше и меньше, и подкрепить их было нечем. Именно с этого фланга по словам помощника уже наметился пока что тонкий, как ручеек, поток отступающих.

«Ладно, нет смысла играть словами. Улепетывающих со всех ног»!

— Все плохо, ваше высочество. Баталия барона Вилла Марского разбита в пух и прах, граф Марк Итийский убит, два конных полка покинули поле боя!

— А на правом — без изменений?

— Да, ваше высочество.

Таривас вздохнул.

— Эварис.

— Да, — сухо ответил маршал.

— Ты знаешь, что делать.

— Знаю, но...

Договаривать не было нужды. Таривас ощущал лавину накатывающих одно на других чувств за спиной. Мать была не в бешенстве или ярости, о нет. Даже у него не оставалось слов для того, чтобы правильно выразить ее текущее состояние. Наверное, еще чуть-чуть, и королеву попросту хватит удар от переполнявших ее чувств. И маршал, если дорожил жизнью, никак не мог сказать то, что говорить, однозначно, следовало.

Даже без глаз Таривас понимал, что дела их плохи, очень плохи. Еще чуть-чуть, и они обернутся катастрофой.

— Мама, мы должны отступать.

Молчание. Дикая, бешеная вспышка ярости.

Никогда еще ветророжденные не подбирали нужные слова и интонацию так быстро, как сейчас.

— Они оказались сильнее, но только сегодня. Мы отойдем, соберем больше войск и

обратимся к союзникам. Еще ничего не окончилось, мама. Мы должны. Обязаны. Это — наш долг, как правителей. Стихийные маги устали, сковывающие ничего не могут противопоставить ученикам Вороньего Короля, их артиллерия сильнее, она изматывает ветророжденных и пробивает щиты. Мы должны отойти и перегруппироваться.

Молчание. Ярость опадает подобно пламени в соломе.

— Мама, времени не осталось.

Молчание. Паника. Ярость. Страх. Принятие...

И в довершение этому хриплый, почти жалобный голос матери:

— Поступайте, как сочтете нужным.

Кайса закончила, медленно и лениво поглаживая локоны Игнис. Огнерожденная была столь захвачена повествованием, что даже как-то не обращала внимание на это, а сейчас ее передернуло от омерзения, но девушка постаралась взять себя в руки.

Королева была в ярости, а потому могла проболтаться, рассказать еще что-нибудь интересное.

— Ваше величество, стало быть, армия Дилириса отступила? — спросила она, постаравшись придать голосу как можно более спокойный тон.

Кайса несколько секунд сверлила Игнис взглядом и принцессе на какой-то миг показалось, что сейчас та накажет ее очередной волной боли, но нет, безумная водороденная по одной ей ведомой причине, неожиданно заговорила:

— А ты как думаешь, отпустил бы Вороний Король своих врагов, не испив их крови?

Комары. Бесконечные комары. И муравьи, забирающиеся во все щели, буквально во все!

— Мислия, ты можешь, наконец, что-нибудь сделать с этим? — раздраженно поинтересовался Таривас.

Даже его терпение давало сбой, не в состоянии выдержать непрерывное напряжение этого казавшегося бесконечным отступления.

— Не могу, — столь же раздраженно проговорила первая Тень. — Я пытаюсь, но этот мерзавец слишком силен! Понятия не имею, откуда у него взялся второй Звериный Амулет, но мощью он не уступает первому, а в том, что касается контроля, Древнему попросту нет равных!

Злость, раздражение и еще раз злость. Ни капли страха, ни следа отчаяния. В чем нельзя было отказать Мислии, так это в силе воли, жаль только, с ее помощью не выходит сотворить что-нибудь с бесконечными насекомыми, непрерывно атакующими отступающую армию.

И если бы только насекомыми! Лесные и домашние звери как с ума посходили. Эти твари изыскивали любую возможность для того, чтобы сделать жизнь солдат невыносимой. Напасть, поранить, боднуть, лягнуть, укусить. Да, Мислия сумела перехватить контроль над частью из них, в результате чего те, кто мог видеть не раз и не два становились свидетелями ожесточенных сражений между собаками и волками, черными и красными муравьями, совами и ястребами. Но надежно оградить даже их колонну у сковывающей не получалось, что уж говорить про остальные отряды, отступающие по другим дорогам.

Впрочем, животных с насекомыми еще можно было пережить, главной проблемой, естественно, оказались лунксы и гарпии. Вездесущие рысеухие на своих быстроногих скакунах обрушивались на воинов Дилириса подобно грому. Наскакивали, убивали, отступали.

Дети же неба, которые, как выяснилось, управляют воздухом ничуть не хуже самых одаренных ветророжденных, кажется, поставили перед собой задачу потратить за пару дней годовой запас стрел, дротиков и камней для пращи.

В результате чего потери непрерывно росли.

Хотя, казалось бы, куда больше? Дилирис лишился всей артиллерии и изрядной части

пехотных батальон, брошенных на поле боя и сковавших врага арьергардными боями.

Но и это не все! Довеском шла полная — ха! — слепота армии.

Отряды разведчиков не возвращались. Вестовые не доезжали. Целые роты исчезали в неизвестном направлении. А что стало с вышеупомянутыми арьергардами, знал, наверное, один лишь трижды проклятый Корвус! Войско Дилириса таяло безо всякого сражения, и спустя всего сутки принц начал сомневаться, а получится ли укрыться под надежными стенами Секундуса хоть кому-нибудь?

Вроде бы, они опережали врагов, а может, те попросту позволяли своим жертвам бежать, точно животным, спасающимся от лесного пожара. Быть может, Вороний Король, заранее предвидя исход сражения, направил несколько отрядов вперед, чтобы окончательно уничтожить врагов?

Когда маршал аккуратно, сглаживая углы, попытался высказать схожее предположение, мать едва не прикончила его, и с тех пор на марше не выбиралась из кареты, а на привалах тотчас же уходила в шатер, не пуская к себе никого, кроме Амандуса.

«Сколько же нам еще отступить»? — думал Таривас. — «Пару дней? Интересно, справимся ли?»

Он услышал вдалеке шум многочисленных пистолетных выстрелов и вздохнул. Как оказалось, Лариэс был прав, пытаясь внедрить новое оружие в гвардию. Из того, что рассказали Таривасу о сражении, он понял, что поражение в немалой степени произошло и оттого, что волукримцы использовали просто невероятное количество пистолетов и аркебуз. Хотя аркебузы их были странными.

Принцу приносили одну такую — трофейную — он брал ее в руки, ощупывал, составлял собственное мнение. Тяжелая, гораздо тяжелее тех, что использовали в армии Дилириса. Длинная — обычному человеку пришлось бы ставить ее на подставку, чтобы выстрелить. С приставным лезвием, мощным, чуть изогнутым, как у гизармы. Оно заталкивалось в ствол, после чего стрелять из оружия становилось невозможно, зато драться вблизи — легко.

Опять же, если вспомнить истории о каррасах и их любви к глефам, традиционному древковому оружию вороноголовых, многое становилось понятно.

Совершенно неясным оставалось иное...

«Как, во имя Господа, Вороний Король додумался до этого и как сумел скрыть ото всех?»

Безусловно, Волукрим был окутан завесой тайн и загадок, но все-таки, спрятать многотысячную армию нового образца — чудовищно сложно. Ее нужно снабдить оружием, которое сперва придется где-то изготовить. Ее нужно тренировать. Ее нужно кормить, лечить, одевать и обувать. А всем этим занимаются десятки, сотни тысяч мастеровых, работников, слуг, лекарей, кашеваров, конюхов, плотников, и прочих, прочих, прочих. И как при таком чудовищном количестве людей, так или иначе связанных с войском, Корвус сумел утаить от других стран свой козырь — было решительно непонятно.

Но Таривас не унывал. Несмотря на тяжесть собственного положения, несмотря на поражение в битве, несмотря ни на что шансы все еще оставались. Но сперва нужно добраться до стен города.

— А я вам говорю, скоро война! — кричал пьяный мужик, размахивая перед носом у своего собеседника наполовину пустой пивной кружкой. — Война!

— Какая война, хре-ен ты лосиный? — его не менее разгоряченный оппонент брызгал слюной и вот-вот был готов ввязаться в драку. — Подумаешь, южане решили щелкнуть по носу Старую Ворону, и сейчас получают по жопе. Эка невидаль. Они ж тупые, не то, что наша королева, долгих ей лет жизни!

Свои верноподданнические устремления он подтвердил большущим глотком пива, отер пену, налипшую на усы, и продолжил:

— Вон, мужики говорят, что пернатые уже надавали дилирисцам по сраке и гонят теперь прямиком на столицу.

— Да не, — подключился к разговору третий человек, — не к Сентию, а к Секундусу должны. Я бывал там, когда купеческие караваны сторожил...

Орелия, закутанная в монашеские одеяния, сидела в углу и делала вид, что прикладывается к кружке с водой. Вилнар отправился договориться о покупке лошади, а она — безногая калека — была для него лишь обузой в данный момент.

Шесть дней прошло с момента их выхода из Тени, и только сейчас путники осмелились выйти к людям. Погони за ними не было, тревогу никто не поднимал, а потому Древняя рассудила, что необходимо пополнить припасы, купить коня и немного отдохнуть. И Вилнару, и ей самой.

Раны Целительницы мало-помалу зарастали, но не нужно было обладать блестящим интеллектом, чтобы понять: в таком состоянии она бесполезна, а значит, следует восстановиться, и только после этого приступать к операции по спасению.

И вот теперь, Древняя, изголодавшаяся по сведениям, жадно вслушивалась в пьяный лепет завсегдатаев постоянного двора. Находился тот в центре то ли маленького — не обзаведшегося стенами — городка, то ли — большой торговой деревни. Так или иначе, пристроился этот населенный пункт возле реки, и буквально кишел лодочниками, плотогонами и купцами, возящими свои товары вверх и вниз по течению.

А где купцы — там слухи.

— А что это значит? — вновь подключился к разговору первый пьяница. — Что скоро воевать придется Генералу, а может, и нам. Ворона уж больно сильна.

— Да не придется, — огрызнулся второй. — Чего нашей королеве и императору делить с колдуном? Вот скажи мне? Он выпорот Дилирис и отправится восвояси.

— А я слышал, что родной брат королевы поднял мятеж и присоединился к нему со всеми своими вассалами, — подал голос, молчавший все это время и на удивление трезвый путник, одетый как купец. Был он смугл, черноволос и заметно выделялся на фоне своих товарищей. — Я сам буквально на днях прибыл из Виннифиса, и вот что мне там сказали: Секундус уже пал, что с королевой и принцем — неизвестно. Вороний Король копит силы и дни Дилириса уже сочтены.

— Брехня! — фыркнул третий пьянчуга.

— Закрой пасть! — зарычал первый и, с трудом сфокусировавшись на купце, потребовал. — Выкладывай все, что знаешь.

Тот улыбнулся, неспешно пригубил вина, и только после этого заговорил.

«Удачно, я тут оказалась», — подумала Орелия. — «Столько интересного... Но мне стоит поторопиться, ситуация стремительно ухудшается».

— Терпеть не могу, когда он прав, — скривилась Кайса.

Кто такой «он» Игнис не знала, но подозревала, что речь идет о том странном калеке, которого водороденная именовала учителем.

Речная королева подошла к двери камеры, и, хлопнув себя по лбу, добавила.

— Ах да, как же я могла забыть. Армия вашего горячо любимого Тариваса рассеяна. Они потеряли добрую половину людей убитыми, ранеными и пленными, и теперь спешно пытаются отступить к столице, что получается не слишком хорошо. Старая Ворона поистине вездесущ. Я даже боюсь представить, что было бы с Ривеландом, реши мы сразиться с ними один на один. Правда, хорошо, что мы так не поступаем?

— Матушка, а что насчет Аэтернума? — пискнула Блаклинт.

— Империя молчит, но молчание это грозное, неприятное, — охотно пояснила королева, и Игнис показалось, что сейчас Дикая Роза Севера радостно начнет потирать руки.

Этого не произошло, но Кайса, чье настроение менялось быстрее, нежели у гарпий, довольно улыбнулась, став ослепительно красивой.

— Я почти уверена, что Лорий предъявит Корвусу ультиматум, и сделает это скоро. Нам остается только ждать и смотреть. Не успеет подойти к концу октябрь, как старые друзья вцепятся друг другу в глотки, и вот тогда-то...

Она не договорила. Захлопнула дверь и оставила узниц томиться в камере.

Игнис вздохнула. Ответ и не требовался, она легко могла закончить предложение за королеву.

«И вот тогда-то мы вступим в дело, да»?

— Игнис, — Блаклинт обняла ее за плечи, — мне страшно.

— Ну-ну, — Игнис притянула подругу к себе и погладила ей волосы, точно испуганному ребенку, вдохнула их аромат, расслабилась, — все как-нибудь образуется, обязательно образуется. А теперь нам нужно отдохнуть. Мы должны копить силы и выжидать удобного случая, чтобы...

— Что?

— Пока не знаю, моя милая Блаклинт, — она коснулась пальцами шелковистой щеки принцессы, — пока еще не знаю.

Вилнар вернулся ближе к вечеру. Он помог Орелии добраться до комнаты, расположенной на первом этаже, и поделился добытыми сведениями.

— Как я понял, на юге война идет полным ходом. Учитель напал на королевский замок и ослепил принца. Кэлиста Вентис в отместку приказала убить посла, после этого примирение стало невозможным.

— Я слышала об этом. И о сражении на юге, завершившемся недавно.

— Мой рассказчик вещал, что Вороньего Короля остановили на подступах Секундусу. Другой сообщил, что он гоняет остатки вражеского войска по центральному Дилирису.

— В моей версии королеве удалось отвести тех, кто пережил сражение, к столице, а Секундус пал, — задумчиво проговорила Орелия, барабаня пальцами правой руки по спинке кровати. — В любом случае, мы слишком далеко от центра событий для того, чтобы хоть как-то повлиять на них. А значит, примем как данность следующие факты: в Дилиресе идет война с ограниченными целями и Лорий пока что не включился в нее. Сомневаюсь, что даже у Корвуса получится взять Сентий с наскока, значит, около месяца у нас с тобой есть.

— И каков ваш план, Древняя?

— Продолжаем отдыхать и набраться сил. Мне нужно отрастить конечности.

— Но не лучше ли тогда нам пробиться на юг и сообщить его величеству и Учителю о случившемся?

— А смысл? Потеряем кучу времени, к тому же ухудшим и без того паршивую ситуацию. Насколько я знаю, у Корвуса нет ни одного Ковчега, скрытого во Флодстате, а значит, чтобы спасти Игнис, ему придется вводить войска еще и в Ривеланд. У нас нет доказательств причастности Кайсы к всему случившемуся на востоке. Наше слово недорого будет стоить в глазах Лория, а вот нападение и на Дилирис и на Ривеланд одновременно сделает его вступление в войну неизбежным. Я знаю этого мальчика хорошо, он любит проливать кровь не больше, чем Корв, а значит — сейчас колеблется. Если сумеем предоставить доказательства в виде Игнис и Ридгара, возможно, избежим большой войны. Но для этого мы с тобой должны подготовиться. Я же в последние месяцы буквально выжимала себя досуха и сейчас ни на что не гожусь.

— Есть ли способ быстро восстановить вашу магию? — обеспокоенно спросил Вилнар.

— Ни единого, — честно призналась Орелия. — Конечно, я могла бы использовать ритуалы демонологов или некромантов, благо знаю многие из них. Хочешь?

Ловчий побледнел.

— Нет, госпожа моя.

— Вот и я не хочу. Ничто не заставит меня приносить кровавые жертвы, пытаться, дабы напиться силой мучений и агонии, или пожирать души. Поэтому — только покой. Но ты должен понимать: мы сейчас на враждебной территории и то, что покинуть разрыв удалось, не привлекая внимания, не гарантирует безопасность. Нужно быть предельно осторожными, иначе все усилия пойдут насмарку. Думаю, завтра мы покинем деревню и направимся к столице, а по дороге — пропадем, затаимся где-нибудь, где нас будет непросто отыскать.

Ловчий кивнул.

— Слушаюсь, о Древняя. Сделаю так, как вы приказываете.

«Сделаешь, конечно, глупый мальчишка, привыкший выполнять чужие распоряжения, не задумываясь».

— Рада это слышать. Тогда повеливаю отдыхать. Завтра нас ждет долгий переход.

— Слушаюсь, о Древняя, — ответил он и уже спустя десяток минут дыхание ловчего выровнялось, юноша заснул.

Орелия же, не нуждаясь в этом способе восстановления сил, лежала, смотря в потолок, и думала. Вспоминала прошлое, рассматривала варианты действий, пыталась понять, кто помимо Кайсы и Кэлисты противостоит им. Слишком много странностей, слишком много совпадений, слишком хороший план. Проработанный настолько, что, похоже, каждый спектакля участник знал лишь небольшой фрагмент общей картинке, но толком не мог представить свое место в ней.

«А еще этот запредельный уровень алхимии», — подумала Орелия. — «Проклятье, как бы мне хотелось ошибаться, но, похоже, прошлое все-таки напоминает о себе, причем делает это в свойственной ему бесцеремонной манере. Почему именно сейчас?»

Ответить на этот вопрос было нетрудно. Еще какие-то сто лет, и даже Аэтернум, объединившийся с Империей Бархатных Островов, Дилирисом и Ривеландом не сумеет ничего противопоставить мощи Волукрима. Еще какой-то век, и эра, о которой грезил поколением надежды, заразившее своим энтузиазмом стариков вроде нее, наступит без кровопролития. Даже Лория — она верила в это — получится убедить в правоте Корвуса.

Но теперь все развеялось прахом. Хлипкая надежда на то, что войну получится удержать в рамках пары сражений исключительно между Волукримом и Дилирисом, наверняка не позволяет Корвусу пустить в ход весь свой разрушительный арсенал. Сдерживает его, что приводит к ненужным потерям.

Странно, очень все странно, как будто бы невидимый кукловод сидит в центре паутины и дергает за ниточки...

«Кукловод, да»? — невесело усмехнулась Орелия. — «Пожалуй, нужно прекратить накручивать себя, лучше от этого не станет. Спасем Игнис, а там будет видно».

Лариэс сделал выпад, нацеленный в горло соломенного чучела, и меч, повинаясь движению кисти, самым кончиком чиркнул по месту, где у людей находится сонная артерия, а мгновение спустя изувеченную ногу пронзила столь яростная боль, что юноша упал.

Полукровка скривился и сжал зубы, чтобы не закричать. Рукоять выскользнула из вмиг ставших ватными пальцев, а к горлу подступил ком тошноты.

Вновь в голову закралась успокаивающая и приятная мысль о лекарстве, чье действие он уже пару раз успел оценить, но Лариэс усилием воли заставил себя отогнать ее.

«Ну уж нет!» — решительно подумал он, подбирая клинок. — «Я не стану рабом зелья!»

Виконт, откровенно говоря, сам не понимал, зачем мучит тело, он лучше многих знал, что с такими ранами не фехтуют.

— Лар, не насилуй себя, — проворчал Эрик, следивший за тренировкой товарища. — Ты ведь понимаешь, что меч придется повесить на стенку.

— Сказал человек, пытающийся переучиться на левую руку, — буркнул Лариэс, устало присаживаясь на траву рядом.

— Хочешь? — товарищ протянул флягу с вином, и полукровка жадно к ней приложился.

Несмотря на то, что уже заканчивался сентябрь, вокруг стояла жара, достойная, пожалуй, начала июля, а потому все члены небольшого отряда Лариэса, а также присоединившиеся к ним ученицы Древних, которые как-то незаметно влились в маленький коллектив, были одеты достаточно легко, если не сказать — фривольно.

По крайней мере, девушки сегодня отдали предпочтение легким платьям, открывающим лодыжки, а мужчины носили расшнурованные рубахи на голое тело. Так легко было забыть о том, что вот уже вторую неделю как армия Волукрима преследует разрозненное и разбитое войско Дилириса, занимая одну крепость за другой, не давая врагам ни дня передышки, непрерывно атакуя малыми отрядами и вынуждая истекать кровью в сотнях стычек.

Впрочем, последние два дня основное войско встало лагерем под стенами Праэсидиума — мощной крепости, прикрывавшей важнейший перекресток дорог и запиравшей путь в центральные провинции. Против обычного противника эта крепость могла бы держаться месяцами, вот только Вороньего Короля подобный расклад не устраивал. Лариэс не знал, как именно правитель Волукрима добился этого, но буквально на следующий день после начала осады, к ним прибыл еще один — десятитысячный — отряд. Эта орава вороноголовых была предназначена не для штурма или усиления и без того могучего войска Волукрима, нет. Она прикрывала главное сокровище Древнего — пять монструозных стенобитных орудий, главное из которых высотой превосходило самого Лариэса. Перетаскивать пушки таких размеров было чудовищно сложно даже при помощи магии, а значит, чтобы успеть вовремя, волукримцы должны были отправиться в путь еще до генерального сражения на Мариевых полях, из чего можно было сделать однозначный вывод: Корвус ни на миг не сомневался в сокрушительной и безоговорочной победе над южными соседями.

И вот, пока инженеры Вороньего Короля готовили свои чудища к стрельбе, воины оказались предоставлены самим себе, чем и пользовались.

За пару недель импровизированный отряд Лариэса с четырех гвардейцев и двух офицеров успел разрастись почти до трех десятков человек: самых безбашенных,

расторопных и умных — желающих оказаться подле новоиспеченного ученика и телохранителя Вороньего Короля до того, как тот наберет силу и влияние при дворе. Эти мотивы были очевидны, но Лариэс не возражал — ему как воздух требовались хорошие рубаки. Да, учитель обещал передать в распоряжение своего подопечного отряд, да вот только свободных сил в армии вторжения не нашлось — все роты и полки кому-нибудь да подчинялись и, как нетрудно догадаться, ни один командир не горел желанием передавать людей непойми откуда вылезшему мальчишке. Поэтому Лариэсу приходилось дожидаться пополнения и он уже прикидывал, как будет делать из того сброда, что ему пришлют, нормальных солдат. Иллюзий относительно качества материала, с которым придется работать, виконт не питал. К тому же, устроить ученику проверку было бы вполне в духе всесильного Древнего, и это также следовало учитывать. Разочаровывать человека, подарившего ему новый смысл жизни, полукровка не желал категорически.

Именно поэтому и принимал всех, кого считал подходящими: за время, что у них останется до прибытия пополнений, Кларисса с Эриком, а также вчерашние рядовые Цилла, Индржих, Джорн и Аврелий, получившие лейтенантские звания и возможность стать рыцарями, должны были соорудить из них какой-никакой, но костяк нового отряда.

И вот теперь они, найдя спокойное местечко, не слишком многолюдное — насколько это было возможно для переполненного военного лагеря — тренировались, разбившись на пары под пристальным взглядом Клариссы, которая поправляла ошибающихся воинов, давала советы, и, если было нужно, применяла так называемый «аргумент» — толстую дубовую палку, которую использовала вместо учебного меча. Весь опыт Лариэса говорил о том, что новобранцы, особенно — спесивые и самоуверенные наглецы, дерзнувшие попытаться счастья у выскочившего точно из-под земли фаворита — лучше всего понимают язык силы. Он бы и сам вбил в них немного разума...

«Да вот только с негнущейся ногой, изувеченной кистью и не до конца сросшимися ребрами сделать это непросто», — с грустной усмешкой констатировал факт виконт.

— Зря мучаешь себя, — заметила Лира, все это время наблюдавшая за Лариэсом. — Такую ногу проще отрезать, все равно толку не будет.

— Спасибо, — сухо отозвался юноша, — подумаю над твоим предложением на досуге.

Дворянка кивнула, пожала плечами и перевела взгляд на Алиссию и подошедшую к ней Клариссу.

Лариэс отер пот со лба и присел передохнуть, продолжая наблюдать за тем, как его подруга объясняет чернокожей красавице азы фехтования.

Каким-то непостижимым образом обе ученицы Древних, а также — Аелла и, что самое неожиданное, Клеменс, решили, что проводить время на их импровизированном тренировочном поле — отличная идея. Принц, правда, бывал тут изредка — осада и забота о собственных войсках оставляла ему не так много свободного времени — но, тем не менее, едва ли не каждый день он находил пол часика для того, чтобы поболтать с товарищами, которые потихоньку начали привыкать к этой странной особенности одного из влиятельнейших людей Дилириса.

Впрочем, что Лиру, что Алиссию было нетрудно понять: обе девушки оказались на положении бедных родственниц, ненужных и неприкаянных. И если ученица Орелии еще пыталась помогать в лазаретах, в которых стараниями врачей из Братства Помощи практически не было пациентов, то светловолосой протеже Кающегося заняться было решительно нечем. Лира наотрез отказалась объяснять, чему именно ее учил Древний, а

потому лично Лариэсу оставалось лишь догадываться о ее талантах.

Виконт передохнул и, поднявшись, направился к соломенному чучелу, задумчиво взвешивая меч в исковерканной правой руке. Нормального хвата никак не получалось из-за проклятых пальцев, упорно отказывающихся слушаться.

Кое-как поборов их, он нанес чучелу пару пробных ударов, но получалось откровенно убого. Но Лариэс не был бы собой, если бы не попытался еще раз. И еще. И еще.

На чистом упрямстве завершив серию атак, он в сердцах перекинул меч в левую руку и со всего размаха обрушил оружие на голову беззащитного чучела, одновременно с этим чуть приседая и перенося вес всего тела на несущую ногу.

Кошмарная атака буквально располовинила соломенную голову, что, впрочем, не принесло Лариэсу ни малейшего облегчения — изувеченную ногу скрутил очередной приступ дикой, ни с чем не сравнимой боли и виконт повалился на землю, сцепив зубы, чтобы не завопить.

Кларисса каким-то невообразимым оказалась подле него и помогла подняться. От Лариэса не укрылось несколько насмешливых взглядов, брошенных подчиненными, и он со вздохом констатировал, что, пожалуй, все-таки ему следует оставить бесплотные попытки восстановить физическую форму. Ну, или делать это где-нибудь в уединенном месте.

— Перестань мучать себя, — попросила Кларисса, помогая другу усесться рядом с Алиссией, которая незамедлительно положила ладонь на колено Лариэсу.

По ноге тотчас же разлился приятный холодок, и виконт сумел выдохнуть.

— Спасибо, — кивнул он чернокожей красавице и добавил, обращаясь уже к Клариссе, — ты права, Солнышко, извини, постараюсь своим упрямством не портить тебе воспитательный процесс.

— Именно, — кивнула та, усаживаясь рядом. — Ты у нас теперь — колдун, вот и читай книги, а фехтование оставь тем, у кого все части тела работают нормально.

Эта грубоватая шутка, как ни странно, подействовала, и Лариэс расхохотался.

— Ничего, вот выучусь, и заменю себе руку с ногой. И Эрику заменю. И тебе, если попросишь.

— Главное,строй в протез пистолеты, — совершенно серьезно ответила воительница.

— Лучше целые пушки.

— Да, так будет эффективнее всего, — Кларисса поднялась, потянулась, из-за чего рубаха плотно облепила ее высокую грудь, и, крутанув «аргумент», быстрым шагом направилась к тренирующимся, выкрикивая хорошо поставленным командным голосом, — А ну-ка не расслабляться, плесень!

— Воистину, дочь своего отца, — раздался позади неприятный скрипучий голос, и все сидящие одновременно вскочили, обернулись и упали на колени.

Никто так и не понял, каким это образом Вороний Король оказался за их спинами и сколько времени он уже так стоял, однако факт оставался фактом — владыка с интересом наблюдал за тренировкой, опершись о чудом сохранившуюся посреди лагеря толстую березу.

— Лариэс, не напрягай правую руку. Рискуешь остаться без нее. Или ты так жаждешь служить и учиться, что хочешь во всем уподобиться мне?

В голосе Вороньего Короля слышались нотки веселья.

— Нет, учитель. Я просто пытаюсь вернуть себе утраченную форму.

Корвус вздохнул и махнул юноше, приглашая следовать за собой.

— Пойдем, настало время для очередного урока.

То, что он пришел лично, изрядно насторожило Лариэса. Обычно Древний отправлял за своим учеником одного из многочисленных слуг, либо вообще Анию. Каким-то образом полукровка уже научился понимать, чего птица хочет от него, и беспрекословно подчинялся странному многоглазому существу. Скорее всего, острый клюв и тонкое умение применять его наиболее болезненным способом, стали основными причинами последнего.

Быстро попрощавшись с товарищами, Лариэс поспешил проследовать за наставником.

Тот шел по лагерю, опираясь на свой посох, и люди расступались в стороны, точно щепки, захваченные бурным течением. Тут и там склонялись колени, опускались гордые выи, а глаза упирались в землю. Корвус воспринимал эти знаки покорности как само собой разумеющиеся и продолжал быстро и целеустремленно вести виконта в центр лагеря — к своему шатру.

Внутри не было ни души, и Лариэс сразу понял, что разговор сегодня пойдет отнюдь не о магическом искусстве.

Корвус, меж тем, отложил посох и извлек из кармана небольшой круглый предмет, рассмотреть который Лариэс не успел — тот почти сразу же рассыпался пылью, но виконт ощутил волну магической энергии, окутывающей шатер. Древний явно применил заклинание, препятствующее подслушиванию.

— Думаю, ты уже догадываешься, что я хочу сказать, — проговорил он, оборачиваясь и устремляя на Лариэса пристальный взгляд.

— Да, учитель.

Не требовалось особо думать для того, чтобы сделать правильные заключения, а потому полукровка просто кивнул, давая понять, что все отлично понимает.

— Вам нужен Сентий, учитель.

— Именно так, причем быстро и без крови. По возможности.

— Это крайне непростая задача, ваше величество. Столица Дилириса — один из самых укрепленных городов мира, а мы застряли под первой крепостью, защищающей подступы к нему.

— Насчет этой крепости не волнуйся, — усмехнулся Древний, — сегодня вечером пушки будут готовы стрелять, и я не думаю, что осада продлится больше недели.

— За первой крепостью последует и вторая, а потом и третья. К тому же, пока мы заняты возле них, враги смогут пополнить силы и получить передышку.

— Не смогут. Разве ты не заметил, что корпус Паллидия пропал?

Лариэс заметил, но благо разумно не задавал лишних вопросов.

— Разве один корпус в состоянии остановить пускай и поредевшую, но все еще могучую армию Дилириса?

— Он и не будет останавливать, он ее замедлит, лишит подкреплений, продовольствия и заставит двигаться на запад — к Секундусу, туда, где можно будет пополнить запасы и получить подкрепления. А в это время летучие отряды гарпий вместе с бригадой герцогини Магны позаботятся о том, чтобы у королевы начались проблемы с фуражировкой, отправкой сообщений и пополнениями. Все это называется изоляцией района боевых действий. Тяжелая артиллерия займется разгрызанием крепостей. Ничего не хочу сказать против твоих бывших господ, но большая часть ваших укреплений, хоть и строилась с расчетом войны против Солумов, все-равно безнадежно устарела. А самые подготовленные и мобильные соединения моей армии, — скывывающий опять заговорил как профессор за кафедрой, — отправятся к Сентию, громя по пути все вражеские укрепления и гарнизоны, но не вступая в

схватки за узлы сопротивления. Это именуется глубокими операциями.

Лариэс слушал, открыв рот. Никогда в жизни он не встречал столь сложной, но одновременно с этим и хорошо продуманной стратегии войны.

— Господин мой, вы сами придумали это?

— Нет, — тотчас же последовал ответ. — Впрочем, это не имеет значения. Итак, допустим, если у тебя будет две-три недели времени, что ты сумеешь сделать, оказавшись в Сентии?

Лариэс задумался, причем крепко, ибо вопрос не был праздным. Он вспоминал людей, с которыми можно поговорить, людей, которым можно рассказать о вероломстве его высочества. Людей, недовольных текущим положением дел. Людей, падких на золото.

И внезапно в голове бывшего Щита принца начал формироваться — нет, не план — некоторое подобие оного. Да, это было безрассудно, на грани самоубийства, но и что с того? Когда такая ерунда, как смерть, могла остановить его?

— В принципе, я кое-что мог бы попробовать провернуть...

— Да?

— В теории, если мне повезет, это позволит до подхода принца заполучить в свое распоряжение по крайней мере две линии стен.

Во взгляде Корвуса появилось самое настоящее удивление.

— Две линии? Ты не шутишь?

— Нет. Я уверен, что шанс есть. Но мне понадобится помощь.

— Какого рода?

— Ученица Орелии должна отправиться в Сентий вместе со мной, равно как и Эрик.

Вороний Король сурово возрился на своего новоиспеченного слугу.

«Прикидывает, можно ли доверить мне такое сокровище, как Алиссия. Думает, нет ли тут какого-нибудь хитрого плана, двойного, а то и тройного дна. Что ж, он прав. Я тоже бы усомнился».

— Мне потребуются детали, — наконец проговорил чародей. — Мне, и военному совету. Встречаемся в шатре через полчаса.

— Слушаюсь, учитель.

— А пока передохни и пообедай, разговор будет долгим и непростым.

Вороний король не обманул — в шатре действительно собрались все, кто имел право принимать решения. Помимо самого Корвуса и неизменного Изегрима, приклеившегося к сковывающему, точно тень, здесь находились и Вентисы, и Каш-рон с тремя вороноголовыми, имен которых Лариэс не знал. Тут же — в уголке — уютно примостилась Эрато, рядом с которой замерла прямая, как жердь Магна.

В дальнем же углу замерли две девушки: чернокожая красавица Алиссия, сложившая руки на внушительной груди и теребившая пальцами переброшенную через плечо прядь волнистых волос, и Лира, стройная, напряженная.

«Похоже, в столицу я поеду не с одной спутницей, а с двумя», — подумал Лариэс, вспоминая, что ученицы Ридгара и Орелии в лагере были практически неразлучны. Девушки, потерявшие своих наставников, нашли утешение в обществе друг друга. Впрочем, их общество было крайне интересно еще кое-кому — Клеменс, занявший место в углу шатра, бросал откровенные взгляды на Алиссию. Юноше, конечно же, казалось, что он поглядывает

на темнокожую красавицу украдкой, но Лариэс, не один год прослуживший Щитом принца, подобное определял за секунду.

«И его можно понять. Алиссия настолько красива, что я счел бы ее хладорожденной, если бы не знал, что у Повелителя Лодок нет ни одного живого наследника».

Рядом с принцем расположился и Эрик, что также было логично, потому как именно Волку в плане Лариэса отводилась весьма важная роль.

Приход ученика Вороньего Короля не остался незамеченным — едва только полог шатра закрылся за спиной юноши, как все взоры тотчас же обратились в его сторону, а разговоры смолкли.

— Подойди, и не вздумай падать на колени, — распорядился Корвус, и, когда Ларис поравнялся с ним, сказал, — мы все хотели бы узнать о твоём плане. Может быть, это поможет тебе.

Он указал на стол, на котором была разложена на удивление подробная и большая карта Сентия.

— Слушаюсь, ваше величество, — отозвался юноша, внимательно изучая изображение столицы.

Надо было отдать должное картографам Ступившего на Путь Вечности — работу они проделали отличную. На пергамент нанесли не только все основные улицы и переулки, но даже и названия каждой башни и каждого бастиона, указания, где квартируются офицеры городской стражи, где обитает какой дворянин, чародей, купец, и вообще — влиятельный и важный человек.

Впрочем, Лариэсу не было до этого особого дело. Ему для выполнения плана требовалась добрая воля четырех жителей Сентия, причем имен двоих из них на карте не значилось.

— План достаточно прост, — заговорил он. — Весь мой опыт показывает, что чем сложнее задумка, тем труднее ее реализовать и тем выше вероятность провала.

— Я знавал как минимум одно исключение из этого правила, — буркнул Изегрим, — и оно изрядно попило нашей крови.

«Это он о Кукловоде», — догадался Лариэс.

— К счастью, не все умеют так хорошо плести паутину интриг, как Неназываемый, господин мой, — вежливо отозвался юноша.

Изегрим лишь пожал плечами и произнес:

— Я специально указал на то, что он — исключение. Продолжай.

И Лариэс продолжил.

— Думаю, все понимают, что взять Сентий штурмом практически невозможно. Четыре ряда стен...

— Три с половиной, — поправил его Устин Вентис.

— Ваше величество правы лишь отчасти. Большинство новых укреплений так или иначе готовы, а если между стенами имеются недостроенные участки, то их вполне можно заделать временными баррикадами, или просто забросать землей. Качество, конечно, пострадает, но этого хватит. К тому же я просил бы не забывать и о магической защите. Все королевские сковывающие не один год накладывали свои руны на камни. А еще следует помнить о том, что почти пятая часть всей артиллерии Дилириса сосредоточена именно в Сентии.

— Приняли к сведению, — хрипло оборвал его Кар-шон, — ближе к делу.

Лариэс смерил его презрительным взглядом.

— Осмелюсь напомнить, что я не подчиняюсь вам, генерал, и не вам указывать мне, что делать и что говорить.

Каррас довольно каркнул.

— А ты не робкого десятка, ушастый, ты мне нравишься все больше.

При этом он бросил короткий взгляд на Корвуса, который сделал неопределенный жест рукой, из чего Лариэс заключил, что прошел очередную проверку.

— Извиняюсь, если обидел, — продолжил генерал, — но время не терпит.

— Прекрасно вас понимаю и прошу простить мою резкость, — юноша решил пойти навстречу генералу. — Так вот, даже недостроенная четвертая линия укреплений будет стоить вам тысяч и тысяч жизней, а ведь после нее останутся еще целых три. Остается осада, но она, во-первых, задержит армию на месяцы, а во-вторых, без контроля на море лишена всякого смысла. А Волукрим, уж простите мою прямоту, никогда не был великой морской державой, не так ли?

Корвус хмыкнул.

— Отчасти это так. Именно поэтому я и готов выслушать твое предложение. И только не оскорбляй интеллекта собравшихся идеей провести через ворота крепости ишака, груженого золотом. Это не сработает.

— Естественно, не сработает, — подтвердил Лариэс. — В принципе не может сработать. В другом городе королевства — да, но не там, где правят бал Мислия и Сервус.

— Допустим, первая Тень сейчас с принцем, а ее подручные понесли колоссальные потери после атаки господина Изегрима, — заметила Эрато.

— И, тем не менее, остается капитан Сервус. Можете не сомневаться, никому даже в голову не придет открыть ворота, потому что последний негодяй в городе знает: в этом случае он просто не успеет насладиться деньгами. Капитан найдет его даже среди горящего, умирающего в пламени города и лично сдерет кожу перед тем, как четвертовать.

— А мне уже нравится этот человек, — хмыкнул Охотник. — Выходит, что слава этого вашего капитана Сервуса не преувеличена?

Лариэс вспомнил пыточные подвалы Дома Стражи и почувствовал, как кисточки на кончиках ушей пришли в движение.

— Нет, — его собственный голос неожиданно показался юноше неожиданно сухим, — скорее даже преуменьшена. Правда, думаю, учитель Ридгар с удовольствием подарил бы капитану очищение грехов.

— Да, я тоже слышал о нем... разное, — с некоторой паузой уточнил Корвус. — Но предлагаю вернуться к обсуждению твоего плана. Итак, Сентий неуязвим для штурма и подкупа, а на осаду у нас попросту нет времени. Какой вариант ты предлагаешь, и для чего тебе потребуются Алиссия с графом Эриком Шисским?

«А ведь он догадался!»! — понял виконт. — «Понял все и сразу. Может, не знает детали, но общую суть уловил, как только я назвал свои условия».

Он не мог бы ответить на вопрос, как именно осознал это, но факт оставался фактом — Лариэс чувствовал, что Вороний Король, отец его любимой Игнис, его новый хозяин и учитель, один из самых таинственных Ступивших на Путь Вечности понимает, что именно бывший Щит принца хочет провернуть.

— Я собираюсь переманить на нашу сторону нескольких человек. В первую очередь — капитана Сервуса, — коротко ответил он. — И для этого нужна будет Алиссия.

Вновь в шатре повисло тягостное молчание.

— И как, позволь спросить, ты планируешь сделать это? — задал, наконец, вопрос Устин Вентис. — Я помню этого служаку и готов подписаться под каждым твоим словом о его крутом нраве. Сервус неподкупен, беспощаден и служит за идею.

— Именно. За идею, а не ради титулов и богатства. Он плевать хотел на ее величество и его высочество, равно как и на всю аристократию столицы, и вам, ваше величество, это должно быть известно не хуже, чем мне.

Король склонил голову в знак согласия и Лариэс продолжил.

— Его идея — благополучие горожан, а лучше — всех жителей Дилириса. Капитан всю свою душу вкладывает в это, и никогда не простит людей, убивших Целительницу, кем бы те ни были. Он знает, сколько та сделала для горожан, особенно — для бедняков. Насколько я знаю, госпожа Орелия помогала Сервусу раскрывать некоторые дела. И, как мне кажется, — Лариэс замялся на миг, думая, стоит ли все-таки говорить об этом, или нет, наконец, решив, что хуже не будет, он продолжил, — мне кажется, что он любит ее как мужчина — женщину. К тому же, — поспешил он добавить, — Сервус неплохо знает меня и, думаю, поверит, если я скажу, что в результате действий ее величества взбешенный Вороний Король попросту не оставит от города камня на камне.

И, заметив скепсис во взгляде Корвуса, он добавил:

— Я найду как его убедить.

— Допустим, ты справишься, — задумчиво проговорил Вороний Король, — капитан Сервус — это пять тысяч городских стражников, это открытые ворота и отсыревший порох, или даже — арестованный гарнизон столицы.

— На это я бы не рассчитывал, — честно признался виконт, — но первые две стены — очень даже может быть.

— Понятно. Кто прочие люди, которых ты желаешь перетянуть на нашу сторону?

— Следующий по важности — Руфин сын Олафа, мой оружейник. Человек этот пользуется значительным уважением всех цеховых мастеров, и его слово имеет значение. Третий — Сайорис Голодный.

— Король Попрошаек? — прищурился Охотник. — А его-то откуда ты знаешь?

— Да так, — уклончиво ответил полукровка, — приходилось сталкиваться в детстве. Не уверен, конечно, получится ли выйти на него...

— Получится!

Этот чистый сочный голос принадлежал Алиссии, которая вышла в центр шатра. Глаза девушки горели яростью и решимостью и она, не выбирая выражений, продолжила.

— Эти твари забрали учительницу. Они готовы обречь миллионы на смерть, болезни и голод только ради того, чтобы удовлетворить свои жалкие амбиции. Я хочу вернуться в Сентий и встретиться с Сайорисом. Я знаю, как его найти.

— Я иду с ними, — звонкий, почти мальчишеский голос Лиры, вставшей рядом с ученицей Орелии, буквально звенел от напряжения. — Быть может, я и не жила в столице, но уж на что-то сгожусь.

Корвус несколько секунд смотрел на чернокожую красавицу, после перевел взгляд на решительно настроенную блондинку, затем кивнул.

— Что ж, видимо, отговаривать вас смысла нет. Хорошо. Последний вопрос, какова задача графа?

— Полагаю, что мне придется поговорить с лейтенантом Гаем Пилумом, — пожал

плечами Эрик. — Когда мы отправлялись в поход с его высочеством, именно Гая Лар оставил за себя. Более того, именно он должен был стать капитаном гвардии после смерти Лара, а потому я не думаю, что наш друг очень рад новым назначением, ведь я правильно понимаю, сейчас капитаном стал ублюдок Марк, получивший свои тридцать серебряников, не так ли?

— Мои шпионы докладывают об этом, — согласился Устин Вентис.

— А это значит, что Гай однозначно был оставлен во дворце с остатками гвардейских рот под присмотром Теней. Принц никогда не любил его и не доверял, а поэтому просто не мог взять на поле боя. Сами понимаете, в спину, прикрываемую ненадежным телохранителем, может прилететь всякое...

— Его могли разжаловать, — заметил Паллидий.

— Кишка тонка отправить в отставку сына герцога, — фыркнул Волк. — Зато если он перейдет на нашу сторону, глядишь, возьмем и третью стену.

— А почему именно граф? — приподняла бровь Аккэлия. — Неужели слова господина Лариэса будет недостаточно для человека, не один год прослужившего под его началом.

Эрик смущенно отвел глаза и ничего не ответил. Вместо него пришлось отдуваться полукровке.

— Гай, скажем так, очень хорошо относится к Эрику. Очень.

— Причем совершенно односторонне, — поспешил заметить граф.

Вороний Король хмыкнул, а окружающие заулыбались.

— Надо же, никогда бы не подумала, — заметила Аккэлия Вентис, — вот только вы уверены в том, что этого... хорошего отношения будет достаточно?

Лариэс и Эрик переглянулись, а затем одновременно кивнули.

— Абсолютно! — хором ответили они.

Повисло молчание и все взоры устремились на Корвуса. Вороний король некоторое время не произносил ни слова, лишь гладил перья Ании. Наконец, когда пауза стала уже тягостной, он произнес:

— То, что ты предлагаешь, выглядит, как авантюра, рассчитанная на слепую удачу и то, что люди, облеченные властью, решат вдруг пойти на поводу чувств... Но знаешь, что самое занятное? Мне кажется, этот безумный план имеет шансы на успех. Я разрешаю. Вы отправитесь завтра с рассветом. Учтите, больше двух недель гонять принца по Дилирису не выйдет.

— Мы справимся, — пообещал Лариэс.

— Хорошо, — кивнул Корвус. — Вот еще что: вечером проведем последний перед твоей отправкой урок. Я думал повременить немного, но выбора особого нет. Думаю, ты справишься. На этом все, все свободны.

— Слушаюсь, учитель.

Шатер они покинули вчетвером.

Некоторое время шли молча, не желая разговаривать там, где могут найтись чересчур длинные уши, и заговорили лишь тогда, когда выбрались на более-менее безлюдное место.

— Ты уже придумал, как мы попадем в город? — поинтересовалась ученица Орелии.

— Да, есть пара мыслей.

— С интересом их выслушаю.

Лариэс покосился на темнокожую красавицу и неопределенно махнул рукой.

— При других обстоятельствах я попробовал бы просто войти в ворота,

замаскировавшись, или перебраться через стену, но, увы, сейчас такой трюк не пройдет. Поэтому будем импровизировать.

— Хм-м... — в голосе ученицы Ридгара слышался нескрываемый скепсис. — И каким образом, позволь поинтересоваться, нам поможет импровизация?

Лариэс пожал плечами. Он не хотел говорить товарищам о том, что эта часть плана, как ни странно, была самой слабо проработанной. То, что внутри городских стен они сумеет добраться и до Руфина, и до Сервуса, и до Гая, и до таинственного Сайориса Голодного, Лариэс практически не сомневался, однако главной проблемой было именно попадание за эти самые стены. Конечно, он знал пару потайных ходов, вот только без особой магии открыть один из них не было ни малейшей возможности. К тому же члены его маленького отряда — особенно Алиссия — привлекали слишком много внимания для того, чтобы нагло идти через ворота. А потому, оставался лишь один вариант: под покровом ночи на небольшой лодке пробраться в порт.

Та еще задачка, но, в принципе, реализуемая.

— Я подготовлю все к путешествию, а вы отдохните немного и соберите вещи, — предложил он.

— Ну уж нет, так не пойдет, — возразила Лира. — У нас руки не отсохли.

— Ну это как посмотреть, — Эрик помахал кулечей.

— Ну вот ты и отдыхай, — мило улыбнулась ему Алиссия, — а мы займемся делом.

Волк склонился в шутливом поклоне.

— Как прикажет сиятельная госпожа.

— Ладно, хватит паясничать, — Лариэс уже прикидывал, что будет говорить и делать внутри крепостных стен, а также — что ему понадобится. Так вышло, что в первую очередь нужны будут деньги. Много, очень много денег! Что бы там Вороний Король ни говорил, а силу ишака, груженого золотом, никто не отменял.

— Я не шучу, отныне мы все — единое целое.

Лариэс покосился на нее, не понимая, к чему клонит девушка. Алиссия догадалась об этом и пояснила:

— Раз уж мы оказались в одной лодке, то и тяготы будем делить на всех.

«Она говорит не только о предстоящем задании».

Лира тоже догадалась, потому что губы девушки внезапно задрожали, и она, стараясь не сорваться, проговорила:

— Когда мы беседовали в прошлый раз, ты не рассказывал о том, что Наставник учил тебя.

Слово «наставник» было произнесено таким голосом, что Лариэс сразу же понял — светловолосая аристократка по уши влюблена в Кающегося. Догадывался ли тот о ее чувствах? Определенно, да. Существо столь древнее, как он, просто не могло не читать простых людей, точно раскрытую книгу.

«Ага, сильно ему это повезло против Тариваса», — зло оборвал себя Лариэс и ответил:

— Да как-то случая не представилось.

— Стало быть, ты — ходишь по Грани?

Он кивнул.

— Хотя раньше бегал от нее.

Обе девушки недоуменно посмотрели на него.

— Долгая история. По дороге расскажу, а сейчас нам стоит заняться припасами.

Вечер прошел в хлопотах, и ничего удивительного тут не было — следовало подготовить сразу сотню вещей и раздать тысячу распоряжений.

Кларисса, на которую ложились обязанности по работе с новым отрядом, мягко говоря, оказалась не в восторге от того, что ее оставляют в защищенном и безопасном лагере, отправляясь на смертельно опасное задание, а потому Лариэсу пришлось выдержать весьма неприятный разговор, но в итоге подругу удалось убедить не творить глупости.

Наконец вечер плавно перетек в раннюю ночь, дела как-то сами-собой закончились, и Лариэс отправился наставнику. Новый урок ждал.

И, надо сказать, несмотря на все случившееся, несмотря на предательство принца, гибель друзей, начавшуюся войну... Несмотря на все это, он едва не бежал вприпрыжку, потому как знал, что получит массу новых знаний и сведений и чуть-чуть приоткроет для себя тайны мира.

А знаний, и правда, полукровка получал много. Корвус наполнял его голову теорией с неотвратимостью смерти и безжалостностью лесного пожара. Он считал, что в артефакции вообще нет мелочей, а значит, Лариэс просто обязан знать каждую деталь и, особенно, каждую угрозу, таящуюся в науке преобразования вещей.

Список угроз оказался особенно внушительным.

И, конечно же, непрерывные погружения в глубины собственного сознания, куда же без них.

Корвус не допускал своего ученика даже до самых основ артефактной магии, твердя, что перед тем, как сковывающий начинает познавать мир, он обязан познать самого себя.

И раз за разом Лариэс погружался в глубины сознания, пытаясь понять, что же именно он должен там обнаружить.

Сперва это была лишь чернота, лишенная времени и пространства. Затем в ней начали возникать смутные неяркие образы, затем начали мелькать едва заметные воспоминания.

«Интересно, что я увижу сегодня», — подумал он, скача вслед за Древним в лес, расположенный в полумиле от лагеря.

Занятие началось, как и всегда. Лариэс по приказу Древнего вошел в транс, практически полностью отключаясь от мира. Лишь голос наставника не давал ему полностью покинуть эту реальность.

— Как я уже неоднократно говорил, — слышалась речь Древнего, — сковывание — есть способ воплощение порядка в этом мире. Мы — владыки имен — структурируем хаос, превращая его в нечто структурированное, но, одновременно с этим, мы увеличиваем энтропию. Почему?

— Преобразование одного предмета в другой, или наделение обычного предмета возможностями, выходящими за пределы рационального, есть взаимодействие с хаосом первозданным, — отчеканил Лариэс, накрепко зазубренное определение.

— Прекрасно. А что есть преобразование?

— Перераспределение и сохранение чистой энергии.

— Каким образом скованный предмет обретает новые свойства?

— Мыслью и волей артефактора. Они — та сила, что запускает трансформацию.

— Лишь они?

— Нет. Нечто не может быть воздвигнуто в ничто. Для преобразования требуются

якоря, за которые маг способен зацепиться.

— Что есть якорь?

— История предмета, его жизнь, его прошлое. Простая ветка не сравнится с древним мечом, разменявшим тысячу лет.

— Что потребуется для начала процесса?

— Ключ.

— Назови его.

— Истинное имя объекта.

— Хорошо. Итак, у нас есть ключ, якоря, сила. Чего не хватает?

— Энергии, кою надлежит перераспределить и сохранить.

— И откуда же она черпается?

— Отовсюду.

— Точнее.

— Мы перерабатываем жизненную силу существ, саму органическую материю, энергию Изнанки и Грани, способны использовать силовые линии, пронизывающие Интерсис.

Слова отскакивали от зубов быстро и легко. За эти две недели Вороний Король успел изрядно загрузить юношу теорией, знание которой проверял на каждом уроке.

«Зубрежка и медитации. Не так я себе представлял обучение магии», — подумал полукровка, продолжая всматриваться вглубь себя. — «Вот бы еще понять, что я там долен увидеть», — с сожалением подумал он.

— Что ж, продолжим...

И они продолжили. Допрос шел, наверное, час. Или два. Или десять. Лариэс не знал этого. Он находился в состоянии удивительного покоя и умиротворения, практически закрывшись от всего мира. Лишь тоненьки ручеек вопросов наставника, да собственная речь, эхом отдающаяся в ушах, не давали полностью раствориться в бесконечности.

«А я и не знал, что медитация — это так здорово. Вроде ж, еще вчера было по-другому».

Он мысленно улыбнулся этому и продолжил размышлять. Все равно больше делать было нечего.

«Интересно, правильно ли я поступаю, думая во время урока? Разве я не должен полностью опустошить разум? Но, кажется, его величество ничего не говорил об этом. Ну и ладно, тогда продолжу размышлять. Почему, собственно, нет? Это весело. Ха, узнай Игнис о том, что я стал сковывающим, что бы сказала? Эх, надеюсь все же, что она жива, иначе будет очень и очень грустно».

Наставник задал очередной вопрос, он ответил, не отвлекаясь от размышлений.

«Но все-таки интересно, нельзя ли одним глазком посмотреть на то, что творится в первом уровне погружения? Может, все-таки можно взять, ну не знаю, новый меч и попробовать заглянуть внутрь него? Но ведь мне запрещено. А если попросить? Нет, не разрешит. Или разрешит?»

Мысли сменяли друг друга с такой поразительной скоростью, что виконт, пожалуй, даже испугался бы, не находишься он в столь умиротворенном состоянии.

Тем неожиданно была резкая команда:

— Открой глаза!

Ни на секунду ни задумавшись, Лариэс послушно распахнул веки и едва не закричал от резкой боли. Светилась, казалось, вся поляна. Неясные тонкие нити виднелись в деревьях, едва заметно блестела трава, прямо сквозь центр поляны проходил толстый светло-голубой

фосфоресцирующий жгут, устремляющийся в недра земли. Сам Вороний Король пылал яростным нестерпимым светом, от которого хотелось выщарапать себе глаза.

Лариэс посмотрел на ладони — те были пронизаны тонкими лучами.

Он моргнул, и видение исчезло.

Вновь Древний с учеником оказались на едва освещаемой небольшим костерком полянке, укрытой от луны и звезд плотной кроной деревьев.

— Что это было? — прошептал Лариэс.

— Истинное зрение сковывающих, — пояснил Корвус. — Позволяет наблюдать незримое.

— Души мертвых? — поежился полукровка, вспоминая призрачную колонну кающегося.

— Нет, неупокоенные души обитают на Грани, обычно маги их не видят, но ты мыслишь в правильном направлении. Благодаря этому зрению артефакторы способны наблюдать незримые магические линии, что пронизывают все живое в мире. Помнишь ведь, о чем я рассказал?

— Я десять минут назад уже отвечал на этот вопрос, — Лариэс позволил себе легкую улыбку.

— Ну, во-первых, два часа назад, а во-вторых, я и не спрашиваю у тебя ответа. Всего лишь объясняю суть увиденного. Твое погружение в транс стало заметно лучше, благодаря чему и открылось истинное зрение. Ненадолго, всего на несколько секунд, но это лишь начало.

Древний поднялся и потянулся.

— На этом мы закончим. Теории сегодня не будет, все равно закрепить ее не получится. Теперь твоя задача — полностью овладеть истинным зрением. Сперва — через медитацию, затем — по желанию. И только после того, как освоишь этот навык, мы приступим, наконец, к настоящему обучению. А теперь — иди спать. Впереди у тебя нелегкие дни.

Район, который жители Флодстата прозвали Ремесленным, никогда не производил особого впечатления, вот и сейчас, оказавшись за городскими воротами, Орелия не могла сказать, что время, прошедшее с ее прошлого посещения столицы Ривеланда, сильно изменило это место.

Да и сам город, выстроенный на островах, соединенных между собой мостами, казался местечком занятным, но провинциальным до невозможности. Деревянные здания, щепка и солома вместо черепицы, узкие улочки, не высокие ограды.

Это впечатление было обманчивым. Достаточно пробраться чуть дальше, переправиться через реку и выбраться на мощный камень пирс возле живописного озера, как картина менялась радикально. Тут — в Центре, как называли это место северяне — обитали зажиточные граждане, располагались все три городских банка, а также — кафедральный собор, в котором жрецы денно и нощно умоляли Мертвых Богов возродиться после Рагнарёка. Прийти и забрать заблудших детей своих в Вальхаллу.

Здесь же работали целых четыре громадных рынка. На них можно было найти северные меха, рыбу и древесину, южную пшеницу, изделия волукримских и венисских мастеров, экзотические фрукты, доставленные с Бархатных Островов и многое, многое другое.

А еще здесь покупали и продавали информацию, именно поэтому Орелия, едва только ее ноги восстановились в достаточной мере, направилась именно на рынки.

Деньги не были проблемой — Древняя всегда носила с собой небольшой запас драгоценный камней — на всякий случай. Проникнуть в Центр тоже оказалось несложно, даже не пришлось применять гипноз: стражник, получив въездную пошлину, потерял интерес к воину, сопровождавшему монашку, потому как пара эта вообще не бросалась в глаза: обычные кони, обычная одежда, обычные монеты, обычное оружие. Ничего особенного.

И вот теперь, сидя на втором этаже дорогой и престижной гостиницы возле застекленного окна, прикрытого шелковой занавеской и стоившего, пожалуй, столько, что обычный человек мог бы жить на эти деньги не один месяц, Орелия задавалась вопросом: а не слишком ли легко у них все получилось?

Древняя смотрела на возвышавшийся в отдалении замок: могучий, сложенный из обработанных при помощи магии гранитных блоков, грузный и неприветливый, он изрядно подходил для жизни безумной девочки.

«А ведь у нас был шанс спасти Кайсу», — с грустью отметила Целительница. — «Но мы его упустили, и теперь расплачиваемся за свои ошибки. Прошлое, кто бы что ни думал, ничего не забывает и не прощает. Оно настигает в самый неподходящий момент и карает, безжалостно карает».

Погода настраивала на меланхоличный лад: дул промозглый ветер, небо затянули большие серые тучи, а с самого утра накрапывал противный мелкий дождик. Ну, лично Орелии до влаги не было ни малейшего дела — заржаветь она не могла, но в целом впечатление складывалось тягостное.

Целительница взглянула на восстановленную руку. Пальцы все еще плохо слушались, но хотя бы выглядели нормально. Жаль только видимость эта была обманчивой.

«Я не выдержу серьезного боя. Просто сломаюсь», — думала она. — «Проклятье, и

зачем лезу в осиное гнездо, когда нужна там — на юге»?

Нет, умереть Орелия не боялась. Она в принципе давным-давно утратила страх смерти — ничего удивительного для той, что видела, как эпохи сменяют одна другую — но ее пугало иное. Целительница искренне молила Отца о том, чтобы с Игнис все было в порядке. Эта глупая, взбалмошная, страстная, как и все стихийные маги, девочка, слишком сильно полюбила чародейку, просуществовавший больше тысячелетия.

Она пережила бесчисленные легионы юношей и девушек, уходивших во тьму раньше срока, и дико не хотела, чтобы в этом скорбном списке оказалась приемная дочка Корвуса.

«Нет, Кайса не убьет ее. В худшем случае — покалечит и изнасилует, но не убьет», — утешала себя Целительница.

Кто-то мог бы сказать, что смерть — не самое страшное, что может случиться с человеком, но Орелия бы рассмеялась в лицо этому человеку. Смерть — конец всего. После нее не будет ничего, никаких вторых попыток, никаких шансов исправить что бы то ни было.

Посмертие — а она кое-что знала и о нем — не предполагало, обычно, возвращения. Перерождение — да, воздаяние — да, награда — да, забвение — и снова да, но не возвращение. А значит, пока Игнис дышит, еще не все кончено.

За Ридгара она не переживала. Кающийся за свою долгую и насыщенную жизнь пережил немало, так сказать, приключений. Не один и не два раза Древнего брали в плен, проходил он и через страшные пытки, длящиеся годами. Но никакие муки не могли сломить несокрушимый дух великого грешника и никакие стены еще не удерживали его больше чем на пяток лет.

Орелия непроизвольно коснулась указательным пальцем правой кисти, провела по затаенным узорам на металлической поверхности, отдала мысленный приказ, ощущая, как от тела отделяется псевдометалл.

Мгновение, и меж ее пальцев оказалось зажато небольшое обоюдоострое лезвие. Ступившая на Путь Вечности подбросила его, сжала ладонь в кулак и поймала меж костяшек, затем вновь вернулась к созерцанию, продолжая мерно подбрасывать и ловить нож.

Она не смотрела на него, даже не думала об острейшем лезвии, способном навывлет прошибить обычные — не защищенные магией — доспехи. Все мысли Древней сейчас занимало предстоящее проникновение в замок Речной Королевы. Слишком много непонятого случилось за последние месяцы, чересчур большое количество случайностей, противники оказались подготовлены чрезвычайно хорошо.

А значит, права на ошибку нет! Именно поэтому Вилнар отправился собирать сведения и готовиться к тому, что должно свершиться.

Конечно же, у скромного Щита восьмой или девятой в списке претендентов на престол принцессы не было и десятой доли тех возможностей, которыми, к примеру, обладал Лариэс, но и у него в городе имелось несколько осведомителей, пара тайников, и, самое главное, юный ловчий очень хорошо знал Флодстат.

Последнее должно было сыграть ключевую роль в плане, придуманном Орелией. Она прекрасно понимала, на какой риск идет, но останавливаться поздно. Главное — найти и спасти Игнис. После этого — убегать как можно быстрее. Получится отыскать Ридгара — отлично. Не выйдет — Кающийся подождет до следующего раза.

Главное — раздобыть все необходимое для проникновения внутрь крепости, не вызвав подозрения. А понадобится не только альпинистское снаряжение, но также и быстроходное

речное судно, и не факт, что драгоценных камней хватит на покупку. Тогда придется воровать, а это — лишняя трата времени и ненужный шум.

Нож в очередной раз завис под потолком, устремился вниз, и замер, намертво зажатый меж двух металлических фаланг пальцев. Орелия снова подбросила его и присмотрелась к происходящему на улице. К дому наконец-то шла знакомая фигура, укутанная в дорожный плащ с капюшоном.

«Отвратная северная погода играет нам на руку. Человек, закутанный так, что и подбородка не видно, вызовет подозрения на юге, но не здесь. Это хорошо. Послушаем, что же принес нам питомец Изегрима».

В дверь постучали.

— Открыто, — не поворачиваясь проговорила Орелия.

Кинжал задержался меж пальцев, готовый в любую секунду отправиться навстречу потенциальному врагу. В комнату вошел мокрый с ног и до головы Вилнар, за плечами которого покачивалась внушительных размеров торба.

Орелия разжала пальцы и лезвие упало на пол, развеявшись, не долетев до того каких-то пары дюймов.

— Полагаю, удачно? — спросила она.

— Да, о Древняя, — подтвердил ловчий.

— Что ж, хорошо, очень хорошо. Переоденься, обсохни, выпей вина и расскажи о твоих успехах.

Она терпеливо ждала, пока Вилнар развешивал сырую одежду возле горящего камина — Орелия затопила его час.

Переодевшись в сухое, Вилнар налил большую кружку вина и одним глотком уполовинил ее, после чего отставил напиток и пододвинул к своей спутнице торбу.

— Веревка, крюк, ледоруб, еще веревка, скрытый фонарь, работающий от магии, черная одежда, два флакона с ядом, духовая трубка, дротики для нее, набор отмычек.

— Ты, надеюсь, не покупал их?

— Нет, достал из одного тайника. Как знал, что пригодится.

Орелия не стала уточнять, для чего ловчему могли пригодиться, инструменты убийцы — ответ лежал на поверхности. Вместо этого она спросила:

— Что с кораблем?

— Есть один. Небольшой, но очень быстрый. Сумеем за несколько дней добраться до порогов южнее Стора.

— Не продается?

— Не продается.

Древняя вздохнула.

— Как долго хозяин планирует оставаться в городе?

— От силы пару дней — ждет, пока прибудет партия воска.

Это все усложняло, но, справедливости ради, Орелия и не надеялась, что все пойдет по плану.

«Будь я в чуть лучшем состоянии, попробовала бы использовать магию, но сейчас это опасно. Ладно, воровать, так воровать, жизнь Игнис дороже».

— Есть ли какие-нибудь сведения о замке?

— Повышенные меры безопасности. Караулы удвоены, всех свободных от службы магов воды королева призвала к себе. Три сковывающих столицы вместе с учениками также готовы

вступить в бой по первому требованию ее величества.

— Если не путаю, у Ривеланда всего не больше двух десятков артефакторов.

— Меньше. Пятнадцать человек, включая того таинственного королевского чародея, про которого я так ничего и не сумел узнать за время своей службы во дворце.

— Плюс пара учеников и подмастерьей на каждого, впрочем, их можно не воспринимать всерьез. Не изваявший свой Шедевр артефактор слаб в бою... Так, а что с королевой и этим ее придворным магом?

— Королева во дворце, никуда не покидала его со дня прибытия. Про колдуна не знаю, возможно, он сейчас не в городе — кажется, кто-то видел отбытие. Точнее не сказать.

— Ты знаешь, когда именно они прибыли?

— Да, о Древняя. Двадцать девятого июля.

«Этого я и боялась. У Кайсы есть какое-то средство быстрого перемещения, а ведь ни одного Ковчег Ривеланд так и не заполучил. Создали аналог? Невозможно. Прошли по Грани? Еще менее вероятно. Тогда что?»

Ответить на этот вопрос было жизненно важно, ведь если королева в состоянии преодолеть не одну сотню миль за пару суток, то убежать от нее будет весьма непросто...

«Как же не хватает времени!» — раздраженно подумала Орелия.

— Ты хорошо потрудился, отдохни, поешь и выспишься. А я пока подумаю, как мы поступим. И... вот еще что... Удалось ли узнать что-нибудь о Блаклинте?

Лицо юноши омрачилось.

— Ничего, о Древняя. Ее высочество как-будто растворилась.

«Это или очень хорошо, или, что более вероятно, очень плохо. Неужели Кайса убила бедняжку? Не должна была. Надеюсь, Блаклинт не наделала каких-нибудь глупостей».

— Хорошо. Днем попробуй узнать что-нибудь полезное, а следующей ночью мы отправимся в гости к Дикой Розе Севера.

Блаклинт рыдала весь день напролет. В последнее время силы совсем оставили девушку, и она пребывала в подавленном настроении с самого утра и до поздней ночи.

Королева больше не заходила, но это не слишком утешало северянку, которая все глубже и глубже падала в пучину черной тоски и отчаяния. Хуже всего было то, что Игнис решительно не представляла, как можно помочь подруге. Первое время она еще пыталась как-то утешать ее, но никакие разумные доводы не имели действия, и очень скоро она сдалась, ощущая, как безнадежная меланхолия Блаклинт передается и ей.

«Нужно что-то сделать, иначе я просто сойду с ума, или сломаюсь», — скрипя зубами в бессильной ярости думала Игнис. — «А этого допускать никак нельзя!»

В камере было холодно и сыро, и огнерожденная, чтобы хоть как-то расслабиться, решила немного поупражняться. Она вынырнула из-под одеяла и, замерев в центре небольшой комнатки, принялась отрабатывать приемы рукопашного боя, которым их научил в свое время Ридгар.

Мысли о том, что Кающийся сейчас находится где-то под их камерой и, возможно, испытывает невыносимые муки, тотчас же постаралась забрать в голову, но Игнис решительно отвергла их, не давая мерзавкам ни единого шанса.

«Только вера в себя, только надежда на лучшее, никакого уныния. Не хочу сдаваться, как Блаклинт. Не дамся!»

Удар следовал за ударом, и она не успела даже заметить, как согрелась. Неожиданно в комнате что-то изменилось. Девушка остановилась и поняла — Блаклинт перестала рыдать и теперь наблюдала за подругой блестящими от слез глазами.

— Все в порядке? — Игнис попыталась улыбнуться.

— Что ты делаешь? — вместо ответа спросила северянка, потерев распухшие веки.

— Тренируюсь.

— Но зачем?

— Сидеть без дела скучно, почему бы не размяться, — пожалала плечами девушка.

— Можно с тобой?

Блаклинт осторожно поднялась и подошла к Игнис. Та недоуменно взирала на подругу — перемена произошла слишком быстро, даже странно. Впрочем, огнерожденная не возражала против компании.

Как быстро выяснилось, Блаклинт не умела вообще ничего — даже правильно сложить руку в кулак. С одной стороны, чародейке, способной остановить течение крови в теле человека, подобное и не требуется. С другой же стороны — упражнения неплохо прочищали мозги и помогали сосредоточиться. К тому же они помогали скоротать время — когда Игнис опомнилась, за окном уже было темно, а они обе промокли насквозь и тяжело дышали.

Зато настроение Блаклинт заметно улучшилось, и уже одно это безмерно радовало Игнис.

— Вот видишь, а ты спрашивала, зачем, — улыбнулась она подруге.

Та несколько секунд стояла, молча и сосредоточенно кусая губу, раздумывая о чем-то. А затем...

Затем Блаклинт рывком преодолела отделявшее их расстояние и грубо, взасос поцеловала Игнис в губы. Та даже не успела понять, что происходит, когда мягкие руки девушки сомкнулись на ее шее, а приятный аромат разгоряченного тела ударил в нос.

Никакого отвращения — как в случае с Кайсой — Игнис не испытывала, наоборот, приятное возбуждение и желание продолжать. Именно поэтому ее губы ответили на призыв сокамерницы, а руки сами-собой легли той на талию.

Миг, и наваждение пропала, и Игнис, разомкнув объятия, отстранилась.

— Блаклинт, да что на тебя нашло? Что происхо...

И вновь северянка не дала ей договорить, повторно запечатав губы жарким поцелуем.

— Мне страшно, мне одиноко, мне хочется быть с кем-нибудь, — зашептала Блаклинт, оторвавшись от Игнис. — Пожалуйста, не прогоняй меня, будь со мной хотя бы эту ночь...

— И Тариваса ты просила об этом? — Чуть холоднее, чем хотелось, поинтересовалась Игнис.

Блаклинт виновато потупилась, но не разжала объятий.

— Мне было грустно и страшно, он утешил.

«И я даже видела процесс утешения», — подумала Игнис, вспоминая два обнаженных тела, слившихся в одно. От этого воспоминания ее захлестнула новая волна возбуждения. Да, Блаклинт, определенно привлекала огнерожденную, причем уже не первый день. И — да — ей самой тоже страшно, одиноко и хочется быть с кем-нибудь.

Игнис прошептала:

— Расскажешь хоть кому-нибудь, убью.

После чего сама поцеловала глупо улыбающуюся девушку.

Проникнуть внутрь оказалось до смешного просто, хотя ради этого и пришлось лишиться ни в чем не повинных людей жизни.

Увы, но они не могли себе позволить роскошь использовать гипноз Орелии — да и не факт, что он сработал бы — а потому каждый, кто оказывался на пути Древней и ловчего, засыпал вечным сном. Они пробрались через небольшой, но аккуратный парк, прокрались через приоткрытую дверь во внутренний двор, там оказались около толстой дубовой двери, ведущей вниз — в муравейник подземных тоннелей и переходов под замком Иссонов.

Вилнар уже не раз бывал здесь, и он сразу предположил, что искать девушек следует на самых нижних, самых защищенных, самых древних этажах.

Когда очередной лестничный пролет остался позади, и они нос к носу столкнулись с двумя стражниками, Орелия действовала не раздумывая.

Она не вызывала псевдометаллические лезвия — сэкономила силы. Вместо них грудь Древней крест-накрест пересекали две связки обычных метательных кинжалов.

Орелия взмахнула руками, и стражники беззвучно повалились на землю с ножами в шеях. Одного подхватил Вилнар, второго — сама Древняя. Вторженцы заботливо уложили остывающие тела, прикрыв их плащами и проскользнули внутрь.

— Госпожа, у нас проблема, — сдавленным голосом проговорил Вилнар.

Орелия подошла к ловчему, замершему перед массивной дверью, изготовленной из цельного листа железа, которую, собственно говоря, и сторожили стражники.

— Заперто?

— Да.

— И ключей у них нет.

— Да.

— Это логично. Зачем доверять ключи от столь важного места людям, которых можно купить или убить. Я бы тоже носила нечто подобное только с собой.

— Вы не удивлены?

— Меня бы поразило обратное. Речная Королева безумна, но отнюдь не глупа.

— И что же мы будем делать?

— Всего лишь вскроем дверь. — Орелия отодвинула Вилнара и призвала длинное лезвие, которое тотчас же удобно легло в ее ладонь.

— В этом мире мало материалов способны противостоять моей магии, — пояснила она, засовывая лезвие в щель между дверью и косяком. — Учти, сейчас придется действовать очень быстро.

— Почему?

— Как я и сказала, Кайса не глупа, а это значит, на двери должно висеть какое-нибудь сигнальное заклятье, — она помедлила и добавила. — Впрочем, возможно, мы активировали гораздо раньше и сейчас весь дворец готовится к встрече. Но тут уж ничего не попишешь, будем надеяться на лучшее.

С этими словами она резко надавила, и... ничего. Лезвие застряло, не в состоянии войти внутрь.

— Понятно, — невозмутимо продолжила Орелия, — еще и сковывание. Ну, тогда поступим так.

Она перешла к месту, где дверь крепилась в стену, и принялась методично долбить ее.

— К счастью, эти камни — старые, и магия из них выветрилась, — поделилась она

информацией.

Вилнар зачарованно наблюдал за тем, как Орелия пробивала дорогу вперед, наконец, спросил:

— Госпожа моя, разве обычные чары сковывающих могут остановить вас?

— Обычные — не должны, — ответила Орелия, не переставая работать.

Несколько камней уже вывалились, обнажив мощные металлические стержни, на которых и висела дверь, и это обнадежило Древнюю — вряд ли стальной прут тянулся до внешней стены.

— Но учти, я сейчас очень слаба.

«Да и дверь эту усиливал отнюдь не обычный сковывающий», — подумала она. — «Но об этом тебе лучше пока не знать».

Спустя десять минут напряженной работы Орелия смогла прорубить проход достаточный для того, чтобы пробраться через него и двигаться дальше, что они незамедлительно и проделали.

Как ни странно, в этом коридоре не нашлось ничего: ни охранников, ни камер с заключенными. Лишь в дальнем его конце виднелся спуск, которым и воспользовались Орелия с Вилнаром.

На следующем этаже их ждали еще два стражника, разделившие судьбу своих товарищей сверху. Тут, к счастью, магической двери не было, а потому, Орелия с Вилнаром, разойдясь по разным сторонам, принялись методично открывать и закрывать смотровые окошки, пытаясь увидеть Игнис.

— Я...нашел! — воскликнул неожиданно Вилнар и Орелия бросилась к нему.

И правда, внутри комнаты на подушке разметались огненные волосы Игнис. А рядом... Орелии показалось, что зрение начинает подводить ее. Древняя хмыкнула, затем одним ударом снесла дверь с петель.

Нет, глаза не ошибались.

Рядом с Игнис, тесно прижавшись к ней под одеялом, лежала Блаклинт. Осунувшаяся, побледневшая еще больше, но живая и здоровая.

Девушки, вырванные из объятий сна грубыми действиями Целительницы, и сейчас медленно приходили в себя, непонимающе глядя на вошедших.

Первой очнулась Игнис — она с воплем бросилась в объятия Орелии, обхватив ту за шею и повиснув на Древней.

— Орелия. Ты пришла! Ты жива, жива! — Девушка, всю одежду которой составляла легкая ночная рубашка, настолько тонкая, что в холодном воздухе камеры ее соски напряглись и просвечивали сквозь ткань, да маска, созданная Корвусом, которую принцесса, судя по всему, надела перед сном.

— Конечно жива. Что со мной будет? — ответила Древняя, удивляясь, почему это Кайса не отобрала ценный магический артефакт. — Но все разговоры потом — нам нужно бежать.

— Блаклинт, слышишь, мы спасены! — Игнис обернулась к замершей в нерешительности водороденной. — Вставай, собираемся и убегаем, пока еще можно.

— Да, конечно.

Блаклинт поднялась, и Орелия услышала, как изменилось дыхание Вилнара — стало тяжелым, прерывистым, он сглотнул слюну. Целительнице не требовались глаза, чтобы понять — ловчий в данный момент пялится на северянку, вскочившую с кровати в чем мать родила.

«Да чем же они тут занимались? Влияние Кайсы?» — пришла ей в голову несвоевременная мысль, которую Орелия постаралась тотчас же отбросить как можно дальше. — «Плевать, не мое дело»!

— Одевайтесь быстрее, и уходим, — скомандовала Ступившая на Путь Вечности.

Девушки, не заставили упрашивать себя дважды. За считанные секунды они напялили скромные серые платья, после чего они последовали в коридор.

— Ридгар! Мы должны спасти его! — воскликнула вдруг Игнис.

— Игн, нет, нужно уходить! — возразила ей Блаклинт. — Ты же помнишь, что было в прошлый раз.

— Мы обязаны! — не унималась Игнис. — Я никуда не пойду без него!

То, что переубеждать ее бессмысленно, было очевидно с самого начала, а потому Орелия решила рискнуть, тем более что в ее нынешней ситуации помощь Кающегося могла бы оказаться очень кстати.

— Где он?

— Ниже этажом.

— Идем за ним, — приняла решение Орелия и первой побежала по коридору.

Она не стала тратить время на попытку снять ошейники, блокирующие магию стихийных чародеек — знала, что бессмысленно, а вот Вилнар попытался. Но едва только он коснулся металла, обхватывающего лебяжьей шеей Блаклинт, как тотчас же отлетел назад и ударился в стену, будто бы его толкнул невидимый великан.

Орелия, почти добравшаяся до спуска, вздохнула и обернулась.

— Не трать время. Чтобы их снять, понадобится сильный сковывающий. Идем быстрее.

Она спустилась по неровным ступеням и распахнула дверь и оказалась в филиале Ада на земле. Да, огонь успел потухнуть, а пылаемых унесли, но кровь, пропитавшая буквально каждый камень этой страшной комнаты, а также миазмы, страха и смерти, пронизывающие все вокруг, говорили за себя ничуть не хуже оставленных орудий пыток.

Тут работали те, чье призвание было прямо противоположно дару Орелии. Здесь не лечили и воскрешали, а превращали в калек и покойников.

Она, подавив отвращение, быстро прошагала вперед и распахнула еще одну дверь, ведущую в комнату, посреди которой в цепях висел худой жилистый мужчина, обнаженный по пояс.

Он повернул к ней полные боли глаза и Орелия ощутила, как сжимается ее сердце.

— Ори, зря ты пришла сюда, — проговорил Ридгар. — Ой зря.

— Не мели чепухи, — Орелия единым движением срезала кандалы, — я не могла бросить тебя.

Ридгар повалился на залитый кровью и нечистотами пол, с трудом поднялся.

— Я буду обузой, — он вытянул вперед трясущуюся руку. — Узнаешь? Ты не освободишь меня от них, даже отрубив руки и ноги, проткнув сердце и отделив голову с плеч. Они не позволят мне стать Ожившим.

В этом он был прав. Кандалы, сковывающие руки и ноги, были до боли знакомы Орелии. Тот, кто им противостоял, обладал поразительной способностью находить забытые древности.

— Стало быть, Оковы Боли.

— Они самые.

— Понятно.

С этими словами Орелия подхватила Ридгара и, не обращая внимания на протесты, помчалась назад, на лестницу, где уже собрались ее спутники.

— Бежим и очень, очень быстро, — проговорила она, понимая, что, скорее всего, уже поздно.

И они побежали.

На какой-то дикий, полный надежды миг Игнис показалось, что все-таки получится выбраться. Беглецы сумели подняться из дворцовых катакомб и даже добежали до парка. Но на этом все и закончилось — возле ворот уже заняли позиции облаченные в тяжелые доспехи гвардейцы, со стен их прикрывали стрелки и маги воды.

Перед солдатами, скрестив руки на пышной груди, стояла Кайса, а справа от нее — Мелис.

— О, приветик! — ослабилась оборотень. — Чего вы такие живучие? Не, ну серьезно? Могли просто сдохнуть под горой, не создавая никому проблем. А так — смотрите, вломились, кучу народу поубивали, дверь со стеной испортили. Ну разве это нормально?

Из груди огнерожденной был вот-вот готов сорваться безнадежный стон отчаяния, но неожиданно Орелия вышла вперед.

— Слушай меня внимательно оборотень, я скажу это только раз: отойди и будешь жить. Что-то в ее голосе заставило улыбку сползти с лица Мелиса. Возможно ярость, которая пробивалась даже сквозь ровный, лишенный эмоций тон куклы, возможно — нечто иное. Вот только испугать Непобедимого не мог никто на этом свете.

«Никто кроме отца!»

— А ты попробуй, посмотрим, что получится, — он вытащил меч и намеревался было шагнуть вперед, но Кайса сделала своему слуге жест, заставив того остановиться.

— Приветствую вас в моем доме, Древняя, — ровным спокойным голосом поздоровалась она. — Ты ведь понимаешь, что не сумеешь его покинуть?

Орелия ничего не ответила, а Игнис вновь ощутила приступ отчаяния. Внезапно ее плечо пронзила острая боль — девушка полуобернулась и увидела бледную как смерть, Блаклинт. Та вцепилась с такой силой, что казалось, еще немного и кость не выдержит — сломается.

— Спокойно, — одними губами произнесла девушка, из последних сил борясь с собственной паникой, готовой вот-вот проломить хилую плотину надежды.

«Не может быть, что мы не сумеем выбраться. Нет, я не хочу снова оказаться в камере, что угодно, только не это» ...

Вот только умом Игнис понимала, что шансов на спасение катастрофически мало — ни она, ни Блаклинт, ни Ридгар не могли помочь. Странные браслеты, сковывающие руки и ноги Кающегося, лишали того сил.

Ну а Орелия, в этом не приходилось сомневаться, находилась на грани смерти. Вилнар... Конечно, узнать то, что на самом деле он являлся ловчим, было весьма неожиданно, вот только один ловчий мало что может противопоставить такой мощи. Даже при помощи гасителя магии.

— И я приветствую ваше величество. Рада бы погостить, но вынуждена уже убегать — дела на юге зовут.

— Понимаю, — вежливо кивнула Кайса. — К сожалению, не могу отпустить вас, это было бы очень невежливо. Давайте, вы просто сложите оружие и отправитесь обратно в темницу? Тогда позабудем об инциденте, приведшем к гибели нескольких стражников, и ограничиться лишь...небольшим наказанием. Например, поркой.

При этих словах глаза северянки блеснули, и она устремила свой полный похоти и

безумия взор на Игнис.

— Понимаете, мы так и не уладили некоторые вопросы с госпожой Игнис Фейргебор. Я дала ей время на раздумья, рассчитывая на удовлетворение моей просьбы, но эта юная особа злоупотребила добротой и оказанной ей честью. Впрочем, кажется, приняв предложение моей дочери.

Игнис ощутила, как внутри нее все сжимается, а целая щека наливается румянцем.

«Она следила за нами? Ну конечно же! А как же иначе?»

Орелия вздохнула и сделала два шага.

— Ну так что же, благоразумие... — начала Кайса, но Древняя не дала ей закончить.

В ладонях металлической куклы появились, медленно удлиняясь, два тонких прямых лезвия. Их рост остановился, когда каждое достигло размера в два фута.

— Бегите к стене и прыгайте в реку, — приказала Орелия тоном, не оставляющим возражений. — Это единственный шанс.

— Но...

— Никаких но. Если сегодняшней бой станет для меня последним, я хочу, чтобы эта жертва оказалась не напрасной.

С этими словами она рванулась вперед. Туда, где замерли враги.

— Как пожелаешь. — Кайса дала сигнал и стрелки, а также маги разом ударили по Древней.

Громыкнуло так, что у Игнис на миг заложило уши. Все заволочло непонятно откуда взявшимся туманом, а когда тот рассеялся, то перед Орелией возвышалась земляная плита, принявшая на себя мощь вражеской атаки.

— Что хвалишься злодейством, сильный? Милость Божия всегда со мною, — донесся откуда-то справа спокойный голос.

Лишь единожды Игнис виделась с обладателем этого голоса, но навсегда запомнила его. И уже в следующий миг облегчение, дикое, невообразимое, прорвало, наконец, защиту, выстроенную девушкой для спасения собственного рассудка, и она рассмеялась, ощущая, как по щекам текут слезы.

— Рэмирус! Это же Рэмирус! — закричала огнерожденная, не помня себя от радости. — Мы спасены!

А земля меж тем исторгала из себя человека. Был он невысок, худощав, если не сказать — тощ, густая окладистая борода и длинные седые волосы, равно как и простая поношенная монашеская роба, дополняли образ старца, сошедшего со страниц Библии, которую так любили христиане и которая давным-давно перестала сколь-нибудь сильно заботить саму огнерожденную.

Кайса и Мелис замерли в нерешительности, чем и воспользовалась Орелия, стремительно отпрянувшая назад и замершая перед своими товарищами.

А человек, выбравшийся из земли, меж тем неспешно и осторожно двинулся к ней.

— Здравствуй, старый друг, — склонила голову Древняя, когда они поравнялись.

— Да хранит Господь твою душу, святая. Я молился о твоем здравии, — чуть улыбнулся он в ответ. — И, кажется, Он услышал речи недостойного раба Своего. Печалюсь лишь, что нашел вас так поздно — еще чуть-чуть и ты вернулась бы в царствие Его.

— Главное, что ты пришел.

— Да, это так. А сейчас мы покинем сие проклятое место.

Он обернулся к Кайсе и заговорил, и в речи Рэмируса на сей раз не было ни капли

снисхождения и доброты, нет, в ней звенел металл.

— Было сказано: «есть зло, которое видел я под солнцем, и оно часто бывает между людьми». Ты, королева, — худой палец указал на Кайсу, — погрязла во грехе. Я не буду ожидать покаяния, но помолюсь за тебя.

Дикая Роза Севера вмиг растратила все свое спокойствие и благообразность. В ее взгляде не осталось ничего, кроме ярости и безумия.

— Они не пойдут никуда, — прошипела королева.

— От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубила мудрость свою, — спокойно и размеренно отозвался тот, кого именовали Отшельником, после чего он взмахнул рукой, и из земли выросли три дюжины громадных человекоподобных монстров. — Дитя, ты правда думаешь, что пара десятков водорожденных и пяток сковывающих сумеют остановить меня?

Кайса нехорошо усмехнулась, а уже в следующий миг небеса разорвал рев, подобного которому Игнис никогда не встречала.

Подул ветер, яростный и жаркий, несущий в себе отблески существа, что сейчас, сбрасывая остатки магической маскировки, пикировало прямо на Отшельника.

Существа, которого не могло и не должно было быть.

Повелителя небес! Дракона! Владыки всех оборотней Интерсиса!

Девушка зажмурилась, ожидая сокрушительной волны пламени, которое выкосит ее друзей, оставив саму огнерожденную невредимой, однако вместо этого раздался лишь вопль, полный ярости и боли, и ее вновь обдало волной горячего жара.

Открыв глаза, Игнис увидела бьющий в небеса гейзер из каменного крошева, возникший прямо посреди двора. Именно эти камни, выстреливаемые вверх со скоростью пули, пущенной из волукримского мушкета, не позволяли дракону спуститься и, судя по его воплям, причиняли серьезное неудобство.

Это очень не понравилось Мелису.

— Ах ты тварь! — взревел оборотень и, отбросив меч в сторону, понесся на Древнего, на ходу принимая звероформу. Вслед за ним в драку устремились почти два десятка мужчин и женщин, и все они на ходу преображались. Каких звероформ тут только не было: и рысь, и лиса, и куница, и орел, и волк, и даже заяц!

Такое количество обитателей Темного леса могли бы напугать кого угодно, но Отшельник не дрогнул. Вместо этого он призвал еще земляных големов и натравил своих марионеток на монстров, не давая тем пройти дальше. Одновременно он продолжал атаковать дракона и, как будто этого мало, ударил по водорожденным и сковывающим.

Множество мелких камней устремились в сторону людей, заставив тех укрыться за барьерами.

— А теперь бежим! — заорал Древний и первым подал пример, сорвавшись с места и устремившись к западной стене, упиравшейся, как помнила Игнис, в реку.

На ходу он вытянул руку и сжал ее. Стена, однозначно укрепляемая сковывающими, разлетелась каменными брызгами, которое тотчас же устремилось во врагов Древнего.

Говоря начистоту, Игнис была шокирована. Она знала, что чем дольше живет стихийный маг, тем больше его могущество и тем точнее он контролирует собственный дар... Но даже она не рассчитывала увидеть столь сокрушительную мощь. Отшельник сражался с тремя десятками чародеев, парой дюжин оборотней и не давал этой силище даже носа высунуть, не то что нанести ответный удар.

Когда они с Блаклинт уже добежали до пролома, сзади донесся яростный вопль Кайсы:
— Не уйдете!

И в их сторону устремился сметающий все на своем пути водный поток, но было уже поздно — Рэмирус топнул, и небольшой кусок камня вдруг поехал, все набирая и набирая скорость.

— Держитесь! — прокричал Отшельник и, не говоря больше ни слова, повел свой импровизированный плот прямо в воду, туда, где на волнах качалось небольшое судно.

— Это же наш корабль! — воскликнула Орелия.

— Я знаю, — ответил ей Древний, — и мы поплывем на нем.

Камень, точно насмехаясь над законами природы, поднялся из воды и замер на уровне борта, позволяя всем перейти на лодку, после чего погрузился на дно. Вилнар тотчас же бросился к снастям, ставя паруса, а Рэмирус занял место рулевого, непрерывно продолжая бомбардировать крепость булыжниками и отправляя в бой все новые и новые отряды големов.

Дракон попытался было еще разок приблизиться к ним, но получил здоровенным камнем по голове и улетел куда-то прочь, виляя из стороны в сторону.

Попутный ветер наполнил паруса, и лодка быстро заскользила по водной глади, унося свою команду прочь.

Тут и там звенели колокола, звучали сигналы тревоги, солдаты бежали к стенам, а жители, наоборот, прятались по домам, но это уже не имело значения, потому как они вырвались из ловушки.

Кошмар наконец-то закончился, и утомленная Игнис упала там же, где и стояла, а уже спустя секунду она спала.

Пробуждение оказалось болезненным — голова буквально раскалывалась на части. Игнис осмотрелась по сторонам и не смогла сдержать вздоха облегчения — ни единого следа погони не было видно. Корабль мерно шёл вниз по течению, ведомый ветром, широкая река с обеих сторон подгоняла судно, все увеличивая разрыв с преследователями.

Огнерожденная поднялась и осмотрелась по сторонам. Орелия о чем-то беседовала с Ридгаром, который сидел, прислонившись к борту и выглядел не слишком здоровым, Блаклинт спала, положив голову на колени Вилнара, спиной опиравшегося на мачту, а Рэмирус стоял возле руля и управлял судном.

Выглядел он неважно — волосы спутались, глаза поблекли, возможно, даже похудел на пару фунтов, хотя сказать наверняка девушка не могла. Она поднялась и, стараясь не беспокоить окружающих, подошла к чародею.

— О Ступивший на Путь Вечности, я еще не успела поблагодарить тебя за спасение.

— Возблагодари не меня, а Господа нашего, — наставительно, хотя и уставше, ответил ей Отшельник. — А еще отца. Если бы не настойчивость Корвуса, я ни за что не покинул бы своего убежища.

Рэмирус ушел от мирских забот в добровольное отшельничество чудовищно давно. Еще до Войны Великих Жнецов. Сотни лет этот святой человек обитал вдали от мирских страстей, где-то в невообразимой глухомани. Он питался чем Бог на душу положит, молился за простых людей и покидал свое убежище лишь когда настаивали действительно черные времена.

«Что ж, новая Последняя Война отлично подходит под это определение», — горестно подумала Игнис.

— Вы же знаете, я не верю в бога. Ни в одного.

Отшельник кивнул.

— Знаю и молюсь, чтобы однажды ты вновь уверовала.

Игнис вместо ответа провела рукой по тряпкам, скрывавшим лицо, поправила их, после чего решила сменить тему.

— Долго я пробыла без сознания?

— Проспала, ты хотела сказать, дочь моя?

— Да, проспала.

— Около суток.

Произведя некоторые подсчеты, девушка прикинула, как далеко они смогли уйти от города, и уточнила:

— Мы где-то в окрестностях Стора?

— Да, через час-другой уже станет видно сей град великий.

— И нас там будут ждать.

Отшельник кивнул.

— Мы обойдем Стор по дуге. — К разговору подключилась Орелия.

Они с Ридгаром, который был все так же слаб и не мог передвигаться самостоятельно, подошли к ним.

«Это — трата времени», — подумала Игнис с опаской. — «Королева не глупа, она пустит в погоню все, что только сможет».

Так, очевидно, считали и другие, потому что Рэмирус проговорил:

— Крюка не будет. По крайней мере, большого. Я провезу корабль по земле.

— Ты в одиночку едва не размолотил крепость Кайсы, отбиваясь сразу от половины ее магов и толпы оборотней, — хрипло, с трудом разжимая губы и морщась каждый раз, когда произносил слово, возразил Ридгара. — Выгоришь.

— Моих скромных сил хватит, — безапелляционным тоном ответил Древний, закрывая вопрос. — Наша главная задача сейчас — как можно быстрее добраться до притоков Латы. Нужно попасть в Лес Гарпий. Там нас не достанут.

— Это самый очевидный маршрут, его перекроют, — заметила Орелия. — Предлагаю прорываться на юг. Если через полдня пути от Стора взять чуть восточнее, а потом — южнее, можно будет выбраться на реку Грумлиг, если я правильно помню географию этих мест, а оттуда — прямым ходом на юг, на границу с Дилирисом.

— Ты думаешь, нам там будут рады?

— Если верить последним новостям, которые мы подслушали в тавернах, почти половина Дилириса уже под контролем Вороньего Короля. Ну а если что, всегда можно будет свернуть на юго-запад — в Виннифис. Если совсем прижмет, бросим корабль, обзаведемся лошадьми и продолжим уже верхом. Они не сумеют нас отловить.

— Но обязательно постараются, — добавил Ридгар.

— А что будет потом? — спросила вдруг Игнис. — Когда мы доберемся до отца?

Повисло долгая неприятная пауза. Ее наконец разорвал Отшельник.

— Я попробую воззвать к разуму Лория. В конце концов, этот мальчик — мой далекий потомок.

— А если это не сработает?

Отшельник посуровел. Его пальцы сжались на штурвале так, что тот жалобно скрипнул.

— Если не сработает, то я возьму на себя грех и помогу твоему отцу отправить миллионы невинных душ к Господу. Во имя будущего, во имя веры. Во имя окончания этого безумия!

Весла тихо скрипели в уключинах, вокруг плескалась вода, вдалеке мерцали огоньки факелов на башнях портовых укреплений. Лариэс старался особо не думать о том, что будет, если их заметят. Выбора все равно не оставалось никакого — других способов проникнуть в Сентий попросту не существовало.

Они на всякий случай проверили, можно ли, например, нагло войти через ворота или перелезть через стену. Ни один из этих вариантов не годился совершенно — гарнизонные были утроены, причем солдаты, злые и задерганные, и не думали нести службу, спустя рукава. Нет, они с пристрастием досматривали каждого входящего, а любой, кому это не нравилось, рисковал получить в лучшем случае тупым концом копья по лицу.

Именно поэтому Лира — самая неприметная в группе — купила небольшую рыбацкую лодку, и, дождавшись ночи, они отправились в город.

Лариэс налегал на весла и прислушивался — не раздастся ли вой трубы, не начнут ли кричать люди, не послышится ли знакомый шелест стрел и грохот пушечных выстрелов? Подступы к порту защищал новый форт, выстроенный на небольшом островке, закрывающем вход в бухту, и именно мимо него сейчас предстояло проскользнуть.

С каждым гребком каменная громада становилась все ближе и ближе, и вот, невысокая, но чудовищно толстая стена, предназначенная для того, чтобы выдерживать пушечные выстрелы на протяжении множества часов, оказалась слева от них. Лариэс затаил дыхание и старался грести так тихо, как только можно, не вынимая весел из воды, чтобы ни единый всплеск не вспугнул стражников. К счастью, его изувеченная рука могла держать весло, иначе стало бы совсем грустно.

«Господи, если ты слышишь, помоги нам проплыть мимо. Не ради меня — клятвопреступника и предателя, а ради девушек, которые ни в чем не виноваты. Умоляю, помоги!»

И, кажется, Творец смилостивился — медленно, чудовищно медленно, форт растворялся вдали, а причальные огни, напротив, все приближались.

Еще полчаса такой изматывающей, напряженной дороги, и их суденышко с тихим стуком прибило к камням низкого лодочного пирса. Лариэс, за все это время, не проронивший ни единого слова, первым выбрался на сушу, помог девушкам и Эрику. Затем, накинув капюшон на голову, чтобы скрыть мохнатые кисточки на кончиках ушей, он двинулся вперед, выбирая самые темные и неприметные углы.

Порт и посреди ночи кипел жизнью, бурной, непристойной, опасной. Но у лихого разгула имелся один большой плюс — никому ни до кого тут не было дела. Ну, если, конечно, не возникало желания подраться, совокупиться, или ограбить ближнего своего.

Ширина плеч Лариэса и злобный вид отпугивали людей, а потому из порта они выбрались без особых приключений.

Только пройдя под старыми, распахнутыми настежь воротами, отделявшими Нижний Город от порта, Лариэс сумел чуть-чуть расслабиться и оглядеться.

Сентий... такой родной и такой далекий... Его город. Отобравший все, подаривший еще больше, навеки отпечатавшийся в сердце.

«Город, который я предаю и преподнесу на блюде Вороньему Королю — человеку, чьим именем пугают детей. И мне этого не простят. Никогда!»

Эти невеселые мысли напомнили полукровке о том, что он прибыл сюда не прохладиться.

— Идем, — распорядился Лариэс, оборачиваясь к товарищам.

— К капитану Сервусу? — шепнул Эрик.

— Нет, к нему сейчас слишком опасно.

— Тогда куда? — недовольным тоном поинтересовалась Лира.

— Узнаете.

Они некоторое время петляли по запутанным городским улочкам — бывший Щит принца старался убедиться, что никто не следит — все ближе и ближе подбираясь к цели. Наконец, Лариэс замер перед до боли знакомыми массивными дверьми, ведущими во двор кузницы.

На миг он в нерешительности замер, затем, собрав всю волю в кулак, постучал.

Некоторое время ничего не происходило, затем послышались тяжелые шаги и из-за ограды донесся голос:

— Кто там?

— Это я, Руфин.

Молчание.

— Открой, пожалуйста.

Молчание.

Лариэс ждал.

Наконец, дверь скрипнула и приоткрылась ровно настолько, чтобы через нее мог протиснуться человек. Лариэс кивком головы показал остальным, что те должны идти первыми, и когда все трое скрылась внутри, прошел сам. Дверь с лязгом захлопнулась за его спиной, скрипнул засов.

Руфин стоял, сжимая в одной руке магический светильник, а в другой — кузнечный молот.

— А я думал, что ты ненавидишь магию, — улыбнулся Лариэс.

— Иногда она бывает полезна, — проворчал мастер оружейник, беззастенчиво разглядывая вошедших.

Лиру кузнец удостоил лишь мимолетного взгляда, на Лариэсе задержался, изучая того медленно и настороженно, Эрику приветливо кивнул — Волк тоже был его клиентом, но больше всего внимания было уделено Алиссии. И тут не было ничего удивительного — ее в городе знали почти так же хорошо, как и Орелию. Благо, людей, родом с Бархатных островов во всем огромном Сентии жило от силы пара тысяч, и даже на их фоне Алиссия выделялась.

Чернокожая ученица Древней славилась не только своей неземной красотой, но и ангельским нравом, а также готовностью помочь каждому нуждающемуся. Не один и не два негодяя пытались воспользоваться этим, дабы потешить свою плоть, но результат подобного всегда оставался неизменным — кошмарная смерть настигала неудачливых насильников. Простой люд уважал ученицу Целительницы почти так же, как и Древнюю, и любой глупец, попытавшийся посягнуть на здоровье или честь Алиссии, очень быстро жалел о своей опрометчивости.

Впрочем, поговаривали, что дочь Бархатных Островов и сама умела показать острые зубки. Правдивость этих баек лично у Лариэса вызывала вопросы — телосложением Алиссия, в отличие от той же Лиры, ничуть не напоминала опытного воина, но сбрасывать их со счетов он бы не стал. Мало ли чему Целительница успела обучить девушку.

— Идемте, — глухо проговорил Руфин. — Кажется, разговор нам предстоит долгий и непростой.

Он отвел их на кухню, налил вина, после чего уселся напротив, первым выпив из кувшина и сказав:

— Парень, я слышал, что ты погиб на востоке, героически защищая его высочество от изначальных.

Лариэс негромко и очень грустно рассмеялся.

— Надо же, вот что они говорят. Спасибо его высочеству, такую красивую легенду выдумал.

— Видимо, на самом деле все обстояло несколько иначе?

Лариэс вытянул изувеченную правую руку.

— Видишь?

Руфин внимательно осмотрел ее и скривился.

— Фехтовать ты уже не будешь. Пальцы срослись кое-как, кисть и предплечье — сплошное горе. По-хорошему, нужно дробить и пересобрать все заново.

— С ногой дела обстоят ничуть не лучше. И раздробить не выйдет — слишком все переломано. Да и ребра до конца еще не зажили. Хорошо хоть, легкие не пробиты, но и без этого приятного мало.

— Прими мои соболезнования.

— Не страшно, я жив — это главное, — отмахнулся Лариэс.

— Мне следует знать, как ты получил раны?

— Следует. Его высочество наступил мне на руку, чтобы скинуть со скалы. Я остался жив лишь благодаря гарпии по имени Аелла, которая, пожертвовав крыльями, смягчила падение. Я сломал ногу и несколько ребер, ну и добил правую руку.

— О Господи! — Руфин приложился к кувшину с вином и его кадык заходил взад-вперед. Сделав громадный глоток, он воззрился на юношу. — Рассказывай парень, рассказывай мне все!

Ночь заканчивалась, когда Лариэс закончил свою печальную историю. Когда последнее слово было произнесено, а просьба — озвучена, Руфин, словно постаревший на несколько лет, сидел, обхватив голову руками. Из его глаз катились слезы, и этот сильный мужчина, способный одним ударом убить человека, ничуть не стеснялся их.

— Ты сможешь? — тихим бесцветным голосом спросила Алиссия. — Ради моей учительницы? Ради всех тех, кого она вытащила с того света? Ты позовешь Сервуса?

Молчание.

— Руфин, я пойму, если ты откажешься, — сказал Лариэс. — И не осужу тебя. Просто скажи: да или нет?

Мастер оружейник отер слезы и взглянул на своих гостей. В глазах его читалась негибкая решимость.

— Сегодня к обеду он появится здесь. Если вы хотите пригласить кого-то еще — поспешите. А пока, гостевые комнаты в вашем распоряжении, ты знаешь, где они.

— Спасибо, друг, — от души поблагодарил старого товарища Лариэс. — Тогда мы пойдем.

— Идите. А я должен посидеть тут...

Он поднялся, подошел к шкафу и извлек из того еще один кувшин с вином. Заметил неодобрительный взгляд Лариэса и отмахнулся от него, как от назойливого насекомого.

— Нечего мне тут зыркать. Иди, давай. Я хочу напиться! Сразу после этого — отправлюсь за капитаном!

Лариэс кивнул и оставил Руфина уничтожать запасы спиртного.

— Он не сдаст нас? — тихо спросила Лира, когда они покинули жилище старого друга.

— Руфин? Исключено.

Они разместились в одной из гостевых комнат, после чего Эрик и Алиссия отправились искать Сайориса и Гая Пилума, ну а Лариэс оказался предоставлен сам себе. Он не решился мешать Руфину, а Лира в принципе была не самым лучшим собеседником.

Время тянулось медленно, лениво, нехотя. Лариэс, не находивший себе места от волнения, выбрался из комнаты и бродил взад-вперед по кузнице, пытаясь заняться хоть чем-нибудь. Иногда он садился медитировать, пытаясь развивать истинное зрение, но надолго терпения не хватало. Все естество юноши желало действовать. Делать, что угодно, лишь бы отрешиться от сводящего зубы беспокойства за Алиссию. Да, они с Эриком отправились на крайне опасное задание, но насчет Волка, в принципе, виконт не волновался — тот и без одной руки был бойцом, да и шел он, все-таки не в воровской притон.

А вот ученица Орелии отправилась туда, куда лучше не попадать добропорядочным гражданам. Да, ее наставницу уважали, но все же... Бандиты — есть бандиты. Хотя, справедливости ради, следовало отметить, что Сайорис заметно выделялся на фоне собратьев по ремеслу. Как минимум тем, что был все еще жив и даже осуществлял свою деятельность.

Среди людей, живших за пределами Сентия, ходили байки насчет таинственной и могучей Воровской Гильдии. Этакого цеха, объединявшего в себе каждого преступника города. В Гильдии опытные воры натаскивали новичков, в ней можно было найти наемного убийцу, который, выполнив свое грязное дело, естественно, отчислял часть выручки в цеховую кассу, она запустила свои многочисленные щупальца во все сферы жизни столицы Дилириса и далеко за ее пределы и так далее, и тому подобное, и все в том же духе.

На самом деле, подобные байки, естественно, являлись полным, форменным, идиотским бредом. Никаких цехов душегубов, разбойников и карманников не было и быть не могло. И причина этого крылась отнюдь не в том, что честные цеховые мастера попросту не потерпели бы такой мерзкой насмешки над братством на клятве! Нет, все было гораздо, гораздо проще. Даже Сентий — крупнейший город мира с населением почти в двести тысяч человек — был не настолько многолюден для того, чтобы в нем могло существовать нечто подобное. Да, тут иногда сколачивались банды, которые вылавливались и показательно вешались в полном составе стараниями капитана Сервуса, тут процветала контрабанда, тут работали десятки купален, а по факту — борделей, тут всегда следовало тщательно придерживать кошелек и не ходить переулками. Да и найти душегуба можно было за пару часов. Все верно. Вот только карманники, шлюхи, разбойники, убийцы и прочие отбросы не собирались ни в какую там Гильдию. Они просто избивали, воровали, трахались, взламывали замки и убивали. Без какой бы то ни было централизации, клятв и прочей ерунды.

Однако же, при всем при этом, Король Попрошаек действительно существовал, и — это правда — все те, кто просил милостыню, отдавали ему часть своего дохода. И Король этот до сих пор не был вздернут на перекладине.

Почему?

Ответ на этот вопрос казался Лариэсу очевидным. Попрошаек не замечают, а они, напротив, часто наделены отменным слухом и весьма внимательны. Они есть почти везде, кроме, конечно же, Старого Города — ни один здравомыслящий нищий не будет пытаться пролезть за последнюю линию стен, потому как знает: там, где обитают толстосумы, его не ждет ничего хорошего. А потому, он просит подаяние где-нибудь в местах попроще. Просит, слушает, запоминает.

И это очень выгодно тем, кто следит за порядком. Капитану Сервусу и его городской страже, гвардейцам королевы и принца — даже у Лариэса было несколько осведомителей из числа нищих, и, конечно же, Теням. Единственная причина, почему организация Короля Нищих существовала, заключалась в его полезности. Но это-то и пугало.

Да, если Короля получится перетащить на свою сторону, войска Волукрима, скорее всего, захватят большую часть города практически без штурма и потерь. Но это «если». С такой же вероятностью владыка всех нищих Сентия может поступить иначе — сдаст изменника, а также невероятно ценную ученицу Древней, теоретически способную восстановить зрение его высочества.

При иных обстоятельствах Лариэс ни за что не решился бы просить его о помощи, вот только выхода не осталось. Во-первых, сил и возможностей одного только капитана могло не хватить — сейчас за ним наверняка приглядывали несколько Теней. Ну а во-вторых, Лариэса и его товарищей, однозначно, уже успели заметить и, возможно, опознать, многочисленные соглядатаи Сайориса. А потому, если не получится договориться, их план в любом случае обречен. Стало быть — переговоры, переговоры и еще раз переговоры.

Знать бы еще, когда они начнутся!

Лира, все это время дремавшая возле потухшего горна — а кроме них двоих в кузнице не осталось никого, Руфин благоразумно отправил дочку в город по делам, — встрепенулась.

— Кто-то идет, — произнесла она.

И правда, возле ворот послышались шаги, затем кто-то постучал.

Лариэс осторожно подошел и, стараясь говорить так, чтобы его нельзя было узнать по голосу, спросил:

— Кто?

— Мы, — услышал он ответ Алиссии.

Выдохнув от накатившей волны облегчения, Лариэс аккуратно открыл дверь и впустил ученицу Древней, следом за которой шел добродушного вида дородный дядюшка с окладистой седой бородой и густыми волосами, ниспадающими на плечи.

Выглядел он как святой Николай, где-то растерявший свою упряжку с оленями и мешок подарков, но подобравший пару кинжалов дозволенной простолодину длины.

Одет он был просто, но очень, очень дорого. Обычный человек никогда не уловил бы этого, но Лариэс, выросший во дворце, на глаз определил качество сукна, стоимость кожи, пошедшей на сапоги, и материал, из которого был изготовлен плащ.

— Приветствую, господин, — склонил он голову в четко выверенном поклоне дворянина по отношению к богатому простолодину.

Как бы сильно им не была нужна помощь этого головореза, Лариэс не намеревался демонстрировать слабость. Прожив несколько лет на городских улицах, он прекрасно знал, что подобная публика ценит исключительно силу.

— Доброго дня тебе, бывший Щит, — сухо ответил тот.

Лариэс с трудом сдержал улыбку.

— Проходи, господин, располагайся, мы ждем еще двух участников.

— Сервуса, небось и кого-нибудь из гвардии принца?

Лариэс бросил короткий взгляд на Алиссию, но та лишь развела руки, показывая таким образом, что ничего не говорила. Впрочем, догадаться было несложно и так.

— Ладно, можете не отвечать, господин бывший Щит.

Ни малейшего почтения ни к прошлой должности, ни к благородному происхождению собеседника он не испытывал, и, если говорить честно, Лариэса это вполне устраивало.

— Скажите, а вы понимаете, о чем я хочу попросить?

Колючий неприятный взгляд главаря банды казалось, проникал в самую душу.

— Догадываюсь, но придержу мысли при себе до тех пор, пока вы все не расскажете. Сами понимаете, господин мой, думать можно что угодно и о чем угодно.

«Что ж, справедливо. А если ему что-то не понравится, то я вряд ли доживу не то, что до вечера, а даже до следующего часа»

— Можно один личный вопрос?

— Слушаю.

— Почему вы пришли? Могли ведь задержать госпожу Алиссию у себя и отправить пару человек во дворец, чтобы сюда пригнали сотню-другую гвардейцев.

Король Попрошаек посмотрел на Лариэса, как на малолетнего дурачка.

— Задержать? Алиссию? — он запрокинула голову к нему и расхохотался громко и задорно. — Вы что, совсем ничего о ней не знаете?

— Дядюшка, пожалуйста, — тихо попросила чернокожая красавица.

— Прости, доченька, увлекся, — с нежностью и даже любовью в голосе произнес головорез. — А пришёл я по двум причинам. Для начала, у меня есть долг перед ее, — Король Попрошаек указал на Алиссию, — матью. Долг, который нельзя выплатить деньгами. Во-вторых, мы — все, кто живет в Сентии, очень сильно обязаны Целительнице, и я просто не мог игнорировать призыв ее ученицы. Ясно?

— Нет, не ясно, — Лариэс не отвел глаз, продолжал смотреть на всесильного правителя нищих столь же яростно и бесстрашно, как и всегда, — мать Алиссии давно мертва. Орелия, возможно, тоже. По крайней мере, никаких ее следов найти не получилось. Много ли стоят обязательства, данные мертвецам?

Все напускное добродушие вмиг слетело с бандита и тот, сделав пару шагов, навис над Лариэсом, разглядывая того, будто бы жука, пришпиленного булавкой к дощечке.

— А ты сам ответь, мальчик. Дорого? М?

— Да. — И вновь Лариэс не отступил, хотя этот мужчина вызывал уважение и даже трепет. — Дорого. Для меня.

— И для меня тоже.

Сайорис собирался произнести что-то еще, но его прервали шаги возле ворот. Людей, судя по шагам, было больше двух.

Лариэс напрягся, Лира, как он заметил краем глаза, тоже встала, положив ладонь на рукоять меча.

Дверь аккуратно приоткрылась, и внутрь шмыгнул Эрик, а вслед за ним вошел Гай Пилум. Этот невысокий плотно сбитый воин всегда привлекал взгляды девушек и своей смуглой кожей, и ярко блестящими карими глазами, и черными, как ночь, курчавыми волосами. Говоря начистоту, было в потомке древнего и благородного рода что-то от

выходца с Бархатных островов, и это нечто манило... Вот только любил и уважал Гая Лариэс отнюдь не за внешность.

Этот чувствительный и мягкосердечный человек был отличнейшим администратором и управленцем, а также — крайне недурственным фехтовальщиком. Впрочем, оставляя товарища в столице, Лариэс рассматривал его именно как человека, способного управлять гвардией, если что-нибудь произойдет с ним самим.

Когда Гай увидел своего бывшего капитана, то губы его задрожали и он, быстрым шагом подойдя к полукровке, заключил того в порывистые объятия.

— С возвращением, капитан, — прошептал дворянин, отстраняясь и немного смущенно отводя взгляд.

— Спасибо, Гай, — улыбнулся Лариэс. — Как вы тут?

Лейтенант гвардии сделал неопределенный жест и грустно улыбнулся.

— Сойдет. Эрик немного рассказал мне о случившемся, но я хотел бы послушать всю историю целиком.

— Так и будет, но сперва мы должны дождаться последнего участника нашего небольшого собрания. А пока что я познакомлю тебя с присутствующими.

Не успел Лариэс представить товарища всем, кто уже сидел в кузнице, как дверь в очередной раз открылась, впуская новых людей.

Первым во дворе появился Руфин, а уже позади цокая окованными железом каблуками, вошел капитан Корнелий Сервус.

Лариэс и раньше встречался с этим выдающимся во всех смыслах человеком, и в который раз не сумел не поразиться его выдержке и стати. Высокий — практически одного с Лариэсом роста — шириной плеч он заметно превосходил юношу, который также никогда не жаловался на недостаток мускулов. Пожалуй, габаритами капитан городской стражи мог соперничать с Непобедимым, хотя и был не столь волосат, как Мелис: лицо, вытесанное словно из камня, всегда было гладко выбрито, седеющие волосы — аккуратно подстрижены. Ни усов, ни бороды капитан не признавал, и злые языки поговаривали, что даже там, внизу, он гладкий, точно младенец. Впрочем, подтвердить последнее не мог никто — Сервус, человек железной воли и выдержки, не обладал вообще никакими слабостями, и считал посещение жриц любви, а также интрижки недостойным настоящего мужчины занятием.

Хотя нет, одна слабость у капитана все-таки имелась — чрезмерная жестокость. Не одного и не двух преступников он лично запытал до смерти, стремясь выбить нужные сведения, либо — что куда страшнее — наказать. Впрочем, чтобы удостоиться подобного, следовало действительно отличиться, совершить нечто омерзительное и кошмарное.

«Интересно, а не подвергнет ли капитан подобному наказанию меня — за измену и клятвопреступление? За сражение в рядах вражеской армии? За хождение по снам под руководством Кающегося и изучение магии вместе с Вороньим Королем?»

Впрочем, последнее — маловероятно. Человек вроде Сервуса просто обязан был уважать людей, похожих на Ридгара и Корвуса.

Сервус медленно оглядел собравшихся и его брови взметнулись вверх.

— Господин Лариэс, госпожа Алиссия, господин Сайорис, госпожа, — секундная пауза, — Лира... Надо же, ученица самого Кающегося... Это вдобавок к господам Руфину, Гаю Пилуму и Эрику Шисскому. Кажется, разговор нам предстоит непростой, как ты и говорил, Руфин.

У Лариэса от сердца отлегло. С Сервуса стало бы наброситься на них всех, ничего не

спрашивая, однако любопытство победило, а значит, есть шанс.

— Следуйте за мной, — распорядился Руфин, — поговорим в доме.

Они удобно расположились вокруг большого стола, на который хозяин поставил кувшин с вином, кружки и миску, полную свежего винограда. Никто не притронулся ни к напиткам, ни к угощению.

— Итак, — заговорил Сервус. — Виконт Лариэс Венатский, Щит принца, командир гвардии его высочества. Живой и, — его взгляд метнулся к изувеченной руке, — по большей части невредимый тайно проникает в столицу королевства в сопровождении дам, покинувших эту самую столицу при не очень веселых обстоятельствах, а также собственного лейтенанта, считавшегося пленником Вороньего Короля. Вопрос: почему верный слуга его высочества не вернулся домой через ворота, широко подняв голову и расправив плечи? Отчего он воспользовался, — Сервус на мгновение помедлил, прикидывая варианты, — водными путями, точно контрабандист? Что произошло во время путешествия на восток?

— Я расскажу вам все, как вчера Руфину, — пообещал Лариэс. — Для того и позвал. Не когда закончу — потребую ответа.

— А если он тебе не понравится?

— Кто-то умрет. Либо вы, либо мы.

— Даже так? — Сервус демонстративно накрыл ладонью рукоять меча.

Фехтовальщиком он был не самым умелым, однако Лариэс в своем нынешнем состоянии мог и не мечтать справиться с могучим гигантом и оба мужчины прекрасно понимали это.

— Почему? — Король Нищих задал лишь один вопрос.

— Потому что Таривас и Кэлиста больше не мои господа, а Дилирис — не моя страна. У меня теперь новый хозяин.

— Хозяин? — уточнил Сервус. — Не господин?

— Я дал клятву верности, свободы и жизни. Так что — да, хозяин, король и учитель.

Капитан стражи бросил короткий взгляд в сторону Алиссии и так кивнула, подтверждая правдивость слов Лариэса.

— И кому же ты принес столь могущественную клятву, позволь узнать, Лариэс?

— Ступившему на Путь Вечности Корвусу.

В помещении сразу стало тихо и очень неуютно.

Сервус сжал кружку с вином и залпом осушил ее. Крякнул и, вытянув вперед длинную руку, вновь налил из кувшина, затем откинулся на спинку кресла, которое жалобно заскрипело под его весом и приказал:

— Рассказывай.

И Лариэс в очередной раз рассказал. Все.

Когда он закончил, Сервус не просто ругался, нет, он матерился, точно портовый грузчик, при этом ни разу не повторяясь. Лариэс и не подозревал, что барон может знать такие выражения, однако Сервус их весьма умело употреблял их.

Гай, надо отдать ему должное, держался достойнее, хотя его лицо и приобрело мертвенно-бледный оттенок.

Лишь Сайорис выглядел все таким же спокойным и собранным, и тут для Лариэса не было ничего удивительного. Чтобы удивить бандита вероломством, следовало сделать нечто совсем уж выдающееся в плане мерзости.

Наконец, капитан городской стражи прекратил браниться и спросил:

— А теперь ответь, Лариэс, чего ты хочешь? — Его глаза, злые и пронизательные, сейчас горели такой неугасимой яростью, что полукровке на миг даже стало страшно, а ну как этот неукротимый мужчина сейчас бросится на него.

«Но страх смерти не остановит меня. Я и так уже мертвец, а потому буду делать то, что должно».

— Я хочу покарать вероломных предателей. Я хочу, чтобы те, кто подтолкнул мир к новой Последней Войне ответили за свои преступления. Я хочу спасти жителей Сентия от гнева его величества Корвуса. Я хочу, чтобы вы помогли мне открыть ворота.

— Еще недавно ты говорил, что Дилирис больше не твоя страна, с чего же такая забота? — холодно осведомилась Либена.

— Быть может с того, что я провел в этом городе много лет и не хочу видеть, как он превратится в ад?

— Сентий неприступен, — возразил Сервус, но сделал он это без особой уверенности в голосе.

— А конница Дилириса неостановима. И тем не менее я видел, как каррасы его величества на голову разгромили рыцарские полки на Мариевых полях. Они буквально втоптали в землю цвет дилирисского дворянства и теперь гоняют остатки армии по стране, захватывая все новые и новые города. Те, кто сдаются на милость победителя и присягают новому королю — брату ее величества — не страдают, те же, кто выбирает сопротивление — гибнут.

— И его величеству Корвусу, конечно, хотелось бы, чтобы небольшая война с Дилирисом таковой и осталась. Для этого он должен посадить на престол своего короля, что может помешать Генералу влезть в противостояние, — задумчиво проговорил Сервус, стуча кончиками пальцев по столешнице. — А для этого Сентий следует взять быстро и бескровно. Кто в этом поможет? Конечно же, единственная реальная сила, оставшаяся внутри стен — стража. А чтобы население не волновалось, не помешает также заручиться поддержкой неуловимого, но влиятельного Короля Нищих. Ну и часть гвардии неплохо бы перетянуть на свою сторону, так? И если с гвардией все просто, то для сговорчивости некого капитана и некого некоронованного короля неплохо бы прихватить с собой ученицу той, кому оба изрядно задолжали. Она, заодно, будет выступать в роли этакого подтверждения слов одного полукровки. Я все верно излагаю, ничего не забыл?

— Одну маленькую деталь.

— Какую же?

— Если конфликт между Дилирисом и Волукримом не окончится в течении одного, максимум двух месяцев, война с Аэтернумом станет неизбежной. Понимаешь ли ты, что это значит?

— Понимаю, — очень серьезным тоном ответил ему капитан стражи. — А ты понимаешь, о чем просишь нас? Просишь меня? Даже если все сказанное тобой — чистая правда, это вовсе не означает, что стража в один момент должна забыть о присяге и сменить хозяина. Или я не прав?

Лариэс уважал Сервуса всей душой. В принципе, он, пожалуй, даже мог бы назвать капитана городской стражи своим другом. Да, тот не был непогрешимым человеком, но, тем не менее, в кризисные моменты соображал получше других и понимал, когда следует слепо верить сюзерену, а когда — нет. И — Лариэс буквально видел это в глазах товарища — Сервус поверил юноше, прекрасно понимая, что означает правдивость его слов.

Гай Пилум его другом и был, причем близким, и в нем сомнений виконт не испытывал. С Королем Попрошаек дела обстояли сложнее, и все-таки, Лариэсу отчего-то казалось, что только что он одержал очень важную победу.

«Ладно, попробуем теперь воззвать к их чувствам», — подумал он и продолжил:

— Ты был прав насчет Алиссии. Я действительно надеюсь, что ее вид напомнит вам о долге перед Орелией. Сервус, разве она не лечила твоих солдат после стычек с бандитами? А ты, Сайорис, разве не стараниями Древней тысячи нищих детей смогли вырасти? Забудете об этом? Гай, а что скажешь ты? Кровь товарищей по оружию не вызывает к отмщению? Наше воинское братство уже ничего не стоит?

Ответом ему было молчание. Лариэс тоже не произнес больше ни слова — он ждал неизбежной развязки, которая должна была наступить в течении нескольких минут.

Первым, как ни странно, заговорил Сервус.

— Как ты сообщишь своему новому хозяину о том, что все готово? Неужели он дал тебе Ковчег?

— Нет, — покачал головой Лариэс. — Ковчеха у меня нет, но есть возможность связаться с его величеством уже этой ночью.

— Как? — настаивал капитан стражи.

Лариэс помялся несколько секунд — ему не слишком хотелось рассказывать о таких вещах, но суровый и решительный взгляд Сервуса лучше всяких слов свидетельствовал о том, что если полукровка желает заполучить его на свою сторону, то придется раскрывать все карты.

— Во сне.

У Сервуса отвисла челюсть. Натурально — отвисла. Он закрыл рот так, что клацнули зубы и переспросил:

— Поясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду, говоря «во сне».

— Я — сноходец, — ответил виконт, решив все-таки не рассказывать про скывывание.

Громогласный хохот разорвал тишину — это смеялся Руфин. Мастера оружейника буквально трясло, на глазах выступили слезы, а лицо покраснело, но он все никак не мог остановиться. Все собравшиеся глядели на него, не понимая, что же так развеселила мужчину, и тот продолжал и продолжал смеяться, ухватившись за живот одной рукой, а второй выбивая замысловатую дробь по столешнице.

— Ой не могу, ой насмешил, — выдавил он из себя, когда смех, наконец, начал отпускать. — Вот чего не ожидал, так это узнать, что ты за пару месяцев превратился в колдуна, парень! А говорил-то, говорил «я никто, у меня нет никаких талантов, я ничего не умею, кроме как быть верным его величеству».

Последние слова Руфин произнес, имитируя Лариэса, причем делая это так похоже, что все присутствующие не смогли сдержать улыбки.

— Сноходцы — не совсем колдуны, — заметил Сайорис, проявив неожиданную эрудицию. — Они способны высвободить дух из тела, когда спят, и посещать Грань.

— Ну да-а, это — ни разу не колдовство. Самое, что ни на есть, нормальное дело, бродить по Чистилищу.

— Грань, не Чистилище, — неожиданно для себя проговорил Лариэс. — И я не просил об этой силе. Она... Она была со мной давно, но раньше я подавлял ее.

— И что же изменилось в походе? — поинтересовался Сервус.

— Я нашел человека, который не только распознал ее во мне, но и объяснил, как с ней

следует обращаться.

— Неужто Орелия?

— Нет, Кающийся.

— Уточню на всякий случай: один из ближайших людей Корвуса обучал тебя в тот момент, когда ты был верным псом Вентисов?

— Да.

Сервус внимательно посмотрел на Лариэса.

— Надо же, как интересно. С чего бы это ему так поступать?

— Я задавал этот вопрос несколько раз, и все время получал либо ложь, либо очень уклончивый ответ. Кажется, он с самого начала намеревался перетянуть меня на сторону Вороньего Короля. И, тем не менее, знания, полученные от Ридгара, сейчас могут оказаться весьма полезными.

С этим согласились все, и слегка ободренный Лариэс решил, что пора заканчивать с рассказами и разобраться, что к чему.

— Я жду ответ. С кем вы? С Кэлистой Вентис или с Устином Вентисом.

— И стоящим за ним Корвусом, Вороньим Королем, — услышал он глухое ворчание Сервуса.

— И со стоящим за ним Корвусом, Вороньим Королем, — подтвердил Лариэс.

— Я уже сказал, что поддержу тебя, парень. — Руфин высказался первым. — Я, и все мастеровые, которые ко мне прислушиваются. Может, нас и немного, но хоть что-то.

— И я с тобой, — горячо воскликнул Гай Пилум, вскакивая с места. — И поверь, старослужащие гвардии принца будут на нашей стороне!

— Присоединюсь, — проговорил Король Попрошаек, подходя к Алиссии, и кладя руку на плечо темнокожей девушки. — Орелия и ее ученица слишком много дали мне, и людям, которых я защищаю. К тому же, — он хитро ухмыльнулся, — смена власти открывает множество интересных возможностей для энергичных людей. Но это мы, пожалуй, обсудим чуть позже. Сервус, а ты что скажешь?

Капитан стражи молчал долго, очень долго. Лариэс начал уже думать, что ничего не получится, и ему прямо сейчас придется убить старого друга, когда тот, наконец, заговорил.

— Мне не нравится идея предать ее величество, но вид горящего Сентия привлекает еще меньше. Чтобы избежать подобного, я готов пойти даже на сделку с дьяволом, а твой новый хозяин, как бы грозен он ни был, еще не дорос до Повелителя Мух. Этой ночью узнай, когда армия окажется на подступах к городу. Нам предстоит сделать очень немало вещей до появления Вороньего Короля.

Три дня путешествия по реке понеслись, точно миг. Пожалуй, самым радостным событием этих дней стало избавление от ошейников, запечатавших их с Блаклинт магию. Как оказалось, для этого не понадобилось искать еще одного водорожденного, хватило и магии земли Отшельника, помноженного на остроту кинжалов Орелии.

Когда проклятый металлический ободок упал, Игнис едва не задохнулась от восторга, сумев прикоснуться к источнику своей силы. В тот же миг ласковые языки пламени взметнулись и обняли свою госпожу, подарив той тепло и чувство защищенности.

А потому Игнис просто восстанавливала силы и наслаждалась новообретенной свободой. Она не могла поверить, что кошмар многих недель позади, и, если честно, то и дело оглядывалась, ожидая увидеть на горизонте преследователей. Но тех не было. Каким-то чудесным образом они сумели оторваться.

Увы, уже на четвертый день корабль пришлось бросить, потому как река делала крюк и приближалась к городу, после чего началось обещанное Отшельником пешее путешествие.

Вилнар достал для отряда несколько лошадей, оставив в качестве платы пару драгоценных камней из запаса Орелии, и они, сойдя с проторенных дорог, устремились лесными тропами, на юго-запад, в сторону Виннифиса.

Герцогство казалось более надежным вариантом, нежели Лес Гарпий. Да, до дома детей неба путь был в почти в два раза короче. Более того, отправившись на восток, они могли бы оказаться в союзном Тиерланде уже через неделю пути, вот только и восточный и юго-восточный пути были самыми очевидными и, однозначно, самыми охраняемыми. Более того, следовало учитывать местное население, весьма лояльно относящееся к королеве. Идя же на юго-запад, беглецы попадали сперва в захваченный Ривеландом Фейрлинд, в котором, естественно, Дикую Розу Севера недолюбливали, а затем — в Виннифис, куда Кайса вряд ли осмелится вторгнуться. По крайней мере, сейчас.

Единственное, что очень сильно настораживало всех, так это наличие дракона. Летающая тварь, способная на своей спине разместить десяток человек, полностью меняла все расклады. Оставалось только уповать на то, что Кайса не сможет понять, куда они направляются, пока не станет слишком поздно.

Так Игнис и маялась, пока беглецы продирались через леса, спеша к своей заветной цели.

Увы, но скорость оставляла желать лучшее, их тормозило состояние Орелии и Ридгара. Целительница слишком близко подошла к краю могилы, и это было заметно. Да, она сумела восстановить себе руки и ноги, но толку-то? Магия. Поддерживавшая жизнь Древней на протяжении сотен лет, практически иссякла. Орелия, можно сказать, выгорела, словно стихийный маг, не рассчитавший сил. Ей требовались время и покой, но ни того, ни другого нельзя было получить на вражеской земле.

Ридгар чувствовал себя не лучше. Таинственные кандалы буквально выпивали из него силы и Древний был так слаб, что едва держался в седле, то и дело теряя сознание.

Как им быть, если большие силы врага перегородят путь к спасению, Игнис не знала, а такую вероятность нельзя было сбрасывать со счетов. Уже несколько раз они едва не встретились с разъездами королевы и лишь таланты Вилнара помогли отряду избежать обнаружения, но любое везенье рано или поздно заканчивается.

Вечером они остановились на окраине большого леса, возле быстрой прозрачной речки. Вилнар наловил рыбы, а Игнис с Блаклинт приготовили ее. Когда все поели, Орелия отправилась к Ридгару, которому становилось все хуже, Рэмирус погрузился в свои молитвы, а Вилнар отправился в дозор. Так получилось, что возле костра остались лишь две девушки. Отмеченная пламенем, и одаренная водой.

Некоторое время они ничего не говорили, наконец, Блаклинт не выдержала и тихо спросила:

— Игнис, что теперь будет с нами?

— С нами?

— Ну... с тобой и мной, — она покраснела, — с нами... ну...

Игнис обрадовалась, что ее лицо, укрыто маской, и подруга не видит, как пылает здоровая щека пламерожденной.

— Это, — хрипло поговорила она, — это было минутной слабостью. Нам с тобой нужно было хоть как-то отвлечься от кошмара, и все получилось само-собой.

Блаклинт пододвинулась чуть ближе, и накрыла ее ладонь своей.

— Игнис, а что, если я скажу, что не хочу останавливаться, что хочу и дальше быть слабой... С тобой?

Она чуть склонила голову и Игнис, с ужасом осознала, что сейчас смотрит прямо на ее пухлые губы, такие теплые и такие зовущие близко, очень близко.

Девушка прокляла свою природу — природу стихийного мага, жадного до чувственных удовольствий, не способного противиться им.

«В Волукриме у меня как-то получалось сдерживать свои позывы!» — подумала она.

Но мысль эта утонула в аромате Блаклинт, в ее красоте и в том тепле и радости, что они могли подарить друг другу. Так девушки и сидели, болтая о всем и ни о чем, пока, наконец, Блаклинт не поднялась и не отправилась спать.

Игнис, оставшаяся одна, некоторое время не знала, чем себя занять. Сон не шел совершенно — стоило только закрыть глаза, как возвращались кошмары и, очнувшись, огнерожденная долго не могла понять, где находится. Ей казалось, что сейчас снова откроется дверь и в проеме окажется Кайса.

Едва глаза закрывались, как возвращалось пламя, неспособное навредить инициированной стихиирожденной, и пламя, сжигающее плоть маленькой девочки. Пламя, опалявшее ступни Ридгара. Пламя...

Игнис дернулась, как от удара и набрала полную грудь воздуха, чтобы не закричать. Ужас пережитого, животный, не поддающийся описанию и разумному объяснению, вновь захлестнул ее и девушка, не найдя ничего лучшего, подошла к Рэмиусу.

Отшельник стоял коленапреклоненным и возносил очередную хвалу Творцу.

Его искренняя вера всегда поражала девушку.

«Человек, наделенный такой силой и властью, добровольно отказался от трона империи, которую же сам и возродил, и ушел жить в пещеры... Как такое возможное? Сколь сильно должно гореть пламя веры, чтобы носить его в груди на протяжении добрых семи сотен лет?» — думала она, глядя на седовласого мужчину, не старого на вид, но бесконечно древнего в душе.

— Да, дочь моя? — Отшельник открыл глаза.

— Можно присесть? Мне не спится.

— Конечно же, — он указал на землю рядом с собой и Игнис, тяжело вздохнув,

опустилась, прислонившись спиной к древесному стволу.

— Скажите, отче, — она обратилась к нему, — как вам удастся не опускать руки? После всего, что было, после всего того зла, свидетелем которому вы стали? После бессмысленной и бесплотной борьбы, когда за каждой победой следовало поражение? Почему ваша вера не угасла?

Рэмирус улыбнулся, тепло и понимающе.

— Дитя, все просто. Я согласился ступить на Путь Вечности, обрекая тем самым свою бессмертную душу на сотни лет прозябания в тварном мире, и принял философский камень у Айнрита, упокой Господь его душу, с одной единственной целью: творить добро. А было сказано: «Делая добро, да не унываем; ибо в свое время пожнем, если не ослабеем». И еще было сказано: «должно всегда молиться и не унывать».

— И вы сотни лет творите добро и молитесь?

— И не унываю, — усмехнулся древний император. — Ибо все зло, что есть в этом мире — от Врага, а кто он пред ликом Господа? Все боль, вся несправедливость, все лишения — есть испытания Его, кои надлежит принять с благодарностью и храбро пройти.

Игнис понуро уставилась на землю.

— Мне бы вашу силу духа.

— Но я слаб, дочь моя. Страсти, обыденные для стихийных чародеев, с юных лет переполняли меня, я желал злата и вина, женщин и мужчин, услаждения плоти и греховных наслаждений. Но Господь в милости своей даровал мне шанс исправиться, послав на империю великое испытание — Третье Переселение. То были тяжкие и смутные времена, Аэтернум буквально развалился на куски, и мне пришлось возвыситься над своими пороками, отринуть их, дабы сохранить то, что осталось, а затем — преумножить спасенное и вернуть государству, завещанному отцом, бывшее величие.

Он задумчиво коснулся левой руки, вдоль которой тянулась ниточка шрама.

— Да, то было тяжелое время, — повторил он. — Не один и не два раза я хотел отступить, бросить все и гори оно синим пламенем... Но Он в мудрости своей даровал слабому и грешному человеку каплю сил, чтобы продолжить начатое, и в итоге я оказался победителем. Владыкой мощнейшей империи мира. И знаешь, что самое смешное? Я не перестал бороться с собой. Никогда. Ни на один день. Я тот, кто я есть, и таким умру, но буду до самого своего последнего вздоха молиться Господу и спасать души, чтобы, когда Он посмотрит на меня, без стыда взглянуть на вседержителя в ответ. Понимаешь?

Игнис не то, чтобы так уж сильно понимала, но все равно кивнула.

— Ты пережила тяжелое испытание, — продолжил Отшельник. — Многих ломали куда меньшие тяготы, нежели пленение и пытки, и я не прошу тебя молиться, хотя и это не будет лишним. Не молись, если не хочешь, не верь, если веры нет, но помни: есть люди, которым ты в состоянии помочь, которые зависят от тебя, а это налагает ответственность. У тебя нет права упиваться собственным горем. Понимаешь? Орелия с Ридгаром сейчас полностью зависят от нас троих. Не хочется обижать юного ловчего, но он вряд ли справится хотя бы с одним врагом, которого могут бросить по нашему следу.

Принцесса глубоко вздохнула.

— Спасибо, отче. Не скажу, что мне полегчало, но я постараюсь держаться.

— Вот и хорошо. А сейчас иди спать, завтрашний день будет ничуть не легче, чем предыдущие.

И они продолжили бегство. В какой-то миг Игнис даже показалось, что, возможно, королева отпустит своих пленников без боя, но это, конечно же, было наивной мечтой.

Развязка наступила спустя еще двое суток, когда до границы с Виннифисом оставалось от силы полсотни миль. Сперва Игнис показалось, что в небе — далеко-далеко, виднеется черная точка. Эта точка, однако, продолжила стремительно расти, приближаясь к ним на умопомрачительной скорости.

— Посмотрите! — воскликнула она, указывая в небо.

Отряд как раз покинул очередной лес и двигался по пустынной проселочной дороге. Уже к вечеру они должны были достичь Фастнинга — крупного города, считавшегося пограничным, и было принято решение немного ускориться, пускай и в ущерб безопасности.

Рэмирус пригляделся, а затем его глаза неожиданно распахнулись и Древний воскликнул:

— Великий Боже! Все в лес, быстро!

Но было уже поздно. Не прошло и пары минут, как точка превратилась в громадного монстра, парящего в небесах. Даже с высоты он поражал как своим величием, так и размерами. Длинное тело, оканчивающееся изящным хвостом, огромные перепончатые крылья, гибкая шея...

— Как они нашли нас? — в ужасе спросила Игнис.

— Какая разница? — прошептал Ридгар. — Теперь это неважно. Проклятье. Нам нужно бежать.

Рэмирус вместо этого аккуратно слез с седла и размял затекшую спину.

— Но Иисус, услышав это, сказал ему: не бойся, только веруй, и спасена будет, — проговорил Древний. — Мнится мне, нам предстоит дать бой здесь и сейчас. Убежать от владыки небес невозможно.

Дракон меж тем, пролетел над их головами, обдав беглецов нестерпимым жаром, от которого их загородил щит, сотворенный Рэмирусом.

К сожалению, драконье пламя не было обычным и не подчинялось магии Игнис, иначе та постаралась бы защитить друзей.

«С другой стороны», — на удивление спокойно и хладнокровно для сложившейся ситуации думала девушка, — «у оборотня нет иммунитета к огню, а значит, можно пощекотать его брюхо!»

— Рэмирус, когда он пойдет на следующий заход, я атакую! — крикнула она, соскакивая с перепуганной лошади и бросая поводья Вилнару. — Вил, пожалуйста, придержи.

Северянин кивнул. Он даже и не пытался доставать лук, прекрасно понимая, что против такой машины, как дракон, обычные стрелы не сработают.

А ящерица, меж тем, развернулась и пошла на второй круг. Она, сложив крылья на спине, стремительно снижалась, и в какой-то миг Игнис увидела, что на спине чудовища закреплен небольшой паланкин! Каким образом это было сделано, она не поняла, зато сразу же решила, что будет делать дальше.

«Ну, посмотрим, понравится ли вам жрать пламя!» — зло подумала девушка, взывая к своей сокрушительной силе.

Огненный шар расцвел в небесах вторым солнцем. Игнис влила в него немалую часть своих не до конца восстановившихся сил и ощутила страшную усталость, однако с надеждой

посмотрела наверх.

Дракону досталось — он выбрался из огня подпаленный, с горящим паланкином на спине, но — живой. Зато об атаке крылатый ящер, кажется, позабыл, устремившись вниз в паре сотен футов от них. С грохотом монстр приземлился на дорогу, и, раззявив пасть, взревел.

Игнис собиралась было атаковать его вновь, но Рэмирус повысил голос:

— Не трать силы, они тебе понадобятся.

Девушка покорно сделала шаг назад.

Бранные останки паланкина опали и Игнис различила трёх человек сидящих на спине дракона. Монстр опустил крыло, чтобы им было легче спуститься. Первой на землю Кэлиста, такая же надменная и холодная, как и всегда. Безумие королевы было упрятано на самое дно, и перед беглецами предстала блистательная и непогрешимая правительница Страны Тысячи Рек.

По правую руку от нее возвышался Мелис, вооруженный странного вида мечом: здоровенным, украшенным самоцветами, чем-то напоминавшими бирюзовые камни Изегрима, с двусторонней заточкой и фигурной гардой, выполненной в форме крыльев дракона. Второй меч висел у него на поясе. По левую руку...

Игнис взглядела в лицо подходящей к ним девушки и ахнула от ужаса. Остальные, впрочем, тоже выглядели не слишком радостными. И было от чего ужасаться — в черных, лишенных белков глазах этой непримечательной девушки плескалась Вечность.

— Еще один Оракул? — пораженно прошептал Ридгар. — Проклятье, это очень плохо. Ори, ты сможешь драться?

— Я буду драться, — ответила ему Целительница, — хотя и не знаю, сколько продержусь против ясновидящей в моем нынешнем состоянии.

А дракон, меж тем, начал мерцать и меняться, усыхать, точно яблоко, оставленное на солнцепеке, и вот, спустя пару минут, вместо громадной рептилии на дороге стояла обнаженная девушка: худощавая, с небольшой грудью, длинными стройными ногами и плоским животом, на котором проглядывали рельефные мышцы. Ее заостренное лицо с крючковатым носом и пухлыми губами было не лишено определенной притягательности, но все портили глаза: злые, мрачные, полные ненависти и жажды мщения. Золотистая радужка и вертикальный зрачок дополняли картину.

— Мелис, одежду, — сухо и отрывисто приказала женщина.

— Да, о госпожа моя, — на удивление покорно откликнулся оборотень, даже не попытавшись пошутить насчет обнаженной спутницы.

Он, не глядя, передал ей сумку и двуручный меч. Девушка принялась быстро переодеваться, а Кайса, сложив руки на груди, оглядывала своих противников.

— Вы убежали далеко, — проворковала она, — и заставили меня поволноваться.

— А сейчас ваше величество больше не волнуется? — чуть приподнял бровь поинтересовался Рэмирус. — Да, вы привели с собой двух оборотней и Оракула, но хватит ли этого, госпожа?

Кайса поджала губы — было видно, что вопрос попал прямо в цель.

— Если бы мой советник в этот момент не отлучился из столицы, вы даже со двора бы не выбрались.

— Как же нам повезло, — желчно проворчал Ридгар, — что его не оказалось на месте. Беда какая.

Кайса злобно покосилась на него и продолжила:

— Увы, из-за этого мне пришлось брать тех, кто оказался под рукой. Я планировала прихватить еще пару магов и оборотней, но увы, всех их пришлось раздать поисковым отрядам, которые прочесывают местность. Но, как видите, нам повезло наткнуться на вас первыми.

— И нас вполне хватит, — зло процедила девушка-дракон, делая шаг вперед и вытягивая руку с двуручным мечом в сторону беглецов. — Думаю, ты знаешь, что это такое, а, Кающийся?

Ридгар сощурился, взглядываясь в оружие, затем вздохнул и попытался встать прямо, не держась за плечо Орелии — получилось неважно.

— Да, я видел его у вашего отца, юная госпожа. Но думал, что он, как и весь драконий род, сгинул в аду, где вам, тварям, самое место.

Девушка дернулась, как от пощечины, и угрожающе взмахнула оружием.

— Ну-ну, будет, — Кайса ласково потрепала ее по голове.

«Какие же у них отношения»? — подумала Игнис и непроизвольно покосилась на Блаклинт.

— Полагаю, вы не согласитесь добровольно сложить оружие и отправиться в наши теплые уютные камеры?

— Я никогда еще не отступал пред злом, — убийственно спокойным голосом ответил ей Отшельник.

То, что это было сказано без каких бы то ни было отсылок к Библии, яснее ясного дало понять Игнис, сколь серьезно настроен Древний. И она осознала еще одну вещь: «прямо сейчас польется кровь».

Рэмирус атаковал первым, не тратя время на всякие благородные глупости вроде боевых кличей или предупреждений. Он не собирался оставлять врагов в живых или давать им второй шанс. Его заклинание было нацелено на одно — нанести максимальный моментальный урон.

Земля под ногами королевы и ее спутников вспучилась, встала на дыбы, и взорвалась, подняв в небо град комьев. Ни убежать, ни увернуться шанса не было, однако королева ожидала нечто подобное, и когда пыль немного осела, Игнис увидела, что под Дикой Розой Севера и ее спутниками мерцает водный щит, принявший на себя всю мощь атаки Древнего.

Рэмирус, ничуть не смутившись, продолжил осыпать врагов заклинаниями, заставляя тех пятиться.

— Игнис, Блаклинт, помогите ему! — прокричал Ридгар, морщась от боли. — Чего вы ждете?

Огнерожденная направила струю пламени в Кайсу, а Блаклинт, неспособная навредить родной матери, атаковала черноглазую девушку.

Ясновидящая увернулась от ее атаки с поразительной грацией, а Кайса, выставив перед собой щит, пошла вперед.

«Если я окажусь в зоне поражения ее ментальной магии, мне конец!» — с ужасом поняла Игнис, начав пятиться. — «Проклятье, как же ее остановить?»

Северянка была абсурдно сильна для человека, не прожившего и пятидесяти лет. Воистину, гений, рождающийся раз в эпоху. Безумный гений, жаждущий развязать всеобщую войну.

Игнис до крови закусила губы и усилила натиск.

«Нет, любовые атаки не помогут, нужно что-нибудь другое. Но почему Рэмирус ничего не делает?» — промелькнуло в ее голове. — «Почему он бьет в лоб?»

Ответ на этот вопрос пришел через секунду, когда Рэмирус неожиданно рванулся вперед, а из-под земли по краям дороги выросли здоровенные бульжники, стремительно принимающие форму человекоподобных существ. Они одновременно атаковали оборотней, спешащих сократить расстояние до беглецов, а мощная каменная плита перегородила Кайсе путь вперед.

Мелис плотно завяз в схватке со своим големом — обычные атаки не причиняли твари ни малейшего вреда, а вот женщина-дракон, напротив, взмахнула своим странным двуручным мечом лишь раз, и земляной гигант рассыпался в труху, не причинив ей ни малейшего вреда.

И только теперь Игнис поняла, почему странные драгоценные камни в гарде меча так сильно похожи на бирюзовые камни Изегрима.

— Гасители магии? Откуда?

— Долго рассказывать, — проворчал Рэмирус, создавая нового голема и возводя три стены. — Дерись.

И она дралась.

Пламя бушевало в крови, вырываясь наружу, чтобы столкнуться с водой Кайсы, которая своими водными хлыстами изрезала уже не одну каменную стену. Каким-то образом именно королева стала главным противником Игнис.

Орелия, с трудом сумевшая создать два лезвия, пыталась хоть как-то повредить черноглазой девушке, и в этом ей помогала Блаклинт, метавшая одну водную стрелу за другой. К сожалению, против ясновидящей подобные трюки плохо работали — та избегала каждую направленную на нее атаку, но и сама пока что не могла причинить вреда.

Сам Рэмирус же тратил большую часть своего внимания на драконицу, поразительный меч которой и не думал выходить из строя, что, откровенно говоря, удивляло. Обычно камни, гасящие магию, работают лишь один раз, превращаясь после этого в бульжники. Но на каждое правило всегда найдется исключение.

Впрочем, даже будучи многоцветными, камни в мече не защищали от чар, чем сейчас и пользовался Рэмирус, непрерывно атакуя девушку-оборотня камнями и пытаясь поймать ее в земляной капкан, однако она отлично избегала попаданий, разрубив несколько камней своим мечом.

«Так долго не может продолжаться», — чувствуя растущее беспокойство, подумала Игнис. — «Мелис даже не принял форму зверя, а попасть по Оракулу в ближнем бою практически невозможно. Отшельник должен понимать это».

В этот момент Рэмирус поравнялся с ней и шепнул огнерожденной на ухо.

— Как только я скажу, используй свою самую сильную магию. Не страшно, если выгоришь, поняла?

Игнис кивнула.

— Сделаю.

— Вот и славно, — Рэмирус отошел на один шаг и воздел руки к небу.

В следующий момент начало твориться нечто невообразимое: земля зашлась ходуном, трясаясь все сильнее и сильнее, она пошла волнами, которые усиливались с каждой секундой, при этом многочисленные каменные стены и не думали пропадать — они вырастали из-под земли, точно грибы, отсекая врагов от маленького отряда.

— Давай! — закричал он.

Игнис не раздумывала. Она собрала всю энергию в кулак и выплеснула ее в форме сокрушительного огненного смерча, который со всей силы ударил сверху вниз, накрывая рукотворную чашу, созданную Рэмирусом.

А в следующий момент огнерожденная с неожиданностью осознала, что земля под ногами пришла в движение. Сперва медленно, затем все быстрее и быстрее приличных размеров кусок дороги тронулся, точно судно, спущенное на воду и поднявшее паруса. За несколько минут скорость их увеличилась до галопа хорошей породистой лошади, и полыхающая каменная чаша осталась далеко позади.

Игнис, чувствуя, как силы покидают ее, упала на спину. Блаклинт повалилась рядом. Возле них присела и Орелия — у Целительницы не хватало одной руки, но она не обращала внимания на эту потерю.

— Рэмирус, неужели тебе так хотелось взглянуть на них? — поинтересовалась она у Древнего, который, собственно говоря, и привел землю в движение, позволяя отряду вырваться вперед. — Нельзя было сразу так сделать?

— Мы должны знать, кто противостоит нам, — отозвался тот.

По лбу и щекам Отшельника струями лился пот, лицо покраснело, а пальцы он сжал столь сильно, что костяшки побледнели. Да, маги земли могли перемещаться очень и очень быстро, создавая такие сухопутные лодки, равно как водорожденные плавали с невообразимой скоростью, а ветророжденные могли летать. Вот только любая магия подобного вида пожирала так много сил и делала это с таким проворством, что почти никто и никогда не пользовался столь экзотическим способом перемещения. Даже собрав круг. Нужно было прожить не одну сотню лет, чтобы сродниться со своей стихией достаточно сильно для подобного.

Игнис, откровенно говоря, сомневалась, что хоть кто-нибудь в мире кроме Рэмируса может повторить это. Даже Танма Повелитель Лодок — правитель Империи Бархатных Островов — не обладал столь абсурдным могуществом.

— Теперь знаем, — заметил Ридгар, кашляя и сплевывая кровь на проносящиеся мимо кусты

С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Впрочем, вряд ли эти странные оковы могли убить бессмертного, а потому, о состоянии Кающегося можно будет побеспокоиться позже.

— Да, знаем, — согласилась Орелия. — Подумать только, второй Оракул. Блаклинт, ты не встречала эту девочку во дворце?

— Нет, о Древняя, — пролепетала девушка, столь же изможденная и вымотанная, как и Игнис. — Но вы уверены, что у нас получится убежать?

— Мы постараемся, — невесело усмехнулся Рэмирус. — Надеюсь, моих скромных сил будет достаточно.

Позади раздался рев ярости.

— Игнис, — обратился к огнерожденной чародей, — ты должна будешь не подпускать дракона ко мне, это важно.

Принцесса с трудом поднялась и, кивнув, приготовилась колдовать.

— Я справлюсь.

— Я помогу тебе! — Блаклинт тоже встала и, не спрашивая разрешения, положила руку Игнис себе на плечо. — Обопрись об меня.

— Спасибо, — поблагодарила ее девушка.

— Для тебя — что угодно, — чуть покраснев, отозвалась северянка.

Игнис покосилась на Вилнара — как тот, влюбленный в Блаклинт до безумия, отнесется к подобному проявлению чувств? Никак. Ловчий — она до сих пор не до конца верила в его истинный род деятельности — держал лук и не сводил взгляд с дракона. Казалось, кроме огнедышащей твари для него не осталось никого в целом мире.

Ридгар перехватил взгляд Игнис и пояснил:

— Наш юный друг поражен, что в проклятом всеми богами роду королей-драконов нашелся кто-то, кто пережил Третью Войну Гнева. Я, если честно, удивлен не меньше.

Эта не слишком длинная тирада заставила Древнего изогнуться в приступе сухого кашля.

— Чертовы ограничители! Я и забыл, как быстро они увечат подобных мне. Иногда ненавижу Айнрита за это изобретение.

Девушка и рада была бы утешить Древнего, но сейчас ей было не до того. Следовало понять еще одну вещь.

— Орелия, что у нее был за меч? — спросила Игнис, взглядываясь назад, туда, где в небеса поднималась размытая фигура.

— Гаситель магии по имени Смерть, — ответила та. — Оружие короля-дракона, передающееся из поколения в поколение. Было создано первым из оборотней Интерсиса еще до Войны Багряного Культа.

— Он был отрицателем магии?

— Да, и сильным. Даже Изегрим не в состоянии создавать многоцветные камни.

— Значит, этим мечом можно пользоваться постоянно? Никакая магия не устоит против него?

— Не совсем так, — Орелия повернулась, глядя вперед, туда, где стремительно приближалась лента реки, за которой маячил спасительный берег Виннифиса.

Рев стал громче — драконица приближалась.

С небес на них обрушились сотни, тысячи водных пуль вроде тех, что создала Блаклинт во время их сражения с изначальными. На сей раз королева, явна была взбешена сверх всякой меры и желала лишь одного: убить беглецов, не позволить тем выбраться на чужую территорию.

— Я справлюсь! — закричала Блаклинт, вскидывая к небу свободную руку.

Она до крови закусил губу и застонала от боли, и, о чудо, смертоносные капли, нацеленные на сухопутную лодку Рэмируса, обогнули ту по дуге, падая вокруг, и не причиняя ни малейшего вреда маленькому отряду. Но этот подвиг дорого стоил Блаклинт — девушка охнула и закашлялась, из уголков ее губ потекли тонкие струйки крови. Она явно была почти полностью истощена, в отличие от королевы, нанесшей очередной удар, отражать который на сей раз пришлось Игнис. Девушка отправила в небо огненный шар, и это помогло — капли рассыпались, на подлете. Почти все. Страшно закричал Вилнар, и из его груди полилась кровь. Воин рухнул, точно куль с зерном, и под ним сразу же начала расплываться алая лужа. Орелия кинулась к телохранителю принцессы, а Игнис с Блаклинт на миг отвлеклись, однако уже в следующую секунду им стало не до здоровья ловчего.

Их замешательство позволило повелительнице небес сократить расстояние, и вот уже в сторону беглецов летела волна ревушего пламени, выдохнутого монстром.

«Когда лес горит, его можно потушить встречным палом», — вспомнила девушка слова

отца, произнесенные, правда, по другому случаю. — «Ладно, попробуем».

Она сконцентрировалась и, приложив все силы, ударила в ответ.

Две волны пламени столкнулись в воздухе и несколько секунд Игнис казалось, что она все-таки сумеет перебороть мощь дракона, но увы, огнерожденная была слишком истощена — ее огонь все ослабевал, в то время как оборотень и не думала останавливаться.

— Я помогу тебе! — закричала Блаклинт.

— Ты слишком ослабла, — процедила сквозь зубы Игнис — говорить нормально у нее попросту не оставалось никаких сил. — Не вздумай!

Но подруга не послушалась. Закричав, то ли от злости, то ли от боли, то ли просто от переполнявших ее чувств, она принялась плести нечто невообразимое. Игнис даже и не поняла, что происходит, до тех пор, пока тончайшая нить, сотканная из струй воды, не обрушилась на крылатую тварь сверху.

Сколько энергии Блаклинт потратила для того, чтобы сформировать свое заклинание на таком расстоянии, девушка не знала, но это было впечатляюще! Даже Кайса не успела среагировать на него, не говоря уже по ее ручную ящерицу. Возможно, Оракул увидела, что произойдет, потому как драконица резко взяла вправо, прекратив поливать беглецов пламенем, но времени уклониться Блаклинт им не оставила.

Сетка коснулась крыла, и то просто исчезло, растворилось, будто его никогда и не было.

— Что это такое? — с ужасом выдохнула Игнис.

Но Блаклинт не ответила — тело северянки неожиданно стало тяжелым, она завалилась на бок, а кровь изо рта перестала капать и пошла горлом. Игнис, вскрикнув от ужаса, положила Блаклинт на бок, чтобы та не захлебнулась.

— Орелия, что мне делать? — закричала она.

Целительница уже была возле раненой, проверила пульс и реакцию зрачков.

— Жива, но выжгла себя. Думаю, очнется и без моей помощи.

«Тем более, что оказать эту помощь ты сейчас не в состоянии», — подумала Игнис.

Рев боли и ужаса позади сменился глухим ударом — дракон столкнулся с землей.

— Интересно, хоть это-то прикончит их? — вслух подумала Игнис.

— Нет, конечно же, — ответил Рэмирус, бросив короткий взгляд за спину. — Зло сильно и цепляется за эту жизнь, потому как знает, что ничего кроме огня и серы в посмертии его не ждет.

— Кайса не верит в Христа, — машинально поправилась Игнис.

— Зато он верит в нее.

— Думаю, Мертвым Богам севера от этого станет легче, — фыркнул Ридгар. — Рэм, прошу, оставь свои теологические рассуждения на потом. Сейчас мы должны оказаться в Виннифисе и как можно скорее!

Рэмирус не стал возражать. Он прошептал что-то, возможно — короткую молитву, и каменная лодка прибавила скорости, хотя, казалось, дальше уже некуда. Кусты и деревья слились в один непрерывный частокол, проносящийся мимо.

«Почему нет ни одного человека»? — подумала вдруг Игнис. — «Так не бывает! Такие дороги обычно запружены путниками до краев»!

Не она одна пришла к этому заключению, потому как Орелия, не отрывавшаяся от Блаклинт, сказала:

— Нам нужно уйти с дороги, это ловушка.

— Знаю, что ловушка, но свернуть не смогу. Мне просто не хватит сил, — признался

Рэмирус.

Да, могущество Древнего поражало воображение, но все имеет свои пределы. И даже кто-то вроде него не мог сперва драться на пределе возможного, а затем преодолеть больше сорока миль на летающем куске почвы и не запыхаться.

Да что там, полный круг магов земли не был бы способен повернуть нечто подобное! Ну, разве что, если бы его возглавлял Генерал.

Хотя, насколько Игнис было известно, Лорий Солум славился больше големами, нежели умением подчинять себе землю и ехать на ней верхом.

А город меж тем, стремительно приближался. Вернее, пограничная крепость, и солдаты, перегородившие дорогу.

— Держитесь! — закричал Рэмирус. — Мы будем прорываться!

Это казалось невероятным, но они еще прибавили скорости, более того, нос сухопутной лодки внезапно вырос, усиливаясь стеной, прикрывающей их от стрел и пуль северян. А те не заставили себя долго ждать, обрушив на беглецов все, что только могли.

Они ворвались в толпу, расшвыривая, давя и калеча, и Игнис молила все богов, которые только были на свете, чтобы получилось прорваться.

«Только бы выскочить, мы должны, мы обязаны! Господи, если ты есть, услышь мою молитву!» — в отчаянии подумала она, поливая пламенем вражеских солдат. Девушка использовала последние крупницы магических сил, и все ради того, чтобы вырваться на мост, ведущий в Виннифис.

Мост, которого — с ужасом осознала она — не было.

— Держитесь! — взревел Рэмирус, а в следующий момент из воды одна за другой принялись расти опоры, на которых с умопомрачительной скоростью появлялись — одна за другой — плиты.

Рэмирус хрипел, из его рта текла кровь, но Ступивший на Путь Вечности и не думал останавливаться. Они перелетели через реку, а за спиной рушился временный мост, возведенный и удерживаемый лишь силой магии Древнего.

К нему уже бежали пограничные стражники марравов с алебардами и цепями, их товарищи, вооруженные аркебузами, заняли удобную для стрельбы позицию.

Именно в этот момент ноги Отшельника подкосились, а его глаза закатились, их транспортное средство плавно затормозило и остановилось, осыпавшись на землю песком.

«Рано радоваться!» — подумала Игнис, глядя на противоположный берег, где уже собирались враги. Ей даже показалось, что в толпе она различила белоснежные одежды Кайсы и черные, состоящие из одних лишь зрачков глаза девочки-оракула. — Мы должны убраться отсюда как можно быстрее».

Она заставила себя выпрямиться и шагнула навстречу солдатам.

— Капитана ко мне! — рявкнула принцесса, сама удивляясь, как это получилось так гаркнуть. Свои требования девушка подкрепила небольшим огненным шариком, брошенным в сторону Ривеландских территорий. — Я — принцесса Игнис Фейргебор, приемная дочь Корвуса Вороньего Короля, бежала из плена в Ривеланде и требую лошадей и сопровождения. Я и мои спутники должны как можно скорее оказаться в столице!

Рыцарь замер, разинув рот. Вперил взгляд в ее маску, перевел его на Орелию, Рэмируса, Ридгара. Он закрыл рот, а затем заорал не своим голосом:

— Лошадей сюда, живо! Всем приготовиться к бою. Защищать принцессу ценой своей жизни! Бегом, бегом, бегом!

— Они согласились, наставник, — Лариэс склонился в глубоком поклоне.

— Встань, — в голосе Корвуса послышались нотки усталости.

Лариэс повиновался и огляделся по сторонам. Фиолетовые небеса мира снов никуда не делись, Грань, как ей и полагалось, не обращала ни малейшего внимания на двух сноходцев, все такая же величественная и пугающая.

— Начните через три дня с момента нашей встречи, — распорядился Древний.

— Армия так близко? — поразился юноша.

— Да, я отправил Паллидию подкрепление, чтобы он мог эффективнее отвлекать Тариваса и его бешеную мать. Пока он будет дурачить врагов, мы захватим столицу и коронуем Устина Вентиса. Надеюсь, что это удовлетворит Лория.

— Учитель...

— Да?

— От Генерала не было вестей?

Лариэс не ожидал ответа, но Корвус, как ни странно, не стал ничего скрывать.

— Мы ведем переписку с того момента, когда принц Таривас прислал мне Кошмара с притороченным к седлу Жалом и предложил приехать в Сентий. Я пытался донести свою мысль до Лория, но тот, как и всегда, глух к моим доводам. Однако, немного времени в запасе у нас все еще есть — он пока что не выдвинул ультиматум, принять который я не смогу.

Лариэс сглотнул.

— Ваше величество, но если вы так боитесь развязать вторую Последнюю Войну, то, быть может, стоит отступить? На этот раз?

Корвус тяжело вздохнул и поправил платок, закрывающий нижнюю половину лица.

— После исчезновения Игнис я потерял контроль над собой и отдал приказ, который отдавать не следовало, ну а Изегрим не из тех, кто тянет с выполнением распоряжений, особенно, тех, что ему по душе. — Сковывающий сощурился. — Когда я остыл и снова начал мыслить, приговор уже был приведен в исполнение. Но после этого я попытался все исправить, выслал послов. Знаешь, быть может, мы сумели бы договориться, если бы не убийство.

Лариэс понимающе кивнул. Увы, но в межгосударственных отношениях встречались оскорбления, снести которые не представлялось возможным.

— И Генерал не попытался понять вас?

— Убийство посла заставило его крепко задуматься — я ощущал сомнение, проступающее между строк. Вот только... — Корвус вздохнул. — Сколь бы ни была правильна и праведна моя цель, уничтожение Дилириса нарушит баланс сил, и Лорий понимает это. Однако он, как и я, не хочет большой войны, поэтому и выжидает. Надеюсь, что, взяв Сентий и усадив Устина Вентиса на трон, я сумею привести старого друга за стол переговоров. Гарантирую отказ от влияния Дилириса на нового короля, пойду Лорию на уступки, откуплюсь артефактами, наконец. Поэтому главное сейчас — захватить город так быстро, как только получится. Рассчитываю на тебя.

— Я не подведу, ваше величество.

— Верю. А теперь просыпайся и потрать оставшееся время с пользой.

Лариэс открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Алиссию. Темнокожая красавица задумчиво изучала полукровку и на ее губах застыла грустная улыбка.

— Давно ты сидишь здесь?

— Достаточно. Как прошла встреча?

— Успешно. У нас три дня на то, чтобы подготовиться к штурму.

Лариэс поднялся и потянулся здоровой рукой к перевязи. Пусть на ней сейчас сиротливо торчали ножны с кинжалом, юноша, носивший оружие с одиннадцати лет, попросту не мог отказаться от его успокаивающей тяжести.

«Жаль, конечно, что толку от меня будет мало», — подумал он, поднимаясь и застёгивая пояс.

— Отдыхай, мы с Эриком и Лирой сделаем все сами.

— Но...

— Никаких но! После твоих ранений полагается не один месяц восстанавливать силы.

— Но... — повторил Лариэс.

Алиссия нахмурилась.

— Я, кажется, приказала тебе лежать и восстанавливаться. Что непонятного?

— Я должен...

— Ты ничего и никому не должен! Хватит уже взваливать на себя непосильный груз, ты не один, у тебя есть союзники. Не пытайся защитить всех, иначе вновь отправишься в полет и на этот раз рядом не окажется гарпии, готовой отдать свои крылья за твою жизнь.

Лариэс скривился. Под ложечкой неприятно засосало.

— Хорошо. Я побуду тут. Прошу об одном: не рискуйте попусту.

— Не волнуйся, в компании Эрика мы в безопасности.

Лариэс вымученно улыбнулся.

— Вот уж не скажи. Зная его любовь к дамам...

— Ничего, справимся как-нибудь.

Алиссия поднялась и вышла из комнаты, оставив Лариэса наедине со своими мыслями. Тяжело ощущать собственную беспомощность, но еще хуже — быть обузой для боевых товарищей.

«Может быть, я жаждал смерти еще и поэтому?»

Сложный, можно даже сказать, философский вопрос.

Лариэс, убедившись, что никого нет, поднялся, прошел к углу комнаты, где валялась забытая хозяином палка и, подобрав ее, встал в защитную стойку.

Он и так потратил слишком много времени упиваясь собственной никчемностью и желая смерти. Хватит! Вороний Король поверил ему, простил, сделал учеником! А значит, пусть, с одной рукой, пусть с плохо слушающейся ногой, пусть с ребрами, не залеченными до конца, он будет драться!

«Как и всегда».

Юноша начал медленно, неторопливо, наносить атаки, перетекая из одной стойки в другую и разогревая тело. Работал он левой рукой, что, к сожалению, влияло на и на силу и на точность, все-таки ведущей являлась покалеченная правая, но спустя десяток минут Лариэс, поймал темп, заметно усложнил картину боя с тенью, после чего принялся перемещаться по всей комнате, используя мебель, затем, стиснув зубы, отпрыгнул — ногу

тотчас же пронзило нестерпимо-жгучей болью — приземлился, одновременно коля из низкой стойки, и замер, тяжело дыша.

Сломанная нога не просто болела, ее точно рвали клещами, и юноша, с трудом доковыляв до кровати, кулем осел на перину, массируя конечность. Та не слишком мешала во время обратного пути вместе с Аеллой — полукровка тогда вообще мало на что реагировал, она не слишком мешала во время сражения на Мариевых полях — спасибо лошади, но сейчас, когда пришлось долго ходить пешком, нога напомнила своему хозяину о том, что не успела зарости и с ней следует обращаться бережно.

«Но у меня нет на это времени!» — стиснув зубы думал бывший Щит принца. — «Через три дня начнется штурм столицы, и я понадоблюсь!»

Он еще не знал, что именно сделает, не представлял, какую помощь сумеет оказать, но был уверен — в стороне не останется, что бы там не говорила Алиссия.

Дверь тихо открылась и внутрь вошел Руфин. Бросив короткий взгляд на своего товарища, кузнец фыркнул, и, взяв по дороге табурет, подошел к кровати и уселся напротив нее.

— Тебе, кажется, было велено копить силы, а не разносить мою комнату черенком от швабры.

— Я ничего не разнес! — возмущенно воскликнул Лариэс.

— Но старался, — сварливо заметил мастер-оружейник. — Что, не сидится на месте?

— Нет, — потупился юноша.

— Понимаю, — хмыкнул Руфин, — ты всегда был с шилом в одном месте. Вот, возьми-ка.

С этими словами он протянул Лариэсу длинный сверток. Тот принял подарок и аккуратно развернул ткань, с трудом сдерживая восхищенный вздох.

— Заказ пришел от одного дворянина, но думаю, тебе будет нужнее, особенно, если учесть, какой хлам ты получил от щедрот своего нового хозяина. Но учти, упадешь с этим в очередную пропасть, на новый не надейся, так и знай!

— Не знаю, что и сказать, — прошептал Лариэс, зачарованно разглядывая содержимое свертка.

— Для начала можешь поблагодарить.

— Спасибо! — с чувством ответил юноша, аккуратно, почти нежно касаясь пальцами затейливых ножен. — Можно... посмотреть?

— Я ж говорю, это — твое.

Юноша сглотнул, вперив свой взгляд на подарок. Им оказался длинный узкий меч наподобие того, что он забрал у Руфина перед тем проклятым Господом путешествием. Отличалась лишь гарда — массивная, сложная, чашкой закрывающая руку, и позволяющая не пользоваться боевой перчаткой, что, определенно, должно было положительно сказаться на подвижности конечности.

В его предыдущем мече гарда все-таки была попроще.

Лариэс на треть выдвинул оружие из ножен. Двусторонняя заточка, волукримская сталь. Логично — ни с чем другим мастер уровня Руфина работать не станет. И, конечно же, несколько рун сковывающих. Стало быть, по качеству этот клинок ничем не уступает его предыдущему.

— Ты уверен, что это стоит отдавать калеке?

— Уверен. Драться ты сможешь, пусть и не так прытко, глядишь, этот малыш позволит

хоть немного уравнивать шансы.

В его словах был здравый смысл и Лариэс от всей души поблагодарил старого друга. После этого он указал на сложную гарду и поинтересовался:

— Экспериментируешь?

— Знал, что ты оценишь, — ухмыльнулся рыжеволосый здоровяк.

— Интересная идея, — одобрительно согласился Лариэс, еще раз взвесив клинок в руке, отметив снижение веса. — Улучшит контроль и точность. Кто же это такой умный нашелся среди заказчиков?

— Барон Иоанн Торский, знаешь такого?

Лариэс помрачнел. Конечно, он знал барона — одного из немногих людей, которых полукровка считал своим другом.

— Он сейчас в столице? — враз осипшим голосом поинтересовался юноша.

— Нет, насколько я знаю. Командует гарнизоном в какой-то крепости, где именно — понятия не имею. За мечом должен был прислать курьера, но, как ты понимаешь, по некоторым причинам сделать это сейчас затруднительно.

С этим было сложно спорить. Когда восток страны попросту отвалился, на северо-западе бродят отряды марравов, а север и центр наводнены войсками Вороньего Короля, особо не покачешь. Почтовое сообщение нарушено, отсылать курьеров, когда каждый человек на счету — глупо. Вот и лежит меч, дожидается, так сказать, нового хозяина.

«Надеюсь, Иоанн поймет и простит», — с грустной усмешкой подумал Лариэс. — «Новый клинок мне сейчас действительно необходим».

— Спасибо, — еще раз поблагодарил он. — Я признателен тебе за все. Финансовые вопросы утрясем немного позднее, когда я получу первый доход с пожалованных наставником земель.

— Не за что, — рыжеволосый потрепал его по плечу, затем подмигнул. — Что за земля-то?

— Да я как-то не интересовался... — смущенно ответил Лариэс. — Не до того было. Он пожаловал, а что, как, где?

Виконт пожал плечами.

— Охотно верю, — улыбнулся Руфин. — Но, когда все закончится, ты съезди, что ли, посмотри, хуже не будет.

— Думаешь, что это закончится скоро? — шепотом спросил Лариэс.

Улыбка сползла с губ Руфина, точно ее и не было. Мастер-оружейник помялся, точно не решаясь произнести вслух то, что давно уже вертелось на языке, наконец, что-то для себя решив, он сказал:

— Нет, Лариэс, все только начинается.

Рывком поднявшись, Руфин вздохнул и направился к двери.

— Ладно, ты отдыхай давай, через три дня нам понадобятся все, кто может держать оружие.

Часы тянулись медленно, со скоростью черепахи, утомленной дневной жарой, и все-таки, время шло. Уже на следующий день Лариэс, не выбиравшийся больше на улицы города по причинам конспирации, почуял, как нечто изменилось: шум городских улиц сменился тишиной. Тягучей, напоенной страхом и надеждой на избавление. Тишиной осажденного

города.

Затем та растаяла в сонме унылых голосов, просящих, требующих, молящих. Где-то вдалеке кто-то кричал, пару раз даже слышался звон металла. И это было знакомо, и тут не было ничего нового.

Когда Эрик посетил его днем, Лариэс выяснил у товарища последние новости. Как он и ожидал, в город массово прибывали беженцы со всех окрестностей — предвестники надвигающегося рока. Вместе с ними внутри стен оказались и многочисленные передовые дозоры. И все несли одну и ту же весть: идет Вороний Король!

На второй день паника заметно ослабела — это верный своим принципам Сервус возвратил порядок на улицы самых бедных городских кварталов. Он же ввел в городе осадное положение, расставив своих людей на стенах, пресек любые попытки воспользоваться надвигающимся бедствием с корыстными целями. Наверняка, даже успел повесить кого-нибудь — для острастки. Что-что, а карать капитан стражи умел превосходно.

Вечером, когда он вместе с Сайорисом пришел к Руфину, чей дом неожиданно превратился в штаб заговора, это предположение было подтверждено.

— Пара банд решила, что сейчас — лучшее время пощипать богачей, — охотно объяснил Сервус. — Я же счел, что этим идиотам следует болтаться в петле, а так как наместник города сейчас я, то возражений не последовало.

— Странно, что королева не оставила в Сентии Амандуса, — заметил Лариэс. — Говоря начистоту, именно его я опасался больше всего. Ну, после Мислии, конечно.

— Да, это серьезная ошибка Кэлисты, — согласился Сервус. — Слухачи канцлера работают ничуть не хуже Теней, а он, как я знаю, мало того, что сам просился на передовую, так еще и прихватил изрядную часть своих лучших людей.

— Вот уж не ожидал от нашего философа такой любви к Дилирису.

— К заднице своей у него любовь, — довольно грубо произнес Гай Пилум, который пришел раньше капитана городской стражи и теперь внимательно слушал разговор. — После того, как принца ослепили, злые языки начали прочить отставку любимцу ее величества, впавшему в монаршую немилость. Вот наместник и старается.

— Нам же лучше, — пожал плечами Лариэс. — Просто не ожидал от него такой беспечности: оставить столицу без большей части Теней и своих соглядатаев... Непохоже на Амандуса.

— Когда петля маячит, будешь крутиться, — фыркнул Сайорис.

— Меч, — поправил его Сервус. — Амандус, все-таки, человек благородного происхождения.

— А не один ли хер? — грубо поинтересовался бандит.

— Да так-то, один, конечно, — согласился капитан городской стражи. — В любом случае, наша работа заметно упрощается. Надежные бойцы стоят на всех воротах, и когда я отдам приказ, они распахнут их.

— Мои люди готовы устроить бучу, как и договаривались, — добавил Король Попрошаек.

— А мы подготовим вам проход в Новый Город, — вставил Руфин.

— Остатки гвардии принца с тобой, капитан, — тепло улыбнувшись, закончил Гай Пилум.

Лариэс вымученно улыбнулся.

— Что ж, тогда нам остается только ждать, и надеяться на лучшее.

Армия Корвуса встала лагерем в половине мили от города, напротив главных — Северных — ворот. Небольшие отряды перекрыли остальные выходы, но, естественно, без флота не приходилось даже надеяться на то, чтобы установить полную блокаду. Впрочем, этого и не требовалось.

Ночью Лариэс вновь встретился с Корвусом на Грани и получил четкий приказ: начать, как только колокола зазвонят к вечерней службе.

День прошел в нервном ожидании. Полукровка дергался от каждого шороха, ни на секунду не расставаясь с новым мечом. Ему казалось, что стоит расслабиться на миг, как двери распахнутся, и в комнату ворвутся Тени вперемешку с гвардейцами.

Но никто не врывается, ничего не происходит. И поэтому Лариэс сидел на кровати, шепча одну молитву за другой. Он чувствовал, что сегодня потребуется вся помощь высших сил, какую только выйдет заполучить.

Там, за пределами стен, сейчас наверняка встречались парламентареры, предложение о капитуляции было отвергнуто, а значит, мостовые скоро окрасятся алым.

Светило неумолимо и безжалостно клонилось к закату, когда Лариэс понял — началось. Дверь открылась и в комнату вошли Лира с Алиссией. Обе девушки нарядились в мужскую одежду: брюки, кожаные куртки, рубашки... Тонкие кольчуги. Алиссия также накинула капюшон, чтобы скрыть лицо, и прихватила перчатки, но не взяла никакого оружия. На поясе же светловолосой ученицы Кающегося висел меч.

Позади них торчала макушка Эрика, укрытая шлемом. Волк не собирался отсиживаться за спинами других, а потому вызвался помогать Гаю Пилуму в важном деле — борьбе за ворота дворца. Нетрудно было догадаться, что гвардейцам придется тяжелее всего. Впрочем, однорукий лучник был, как всегда, весел и жизнерадостен, и только пальцы, чересчур сильно сжимавшие рукоять меча, выдавали его волнение.

— Уверен, что пойдешь с Гаем? — без особой надежды поинтересовался Лариэс. — Там будет жарко.

— Не теплее, чем у тебя, — пожал плечами Эрик, — чего ж не прячешься за спинами других, мой капитан?

— Не приучен к такому.

— Как и я.

Мужчины улыбнулись друг другу и крепко пожали руки, после чего Волк стремительно развернулся и направился прочь — в паре улиц отсюда его уже ждали несколько надежных гвардейцев, с которыми воин и должен был пробраться ко дворцу.

Алиссия, все это время не произносившая ни слова, коротко кивнула Лариэсу.

— Готов?

— Да.

— Хорошо, тогда защищай нас.

Лариэс улыбнулся, поднимаясь. Он уже успел облачиться в доспехи: грудь его защищала кираса, руки и ноги прикрывали поножи с наручами, бедра прикрывала металлическая пластинчатая юбка, шею — металлическое ожерелье. Ну и, конечно же, голову оберегал шлем.

Все это добро он прихватил из запасов Руфина, подобрав железо под себя и подтянув

ремнями те элементы, что сидели не слишком хорошо.

— Конечно, защищу, — кивнул он. — Вперед.

Добраться незаметно до Северных ворот Нижнего города оказалось не так сложно, как боялся Лариэс. Здесь им обещал помочь Король Попрошаек. Третье кольцо вызвался удерживать Руфин, и полукровка верил старому товарищу, как себе.

Больше всего, конечно же, виконта сейчас волновала верность Сервуса, ведь от действий его бойцов зависело, получится ли взять хотя бы один уровень стен или нет.

«Ведь может оказаться, что сейчас мы идем прямо в распахнутую ловушку», — думал он. — «И что тогда? Как быть в этом случае?»

Он ускорил шаг и замер возле выхода из узкой боковой улочки, ведущей к предвратной площади. Алиссия с Лирой тихо стояли позади, стараясь не привлекать лишнего внимания.

«А ничего мы не сделаем», — подумал юноша. — «Просто умрем, вот и все, и хватит об этом».

Площадь, меж тем, медленно, но верно стала заполняться разного рода сомнительными личностями. Нищие один за другим приходили сюда, сбиваясь в кучи и не обращая ни малейшего внимания на стражников, стоящих возле распахнутых настежь ворот. Задача была проста: удержать проход ровно до того момента, как сюда доберутся передовые отряды Волукрима, а затем присоединиться к ним и двигаться вперед.

Вся проблема заключалась в крайне высокой сложности задуманного. Казалось, что заговорщики имеют возможность взять нахрапом вообще все стены, не испытав особых трудностей, но, естественно, это было не так. Да, Сайорис отдал распоряжения своим нищим. Да, Руфин собрал мастеровых, доверявших ему, и обещал затеять свару возле третьих ворот. Да, Сервус в последний момент изменил график дежурств таким образом, чтобы на внешней стене оказались лишь те, кто выполнит любой приказ без раздумий. Вот только никто не посвящал в планы всю городскую стражу. А значит, как только армия Волукрима окажется в городе, воины королевы попытаются дать отпор захватчикам, даже если сам Сервус будет ехать в первых рядах и прикажет сложить оружие. Да, защитников сметут, но время! Время сейчас стоит дороже золота. Каждая минута промедления будет означать гибель товарищей.

Одно дело — открыть ворота и продержаться достаточно для того, чтобы большой конный отряд проник внутрь и обеспечил захват как минимум одной линии укреплений, и совсем другое — проделать подобный трюк четырежды.

Тем не менее, Лариэс решил рискнуть.

Кровь прольется в любом случае, весь вопрос лишь в том, сколько ее будет. Чем больше стен получится захватить с наскока, пока стража, гвардейцы и Тени не придут в себя, тем больше шансов обойтись малым числом жертв и, чем черт не шутит, даже окончить эту войну до того, как она примет необратимый характер.

Вот только планы, особенно такие многоступенчатые, имеют паршивое обыкновение идти не так, как нужно. Он выдохнул и ободряюще кивнул заметно нервничающей Алиссии.

— Скоро все так или иначе разрешится, — проговорил Лариэс, стараясь, чтобы голос его звучал бодро. — И все же мне хотелось бы сейчас оказаться неподалеку от Сервуса.

— Не доверяешь ему? — подала голос Лира.

— Нет.

— Напрасно, он не врет.

Полукровка повернулся и в упор посмотрел на ученицу Кающегося.

— Древний научил тебя читать души? — пошутил он

— Я умела это и до встречи с ним, — абсолютно серьезно ответила девушка, — хотя, конечно, не так хорошо. Я верю Сервусу и ты верь. Ты сумел убедить его.

Лариэс не был в этом уверен, но деликатно промолчал. Если ей хочется так думать, что ж, кто он такой, чтобы мешать?

— И мы нужнее тут, — добавила Алиссия. — Кто-то должен будет держать ворота, если что.

Тут она была права целиком и полностью, вот только...

— Много ли навоюют калека и две женщины?

Алиссия загадочно улыбнулась.

— Больше, чем ты можешь представить.

«Кажется, Орелия научила ее не только лечить», — запоздало подумал Лариэс.

Вообще-то, о возможностях девушки следовало узнавать не перед началом сражения.

«Да уж, теряю хватку. Или все никак не могу прийти в себя после падения со скалы? Что ж, другие после таких полетов чувствуют себя хуже, так что мне еще грех жаловаться».

Он прислушался. Издалека доносились знакомые звуки: топот сотен копыт, яростные крики всадников, ведущих своих коней в атаку, громкие отрывистые команды офицеров, обрывки которых долетали сюда.

Лариэс затаил дыхание, ожидая что в любую секунду раздастся рев пушек и тяжелых осадных аркебуз, сотни которых были установлены на бастионах недостроенного внешнего кольца стен. Секунда, за ней еще одна и еще. А затем...

— Брат, ты точно думаешь, что это хорошая идея? — Изегрим недоверчиво покосился на Корвуса, который восседал на могучем Кошмаре.

Сковывающий выглядел все также флегматично и сосредоточенно, как и всегда, его пронизательные карие глаза с любопытством разглядывали Северные ворота Сентия, а губы под повязкой наверняка были растянуты в грустной улыбке. Ания, гордо восседавшая на плече Древнего, повернула голову и высказала свою точку зрения:

— Кар.

— Ну с тобой-то все ясно, — фыркнул Охотник, — подпевала.

— Кар! — громче и с обидой в голосе повторила птица.

— Да-да все будет хорошо, ведь ты с нами. Как же мы раньше-то обходились без столь мудрого и великого существа, — с легким раздражением в голосе ответил Изегрим.

Ания всегда заметно раздражала его — эта чертова птица умела довести собеседника до белого каления, чем регулярно и пользовалась.

— Ну-ну не ссорьтесь, — хмыкнул Корвус. — Я понимаю, брат, что тебе не нравится наша затея, но скажи, неужели есть какие-то другие варианты?

— Есть. Не обязательно штурмовать город во главе собственного войска.

— Если все пройдет удачно, штурма как такового не будет, мы просто доберемся до замка и осадим его, после чего за пару дней Сентий отойдет к его величеству Устину Вентису.

— А если не пройдет?

— Тогда наше с тобой место тем более во главе. Я и так отказался от применения собственной магии на Мариевых полях, и это стоило жизни тысячам моих подданных...

Впрочем, ее применение убило бы миллионы. Или еще убьет...

Корвус нахмурился — эти мысли определенно донимали его в последние недели и ничего удивительного тут не было. Ведь именно приказ, отданный в порыве ярости, поставил мир на грань новой Последней Войны.

Лично Изегрим был рад случившемуся. Нет, он, конечно же, не желал массового смертоубийства и гибели девяти из десяти живущих, однако затянувшееся противостояние между ними и Лорием с Танмой изрядно поднадоело. Каждый год, прожитый в мире, лишь приближал кровавую развязку и давал противоборствующим сторонам подготовиться чуть лучше.

«Так пусть уж лучше все начнется сейчас, чем спустя десять лет», — думал изредка Древний.

Естественно, Корвусу об этом он не сказал бы даже под страхом смерти — старому другу хватало и иных забот, нечего ему волноваться о кровном брате.

— Надеюсь, что большой войны все-таки получится избежать, — проговорил Корвус после паузы, — иначе жертвы окажутся напрасными. Именно поэтому Сентий должен быть взят быстро, для чего атаку возглавим мы с тобой.

— Как скажешь, — вздохнул Изегрим.

В принципе, беспокоиться особо было не о чем: большая часть магов Дилириса, а также их лучшие отряды сейчас играли в прятки с Паллидием — вот уж талантливый паренек! — а с пушками они уж как-нибудь сладят, что бы там Александер ни плел про великие перспективы огнестрельного оружия и разрушительную мощь пороха.

— Интересно, долго ли нам ждать условного сигнала? — пробурчал Изегрим, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

— Не думаю, — подключился к их разговору третий собеседник — Устин Вентис собственной персоной.

К несчастью, ветророжденный в категоричной форме настоял на своем участии в грядущей атаке, и Корвус по какой-то одному ему ведомой причине согласился. Это не укладывалось в голове у Изегрима, тот считал, что персоны столь ценные, как их претендент на королевский престол, просто не имеют права рисковать здоровьем, участвуя в планах, откровенно говоря, папахивающих авантюрой, но кто его будет слушать?

«Если начнут стрелять, постараюсь заслонить его собой и утащить назад», — подумал Древний, оглядываясь.

Ровные прямоугольники конницы были готовы двинуться вперед по первому приказу: пять тяжело бронированных всадников в ряд с флагами Дилириса. Двадцать рядов. Личная гвардия его некоронованного еще величества, великолепные всадники Дилириса на восхитительных скакунах, облаченные в броню, укрепленную магией сковывания. Элитная тяжелая конница, которой всегда остро не хватало армии Дилириса. Именно поэтому гробить те немногочисленные сотни, что имелись под рукой, мягко говоря, не хотелось...

Но Корвус сказал: «верь мне» и Изегрим, как всегда, верил.

В этот момент Корвус прищурился и, отпустив поводья, вытянул вперед руку.

— Смотрите, это оно?

Изегрим напряг зрение и различил трепыхающийся над воротами белый стяг.

— Оно.

— Да, оно, — подтвердил Устин Вентис, убирая подзорную трубу. — Что ж, ваше величество, командуйте.

— Вперед! — приказал Корвус, вновь взявшись за поводья и осторожно ткнув бока коня пятками.

И они двинулись вперед, медленно, спокойно, с убраным оружием и поднятыми забралами шлемов. Как на парад.

— Господин мой, что происходит? — лейтенант Флавиан с ужасом смотрел на Сервуса, и в его глазах плескался страх вперемешку с надеждой. — Почему вы подняли белый флаг? Господин?

Сервус зажмурился, считая до десяти. Этот приемчик, показанный Орелией, помогал против порывов ярости. По идее, должен был работать и с неуверенностью. А капитан городской стражи в настоящий момент был так неуверен в том, что делает, как только это было возможно.

Он изменил присяге, предал законную правительницу Дилириса, собирался открыть ворота захватчикам.

«Все так, именно так, но есть нюансы, как говорится в одном похабном анекдоте!»

Сервус присягал не только хранить верность королеве, но и заботиться о жителях Сентия, причем их благополучие для него было заметно важнее, нежели радость венценосной сучки. Королева — тут Лариэс был совершенно прав — сама навлекла на себя беду, учудив какую-то совершенно безумную глупость.

«Ради чего, Господи? Зачем они сделали это? Они все сошли с ума?» — не раз и не два задавал он себе тяжелый вопрос и не мог найти на него ответа.

В действиях королевы не было никакой логики, она подставила Дилирис под сокрушительный удар, ответить на который страна попросту была не в состоянии. То, что часть армии еще не уничтожена, свидетельствует лишь об одном — Корвус действительно не хочет полноценной войны со своим старым другом Лорием Солумом — истинным правителем империи Аэтернум.

«Хотя какая, в самом деле, разница?» — подумал он, с трудом сдерживая дрожь в руках. — «Я сделал свой выбор. Не ради выгоды, а во имя жизней горожан!»

И он ни на единый миг не кривил душой. Сервус в чем-то был очень похож на Лариэса, собственно, поэтому они поддерживали неплохие отношения с полукровкой в бытность того капитаном гвардии принца. Оба — фанатичные служаки, жившие только своим долгом. Что ни говори, а один талант у королевы имелся — она умела подбирать людей, всем сердцем болеющих за дело. Вот только, увы, на большее Кэлисте не хватило мозгов, потому как в противном случае она ни за что не оставила бы его в городе без присмотра... Впрочем, откуда королеве было знать, что Лариэс выживет и станет свидетелем обвинения?

«Все преступники считают, что не совершили ошибок и замели все следы. И каждый раз что-то да остается. Не знаю уж, как она смогла избавиться от Кающегося и Целительницы, но раз их до сих пор не нашли, следует предположить самое плохое».

Они убили Орелию... Убили Ори...

Зубы Сервуса скрипнули.

Эти ублюдки прикончили святую! Ту, кто из года в год отдавала всю себя людям, ту, кто никогда не требовал с простых горожан ни единого медяка за лечение, ту, чьи усилия века назад позволили забыть о таких словах, как «чума» и «оспа»! Убили безжалостно, ради чего?

Очередной приступ ярости смел то хрупкое спокойствие, которое Сервусу удалось

восстановить, но одновременно с этим красная пелена, на миг вставшая перед глазами, избавила его от сомнений и тревог, и капитан городской стражи повернулся к своему подчиненному.

Тот выглядел смущенным и напуганным, он не понимал, что происходит и ждал команд.

«Он верит мне. Они верят. И выполняют любой приказ. По крайней мере, я хочу надеяться на это».

Сервус открыл рот и хрипло выдавил из себя:

— Открыть ворота.

— Что? — лейтенант остолбенел.

— Я неясно выразился?! — проревел Сервус. — Открыть ворота, живо!

На долгий тягучий миг ему показалось, что Флавиан сейчас выхватит меч и бросится на своего командира. Но этого не произошло. Лейтенант отдал честь и проорал приказ подчинённым.

Заскрипели подъемные механизмы, и ворота медленно, но верно принялись отворяться.

«Половина дела сделана», — подумал Сервус, оглядывая стену.

На ней в совершенной прострации замерли как его городские стражники, так и немногочисленные гвардейцы, присланные заместителем Амандуса для усиления их позиций. Он буквально чувствовал оторопелость аркебузирова и пушкарей, их непонимание и неверие в происходящее.

А еще Сервус заметил нескольких людей, закутанных в темное, стремящихся к нему от другой секции стены.

«Этот парнишка, Лариэс, боялся, что Тени с легкостью выйдут на них и зарубят заговор на корню. Хе! Глупый юнец! Виконт так и не поверил, что в Сентии больше не осталось тех Теней, к которым он привык. Сколько из них погибло во время ночной атаки Охотника? А сколько раньше? Из тех же, кто остался всех более-менее толковых забрала с собой Мислия. Впрочем, этих двух вполне может оказаться достаточно для того, чтобы отправить меня на свидание с Господом».

А раз так, у него есть лишь несколько секунд, которые следует использовать правильно.

Сервус набрал полную грудь воздуха и заорал хорошо поставленным командирским голосом:

— Разоружить гвардейцев и Теней! Не стрелять! Защищать ворота! Слава его величеству Устину Вентису, истинному правителю Дилириса!

Так заговоры никто не делает. Это глупость. Нормальные измены и предательства совершаются тихо, незаметно, под покровом ночи. Ну или, на худой конец, за тридевять земель. Там, где все следы можно сбросить со скалы либо запечатать в бесконечных подземных переходах.

Орать же среди бела дня, глядя на приближающийся конный отряд, в высшей степени глупо. По идее, это не должно было сработать. Однако, сработало.

Он не просто так поставил на внешнюю стену самых тупых и исполнительных стражников, которых только сумел найти. Сервус, знавший имя каждого — каждого! — своего подчиненного, прекрасно понимал, как увеличить шансы на выживание, а заодно — помочь общему делу.

И как только последние слова сорвались с губ, воины принялись действовать, не думая, не рассуждая, подчиняясь приказу.

Мечи покинули ножны, алебарды слетели с плеч, аркебузы и арбалеты поднялись. И все это богатство повернулось в сторону верных королеве людей.

Две Тени, надо отдать им должное, попытались прорваться, но было слишком поздно — стражники приняли их и нашинковали в капусту буквально за несколько ударов сердца.

«Как просто взять столицу королевства», — подумал Сервус, наблюдая за тем, как первые всадники въезжают в город. — «Не понадобился даже осел, груженный золотом».

Он махнул лейтенанту рукой и направился вниз. Теперь следовало действовать очень быстро, если, конечно, они хотят пролить как можно меньше крови.

— Отправь вестовых на все посты, — коротко приказывал он, — пусть разоружают гвардейцев и оказывают всяческое содействие людям его величества и его союзников. Исполнять!

Лейтенант буквально растворился в воздухе, с такой скоростью он кинулся выполнять распоряжение капитана, а Сервус медленно спустился вниз, оказавшись лицом к лицу с тремя людьми. Устина Вентиса он знал, ну а про остальных слышали, наверное, даже младенцы.

Один — калека, лишенный левой руки, укрывший маской нижнюю половину лица, второй — ничем не примечательный мужчина средних лет с короткой стрижкой, не носящий никаких доспехов. Корвус и его кровный брат Изегрим. Древние.

— Приветствую вас в Сентии, ваше величество, — поклонился он Устину.

— Давно не виделись, Сервус, — спокойным голосом отозвался Вентис. — Вот уж не ожидал, что Лариэс сумеет соблазнить тебя идеей служения новому королю.

— Я служу не вам. — Получилось чуть резче, чем хотелось бы, но иначе Сервус не мог. — Я служу городу. Лариэс сказал, что вы гарантируете безопасность жителей.

— Конечно, я не собираюсь грабить собственную столицу, а войска его величества Корвуса славятся своей железной дисциплиной.

Сковывающий, все это время с интересом разглядывавший Сервуса, кивнул.

— Мы не только не будем грабить, но и поможем страже поддерживать порядок. Полагаю, это может быть полезно, — донеслось из-под платка, закрывавшего всю нижнюю половину лица.

Голос Древнего был откровенно неприятным, сухим и режущим, точно кромка ржавого ножа, но Сервусу почудилась искренность в сказанном, и капитан стражи понадеялся, что опыт не подводит его.

Сервус снова поклонился, глядя как все новые и новые конные сотни въезжают в ворота и устремляются вперед, ведомые, судя по всему, теми из воинов Устина Вентиса, что жили в Сентии раньше и знали местность.

«Что ж, времени они зря не теряют, уже хорошо».

— Полагаю, — произнес он, — нам нужно поспешить. Остальные участники заговора ожидают подкреплений.

— Изегрим, проверишь? — попросил, не приказал Корвус. — Ты самый быстрый из нас.

Невзрачный мужчина криво ухмыльнулся и слез с лошади, а в следующий миг... Сервусу от неожиданности очень захотелось протереть глаза. Еще секунду назад Древний стоял рядом со своим конем, и вот его нет. Пропал, растворился в воздухе. Капитан городской стражи на самой кромке восприятия разглядел лишь какое-то смазанное движение, и все кончилось.

Сервус моргнул.

«Проклятье, вот это скорость? А что мешало этому монстру просто перебраться через стену и поубивать нас всех?»

Ответ пришел сам собой, простой и очевидный, высказанный Лариэсом несколько дней назад: они действительно сдерживаются, потому что боятся большой войны.

На губах капитана проступила тень легкой улыбки.

«Что ж, быть может, я все-таки сделал правильный выбор». — Он посмотрел вперед, туда, где уже начинало звенеть оружие, затем перевел взгляд на подбежавшим за указаниями лейтенантам. — «А теперь следует собраться и доделать начатое!»

Когда к распахнутым воротам подбежал взмыленный стражник, Лариэс напрягся.

«Вот он, момент истины. Сейчас я узнаю, получилось или нет. Какой приказ будет отдан: открыть ворота или запереть их намертво и приготовиться к бою?»

Стражник, яростно жестикулируя, принялся выкрикивать команды. Приглядевшись, Лариэс понял, что это не солдат, а офицер — лейтенант городской стражи. Стало быть, приказ, полученный им, пришел непосредственно от Сервуса.

Товарищи слушали вестника, обступив того плотным кольцом, и на лицах воинов проступало все большее и большее удивление. У кого-то оно переходило в тупую покорность, но не у всех. Особенно однозначными выглядели лица дворцовых гвардейцев королевы, приданных стражникам для усиления. Или для контроля? Сложно сказать наверняка.

— Идем, — шепнул он девушкам и первым покинул убежище в проулке, стараясь, не привлекая особого внимания приблизиться к воротам, которые, возможно, сейчас придется защищать.

Скорее всего, передовые отряды армии Волукрима должны быть на подходе, вопрос лишь в том, сколь долго они будут добираться.

Покосившись по сторонам, Лариэс заметил, что одновременно с ним двигаться начали и некоторые из нищих, пробиваясь через толпу, заполонившую предвратную площадь.

Из-за царящего гама было решительно невозможно услышать, о чем же именно говорят солдаты, однако последнюю фразу, скорее даже яростный вопль, Лариэс услышал отчетливо:

— Изменник! — проревел один из гвардейцев, выхватывая меч, и это стало сигналом.

Оружие покинуло ножны, и буквально через несколько секунд возле ворот и на стенах закипело сражение.

Лариэс и не предполагал, что все может развалиться так быстро, что стражники вцепятся в плотки гвардейцев с таким остервенением. Впрочем, не все — больше половины встали на сторону дворцовой стражи, а значит, если ничего не предпринять, то в считанные минуты верные Сервусу люди будут мертвы, а ворота закроются.

— Вперед! — прокричал Лариэс, скидывая плащ и выхватывая клинок.

Он даже попытался бежать, не обращая внимания на дикую боль, рвущую ногу, но получалось неважно. Лира опередила Лариэса на два корпуса и первой пришла на помощь стражникам, за ней сразу несколько бродяг вступили в бой, стараясь нападать на верных королеве воинов со спины, и лишь после них виконт наконец-то оказался рядом с врагом.

Этого гвардейца юноша не знал, зато тот распознал его сразу.

— Щит принца? — воскликнул воин, машинально отбивая первый выпад полукровкой. — Почему вы с ними? Вы...

— Изменник, — грустно договорил Лариэс, с легкостью отводя неуклюжую атаку и погружая меч горло. — Предатель, — добавил он, высвобождая оружие и атакуя следующего противника — сержанта городской стражи, вооруженного алебардой. — Ренегат.

Пускай нога и рука подводили юношу, пока что все шло на удивление неплохо. Тут, конечно, немало помогла и неожиданность — гвардейцы оказались совершенно не готовы к атаке с двух сторон, а потому скоротечное, но весьма кровавое сражение закончилось окончательной и бесповоротной победой верных Сервусу людей.

«Победой изменников, называй вещи своими именами», — подумал Лариэс, хромя вперед.

Стражники стояли растерянные и непонимающие. Лейтенант, принесший приказ, уже остывал, а потому — Лариэс буквально чувствовал это — требовался лишь небольшой толчок для того, чтобы они в панике разбежались или же, наоборот, вспомнили о клятвах верности. Стало быть, командовать!

— Быстро занять позиции на стенах! — закричал он, не давая солдатам опомниться. — Трое со мной, еще десяток в дозор на соседние улицы, исполнять!

И его послушались, не задавая вопросов и Лариэсу даже показалось, что в глазах солдат светится радость от того, что не нужно брать на себя никакую ответственность.

Шум и крики из Нижнего города стали заметно ближе, если все пойдет как надо, то уже спустя какой-то десяток минут передовые отряды Волукрима достигнут ворот!

Именно в этот момент к нему подбежали несколько разведчиков.

— Гвардейцы идут в атаку — с ужасом в голосе прокричал один из солдат.

— Конные?

— Да, господин.

«А вот это плохо», — подумал Лариэс, лихорадочно прикидывая, что же можно сделать. Его внезапное воинство, мягко говоря, не блистало талантами: несколько десятков стражников возле стены и на ней, пара дюжин оборванцев, переданных Сайорисом и неспособных к нормальному противостоянию и, конечно же, они трое.

Но выбора не было — ворота должны оставаться распахнутыми.

— К бою! — приказал Лариэс. — Набросайте что-нибудь хотя бы отдаленно напоминающее баррикаду!

Времени подготовиться у них не осталось. Уже спустя несколько минут первый всадник вырвался из узких лабиринтов улочек, а за ним последовала бронированная лавина.

Безусловно, использовать конницу в городе не самая лучшая идея, однако в текущих условиях не самая и плохая. Войска Корвуса прорвались через узкое бутылочное горлышко и растекались по улицам, вступая в сражение с защитниками. Они теряли темп, а значит, если заткнуть дыру и убедиться в том, что на стенах стоят верные люди, можно попытаться отсечь часть армии вторжения и истребить ее, лишенную подкреплений и помощи извне. Но в первую очередь следует заткнуть все бреши, которые только получится.

Лариэс не знал, как идут дела у Руфина, но полагал, что мастер-оружейник, взявший на себя ворота в Новый Город, сейчас худо-бедно в безопасности.

По-хорошему, следовало бросить все и бежать, оставив большую часть столицы людям королевы, никто не осудил бы его — Лариэс и так сделал больше, чем можно было надеяться. Но он не желал праздновать труса, просто не мог и все тут.

А потому, когда первый из рыцарей, высоко воздев меч над головой, оказался рядом с ним, юноша пригнулся, перенес вес с больной ноги на здоровую, и ткнул противника мечом

под мышку, туда, где не было металлических пластин.

Человек страшно закричал и повалился из седла, а Лариэс, не теряя ни секунды, занял его место и, пнув коня по бокам, развернул животное навстречу атаке.

«Надеюсь, лошадка не слишком умна», — промелькнуло у него в голове, — «иначе я сейчас отправлюсь в полет».

На его счастье, скакун подчинился, а потому юноша получил отличную возможность прикрыть Алиссию и Лиру крупом животного. Он парировал атаку одного из рыцарей, увернулся от меча второго, сам нанес удар, правда, не особо результативный, и снова парирование, блок, уклонение.

Увы, не имея щита, Лариэс просто не мог на равных сражаться с опытными и отлично экипированными рыцарями королевы, а значит, оставалось лишь одно — тянуть время, ждать подкрепления.

Рядом с ним падали стражники, ну а люди Короля Нищих разбежались, не выдержав натиска и уже спустя пару минут Лариэс вместе с горсткой выживших был прижат к воротам.

Трофейная лошадь заржала и повалилась на бок с арбалетным болтом в шее и Лариэс с трудом успел выпрыгнуть из седла, приземлившись при этом на раненую ногу.

Острая боль пронзила все тело, и он не сумел сдержать крик. Тотчас же к юноше метнулись два закованных в латы рыцаря, которое пусть и потеряли в скорости из-за толчеи и давки, но вполне могли растоптать его еще до того, как получится подняться на ноги.

Лариэс заскрипел зубами в порыве бессильной ярости.

«Если бы я только был чуточку сильнее!» — подумал юноша, пытаясь встать.

Безнадежно!

Нога окончательно отказалась повиноваться своему хозяину и единственное, что Лариэсу оставалось делать, так это смотреть на приближающуюся смерть.

Неожиданно перед ним возникла фигура Алиссии. Девушка закрыла товарища и вытянула вперед правую руку. А уже в следующий миг оба рыцаря рухнули из седел. Вместо шлемов у них красовались кровавые дыры, но Лариэс видел, что именно сотворила ученица Орелии.

— Алиссия, — прохрипел он, забыв даже о боли и сражении, кипящем вокруг.

Юноша был готов поклясться чем угодно, что из пальцев девушки выстрелили две сосульки, которые на сумасшедшей скорости устремились к врагам и обезглавили их, после чего — растаяли.

— Ты... ты... ты хладорожденная? Но как?

Лири помогла ему подняться и зло шепнула на ухо:

— Тише! Не болтай. Будем надеяться, никто больше не заметил!

— Прощу прощения, — пристыженно ответил тот, — просто...

— Все разговоры — после, — прорычала Лири и, убедившись, что полукровка стоит на ногах, бросилась в гущу сражения.

Алиссия же отошла чуть назад и поравнялась с Лариэсом, прислонившись плечом к камню ворот.

— Надеюсь, никто не видел, — тихо прошептала она.

Лариэс кивнул. Он тоже надеялся на это. Весть о том, что одна из дочек Танмы каким-то образом сумела выжить, определенно не сулила ничего хорошего.

«Ситуация усложняется с каждым днем, но об этом мы подумаем после».

— Стой пока тут и не вздумай больше колдовать. — произнес он. — Я займусь ими. Бой еще не окончен.

В этом он был прав — защитники замка усиливали натиск, всерьез собираясь оставить за собой хотя бы четвертую линию стен.

Удары сыпались со всех сторон и Лариэс, чья нога уже не просто болела, а прямо-таки разрывалась от муки, сдерживал их из последних сил.

«Подкреплению неплохо бы поторопиться сейчас, если они хотят застать нас живыми», — невесело подумал он, отбивая очередную атаку. — «Проклятье, я больше не выдержу»!

И в тот момент, когда полукровка подумал об этом, в самую гущу схватки приземлился человек.

Сражающиеся не сразу поняли, что случилось, да и Лариэс сперва не поверил своим собственным глазам, и лишь спустя секунду он осознал, что же именно происходит и кто пришел на помощь.

— Кажется, я вовремя, — недобро усмехнулся Изегрим. — Это очень хорошо.

— Вы должны отправить это послание самым быстрым почтовым голубем, который только есть, — распорядилась Орелия. — И снарядите нескольких курьеров для надежности.

— Слушаюсь, о Ступившая на Путь Вечности, — поклонилась ей в пояс Пришка.

Древняя покосилась на собеседницу. Ни вопросов, ни лишне болтовни. Да, малышка Катержина хорошо выдрессировала своих телохранительниц. Непонятно только, где она сама.

— Что с оракулом? — коротко спросила она.

— Видящая сейчас находится в полевом лагере, о Ступившая на Путь Вечности, собирает роты в кулак.

— Стало быть, Корвус готовится к большой войне? Логично.

— Есть шанс, что Ступивший на Путь Вечности Лорий Солум все-таки сумеет принять правоту его величества, по крайней мере, так говорила моя госпожа.

«Есть шанс. Маленький, призрачный шанс», — неохотно подумала Древняя. — «Что ж, попробуем увеличить его».

— Ему также отправьте полную копию моего донесения.

На сей раз капитан Непорочных не сумела сдержать своего удивления.

— Полную, о Ступившая на Путь Вечности?

— Да. Это важно. Лорий должен знать, что за вероломством Вентисов кроется нечто гораздо большее, нежели простое желание уязвить Корвуса.

«Понять бы еще, что именно. Но, Великий Отец, у Кайсы есть свой оракул! И дракон! Как это вообще может быть? Проклятый род истреблен под корень»!

По крайней мере, наличие дракона объясняло невероятную преданность Мелиса, да и остальных перевёртышей, переживших Третью Войну Гнева. Естественно, оборотень будет служить своей королеве до последней капли крови. Что бы про него ни говорили, Мелис умеет хранить верность.

Она со вздохом огляделась по сторонам. Сейчас измученный отряд двигался в сопровождении нескольких сотен вооруженных до зубов воинов. Половина — непорочные, вторая половина — рыцари на службе Видящей. В центре колонны ползло несколько знаменитых виннифисских боевых телег, на которых лежали прочие члены отряда. Ридгару, закованному в Кандалы Духа, с каждым днем становилось все хуже, он уже не мог даже стоять. Рэмирус, выгоревший практически до основания, а также Игнис и Блаклинт, последовавшие его примеру, не приходили в себя уже вторые сутки, Вилнар, чье ранение оказалось настолько серьезным, что жизнь его висела на тоненькой ниточке.

«И, если эта ниточка оборвется, у меня не хватит ее срастить».

Орелия и сама чувствовала себя отвратительно, но старалась по возможности не подавать вида. Все равно, ничего не изменится, если даже она приляжет рядом с товарищами и не встанет до самой встречи с Корвусом. Ее проблема, увы, куда серьезнее, нежели физические повреждения или магическое истощение.

«Слишком часто я исцеляла и воскрешала», — с горечью подумала она. — «На этом, в общем-то, и строился их расчет».

И то, что подобный расчет имелся, пугало еще сильнее.

Слишком хорошо враги оказались подготовлены. Слишком много у них было

артефактов, о которых тем не полагалось даже знать. Слишком хорошо они использовали привычки Древних.

И, определенно, план, разработанный недругами, был чересчур сложным для простой интриги. Пускай Орелии с Рэмирусом и удалось нарушить его, но как знать, возможно, это уже не имеет особого значения?

— Долго ли нам добираться до вашего полевого лагеря? — уточнила она.

— Около дня, о Ступившая на Путь Вечности.

— Хорошо. Не расслабляйся, враги могут попытаться напасть на нас.

Пришка серьезно кивнула и похлопала себя по поясу, на котором висел пистолет.

— Всегда было интересно, насколько толста шкура у дракона, — улыбнулась она.

— Поверь, куда толще, чем кажется, — не разделила ее оптимизма Орелия. — Не уверена, что даже я смогу пробить ее с первого раза.

«Тем более, в таком состоянии».

— Вас поняла, о Ступившая на Путь Вечности, — без каких-либо эмоций ответила воительница.

— Хорошо, — Орелия прикрыла глаза — механическое тело обладало металлическими веками. — Все-таки, хорошо, что Катержина оставила тебя охранять северные рубежи герцогства.

«Оракул мудра, хоть и самая младшая из нас. Она понимает, что Кайсе нельзя доверять, и это правильно. Пока Корвус громит Дилирис, Кайса выжидает. Если подумать, то это глупо — Корвусу было бы сложнее воевать на два фронта. Значит, ее цель — втянуть в войну Лория. Следовательно, пока что ничего не кончено, а Кэлиста — точно такая же разменная монета, как и королева изначальных. Ее подвесили на ниточках и заставляют плясать танец, которого ветрожденная не понимает. Как и я».

Она тряхнула головой.

Когда не знаешь, что делать и нет возможности остановиться, выход один — броситься вперед, в сражение, а там уж будет видно.

«Жди нас Корвус, скоро мы прибудем».

Страх. Отчаяние. Обида.

Таривас вздохнул. В последние дни именно эти чувства шли со стороны матери. Причина подобного лежала на поверхности: катастрофа, повлекшая за собой потерю едва ли не половины страны, молчание Лория, на быструю помощь которого королева рассчитывала, и, конечно, пренебрежение Кайсы.

За прошедшие недели не один и не два посланца отправлялись на север с письмами, полными угроз, напоминаний и посулов. Их все объединяло одно: мольба о помощи. Кайса, которая согласно договоренностям, должна была ударить по герцогству Тиерланд — союзнику Волукрима, охраняющему его западную границу, как только армия Вороньего Короля вступит на земли Дилириса.

Время шло, одно поражение следовало за другим... И ничего не менялось. Кайса хранила каменное молчание и никто: ни Таривас, ни Эварис, ни даже сладкоречивый Амандус, не могли внятно объяснить столь странное поведение северянки.

Впрочем, любовник королевы все-таки пытался как-то утешить свою госпожу, но даже у него получалось не слишком хорошо — не очень удобно успокаивать людей, когда большую

часть времени приходится вместе с армией играть в кошки-мышки с волукримцами.

Честно говоря, именно это и выводило Тариваса из себя больше всего. Ученик Корвуса, противостоящий им сейчас, великолепно ориентировался на местности и не позволял навязать себе большое полевое сражение, в котором у вороноголовых, однозначно, не было ни единого шанса. Вместо этого он, рассылая сотни небольших отрядов, жалил исподтишка, жег обозы, отлавливал небольшие группы, идущие на соединение с основной армией, перехватывал гонцов.

В результате сложилась отвратительнейшая ситуация: столица оказалась в осаде, а королевская армия не могла выделить ни единого полка для помощи, потому как в этом случае превосходство над силами Паллидия становилось не столь уж и очевидным.

Более того, чтобы восстановиться после поражения на Мариевых полях, требовалось время и какая-никакая, но передышка. Корвус явно не собирался предоставлять им ни первого, ни второго. То, что он стремился во что бы то ни стало захватить Сентий, было понятно и объяснимо: Древний желал усадить на трон своего марионеточного короля.

«Дядя, как же ты мог?» — в очередной раз сокрушенно думал юноша и вновь прислушался к эмоциям матери. — «Радость? Это что-то новое?»

Он поднялся из-за стола, за которым бессмысленно сидел с самого утра, и сделал несколько неловких шагов по направлению к двери. Перемещаться в полной темноте Таривас пока что не научился.

Принц услышал торопливые шаги и скрип петель.

— Сынок! — мать влетела внутрь подобно комете.

Ее эмоции обрушились на Тариваса, оглушая и ошеломляя. Кэлиста буквально светилась от распиравшей ее радости.

— Да, матушка?

— Я получила ответ от Лория! — воскликнула она радостно.

— И какой же он? — Таривас подался вперед, жалея, что не может увидеть послание.

— Ультиматум Корвусу. Если тот до конца месяца не отведет армию с земли Дилириса, Аэтернум объявит ему войну!

— Стало быть, нам нужно лишь продержаться? — с облегчением проговорил принц.

— Вы не продержитесь, — раздался вдруг из-за спины спокойный ровный голос.

Таривас, выхватывая меч, обернулся, а мать, отстранив его в сторону, заслонила сына собой.

— Кто ты такая? — процедила она.

«Такая?» — Таривас нахмурился. Никаких эмоций не ощущалось со стороны, откуда слышался голос. Лишь ровное дыхание. — «Она не женщина?»

— Мое имя Питиа, — все столь же спокойно проговорила незнакомка, — и я являюсь посланницей ее величества Кайсы. Она передает свои извинения за то, что до сих пор не начала боевых действий против Вороньего Короля.

— Мне плевать на ее слова! — зло процедила Кэлиста.

Да, голос ее излучал злость, но чувства говорили о страхе.

«Чего мать боится? Кто эта женщина?»

— Не знала, что у нее на побегушках — оракул, — продолжила королева. — Я думала, что кроме Катержины вас в Интерсисе больше нет.

— Все так думают, это удобно, — без каких бы то ни было эмоций ответила Питиа.

«Оракул? Быть не может!»

То, что Кайсе служила ясновидящая, объясняло многое: и ее поразительную осведомленность, и умение подгадывать момент, и талант в выборе исполнителей. Непонятно только, как же она смогла заполучить в свои руки такое дарование.

«Об этом подумаем на досуге. Что она имела в виду, говоря о том, что мы не продержимся?»

Таривас озвучил свой вопрос вслух.

— Все очень просто. Город пал.

У Тариваса отвисла челюсть.

— Как? — выдавил он из себя. — Когда?

— Позавчера.

— Но это невозможно! — взвизгнула Кэлиста. — Там четыре ряда стен, плюс дворец, восемь тысяч стражей и еще полторы тысячи дворцовой гвардии!

— Большая часть стражи переметнулась на сторону вашего брата, они смогли с наскока занять три ряда стен. Четвертые же... Там все было сложно.

— Ты так говоришь, будто все видела сама, — с подозрением спросил Таривас.

— Так и есть.

— Но ты же...

— Незрячая? — равнодушным тоном подсказала девушка. — Это на что-то влияет?

— Допустим, что нет, — тяжело вздохнув, сказал Таривас. — Что с четвертой стеной и дворцом?

Слепая кивнула.

— Я расскажу, если вы желаете.

— Желаю.

— Хорошо, слушайте...

Рыцари быстро пришли в себя, и первый из них замахнулся на Изегрима мечом. Тот ленивым плавным движением перехватил руку с оружием и сдавил ее.

Послышался вопль, и конечность повисла плетью. Лариэс увидел смятый металл и дырки в том месте, где пальцы пронзили его.

— Слабый, — тихо, но отчетливо проговорил Изегрим и ударил левой рукой.

Забрало, наверняка усиленное магией сковывающих, глубоко вдавилось в лицо, и рыцарь упал, не издав больше ни звука. А вслед за этим настало время бойни.

Даже Ридгар не действовал с такой скоростью, а ведь Кающийся был едва ли не лучшим воином, которого Лариэсу доводилось видеть. Изегрим не тратил сил, не делал лишних движений, каждый удар, каждый блок или тычок был четко выверен и скуп. И каждая атака несла смерть.

Последний из гвардейцев попытался броситься наутек, но цепкая рука ухватила его за шлем и потянула назад.

— Куда это ты? — холодно осведомился Изегрим. — Впрочем, неважно. Умри.

Пальцы сжались. Человек взвыл, судорожно дернулся и затих.

Изегрим разжал пальцы и тело в смятом изуродованном шлеме рухнуло на кучу точно таких же переломанных, точно игрушки трупов.

«Монстр. Настоящее чудовище!» — промелькнуло в мозгу у Лариэса, но вслух не сказал ничего.

Растолкав немногочисленных выживших сторонников, с ужасом взиравших на своего неожиданного спасителя, виконт подошел к Изегриму и склонился в поклоне.

— Господин, нам нужно спешить, если хотим взять четвертую линию стен.

— Вам нужно, — согласился Изегрим. — Я же не буду в этом участвовать. И того, что сделал, многовато.

Лариэс понял, что Древний имеет в виду, а потому не стал спорить, тем более что сзади послышались голоса и ржание коней. Он обернулся и увидел въезжавших в распахнутые ворота тяжелых всадников с гербами Устина Вентиса на щитах.

— Лошадь мне! — прикрикнул юноша и когда один из стражей, до конца не пришедших еще в себя, подвел одного из трофейных коней, он, запретив себе думать о боли и о том, что же станет с покалеченной ногой, взобрался в седло.

— Господин, защитите Алиссию, а я покажу кратчайшую дорогу до четвертых ворот, — попросил он.

Изегрим, не говоря ни слова, склонил голову в знак согласия и Лариэсу показалось, что в его глазах читается одобрение.

— Капитан, за мной! — приказал Лариэс и, не оборачиваясь, пришпорил коня.

Чужой скакун не слишком желал повиноваться, но выбора у того попросту не было — Лариэс достаточно неплохо умел объезжать животных.

Он, не тратя ни секунды, выскочил в небольшую боковую улочку и, пустив хрипящее животное галопом, устремился вперед. Топот множества копыт свидетельствовал о том, что всадники послушались. Все-таки, полукровку видели в обществе Корвуса, да и слухи о его текущем статусе должны были гулять по лагерю. Логично, что приказы любимчика Древнего исполнялись быстро и без возражений.

Естественно, учитывая то, что в Сентии полным ходом шел бой, четвертая стена должна быть полностью готова к сражению, а ворота — закрыты. Добавив к этому количество магии, пропитывавшее старейшие стеры города, было нетрудно понять, что так просто преодолеть их не получится, именно поэтому основные силы Короля Попрошаек и цеховых мастеров должны были нанести удар сюда. Более того, чтобы повысить шансы, Лариэс решил штурмовать не главные ворота, а старые, именуемые Торговыми. Вот только добраться до них было не так просто, приходилось петлять по совсем уж узким проулкам. Впрочем, всадники, как и увязавшаяся за ними Лира, не отставали, и очень скоро они выбрались на узкую, но прямую дорогу, ведущую к цели.

Немногочисленные горожане, которые не успели попрятаться на чердаках и в подвалах, разбегались во все стороны, дабы не быть затоптанными, но сейчас Лариэсу до этого не было дела. Лишь одна мысль занимала его: «Мы должны сходу взять четвертую линию укреплений и мчаться ко дворцу»!

Он не сомневался, что Гай с Эриком поставят подобьют на мятеж почти всю оставшуюся гвардию принца, не сомневался он и в том, что перед этим вычистят крыс. Вот только их было очень, очень мало. Несколько сотен человек против рот королевской гвардии и дворцовой стражи. А значит, четвертая линия ворот должна пасть сейчас!

И она пала.

Лариэс даже не ожидал, что все получится так легко: когда они были уже около укреплений, окованные створки широко распахнулись, пропуская всадников внутрь, и где их уже ждали сотни полторы хорошо вооруженных мужиков, возглавляемых Руфином.

Следов боя не было, что сразу же вызвало вопросы у Лариэса. В двух словах оружейник

объяснил виконту ситуацию: охранники тут не отличались храбростью, к тому же их удалось подпоить, на что, откровенно говоря, не рассчитывали. Ну а после этого захватить укрепление не составляло никакого труда.

— Отлично, а теперь оставь тут пару десятков бойцов, и за мной. Выручать парней во дворце!

И, не дожидаясь остальных, он пришпорил коня, бросив того в совершенно безумный галоп. Да, Лариэс рисковал сломать ноги животному и свернуть шею уже себе, но товарищи уже минимум полчаса сражались в полном окружении, а значит, следовало незамедлительно прийти им на помощь!

Они скакали по Старому городу мимо дорогих особняков, чьи обитатели заперли ворота и сидели, обложившись охраной, мимо красивых оград и редких деревьев, скакали по широким мощеным улицам, туда, где звенела сталь и гремели выстрелы.

— Быстрее! — заорал Лариэс, обернувшись к тем, кого сегодня ему пришлось вести в атаку, — да живее же!

Впереди громыхнуло так, что заложило уши, и если бы Лариэс не скакал на обученной рыцарской лошади, то, наверное, сейчас бы он уже валялся на мостовой.

«Пушка? Нет, взрыв слишком силен, проклятье!!!»

Он ударил шпорами бока животного, пуская взмыленную лошадь в галоп, и уже спустя несколько минут увидел, что именно произошло.

Целый пролет стены, древней прекрасной стены, ограждавшей дворец от остального города, превратился в груды щебня, над которым поднимался густой пороховой дым, смешанный с пылью.

«Я прибью их, если они еще живы!» — мысленно пообещал себе Лариэс, направляя лошадь в открытые еще ворота и сходу врезаюсь в вязкую массу человеческих тел.

Тут шла настоящая бойня — не было ни строя, ни порядка. Все рубились со всеми, стараясь просто протянуть лишнюю секунду. Не было ничего удивительного в том, что Эрик с Гаем решили взорвать ворота. Также это объясняло и их уверенность в сдаче дворца.

Где эти двое умудрились достать столько пороха, чтобы сделать мину, способную ко всем чертям снести усиленные магией укрепления, Лариэс не знал, но сработали друзья превосходно: пехота цеховиков и оборванцы Короля Попрошаек смогут легко пробиться внутрь, врагам же придется отводить часть сил от ворот для того, чтобы помешать им.

Да, если сражение затянется, они пополнят ряды отходящими отрядами, сумеют восстановить оборону и закрепиться как минимум на последних двух рубежах... Именно поэтому весь план виконта строился на стремительном и безжалостном броске. Да, сперва он хотел довольствоваться малым, однако, доверившись друзьям, рискнул. И, кажется, не прогадал.

Теперь дело за малым — выжить.

И Лариэс устремился в самую гущу схватки, рубя направо и налево мечом, зажатым в левой руке. Он понимал, что не продержится в бою долго, однако этого и не требовалось — небольшой свежий отряд вошел в лишенные строя вражеские порядки, как нож в масло, пробил насквозь, не встречая особого сопротивления, и обрушился на спины.

А спустя несколько минут откуда-то справа донесся дружный рев сотен глоток — то подошла пехота.

И что-то изменилось. Что-то сдвинулось. Что-то надломилось.

Враги сперва медленно и нерешительно, а затем все быстрее и быстрее начали удирать

прочь, к дворцу, в котором еще можно было организовать какое-то подобие обороны.

Но это уже не имело значения. Их героизм мог лишь отсрочить неизбежное.

Лариэс взглядом отыскал Эрика и Гая — оба были ранены, но стояли на ногах; оба улыбались.

А затем его обступили гвардейцы: окровавленные, запыленные, уставшие, они, тем не менее, смотрели на своего бывшего капитана с любовью и обожанием, которого тот не заслуживал.

Это были хорошие люди и хорошие солдаты. И они пошли против присяги, против клятв, против своей королевы, едва только узнали, как та обошлась с ним.

«А значит, я теперь отвечаю за их благополучие», — подумал Лариэс. — «И клянусь именем Господа, что не подведу!»

Он поднял вверх руку с окровавленным мечом и громко прокричал:

— Победа!

А после этого, уже слезая с коня, тихо добавил:

— Большой войны не будет...

По крайней мере, ему очень хотелось верить в этом.

— Так что уже к утру Сентий оказался во власти нового короля, — закончила свое повествование Питиа.

Таривас лишь тяжело вздохнул.

«Лариэс выжил? Но как? Откуда? Я же убил его!» — подумал принц

Кто же мог подумать, что человек переживет падение со скалы? Лариэс каким-то чудом уцелел и, как положено выброшенному на улицу псу, нашел себе нового хозяина. Таривас ни на секунду не сомневался в том, что план штурма Сентия принадлежал светлой голове его бывшего Щита.

«Логично, в общем-то: почти все Тени — в действующей армии, Амандус — тоже, никто не знал о том, что произошло возле входа в логово изначальных».

Да, момент подобран идеально, а что насчет исполнителей... Скорее всего, он открыл правду Сервусу, тем самым перетянув на свою сторону большую часть стражи. Ну и, конечно, остатки своего полка тоже подчинил.

«Проклятье, а кому еще мы не можем больше верить? Отцу Клариссы? Нет, обвините графа в чем-то сейчас — значит погубить королевство... Но за ним нужно будет присматривать. Как и за родом Эрика!»

Таривас вдруг осознал, что выживание Лариэса ставит под угрозу отношения короны с рядом крайне влиятельных феодалов.

Это, кажется, поняла и мать, потому как от нее повеяло смертным страхом.

— Тар, что мы будем делать? — тихим и полным тоски голосом произнесла королева.

— Не волнуйся, матушка, мы что-нибудь придумаем, — пообещал он. — Война только начинается, не так ли, уважаемая оракул?

— Все верно, ваше высочество, — донесся из пустоты голос девушки, которую он не ощущал. — И у ее величества Кайсы есть важное послание для вас. Советую поспешить, если хотите получить весомый козырь в дальнейшей борьбе, увы, но руки ее величества Кайсы в данный момент слишком коротки, чтобы сделать все самой.

— О чем вы говорите? — нахмурился Таривас.

— О ее высочестве Игнис Фейргебор, приемной дочери Вороньего Короля.

Парк выглядел не самым лучшим образом, равно как и жилище правителей Дилириса. Гвардия королевы оказала во дворце последнее, самое безумное и жестокое сопротивление. Они дрались отчаянно, не сдаваясь в плен и не прося милосердия. Каждый шаг был оплачен человеческой кровью, каждая комната — превращена в укрепление.

Последних защитников Сентия добивали прямо в эти минуты.

Лариэс вздохнул и взошел по ступеням, которые знал так хорошо. Тысячи раз он проходил этот путь, подходил к дверям и стражи, охраняющие их, отдавали ему честь. И сейчас было также, вот только воины сменились. Вместо людей маршала и его собственных подчиненных — гвардейцы Устина Вентиса, нового короля Дилириса.

Церемония состоялась утром, в еще не очищенном до конца городе, и одно это говорило о том, что дела обстоят не слишком хорошо. Что-то надвигалось, и это что-то заставляло Вороньего Короля торопиться.

Лариэс не знал, что же именно случилось, а спрашивать господина не решался, хотя неумное любопытство и снедало юношу.

Нога отдалась невыносимой болью и он скрипнул зубами. Даже две пилюли Алиссии, которые виконт принял после боя, не в состоянии были унять эту муку. Двери привычно распахнулись и Лариэс вошел внутрь.

Слуги, запуганные и с ужасом во взглядах, наводили порядок тут. Да, для них Устин Вентис — узурпатор, вознесенный на трон ужасным Вороньим Королем, который, кстати говоря, разместился на втором этаже.

— Лариэс, вот ты где, — услышал юноша голос своего нового господина.

— Учитель, — он повернулся к Корвусу и поклонился.

— Хорошо сработано, — тепло проговорил Древний.

— Благодарю вас.

— Как нога и рука?

Лариэс неопределенно пожал плечами.

— Бывало и лучше. Танцевать я, пожалуй, не смогу никогда, да и писать правой рукой тоже, но, по крайней мере, удержусь в седле. Этого достаточно.

Чародей кивнул и двинулся вперед по коридору, направляясь на второй этаж. Лариэс, предположив, что хозяин желает поговорить о чем-то с глазу на глаз, проследовал за ним. Они вышли на один из многочисленных балконов, которые так любил его величество Таривас, и Древний остановился, подойдя к перилам.

На Лариэса сразу же накатили не самые приятные воспоминания. Вот так всего пять месяцев назад он и его высочество обсуждали грядущее путешествие.

Только сейчас рассветный Сентий выглядел куда менее привлекательно.

— Я хочу поговорить о твоём подвиге, — без предисловий начал Корвус. — Ты блестяще справился со своей задачей, в результате столица пала без серьезного сопротивления. За такое полагается награда. Скажи, чего ты желаешь?

Лариэс ошеломленно уставился на учителя.

Желает? Он?

— Наставник, у меня есть все. Я хотел бы попросить за других...

Корвус оборвал его:

— Сейчас мы говорим о тебе. Я считаю, что обязан отблагодарить тебя за хорошо сделанную работу и сделаю это.

— Но зачем? — возразил Лариэс. — Вы и так дали больше, чем недостойный червь вроде меня мог просить.

Корвус недовольно покосился на своего слугу, после чего обреченно вздохнул и произнес в третий раз:

— Ты будешь награжден. Не хочешь просить, получишь дар по моему усмотрению.

Сказано это было таким тоном, что Лариэс сразу же засомневался: а точно ли речь идет о награде?

— Как вам будет угодно.

Корвус вздохнул и потер переносицу.

— Давненько я не встречал столь упрямых людей... Итак, скоро ты вступишь в командование конной тысячей. Легкая кавалерия. Прибудут из Кастэллума с подкреплениями в течении ближайших двух недель. Дополнишь теми, кого уже успел завербовать, и кто присоединится в ближайшее время. Разрешаю тебе создать бригаду количеством до трех тысяч бойцов.

Тут в глазах Древнего мелькнула лукавая искорка.

— Полагаю, наберешь всех гвардейцев принца, которые того пожелают?

— Вы не станете возражать против этого? — поразился Лариэс.

Конечно же, он хотел просить за товарищей, но не думал, что Вороний Король так легко примет это желание. А он ведь сразу понял, чего Лариэс хочет, потому и прервал.

— Почему нет? — пожал плечами Древний. — Хорошие солдаты нам пригодятся, а если ты боишься шпионов, то напрасно — твои лейтенанты однозначно прикончили всех. В противном случае весь план провалился бы.

— И все же вы отправили меня в город, — заметил Лариэс. — Вместе с ценнейшими ученицами Древних. Особенно, с Алиссией.

Все веселье и лукавство мимом пропало из взгляда Корвуса.

— Совет на будущее. Поменьше рассуждай о ценности тех или иных учениц. Ты меня понимаешь?

— Да, ваше величество, — склонил голову Лариэс кляня себя за несдержанность.

«Идиот! На секунду позволил себе расслабиться, забыв, с кем говорю, и о какой тайне!»

А в том, что Корвус знает о истинных способностях Алиссии, юноша не сомневался. Он хотел пообщаться с той, но никак не мог найти достаточно времени. Ведь серьезный разговор мог случиться лишь за пределами города — столь серьезные тайны Лариэс не доверил бы стенам, количество ушей у которых в Сентии заметно превосходило необходимое.

— Вот и славно. Что ж, теперь вернемся к твоему вопросу. Нет, я не просто так отправил вас в город. В случае чего вас четверых бы точно выгнали, и, предвосхищая твой вопрос, отвечаю сразу: да, я дал специальную команду своим людям в Сентии ни в коем случае не обнаруживать себя и не помогать. Нужно ли объяснять, почему?

— Нет, ваше величество, — Лариэс помялся, — возвращаясь к моей награде, которую не избежать...

Корвус усмехнулся и взгляд его потеплел.

— Как я и думал, что твое паталогическое любопытство просто не позволит пройти мимо такой интересной и новой вещи. Полагаю, тебя интересует вопрос субординации, не

так ли?

Отнекиваться от очевидного было глупо, и Лариэс кивнул.

— Твоя бригада — новый королевский резерв. Подчиняться будешь напрямую мне и никому больше.

Лариэс удивленно воззрился на своего хозяина.

«Откуда такое доверие и такая честь? Почему он столь добр ко мне?» — промелькнуло в голове у юноши.

Впрочем, виконт был не из тех, кто станет задавать вопросы или посмеет нарушить приказ.

— Все будет, как вы пожелаете, учитель, — проговорил Лариэс.

— Хотелось бы, — неопределенно ответил Корвус. — Ну а пока твои подчиненные еще не прибыли, поможешь Сервусу. Нужно очистить город от остатков Теней и было бы неплохо напасть на след людей Амандуса.

Упоминание канцлера низложенной королевы, заставило Лариэса поморщиться. Он терпеть не мог этого человека, но вынужден был признавать его многочисленные таланты.

— Наставник, вы не знаете, почему он забрал из Сентия большую часть своих людей? Можно сколько угодно говорить о помощи королеве, однако дела ее не были столь плохи на первых порах. Как же мог канцлер вывести всех своих агентов из столицы?

— Не имею ни малейшего представления, — честно признался Корвус. — Похоже, процесс этот шел не один день, а потому был не очень заметен со стороны. Возможно, ему с Мислией пришлось забрать их, чтобы направить в другие регионы, или на занятую нами территорию.

— И все равно это странно. Разве канцлер не должен был готовить Сентий к осаде, надзирать за выполнением приказов и охотиться за шпионами вроде меня?

— Должен, — согласился Древний. — Более того, останься он в столице, мы вряд ли сумели бы добиться столь внушительных результатов. В лучшем случае — взяли бы второе кольцо стен.

С этим Лариэс согласился. Если честно, поведение защитников города вызывало вопросы, множество вопросов. Безусловно, Король Попрошаек знал, как следует незаметно делать свое дело, да и Сервус с Руфином не чесали языками понапрасну, ну а Гай и вовсе был серьезно обижен на королеву с принцем еще до прихода Лариэса, но как можно было допустить, чтобы капитан городской стражи в военное время остался без контроля хотя бы одной Тени и выводка личных агентов канцлера? А если этот контроль осуществлялся, то почему же никто не мешал?

— Учитель, — медленно и нерешительно проговорил Лариэс, — у меня складывается впечатление, что наши враги сделали все возможное и невозможное для капитуляции Сентия. В городе почти не осталось Теней, стража оказалась расхлябанной, большая часть казны — непонятно где. Слишком много совпадений, чтобы поверить в глупость.

Корвус согласно кивнул.

— Мы все считаем также. Во всем произошедшем проглядывается злой умысел и план...

— Чей? — сглотнул Лариэс.

Повелитель замолчал, разглядывая дымный столб где-то в Новом Городе. Лариэсу уже показалось, что ответа он не получит, но он ошибался.

— Надеюсь, что лишь Кайсы, — произнес он, наконец, — однако... Однако почерк

очень уж знаком мне. Знаешь, Лариэс, тебе было бы неплохо помолиться своему Богу о том, чтобы я ошибся, а мысли, которые приходят мою в голову, оказались паранойей старика, прожившего на этом свете дольше, чем следовало. Потому как если это не так...

Он не договорил и умолк, махнув рукой в сердцах.

— Но господин, разве, заняв Сентий и усадив на престол нового короля мы не решили проблему? — неуверенно ответил Лариэс, который и сам не до конца верил в сказанное.

Корвус нахмурился.

— Хороший вопрос. Знаешь, хотел бы я иметь возможность связаться с Лорием и обсудить все с глазу на глаз, но увы. Его сны закрыты для меня, а других способов пообщаться я не вижу. Так что придется ждать гонцов и у меня нехорошие предчувствия. Боюсь, все, что мы делали — напрасно.

Он махнул рукой, давая понять, что Лариэсу не следует забивать голову опасениями старика.

Виконт открыл было рот, чтобы задать следующий вопрос, но он был прерван самым бесцеремонным образом — возле двери, ведущей на балкон, появился взмыленный каррас.

— Ваше величество! — пророкотал вороноголовый. — Принцесса. Тут!

Игнис, с трудом приподнявшись на своем одре из подушек, одеял и теплых звериных шкур, во все глаза смотрела на Дилирисские просторы. Два дня назад девушка наконец-от пришла в себя, но даже сейчас ей было больно не то, что двигаться, дышать!

Та битва выдалась тяжелой, они почти проиграли, но... Почти не считается. Побег удался и это главное, ведь теперь они свободны и с каждым шагом армия становится все ближе и ближе к столице Дилириса.

Со слов Катержины, именно там сейчас разворачивались главные события летне-осенней кампании. Паллидий оттеснил остатки сил Кэлисты на запад, отец же вознамерился закончить войну в самые ближайшие сроки, посадив на престол Устина Вентиса.

«Ну да, они ведь переписывались», — вспомнила девушка. — «Правда я и не знала, что брат ее величества связан с нами так крепко».

Отец многого не рассказывал ей, считая, видимо, что девушка еще недостаточно подросла для того, чтобы вникать в некоторые аспекты управления государством. И так ли он ошибался?

— Катержина, — позвала она Видящую, ехавшую рядом.

— Да? — ответила оракул, не поворачивая головы.

— Скажи, ты не видела ничего, связанного с Генералом?

— Увы, Лория Солума будто окутывает туман. В короткие мгновения сознательного озарения, когда я пытаюсь заглянуть в его будущее, у меня ничего не получается. И — нет, я не знаю, выступит ли он против нас. В ближайшие недели, скорее всего, нет, а дальше...

Она не закончила, но Игнис и так все поняла. Каждая прошедшая неделя лишь увеличивает количество вероятностных линий, причем настолько, что даже мозг оракула — человека, измененного сущностью из-за Грани, вступившей с ним в союз, не в состоянии рассмотреть их все, не говоря уже про то, чтобы выбрать правильную тропинку.

— Но вероятность большой войны остается?

— Всегда.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Понимаю, но ответить не могу. Будущее в последние месяцы подернуто завесой тайны. А такое обычно бывает лишь когда готовится что-то плохое.

— Несмотря на письма, отправленные Орелией и Рэмирусом?

— Ты ведь понимаешь, что слова — это всего лишь сотрясение воздуха? Что сама логика противостояния между Корвусом и Лорием толкает владыку Аэтернума к большой войне?

Игнис поморщилась от резкого порыва боли и поудобнее устроилась в своем самодельном коконе.

— Хочу надеяться, что все еще можно решить словами.

— Я тоже, — произнес мужской голос.

К разговаривавшим присоединился Рэмирус. Ему серьезно досталось — Древний выгорел почти до основания. Но, несмотря на свои раны, маг земли и не думал отлеживаться, более того, он отказался и от предложенного коня, предпочитая идти пешком.

— Сказано: «если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми», — добавил Древний.

Спорить с этим утверждением не было ни малейшего смысла, а потому и огнерожденная и оракул согласно кивнули.

— С другой стороны, — заметила Катержина, — когда мы соединимся с армией Корвуса, то сможем думать, как поступать дальше.

— Вариантов немного, — заметил Отшельник. — Либо мир, либо большая война. И война вероятнее.

— Думаете, наши таинственные враги постараются? — спросила Игнис.

— Есть зло, которое видел я под солнцем, — глубокомысленно изрек чародей, — и оно часто бывает между людьми. — Он тяжело вздохнул. — Лишь воля чистых духом может остановить Врага.

— Главное, чтобы этот самый враг не перехватил нас по пути, — на этот раз к ним подъехал Кающийся.

Выглядел он ужасно, но каким-то невообразимым образом взгромоздил себя в седло и отказывался вернуться в телегу. Что именно, кроме упрямства, двигало помыслами Ридгара, Игнис не понимала, но переспорить Ступившего на Путь Вечности не получилось даже у Орелии.

— Слишком тихо, — продолжал, меж тем, Ридгар, скривившись. — Катержина, ты ведь выслала дозоры и отправила гонцов к Корву?

— Да, — спокойно ответила Древняя. — Но почему ты полагаешь, будто враги нападут сейчас? Они ничего не сделали, пока мы двигались по Виннифису.

— Полагаю, они не настолько безумны, чтобы бросаться в бой на всю марравскую армию, ведомую Видящей, — улыбнулся Ридгар, после чего его скрутил дикий приступ кашля.

Древнего буквально выворачивало наизнанку, с его губ слетали кровавые брызги, а к бледным щекам прилил нездоровый румянец. Немного придя в себя, он виновато развел руками:

— Прошу прощения, ничего не могу поделать с собой. Эти мерзкие штуки пьют слишком много моей силы.

— Потерпи, немного осталось, — попросила Игнис.

— Бог терпел и нам велел, — добавил Рэмирус.

Ридгар мрачно ухмыльнулся.

— Как будто у меня есть выбор. Конечно, потерплю.

Он вздохнул и прищурился.

— Мне кажется, или к нам кто-то скачет во весь опор?

Игнис пригляделась и у нее тотчас же засосало под ложечкой — Древний оказался прав. К отряду галопом приближался конь, на спине которого, кажется, никого не было.

— Колонна, стой! — раздался грозный крик Пришки.

Капитал Непорочных в военное время командовала полками Виннифиса, именно поэтому она сейчас находилась в авангарде.

— Трое, вперед, проверить, — распорядилась она.

Игнис и ее собеседники двинулись вперед, поравнявшись с лысой женщиной, на лице которой читалась явственная тревога.

— Что-то не так, — не дожидаясь вопросов, проговорила Пришка. — Что-то не в порядке.

— Это один из разведчиков? — поинтересовался Рэмирус.

— Да, о Ступивший на Путь Вечности. Конь принадлежит Мареку, но в дозор он отправлялся с четырьмя товарищами.

Игнис припомнила, что в армии Виннифиса переняли тактику Волукрима, отправляя в передовые дозоры группы по пять легковооруженных всадников на быстрых конях. Такие отряды, именовавшиеся ладонями, рассыпались вокруг движущихся маршем колонн и прочесывали местность на расстоянии в добрых двадцать миль. Они выясняли, где можно найти хорошее место для привала, где пополнить запасы фуража, где имеет смысл принять бой, где находится вражеская засада.

«Вражеская засада» ...

Игнис вздохнула. Кажется, Ридгар накаркал.

А воины, высланные вперед, меж тем, добрались до своей цели и, взяв коня под уздцы, сняли с седла что-то, скорее всего — человека. Из-за расстояния было не разобрать, но это казалось самым логичным предположением. Затем они развернулись и помчались назад.

Спустя несколько минут Игнис увидела, кого же именно везут — воина-маррава в залитой кровью броне. Его плечо и левый бок были в крови, человек находился в полубессознательном состоянии, но тем не менее реагировал на окружающий мир. Когда его мутные глаза остановились на Катержине, воин открыл рот и прошептал:

— Видящая, враги в нескольких часах езды от нас. Готовьтесь к бою...

Договорив это, он закрыл глаза и потерял сознание.

— А вот и неприятности, — вздохнул Ридгар. — Сентий был так близко...

Действительно, до столицы Дилириса оставалось всего лишь три дневных перехода, которые, увы, теперь можно было и не надеяться преодолеть.

— Как они узнали о нас? — спросила Игнис. — Разведчики ведь не докладывали ни о каких врагах поблизости! Армия королевы должна быть на северо-западе.

— Разве это теперь важно? — пожала плечами Катержина. — Пришка, ты знаешь, что делать.

— Да, Видящая, — согласилась лысая женщина. — Я знаю.

Она сделала знак нескольким своим подчиненным, и когда те подъехали, указала на большой луг, мимо которого как раз и пробиралась колонна.

— Идем туда, телеги в круг. Станем отбиваться.

Огнерожденная никогда раньше не видела, как сражаются марравцы. Да, на марше они каждый вечер окружали лагерь двойным кольцом из телег, но сейчас предстояло куда более серьезное дело, нежели простая ночевка на вражеской территории. Сейчас на них надвигался неведомый враг, которому предстояло дать отпор.

И вот, глядя на то, как воины Катержины споро охватывают вытоптанное тысячами ног поле, огнерожденная с болью осознавала, что от нее будет очень мало помощи товарищам, попавшим в непростую ситуацию.

— Думаешь о том, как мы сейчас бесполезны? — к ней, опираясь на костыли, приковыляла Блаклинт.

Ноги все еще плохо держали ее.

Игнис сделала неопределенный жест рукой.

— Выбора все равно не было.

— Может быть, нам стоило оставаться в Виннифисе? — с сомнением в голосе спросила

Блаклинт.

— Не знаю, — честно призналась северянке подруга. — Думаю, что у такого решения тоже имеются свои недостатки, как считаешь?

Блаклинт попыталась пожать плечами и чуть не повалилась на землю. Удержал ее подошедший Вилнар. Воин изрядно отощал, был бледен, как смерть, шатался при ходьбе и не мог пробежать десятков шагов без одышки. И, все равно, старался помогать своей госпоже.

— Что сделано, то сделано, — с горечью ответила Блаклинт. — Но как же глупо все вышло...

Медленно, но верно солнце опускалось за горизонт, и у Игнис уже вспыхнула небольшая надежда, что все обойдется, но увы, этим ее чаяньям не суждено было сбыться — немногочисленные пальцы из разведывательных ладоней, которые сумели вернуться живыми, приносили все более и более дурные вести. К ним приближается коронное войско изрядного размера.

Армия Катержины насчитывала порядка восьми тысяч человек и поддерживалась всего тремя сковывающими. Видящая очень спешила, а потому взяла с собой тех, кто имелся под рукой и стремительным маршем отправилась на юг. Почти треть марравской армии помогала Паллидию в Дилирисе, почти столько же отправились в Волукрим для налаживания взаимодействия с полками каррасов. Ну а большая часть оставшихся защищала границы герцогства.

В тот момент это показалось разумным: небольшое войско сложно найти, оно подвижно и, что куда важнее, его уход не ослабит оборону страны. Увы, небеса распорядились иначе. Они повстречали армию, насчитывающую по словам разведчиков, не менее пятнадцати тысяч. Возможно, что больше.

Дилирисцы двигались параллельными курсами, сходясь к замершему лагерем войску и охватывая виннифисцев полукольцом. Теоретически можно было бы попробовать сбежать, вот только не было никакой гарантии, что отступление увенчается успехом и их не перехватят на марше. Скорее всего, именно на такой итог враги и рассчитывали.

Оставалось лишь упереться и стоять, ожидая помощи. Вот только как долго придется держаться?

Конечно, Катержина отправила гонцов на юг, к Сентию, но даже если те и прорвутся — а в этом были вопросы, уж слишком хорошо враги отлавливали разведчиков, — то сколько времени потребуется отцу для того, чтобы прийти?

«Проклятье, неужели мы проделали весь этот путь лишь для того, чтобы подохнуть на неизвестном никому поле»? — с горечью подумала девушка и тотчас же ощутила горячую волну гнева, поднимающуюся из глубин самого ее естества.

Игнис сжала кулак и ощутила, как кожа окутывается пламенем.

Она не сдастся! Она будет драться до конца и не позволит больше подчинить себя! Лучше умереть в сражении, нежели вернуться в уютную камеру ее величества Кайсы Иссон.

К огнерожденной приковыляла Блаклинт. Во взгляде истощенной девушки читалась упрямая жажда борьбы.

«Да, она здорово изменилась за эти месяцы», — подумала Игнис, приветливо кивая подруге.

— Готова? — чуть склонив голову в сторону поинтересовалась Блаклинт.

Игнис сделала неопределенный жест.

— Повелевать огнем я в состоянии, вопрос лишь в том, как долго, — Игнис повернулась

в сторону разворачивавшейся в центре их лагеря батареи тяжелых пушек. Марравы постарались установить их так высоко, как только возможно, чтобы ядра пролетали над бронированными бортами телег, но на взгляд огнерожденной эффективны эти мощные орудия будут только в начале сражения, пока враги не успеют сократить дистанцию.

— Жаль, поблизости нет реки, — заметила водорожденная.

— Что поделать, зато земли в избытке, — криво ухмыльнулась Игнис. — Будем верить в Отшельника.

— Как думаешь, это солдаты матери? — с тревогой в голосе спросила северянка.

— Однозначно нет, — решительно возразила ей дочь Вороньего Короля. — Откуда им тут взяться? Если ты не забыла, у Ривеланда нет прямой границы с Дилирисом, а вторгаться в Виннифис они не осмелятся.

— Тогда кто?

— Вариантов лично я вижу два. Либо войска Аэтернума, либо — Дилириса. Что на твой взгляд вероятнее?

Блаклинт прикусила губу, несколько секунд размышляя над риторическим вопросом подруги, затем произнесла:

— Думаю, что это отряд ее величества Кэлисты Вентис, но как они узнали о нас?

— Армия в восемь тысяч человек невелика, но все же — это не иголка в стоге сена. Крестьяне вполне могли сообщить о нас.

— Но почему тогда Видящая не предупредила никого о грозящей опасности? И где Паллидий? Вроде как, если я правильно поняла, он должен сдерживать силы Вентисов на западе страны.

— А вот это уже правильные вопросы, — согласилась Игнис.

Да, ей тоже было интересно, куда запропастился Пал, и почему он не пытается соединиться с войсками Катержины. Та отправила нескольких гонцов, причем среди них были даже две гарпии, но никакого ответа так и не пришло, а потому приходилось довольствоваться устаревшими сведениями. Да, отец сейчас был под Сентием, да, Паллидий играл в догонялки с Таром... Таривасом, да, после генерального сражения Дилирис понес такие потери, что восстановить положение этой осенью у них уже не получится совершенно точно...

Но только что с того? Ничего из этого не поможет узнать, как обстоят дела на юге, все ли хорошо с отцом, не разбили ли корпус Паллидия подкрепления, к примеру, пришедшие из Аэтернума.

— Думаю, мы скоро все узнаем, — проговорила девушка, наконец, прекрасно осознавая, сколь вымученно и жалко выглядит этот ее ответ.

Однако она и сама не представляла, насколько оказалась права.

Спустя каких-то полчаса вражеские колонны наконец-то показались и все вопросы отпали сами собой.

— Штандарт Дилириса, личный флаг его высочества, флаг маршала, флаг королевы, — меланхолично перечислял Ридгар, глядя в подзорную трубу.

Стоять он опять не мог, а потому сидел в телеге. Рядом расположились Рэмирус и Орелия, подле них собрались Игнис с Блаклинт и Вилнаром. Катержина же вместе с Пришкой бегали по передовой, проверяя, все ли готово к сражению.

— Кажется, наши дела плохи, — спокойно проговорил Ридгар. — Помимо Рэмируса сражаться способны лишь Игнис с Блаклинт, да и то — недолго, враги превосходят нас

числом по крайней мере в два раза и, я уверен, притащили всех чародеев, которых только смогли.

— Замечу, что все не так страшно, как могло бы показаться, — возразил Рэмирус, со стоном садясь. — У них нет артиллерии, мало пехоты и стрелков.

Игнис согласилась с выводами Ступившего на Путь Вечности. Судя по всему, на перехват отправили конницу и тех, на кого хватило резвых лошадей, и это, действительно, обнадеживало. Это значит, что против них выступит не вся полевая армия Дилириса, в лучшем случае — половина, а скорее — треть. Вот только...

— А что мы противопоставим ураганам? — задала девушка, мучавший ее вопрос. — С нами нет гарпий, нет сильных сковывающих, а три единственных стихийных мага истощены до предела. Одна вообще колдовать не сможет еще неделю минимум.

— От ветра я укрою нас, — серьезно и уверенно проговорил Отшельник.

— Это может тебя убить, Рэм, — предупредила Орелия.

Тот пожал плечами.

— Господь заберет меня к себе, когда ему будет угодно. На пути правды — жизнь, и на стезе ее нет смерти, — добавил он, и, давая понять, что разговор окончен, сложил руки на груди.

— Что ж, тогда посмотрим, что они планируют сделать, — проговорила Орелия.

Вопреки ожиданиям, враги начали отнюдь не с атаки ветром. Все оказалось куда страшнее.

Трава на лугу неожиданно покрылась черным ковром, который стремительно начал приближаться к замершим за своими укрытиями воинам.

— Что это? — в испуге воскликнула Блаклинт.

Ответил ей Ридгар. Кающийся вновь посмотрел в подзорную трубу, после чего выплюнул, точно ругательство, два слова:

— Насекомые идут.

Действительно, на позиции виннифисцев надвигалось целое море из самых разнообразных жуков, муравьев, пауков и прочей ползучей нечисти, которую обычный человек и не замечает.

Игнис побледнела. Она лишь единожды видела Звериный Амулет в действии, но зрелище это навсегда отпечаталось в ее памяти. И девушке очень не хотелось оказываться в роли жертвы могучих чар, сокрытых в недрах неказистого на первый взгляд ожерелья.

А еще она понимала, что если ничего не предпринять, то бой закончится даже не начавшись. Быть может, этих насекомых и не хватит на то, чтобы поубивать все восемь тысяч воинов Катержины, но расстроить ряды, размягчить их, деморализовать воинов ползучие твари сумеют просто отлично.

«Стало быть, пламя», — приняла девушка решение и громко скомандовала:

— Когда огонь загорится, тащите в него весь алкоголь, что сможете найти!

Произнеся это, Игнис обратилась к силе, дремавшей в крови, воззвала к пламени, повелевая тому явиться, и то подчинилось.

Огненное кольцо вспыхнуло вокруг лагеря как раз в тот момент, когда от приближавшихся насекомых до фургонов оставалось не больше десятка шагов. Пламя было невысоким и могло защитить только от ползучих тварей, на большее Игнис попросту была

не способна. С тучей мошкеры, закрывшей небо и пикировавшей сверху придется разобраться кому-нибудь еще, например, сковывающим Видящей.

В огонь полетели фляги и бутылки, даже несколько бочонков. Кто-то подбросил пороху. Чародейский огонь воспламенял спиртное и порох, и вот уже спустя несколько секунд вокруг лагеря образовалась импровизированная стена пламени. В это время сковывающие начали бить по летающим тварям, у них действительно нашлось несколько огненных артефактов, и в небе один за другим расцвели вспышки, проделывающие настоящие просеки в рядах насекомых. Игнис прекратила подпитывать огонь своей силой и тот заметно опал, но, к счастью, не тух — солдаты подбрасывали в ненасытную пасть все, что могло гореть и не требовалось для сражения.

В это время первые из прорвавшихся летающих насекомых обрушились на Игнис и ее товарищей. Они лезли в лицо, жалили, закрывали обзор. Девушка вскрикнула, когда оса впилась ей в ухо и ощутила, как-то стремительно распухает.

«Ну уж нет, это не дело»! — зло подумала принцесса. — «Пусть даже я вновь провалюсь в беспмятство, с этими тварями будет покончено»!

Она прикрыла глаза, стараясь отрешиться от происходящего вокруг, от недовольного ворчания Ридгара, криков Блаклинт и тихой ругани Вилнара, от жалящих, лезущих в лицо и под одежду летающих тварей, от всего. Она обратилась к стихии, что дремала внутри. Да, огонек едва теплился, но он еще не потух и Игнис взмолилась:

«Пожалуйста, дай мне немного сил. Лишь чуть-чуть, молю тебя об этом»!

Она и сама не смогла бы ответить на вопрос, кого просит о толике могущества: свою собственную врожденную магию, какого-нибудь бога, сам мир. Пожалуй, в сложившихся обстоятельствах это не имело значения.

Главным было то, что просьба сработала!

Игнис ощутила резкий жар, идущий откуда-то из глубины, вытянула вперед обе руки, и закричала, вложив всю свою силу, злость и отчаяние.

Ее глаза распахнулись, и девушка пораженно уставилась в небо, туда, где бушевало сотворенное ею Инферно. Она читала о кошмарном огненном заклинании, на которое были способны некоторые из ее предков, и вот, теперь воочию увидела его.

Небо скрылось под потоками пламени, которое и не думало опадать, а бурлило прямо в воздухе. Две секунды, и от сонма насекомых не осталось и следа. Стихия пожрала их всех, не оставив даже пепла.

— Остановись! — взревел Ридгар, бросаясь к Игнис. — Ты убьешь себя!

Несмотря на сковывавшие его браслеты, Древний каким-то образом нашел в себе силы для того, чтобы подбежать к девушке и тряхнуть ту, точно грушу.

Игнис, однако, слышала его откуда-то издалека, точно продирающийся сквозь толщу воды. Она не понимала, чего же хочет этот человек, зачем он беспокоит ее, о чем кричит.

Девушке было хорошо и спокойно, пламя, точно мать, убаюкивало, дарило тепло и радость. Зачем нужно останавливаться, к чему все эти хлопоты... Дать огню поглотить себя, закончить начатое девять лет назад. И спать, спать, спать...

Резкая боль вывела ее из оцепенения и Игнис вдруг поняла, что умирает. Паника обрушилась на огнерожденную, на какой-то миг та ощутила дыхание старухи с косой, но затем взяла себя в руки и невероятным усилием прекратила подпитку заклинания, которое, как с ужасом поняла девушка, пожирало уже не ее магию, а ее собственную жизнь!

Тихо охнув, она обвисла в руках Ридгара, запоздало поняв, что пощечина спасла ее.

Затем желудок вывернулся наизнанку и Игнис, успевшую содрать с лица маску, вырвало кровью вперемешку с желчью.

Странно, но сейчас она не испытывала страха, демонстрируя свое уродство окружающим. Возможно, на это чувство попросту не осталось сил.

Ее еще раз стошнило, на сей раз — одной лишь кровью. Густой, черной, липкой.

Следующий поток рвоты был остановлен Орелией, которая положила холодную металлическую ладонь девушке на плечо и выделила немного из остатков своих скудных сил.

— Все хорошо, девочка, ты молодец. А теперь — отдыхай.

Холодный, лишенный каких бы то ни было эмоций голос Древней подействовал успокаивающе, и Игнис, закрыв глаза, погрузилась в пучины сна.

— Талантливая девочка, — покачала головой Орелия, помогая Ридгару отнести Игнис в телегу.

— Да уж. Не думал, что освоит Инферно в таком возрасте, — согласился Рэмирус, с любопытством поглядывая на догорающее огненное кольцо вокруг лагеря.

— Если она переживет это сражение, то станет, возможно, сильнейшей огнерожденной в истории Интерсиса, — Орелия изогнула в подобии улыбки свои металлические губы.

Ступившая на Путь Вечности любила эту девочку, такую смешную и страстную, такую непостоянную и жаждущую приключений. Она и правда, как две капли воды походила на Хилэрию. И лицом, и характером. Но, как и Хилэрия, Игнис рисковала не дожить до рождения своего первого ребенка.

«Старею, становлюсь излишне сентиментальной», — подумала Орелия, прекрасно понимая, что лжет самой себе — она всегда страдала от этого недуга. — «Не время копаться в прошлом, будем жить настоящим, тем более что будущего у нас, возможно, и нет».

— Кажется, первую атаку мы отбили, — заметила она.

— Ты ведь понимаешь, что это только начало? — фыркнул Ридгар. — Даже не разведка боем, а так, игра, хороший способ ослабить нас, не тратя собственных сил.

— Соглашусь, — заговорил Рэмирус. — Скорее всего, сейчас нам следует ждать грызунов, птиц, ну а там и до волков с медведями дойдет черед. Ибо сказал Господь: сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему, и да властвуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

— Будем надеяться, что Мислия все еще достаточно хорошо контролирует амулет, — без особой надежды проговорила Орелия. — И что ей не удастся подчинить своей воле более развитых, нежели насекомые, существ.

— Таких, например, как вон те вот волки? — с иронией в голосе поинтересовался Ридгар, указывая подозрительной трубой за спину Целительницы.

Та повернулась и с трудом сдержала вздох. Действительно, к лагерю стремительно приближалась разномастная орда обитателей леса. Кого тут только не было: и волки, и лисицы, и кабаны, и медведи. Перед ними бежали олени и лоси, могучие лесные гиганты, наклонив рога, неслись прямо на заграждения, будто бы имели шансы проломить их. А с небо, шелестя крыльями, пикировали хищные птицы: соколы и беркуты, ястребы и совы, даже несколько орлов, невесть каким ветром занесенных в равнинный Дилирис.

— Н-да, — только и могла что ответить Орелия.

— Парни, — над лагерем разнесся громогласный клич Пришки. — Ужин сам бежит к нам! Цельтесь лучше и сможете выбрать самые лакомые куски!

В ответ ей грянул рев марравских воинов, а в следующую секунду загрохотали аркебузы и пушки. На сей раз с ними не было огненной магии Игнис, но и мишени оказались куда заметнее...

Животные и птицы падали, их разрывало на куски, кровь и ошметки плоти летели во все стороны, и происходящее походило на кошмарный сон, плод фантазии безумного художника, напившегося самого крепкого вина, которое только сумел найти, и закусившего все это дело отборными мухоморами.

Спустя буквально несколько минут все пространство вокруг вагенбурга оказалось завалено телами мертвых и умирающих существ, и даже сквозь непрекращающуюся канонаду слышались вопли ярости и боли: лай, скулеж, рев. Магия Звериного Амулета не ведала жалости и снисхождения, а Мислия, надо было отдать ей должное, за прошедшие месяцы изрядно поднатрела в использовании одного из ценнейших артефактов Корвуса.

Некоторые из животных все-таки прорывались сквозь заслоны и добирались до людей. Вот смертельно раненый медведь с пятью или шестью засевшими в туше арбалетными болтами буквально проломил крепкие доски бронированной телеги и с размаху приземлился на зазевавшегося арбалетчика, могучим ударом лапы снося тому голову. Вот волк поднырнул под телегой и, врезавшись в ноги алебардисту, вцепился в незащищенный пах воина. Вот ястреб набросился на аркебузира, бритвенно-острыми когтями полоснув того по глазам.

Орелия чувствовала их боль и страх. Она хотела рвануться туда, где шел бой, исцелять, помогать, спасать... Хотела, но не могла. Древняя с трудом ходила, не говоря уже про то, чтобы делать что-нибудь еще. Ей оставалось лишь беспомощно лежать и наблюдать за разворачивающимся кошмарным зрелищем.

Утешало одно: животных в окрестностях было заметно меньше, чем насекомых, и они уже подходили к концу. Но и это не означало ни секунды передышки. Из леса начали выдвигаться люди, закованные в латы.

«Спешенные рыцари», — поняла Орелия, оглядывая стройные ряды воинов в отличном защитном снаряжении. — «Они боятся атаковать вагенбург в конном строю, потому как понимают: прорваться даже за первое кольцо телег всадникам будет очень тяжело.

— Кажется, наступает время главного акта в этой затянувшейся драме, — тихо обронила Целительница, не обращаясь, в сущности, ни к кому.

Однако Рэмирус услышал ее.

— Да, — согласился бывший император, — и кажется, что настал мой черед выходить на сцену.

Он аккуратно поднялся и заковылял по направлению к основной части вражеской армии.

Орелия прикрыла глаза. Она понимала, что старый враги сейчас начнут изматывать защитников воздушными атаками, и лишь сила землерожденного позволит хоть как-то укрыться от всепоглощающей стихии. Она не ошиблась.

Не успела атака животных и птиц закончиться, как в направлении вагенбурга двинулось несколько смерчей. Возможно, это были не самые внушительные представители магии Вентисов, но и их было достаточно для того, чтобы создать проблемы.

Серьезные проблемы.

Рэмирус развел руки в стороны и из земли поднялись стены, которые точно огромный купол накрыли осажденный лагерь. Лишь одно небольшое отверстие на самом верху пропускало тусклый ночной свет, да звуки: завывание ветра, которое не могло заглушить мерного топота тысяч ног.

Враги не стали тянуть время. Они бросились в атаку, прикрываясь магией ветра.

Таривас Вентис в очередной раз ощутил злую радость матери, но на этот раз, как ни странно, подобные же чувства пришли и от второй его спутницы. Первая Тень, определенно, взбудоражилась и тут не было ничего удивительного — после многочисленных и весьма болезненных щелчков по носу, сковывающая наконец-то получила возможность опробовать украденную у Вороньего Короля игрушку.

«Игрушку, стоившую мне солнечного света», — подумал принц, непроизвольно проведя пальцами по изуродованным глазницам.

Боли он почти не чувствовал — раны уже затянулись, но ощущение неправильности не покидало его ни днем, ни ночью. Дико хотелось поднять веки и оглядеться... А потом он вспомнил, что проблема не в веках, а в самих глазах.

«Но еще не все потеряно!» — подумал принц и в его сердце тоже зажглась яростная надежда. — «Если Целительница действительно с ними, все можно будет исправить. К тому же у нас есть шанс заполучить в свои руки Игнис!»

Он не представлял, каким именно образом дочь Вороньего Короля сумела вырваться из рук Кайсы, да это сейчас было и не столь важно. С августа все — буквально все — шло наперекосы и вот, наконец-то, у них появилась возможность улучшить положение.

И мать, определенно, понимала это даже лучше его самого.

«Столица пала, весь восток страны потерян, но у нас еще есть надежда! Нужно лишь победить в одном сражении, и мы исправим все, да, именно так!» — думал он, продолжая подпитывать ураган.

— Мама, скажи, когда нужно будет отпустить силу, — попросил он.

— Скоро, — услышал принц голос матери. — Очень скоро. Наши люди почти добрались до этой чертового каменного колпака. Проклятые землерожденные, никогда не меняются.

— Спокойнее, мама, ты, все-таки, говоришь о канонизированном святом.

«Который давным-давно уже должен был быть на том свете подле трона Господа», — с легкой ноткой недовольства подумал принц. — «И эти сведения, кстати говоря, тоже исходили со стороны Кайсы».

Как ни крути, но северянка использовала их точно также, как сам Таривас использовал глупышку Игнис. А самым обидным здесь было то, что несмотря на подобное вероломство и ему и матери придется заискивать перед водороденной и всячески угождать ей, потому что даже в случае вступления в войну Ривеланда победа не гарантирована. Лишь совместный удар давал открывал путь к успеху, да и то — с оговорками, ведь буквально за несколько месяцев мощь Дилириса сократилась вдвое.

Впрочем, у северянки тоже все не так уж и гладко. Пленница сбежала и, если верить словам оракула, той пришлось задействовать буквально все свои силы и средства для того, чтобы Корвус не прознал об этом. Ну, или выяснил правду на пару дней позже.

Принц не знал, как ей это удалось и на какие жертвы пришлось пойти, дабы обмануть разведку Вороньего Короля. В том, что территория на три дня пути от его армии проверяется многочисленными дозорами он не сомневался ни на секунду.

Главное было то, что северянка, явно желая исправить ситуацию, обеспечила армии Дилириса превосходную возможность. Одну из тех, что выпадают раз за войну. Вряд ли она

сможет повторить подобное, даже если очень захочет, ведь Корвус обязательно станет разбираться в причинах внезапной слепоты — ха! — собственных дозорных. И можно не сомневаться, Древний выяснит все и примет меры. Что-что, а извлекать уроки из своих ошибок он умеет. Все истории сходятся на этом.

А значит, если не получится разгромить марравцев и взять пленных, то ситуация из отвратительной превратится в катастрофическую.

«Так, не о том надо думать! Только об успехе и победе! Ага».

И он еще немного усилил нажим, прекрасно понимая, что особого толка в этом нет — Отшельник и не думал сдаваться.

— Как там наши воины? — уточнил принц у матери.

— Полностью окружили вражеский лагерь и стоят на безопасном расстоянии от смерчей, — ответила та. — Пусть отдохнут немного перед началом штурма, это пойдет им на пользу.

Тут она, пожалуй, была права.

Как только Оракул сообщила весть о том, что бежавшие из узилища Речной Королевы пленники вместе с Катержиной и Отшельником идут на соединение с главными силами Вороньего Короля и пообещала поддержку, они действовали, не раздумывая: подняли всю конницу и посадили в седла вообще всех, на кого нашлось достаточно лошадей.

Получилось собрать и направить тремя параллельными маршрутами очень внушительные силы: почти двадцать тысяч человек. Магическую поддержку помимо самого Тариваса и матери осуществляли два полных круга ветророжденных, а также — десяток сковывающих.

Как итог, они зажали врагов и получили время на то, чтобы разделаться с ними и заполучить невероятно ценных пленников, с которыми удастся диктовать условия не только Корвусу, но и Кайсе.

Одна проблема: будущие пленные не собирались сдаваться, людей утомил двухдневный форсированный марш, а времени на нормальный отдых не оставалось, что бы там ни говорила Оракул. Поэтому проблему следовало решить одним мощным штурмом.

Принц повернул голову в направлении матери и та, судя по всему, уловила это движение, потому что радость сразу же сменилось болью и жалостью, а затем — злобой.

— Ладно! — вскричала Кайса. — Хватит нашим латникам прохлаждаться. Рассеять ветер!

Миг... и стало тихо, как в склепе.

Ревущие ураганы истаяли, точно их никогда и не было, и Таривас смог слышать команды, которые офицеры отдавали подчиненным.

Потянулись тяжелые, наполненные ожиданием секунды.

«Он не сможет поддерживать купол вечно», — подумал принц. — «Заклинания такого масштаба выпивают уйму сил у любого стихиярожденного и даже Древний, разменявший восьмую сотню лет, не способен противиться этому простому и очевидному факту, ага».

Конечно, можно было бы попытаться проломить защитный купол, но из рассказов дяди Таривас знал — это бессмысленно. Земля, усиленная магией до такой степени, что ее не в состоянии повредить даже рукотворные ураганы, была практически непреодолимой преградой для почти для любого оружия.

— Ну же, — недовольно проворчала Кайса, — чего он ждет? Почему не убирает купол?

— Возможно, опасается повторного удара ветророжденных, ваше величество, —

услышал Таривас голос Пьюрхарта.

Маршал Дилириса, как и всегда, был спокоен и невозмутим.

— Марк, а ты что думаешь? — поинтересовался принц у своего нового капитана гвардии.

— Не знаю, — коротко ответил тот и умолк. — Поглядим.

«Да, это не Лариэс», — с легкой грустью подумал принц. — «Проклятье, ну почему он пошел против меня? Стоило оно того? Так хоть поговорить было бы с кем».

Он тихонько вздохнул и принялся ждать.

К счастью, именно в это время Отшельник, видимо, решил, что пора отдохнуть — ушей принца достиг звук, падающих камней. Или спрессованной при помощи магии земли.

— Вот оно! — прошептала Кэлиста.

«Надежда, ярость, радость, предвкушение», — принц непроизвольно считывал чувства матери. — «Кажется, действительно, начинается».

— Убейте их! — закричала Кэлиста, усилив свой голос при помощи магии ветра и заставив его разнести над всем полем боя. — И приведите ко мне Целительницу!

— И приведите ко мне Целительницу!

Орелия четко расслышала каждое из слов, разнесшихся над полем боя, и нерадостно улыбнулась. Катержина успела ввести ее в курс дел и пояснила, что именно стало причиной войны между Волукримом и Дилирисом, а потому прекрасно понимала страстное желание ветророжденной заполучить ее в качестве пленницы.

«Ну уж нет!» — подумала она. — «Лучше я вырву сердце у себя из груди и проткну его, чем стану прислуживать этой твари!»

Тут они ни единой секунды не кривила душой. Древняя не испытывала ни малейших иллюзий относительно способности Кайсы заставить ее исцелять раненных воинов Дилириса.

Несколько раз попадались глупцы, желавшие поставить силу Ступившей на Путь Вечности себе на службу, и они всегда действовали одинаково — начинали пытаться и убивать на ее глазах людей. Чаще всего — детей. На короткий срок это помогало, но затем либо они допускали ошибку и позволяли Древней вырваться из камеры, либо приходили Кающийся с Охотником.

В первом случае она лично убивала всех причастных, и это было далеко не самым плохим вариантом развития событий, потому что ни Ридгар, ни Изегрим попросту не знали жалости, а их таланты в области причинения другим боли пересиливали даже упрямство и непреклонность этой парочки.

Когда такое происходило товарищи силой уводили Орелию из обреченного замка и устраивали в нем настоящую бойню, обязательно оставляя пару живых, чтобы те передали послание.

Вот только сейчас дела обстояли куда серьезней, и цена пленения была заметно выше.

«А потому, как только наши линии обороны падут, я убью себя», — решила Орелия. — «Какая разница, годом раньше или позже? Я и так уже практически мертва».

Она бросила короткий взгляд на мечущуюся в беспомощности Игнис.

Вопрос в том, как быть с девочкой. В плен ей нельзя ни в коем случае. Вздохнув, Древняя перевела взгляд вперед, туда, где сквозь рассыпающиеся куски земли уже можно

было видеть вражеские отряды.

Они не сумели окружить вагенбург полностью, да и не старались, если честно. Вместо этого — собрались в три ударных колонны, глубиной шеренг в двадцать каждая. Стрелков было не слишком много, основу составляли закованные в полные латы рыцари, держащие в руках укороченные кавалерийские копья.

Нетрудно было догадаться, что именно дилирисцы планируют сделать. Для этого даже не требовался провидческий дар Катержины. Однако у марравцев он имелся, именно поэтому в самый последний момент те сконцентрировали всех стрелков и всю артиллерию на наиболее угрожающих участках.

«Пять минут точного предвидения — много это, или мало»? — подумала Древняя, ища взглядом Оракула.

Та, будучи одной из немногих оставшихся в строю Древних, собиралась сражаться в передовых рядах и ждала начала боя.

Наконец, дождалась — каменный купол обсыпался и буквально в следующую же секунду стрелки, засевшие за фургонами, разрядили свои аркебузы во врагов, которые с не меньшей прытью устремились вперед.

Громынуло так что на миг показалось, будто это сам Тор воскрес и занес над головами людей свой всеокрушающий молот.

Вражеские стрелки ответили собственным — куда более жидким — залпом.

Поле боя заволочло пороховым дымом и атакующие бросились на приступ.

«Я должна быть там, должна драться, должна видеть!»! — решила Орелия и, не спрашивая никого, направилась вперед.

Она прошла второй ряд фургонов и двинулась туда, где истошно кричали люди и грохотали аркебузы с пистолетами.

В правой руке Древней возник один единственный меч — на большее сегодня она вряд ли была способна — и та погрузилась в клубы порохового дыма, пробираясь через плотные ряды аркебузирова и прикрывавших их алебардистов.

Кто-то заступил ей путь и Орелия с удивлением узнала Рэмируса. Святой выглядел неважно, однако все еще держался на ногах.

— И куда ты держишь путь свой? — поинтересовался он.

— Туда, в сражение.

— Не глупи, Ори, не тебе сейчас плясать с Вечной.

— Но... я должна.

— Нет, не должна. Возвращаемся!

Его безапелляционный тон не подразумевал возражений, и все-таки, Ступившая на Путь Вечности задержалась на краткий миг в нерешительности и лишь спустя несколько томительно долгих секунд позволила увести себя прочь.

Запах пороха забивался в нос и вызывал желание чихнуть. Людские крики, звон стали, громыхание пушек и аркебуз — оглушали и пытались дезориентировать. Дым же... Дым не мешал.

Той, у кого нет глаз, подобное не может повредить.

Катержина, окруженная своими лучшими телохранительницами, стояла возле первого ряда телег, превратившихся сегодня в импровизированную крепостную стену, которой

предстояло принять на себя всю ярость раненного, но все еще непобежденного дилириесского зверя.

Она была бы рада сказать, что предвидела нечто подобное, но увы. В последние дни у Ступившей на Путь Вечности не было ни единого прозрения, а поэтому засада стала неожиданностью и для нее.

В такие моменты Катержина жалела о том, что ее дар так несовершенен, но поделаться с этим ясновидящая ничего не могла. У каждой силы есть свои пределы.

— Госпожа, — услышала она голос одной из телохранительниц. — Вам нужно уйти, здесь слишком опасно.

— Я буду сражаться в первых рядах, — проговорила Древняя, оборачиваясь к сказавшей это женщине.

— Госпожа? — удивилась та.

«И снова я ответила до того, как она даже подумала о том, чтобы заговорить», — с досадой подумала Катержина.

Она жила на этом свете уже довольно долго и так свыклась с даром, что иногда попросту забывала о том, что обычные люди не в состоянии заглядывать в будущее. Часто это делало разговоры... не очень удобными.

— Готовьтесь, — произнесла она, доставая меч из ножен. — Сейчас они прорвутся.

И действительно, спустя каких-то две минуты, боевая телега была буквально сметена концентрированным залпом немногочисленных вражеских стрелков и в пролом хлынули первые латники.

Катержина шагнула вперед и просто, без затей уколола ближайшего врага.

Длинный и тонкий клинок вошел четко в забрало шлема и человек рухнул на землю, умерев до того, как тело его опустилось. Следующего врага она ударила в стык между кирасой и наплечником. Безусловно, обычный меч не пробил бы кольчугу, прикрывающую слабое место, и поддоспешный гамбезон, вот только лезвие «Равновесия» зачаровывал сам Корвус, а потому у врага не было ни единого шанса.

Следующий противник ударил сверху вниз... Точнее — собирался сделать это через полторы секунды, но Катержина не дала ему ни малейшего шанса. Она шагнула в сторону, уклоняясь от атаки, сократила дистанцию и вонзила лезвие даги точно в бедренную артерию.

Очередной враг заступил место упавшего и его участь была такой же.

Противостоять Ступившей на Путь вечности, обычный человек был не в состоянии при всем желании, и никакие доспехи, никакая магия и никакое мастерство не могло спасти его. Точнее, мастерство-то как раз и могло, но для этого ему следовало двигаться гораздо, гораздо быстрее нее. Древняя не одно десятилетие занималась фехтованием и добилась на этом поприще определенных успехов. Да, ее спонтанные припадки были проблемой, даже сейчас существовал шанс свалиться в конвульсиях, уступив место ЕМУ, стать пленницей внутри своего же собственного разума, пророчить, не запоминая ни слова из сказанного просто потому, что человеческий разум не в состоянии воспринять и осмыслить столь масштабные и величественные откровения, но Катержина знала, что подобное маловероятно. ЕМУ не захочется терять это тело, эту тоненькую ниточку, связывающую бескрайнее безвременное ничто с материальным миром, таким интересным, насыщенным, полным событий, впечатлений и ощущений.

А потому сейчас она была неуязвима и неостановима! Катержина разобралась с

очередным латником походя, не обращая внимания на его тщетные попытки защититься.

Она увидела, как через две минуты враги попытаются расширить брешь при помощи нового залпа, и отступила за спины своих телохранительницу и стрелков.

— Готовьтесь стрелять по команде! — распорядилась она и, отсчитав нужное количество времени, приказала. — Огонь!

Атака смела несколько десятков вражеских латников, но те и не думали останавливаться. Этот бесконечный живой поток, явно не собиравшийся прекращаться, напротив, он становился все яростнее и злее.

Древняя напрягла все свое предвидение, и теперь видела все, что произойдет в течении ближайших пяти минут пятнадцати секунд. Но не просто видела — одного этого было недостаточно. Она осознавала, понимала и была в состоянии обработать и использовать полученные знания. Обычный человек просто сошел бы с ума от подобной картины, но она, опять же, благодаря ЕМУ, могла использовать полученные знания.

— Отправьте две роты на помощь Пришке, — скомандовала Древняя, — остальным — сделайте баррикаду, когда я разберусь с вражеским прорывом. И стреляйте, быстрее, как можно быстрее!

Ее команды выполнялись беспрекословно и Катержина снова окунулась в водоворот битвы.

И враги и союзники были слишком медлительны — пороховой дым и ночь практически полностью лишали их зрения, Ступившей же на Путь Вечности подобные мелочи не стали помехой, напротив, превратились в могучее подспорье.

Она колола, резала и била, уклонялась от вражеских атак и пуль союзников, которые летели в точку прорыва практически непрерывно. Она была везде и нигде. Она была неостановима и непобедима.

И враги дрогнули! Незрячая марравка видела, как они медленно, но верно начали отступать.

Нужно было чуть-чуть надавить, чтобы отступление превратилось в неорганизованное бегство, но увы, на это самое чуть-чуть не было времени.

Как только бойцы бросились набрасывать какое-то подобие баррикады и занимать позиции возле изрешеченных пулями, иссеченных топорами и изломанных молотами телег, она резко двинулась ко второй линии укреплений, махнув рукой телохранительницам.

— Быстрее, они прорываются!

— А вот это нехорошо, — заметила Орелия. — Мы должны помочь.

— Нет, — коротко ответил Отшельник.

— Они прорвались, если ничего не предпринять, мы потеряем внешние укрепления.

— Мы и так потеряем их. Нет.

— Проклятье, Рэмирус, люди умирают!

— И я оплакиваю их также, как и ты, но — нет.

Древняя лишь покачала головой.

Сражение развивалось далеко не так хорошо, как ей того хотелось бы. Да, Катержина сумела отогнать один из вражеских отрядов, да и Пришка вместе с большей частью Непорочных — этих фанатичных воительниц, не знающих, казалось, усталости, все еще сопротивлялась, хотя было видно, что их силы на исходе...

Но настоящая проблема наметилась на северной части укреплений. Оборона там практически рухнула и марравцы, оцетинившись алебардами, отступали ко второму ряду телег. Они били вражеских латников, но те были слишком хорошо защищены, а потому даже удары тяжелых цепов и алебард не причиняли особого вреда. Единственное, что спасало от полного разгрома, это наличие большого количества стрелков, поддерживавших своих товарищей и, рискуя жизнями, бивших по вражеской тяжелой пехоте едва ли не в упор. Однако долго так продолжаться не могло.

Вот один из воинов бросил оружие и, развернувшись, помчался к спасительному кольцу из телег. Во так же поступил еще один. Затем — еще. И еще. И еще. И еще...

— Стоять! — разнесся над полем боя чистый и ясный голос.

Орелия обернулась и увидела приближавшуюся к дрогнувшим войскам Катержину. Та вела за собой приличных размеров отряд в качестве подкрепления, но, пожалуй, его уже не было достаточно для того, чтобы хоть как-то стабилизировать фронт.

Однако это позволило выиграть немного времени — бегство прекратилось и заколебавшиеся было сотни вновь обрели если и не уверенность в победе, то, по крайней мере — некое подобие стойкости.

И все же, все же...

«Что нам делать»? — лихорадочно соображала Орелия. — «Рэмируса хватит на пару атак, я практически бесполезна, Катержина... Ну, она, конечно, убьет сколько-то сотен, но устанет и в конечном счете ее просто сметут числом. Как быть? Что делать?»

Ответ не шел в голову, а потому Древней только и оставалось, что стоять, наблюдая за разворачивающейся драмой со стороны.

Стоять и верить в лучшее.

По прикидкам Тариваса прошло около трех часов, но враги упрямо не желали сдаваться. Его войска наконец-то сумели занять внешний обвод укреплений, но остатки вражеского войска успели спрятаться за второй линией стен и теперь вели оттуда отчаянную стрельбу, призванную, по-видимому, оттянуть неизбежное.

— Жаль, что они нужны нам живыми, — пробурчала мать, — иначе можно было бы закончить все парой ураганов. Вряд ли Отшельник долго сможет выдерживать атаку стихий.

Тут Таривас был полностью согласен с королевой. Если то, что сказала Оракул — правда, а пока что причин не верить ей не было, то Древний был истощен практически до предела. Конечно же, стихийный маг, проживший несколько сотен лет, куда сильнее обычных стихиярожденных, но, все-таки, как боец он уже бесполезен. Собственно говоря, именно для того, чтобы измотать вражеских колдунов и заставить их растратить остатки сил и был применен сперва Звериный Амулет, а затем — скоординированная атака всех магов воздуха.

— Что ж, полагаю, скоро все закончится, — чуть улыбнулся он. — Думаю, мы справимся и без вызова урагана в центр вражеского лагеря, ага.

— Да, они ответят, — королева скрипнула зубами.

— Мама, только очень прошу, не давай волю своему гневу, когда мы возьмем заложников. Ты ведь понимаешь, что случится если дочка Вороньего Короля вдруг скоростижно скончается.

— Понимаю, — процедила Кэлиста. — Не бойся, ничего с ней не будет. Серьезного. Ложь.

Таривас вздохнул и сделал себе мысленную заметку: внимательно следить за матерью, чтобы та не учудила какую-нибудь глупость вроде казни Игнис и отправки ее головы отцу.

«Кэлиста Иссон не просто так спрятала заложников в своей столице», — подумал он. — Живыми они куда полезнее, нежели мертвыми. Проклятье, почему же так долго?»

— Маршал, — обратился он к Пьюрхарту. — Как думаете, быть может, имеет смысл послать в бой наш резерв?

— Ваше высочество, — голос воина, казалось, был в состоянии заглушить канонаду, — я бы по возможности хотел избежать этого. Резерв надлежит оставлять в тылу до последней возможности, иначе мы всегда рискуем прозевать какой-нибудь неприятный сюрприз.

Таривас чуть заметно улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Какой же? Вражеское войско внезапно выйдет к нам в тыл? А откуда ему взяться, позволь, спросить? Разве твои разведчики не убедились в том, что в окрестностях нет сил противника?

— Ваше высочество...

— Исполни, — чуть повысив голос, приказал Таривас.

«Иногда людям, даже таким, как Эварис, следует напоминать, у кого именно в руках находятся вожжи, а кто тянет телегу», — подумал принц. — «И все-таки с Лариэсом было проще, он всегда знал свое место» ...

Ветророжденный покачал головой и повторил:

— Исполни. Это приказ. И пусть к ним присоединятся маги из круга. Они должны будут оказать непосредственную поддержку атаке.

— Слушаюсь, — четко ответил маршал и распорядился куда-то в сторону, — немедленно прикажи бросить резерв в атаку.

— Слушаюсь, — раздался молодой голос, и адъютант ускакал исполнять распоряжение. «Очень скоро я снова смогу видеть!»! — взволнованно подумал Таривас. — «Уже сегодня! Скорее бы, скорее!»!

Игнис застонала. Она сама не понимала, почему пришла в сознание. Нет, неправильно. Девушка не понимала, почему все еще жива!

«Проклятье, в последние месяцы я только и делаю, что преодолеваю свои лимиты!»! — невесело подумала принцесса.

Чуть поведя головой, она вдруг поняла, что лежит на чем-то теплом и мягком. Открыв глаза, Игнис посмотрела вверх и увидела прямо над собой обеспокоенное лицо Блаклинт.

«Она что, положила мою голову себе на колени»? — со смущением подумала принцесса.

Впрочем, особо жаловаться она не собиралась — было тепло и хорошо. Если бы только...

Если бы они не оказались посреди сражения!

Огнерожденная с трудом приподнялась на локтях и огляделась. Луна на небе немного передвинулась, но не то, чтобы значительно.

«Я пробыла в беспамятстве от силы пару часов», — поняла она. — «И дела, судя по всему, стали заметно хуже».

Принцесса внимательно осмотрелась и не смогла не отметить неутешительной реальности: первая линия обороны была безвозвратно потеряна, между двумя рядами телег сейчас хозяйничали воины Дилириса. Выжившие марравцы плевались огнем, стараясь помешать врагам сконцентрировать силы для броска на вторую линию укреплений, но не нужно было обладать стратегическим талантом для того, чтобы понять: надолго оттянуть штурм не удастся.

Игнис неудачно пошевелилась и тотчас же тело пронзила мучительная боль.

Девушка застонала и откинулась на спину, глядя на склонившуюся над ней Блаклинт.

— Ты как? — тихо спросила водороденная.

— А ты как думаешь? — криво ухмыльнулась принцесса. — Помоги сесть.

— Тебе нельзя, — возразила ее подруга.

— Я. Должна. Сесть.

— Зачем?

— Хочу все видеть...

Игнис не стала пояснять, на что именно ей хочется посмотреть, но это и не требовалось — Блаклинт все поняла. Она кивнула и помогла стонущей от мучительной боли девушке занять более-менее вертикальное положение. Это, а также то, что везде горели многочисленные факелы и костры, позволило куда лучше изучить поле боя.

— Смотри, — прошептала Игнис, вытягивая перед указательный палец. — Кажется, они бросили в бой свой резерв.

Блаклинт взглянула в указанном направлении и моргнула.

— Это плохо, да?

— Не слишком хорошо. Ты как, колдовать можешь?

Она отрицательно покачала головой.

— Не в состоянии сотворить даже простенькое заклинение. Не чувствую биения стихии в своей крови...

Игнис вздохнула. Оставалось только надеяться на то, что силы вернуться к Блаклинт.

«Хотя, возможно, уже через час это не будет иметь никакого значения».

Враги, получив подкрепление, выстроились рядами и двинулись вперед, наклонив копья. Да, дилирисцы не смогли притащить на поле боя достаточного количества пехоты, а потому им откровенно не хватало стрелков, а также — пикинёров, но это компенсировалось прекрасным качеством брони, заговоренной на прочность и ослабление отдачи. Именно поэтому так мало бронированных фигур падало под ураганным обстрелом марравцев. В резерв, который стал основной ударной силой, были отведены лучшие из лучших. Самые опытные, самые сильные, самые богатые. И вот теперь они неслись вперед, на телеги, стремясь проломиться вперед, добраться наконец до своей цели.

Ии было совершенно понятно, чего они хотят: захватить Целительницу, дабы привести глаза принца в порядок, и взять в плен дочь Вороньего Короля, чтобы получить рычаг давления на отца.

Бронированная лавина накрыла оборонительные позиции и до Игнис донесся страшный, ни с чем несравнимый звук. Вопль тысяч глоток, слившийся в один многоголосый гулкий стон боли, страха и ярости.

Люди резали и кололи друг друга. Марравцы опускали на головы дилирисцев свои страшные цепи и лупили их алебардами. Они стреляли практически в упор — с такого расстояния даже хорошие латные доспехи через раз помогали атакующим, они пытались отсечь задние ряды артиллерией, но... Но их было слишком мало! Игнис видела, как гнется тонкая линия защитников, как вражеские отряды, торжествуя, почти берут верх сразу на трех участках импровизированной «стены», и она в отчаянии прикрыла глаза.

«Возможно, стоит лишиться себя жизни, чтобы не давать Кэлисте столь серьезного преимущества?» — промелькнула мысль. — «Но, чтобы это сделать, нужно достать оружие, а я не могу пошевелить и пальцем».

Просить же Блаклинт об ударе милосердия огнерожденная попросту не могла.

Вновь открыв глаза, Игнис, стараясь не пропустить ничего, воззрелась на сражение. Ей осталось лишь ждать, да надеяться на лучшее. Сопrotивляться уже не осталось сил.

«Удар в сонную артерию через полторы секунды».

Катержина отступила на полшага — ровно столько ей требовалось для того, чтобы вражеское копьё просвистело в половине мизинца от ее шеи, а противник подставил под удар подмышечную впадину.

Коротко уколоть мечом, отступить, не обращая внимания на крик смертельно раненного человека, спрятаться за щитом Пришки.

Верная Непорочная, не раздумывая ни секунды, опустила своей цеп на голову другого латника. Мужчина упал, как подкошенный. Пришка вообще отличалась ненормальной физической силой, как, впрочем, и большая часть ее Непорочных. Она самостоятельно выискивала подходящих кандидатов по всему Виннифису и тренировала их до изнеможения. К сожалению, женщины оставались женщинами и в прямом противостоянии с мужчинами шансов у них было немного.

Именно поэтому вся гвардия Оракула поголовно вооружалась пистолетами. И именно поэтому эта самая гвардия уже полегла практически в полном составе.

Катержина оплакивала каждую из них — за долгие годы она успела привыкнуть к своим извечным спутницам, но, увы, только мысленно. Времени на то, чтобы опустить руки и лить слезы у нее не оставалось, ведь если Видящая сдастся, жертва Непорочных, равно как и остальных ее верных последователей будет напрасной.

Эти люди сражались и умирали за нее, хотя с легкостью могли бросить оружие.

Она избежала атаки сразу трех врагов, сократила расстояние и прикончила одного филигранным уколом в щель забрала, после уклонилась сразу от трех мечей, сумев достать еще одного из нападавших и снова укрылась за спиной Пришки.

Так не могло продолжаться долго. Катержина чувствовала, как усталость с каждой секундой все больше и больше берет свое, но ничего, кроме как сражаться, ей не оставалось. И бой поистине раскрыл ее ужасающие способности в полной мере. Оракул как бы витала сразу в двух мирах: в настоящем и в будущем; видела то, что творится сейчас, и то, что только должно произойти. Она не ошибалась и не путалась, а убивала, убивала, убивала.

«Сколько я лишила жизни за сегодня? Пять десятков? Шесть? Сотню?»

Откровенно говоря, она уже сбилась со счета, но с яростью, порожденной отчаянием, продолжала борьбу.

«Через минуту два арбалетных болта ударят в Пришку», — пришло ей видение и Катержина, недолго думая, шагнула вперед, защищая верную телохранительницу. Она отразила несколько атак, и когда подошло время, коротко махнула мечом.

Со звоном один за другим два арбалетных болта отлетели в стороны, а противники в ужасе попятились.

Трюк, что она проделала, был не то, чтобы слишком сложным для ясновидящей, хоть и требовал некоторой сноровки, зато действовал он безотказно. Об этом Катержина узнала еще во времена войны за независимость Виннифиса и с тех пор не один и не два раза использовала его для своих целей.

— Госпожа моя, назад! — прокричала Пришка и попыталась укрыть Древнюю, но та лишь покачала головой и помчалась на врагов в самоубийственную на первый взгляд атаку. Однако за этими ее действиями таился холодный расчет.

«По крайней мере пять минут к ним не будут подходить свежие силы. Если получится, вытолкаем с телег, как сделали это до того!» — подумала Катержина, коля, рубя и кромсая.

Отбив очередную атаку, она сунула меч в ножны и, выхватив второй кинжал, перешла на особо короткие дистанции боя, прикрываясь от вражеских копий, метящих из глубины строя, телами противников.

Обычный человек ни за что не сумел бы не то, что убить — подобраться на такое расстояние к вражеским копейщикам, но она перестала быть обычной, причем очень давно.

Голос из иного пространства и времени завладел девушкой, когда той было двадцать два. Он забрал ее глаза, раскрыв взамен тайны будущего и даровав вечную молодость. Созданию невообразимой мощи, непознаваемому и необъятному, по какой-то причине было интересно наблюдать за миром живых, и оно могло пойти на многое, чтобы не потерять эту возможность, а потому Катержина не особо боялась за себя.

Конечно, и ее можно убить — бессмертных вообще не существует, кроме, разве что, Кающегося, но простым латникам подобный подвиг не под силу, а потому — вперед: смести, деморализовать, разогнать. Усеять их трупами подступы к укреплениям!

И издав страшный — неожиданный для столь хрупкого создания — вопль, она атаковала с утроенной яростью.

Остатки Непорочных: самые сильные, самые опытные, самые везучие присоединились к ней, и враги дрогнули! Они подались назад, еще чуть-чуть, и покажут спины...

И прямо в этот самый момент Катержина увидела то, что случится через пять минут.

Изменившись в лице, она остановилась и приказала:

— Всем отойти назад, живо!

Непорочные слушались ее, точно были механизмами, а не живыми людьми. Они мгновенное прекратили преследование.

— Всем найти укрытие, сейчас ударят воздушные ножи!

Катержина и сама понимала, сколь нелепо сейчас звучат ее слова. Укрытие? Где его найти? Как? От потоков воздуха, разрезающих сталь? Не смешно.

Однако ее Непорочные постарались исполнить распоряжения Древней. Кто-то спрятался за большим щитом, кто-то нырнул за мешок с зерном, кто-то забился под телегу, не составившую внешнего обвода укрепления. Но это не могло помочь. И не помогло.

На телеги, отвоеванные вражескими латниками, взошли сразу шесть магов воздуха, которые вытянули вперед руки, и обрушили на защищающихся всю свою сокрушительную мощь.

«Они специально ждали, пока я проявлю себя, ждали слабину от своих воинов. Они хотели, чтобы мы атаковали всем, что осталось... И этот план увенчался успехом!» — с горечью осознала ясновидящая, уклоняясь от воздушных ножей, которые кромсали тела ее воительниц.

Целый фланг прекратил свое существование в течении буквально нескольких минут.

А еще, ножей было слишком много. Даже для нее.

Невидимое лезвие распорол бок ясновидящей, и та рухнула, обливаясь кровью и с трудом сдерживая стон.

«Но где же Отшельник, чем он занят?» — подумала Катержина, борясь с волнами подкатывающей дурноты. — «Куда он пропал, когда так нужен?»

— Ты как, держишься? — поинтересовалась Орелия, прикрывавшая спину Рэмируса от вражеских атак — сейчас это был максимум ее возможностей.

— Бог терпел, и нам велел, — ответил ей старый друг, но по голосу — хриплому и прерывистому — было ясно: его силы на исходе.

Враги наконец-то задействовали в сражении оставшихся в их распоряжении стихийных магов и, надо отдать им должное, ситуация из категории «плохая» быстро превратилась в по-настоящему кошмарную.

Почти дюжина магов воздуха наседали на Древнего, не давая тому продохнуть. Да, могущество Отшельника было невообразимым — по меркам обычных стихийных магов, но и оно имело свои пределы. Он не стал богом!

Рэмирус закрылся от очередной порции воздушных ножей и сразу же контратаковал земляными шипами. Безрезультатно — сразу три ветророжденных обрубали шипы, не позволяя тем достать двух товарищей, занятых атакой. Итого — пятеро. Остальные же шесть чародеев усиленно разгоняли отряды марравцев, заставляя тех отступать все дальше и дальше, падая под сокрушительными ударами магических атак. Пара оставшихся в строю

сковывающих как могли сдерживали ветророжденных, но сильно помочь у них не получалось.

Утешал тот факт, что дилирисцы тоже не особо спешили влезать в разборку чародеев, обтекая сражавшихся по широкой дуге. И все-таки, нельзя было исключать возможности атаки со спины, именно поэтому Орелия категорически отказалась покинуть Рэмируса, который остался возле самых телег, чтобы хоть как-то сдерживать врагов, устремившихся к самому сердцу лагеря.

Древний отвел очередную атаку, укрывшись за земляным щитом, затем, даже не выглядывая из-за него, ударил сразу по всем вражеским ветророжденным, приковывая к себе внимание. Одно заклинание сменяло другое: шипы выросли из-под земли, небольшие булыжники летели по воздуху со скоростью пушечных ядер, почва под ногами нескольких магов ветра обратилась в грязь и едва не засосала чародеев...

Но этого было мало, катастрофически мало!

Безусловно, будь Древний сейчас в хорошей форме, он раскидал бы своих оппонентов, точно котят, размолот бы их кости огромными камнями и разорвал саму землю под их ногами, но побег из Ривеланда слишком дорого стоил им всем.

Она крепче сжала лезвие меча и спросила:

— Я могу помочь?

— Думаю, да, — кивнул Рэмирус, переживая очередную контратаку стихийных магов, которые перенесли все свое внимание на него, — как только скажу, атакуй того парнишку слева.

Орелия бросила короткий взгляд в указанном направлении и заметила, о ком говорил Рэмирус — паренька лет шестнадцати, выглядевшего испуганным и несобраным.

«Зачем они притащили на поле боя ребенка»? — с грустью подумала Орелия. — «Почему всегда все всегда заканчивается так»?

— Командуй, — проговорила она. — Жду.

— Хорошо.

Рэмирус вновь перешел в контратаку, мало-помалу сдвигаясь к выбранной жертве. Шаг, еще один, еще. Вроде бы, никто ничего не заподозрил, да и парнишка больше концентрировался на том, чтобы отбивать атаки, нежели на отслеживании боевой обстановки.

«Не уверена, что сработает», — подумала она. — «Среди них хватает ветеранов, которые представляют, на что способны маги земли, но особого выбора у нас нет».

Они сместились еще на пару футов, причем выглядело это именно как отступление, вызванной мощью врагов, а не как запланированная хитрость. По крайней мере, Целительница надеялась на это.

«Еще чуть-чуть», — прикидывала она расстояние до врага. — «Капельку» ...

— Давай! — резко приказал Рэмирус, бросая в паренька Каменную Тюрьму — очень неприятное заклинание, покрывающее человека подобием кожи из камня, которая не защищала, а, наоборот, не позволяла жертве не то, что двигаться, но даже дышать.

Мерзкое заклинание, но хорошо известное врагам, а значит...

«Три секунды, максимум!» — думала Орелия, рванувшись в сторону паренька.

Время словно замедлилась.

Один.

Она видела каждую мельчайшую песчинку на каменной тюрьме, охватившей со всех

сторон юного ветророжденного, могла ощутить его страх и панику.

Два.

Расстояние сократилось до минимального, и рука Древней вытянулась вперед в глубоком колющем выпаде.

«Сердце»!

Три.

Каменная Тюрьма раскололась на части, а вокруг парня засиял воздушный барьер невообразимой мощи.

«Проклятье, они ждали этого!» — поняла Орелия, только сейчас заметив, что целых три воздушных мага следят за ней. — «И все же, я не отступлю!»

Кончик ее меча коснулся воздушного щита и остановился, не в силах преодолеть преграду, а сразу три Воздушных Цепи опутали руки и ноги Древней.

«Ну конечно же, я нужна им живой!» — с нотками отчаяния подумала та, пытаюсь освободиться.

Но именно этого шага и ждал от врагов Рэмирус!

Едва только маги отвлеклись на поимку своей главной цели, Отшельник сотворил големов!

Огромные куски земли взбугрились, превращаясь уродливые подобия людей и практически без промедления атаковали вражеских чародеев.

Два из них — те, что послабее — не выставили достаточно хорошей защиты и в ту же секунду лишились голов. Еще одного могучий удар отбросил назад и тот ударился о борт повозки и замер, не подавая признаков жизни.

«Возможно, просто оглушен», — подумала Орелия, высвобождаясь из магических пут.

Остолбеневший ветророжденный замер напротив нее.

— Атакуй! — заорал один из магов — седовласый мужчина с длинной ухоженной бородой — пытавшийся нашинковать голема при помощи магии воздуха. — Атакуй ее, Коллин!

«Великий Отец, ну почему все всегда приходит к этому?» — взмолилась Орелия. — «Почему каждый раз, защищая одних детей, я вынуждена убивать других?!»

Думая об этом, она, однако, не медлила ни единой секунды — металлический кулак врезался в голову юноши и тот закричал от боли, когда сталь сломала ему нос и отломил сразу несколько зубов. Он попытался что-то наколдовать, вот только опыта парнишке откровенно не хватало.

Орелия другой рукой дернула его на себя и со всего размаху всадила колено в живот, повреждая внутренние органы мага. Когда тот рухнул на землю, согнувшись пополам, она подхватила клинок, не успевший раствориться, и со всей силы опустила его на шею бедолаги, единственной виной которого была неправильная сторона.

Меч, как и всегда, безупречно прошел сквозь тело, с одинаковой легкостью перерубая мясо, сухожилия и кость, и отрубленная голова покатила по истоптанной, выгоревшей и залитой кровью земле.

Целительница резким движением отряхнула кровь с лезвия и вновь вернулась на свою позицию за спиной Рэмируса.

— Как ты? — спросила она?

На сей раз ответа не последовало и удивляться этому не стоило — Отшельник держался из последних сил. Его глаза, уши и нос кровоточили, жилы на лбу вздулись, а лицо,

напротив, приобрело мертвенно-бледный оттенок, из него как будто выкачали все краски вместе с жизнью.

— Нужно отступать, — Орелия положила руку на плечо друга и попыталась было оттащить того назад, но куда там — Рэмирус не двинулся.

— Нельзя. К тому же, мы уже полностью окружены. Пока у меня есть силы, будем отбиваться.

И с этими словами он создал еще двух големов, которых натравил на оставшихся магов — те как раз заканчивали с предыдущей партией земляных истуканов.

Изо рта Древнего хлынула кровь, но он не сдвинулся с места, атаковав одного из ветророжденных шипами. Маг, отвлеченный новыми противниками, не сумел уклониться, и острейшие, точно лезвия, длинные каменные пики пронзили его ногу в двух местах.

Но это дало лишь небольшую передышку — вражеские чародеи обрушили на Рэмируса все, что только было в их арсенале, вынуждая того защищаться все новыми и новыми каменными щитами.

«Сколько у нас осталось времени до того, как он упадет без чувств»? — подумала Орелия. — «И можем ли мы предпринять хоть что-то?»

Игнис, не сдерживая слез, наблюдала за агонией марравской армии. Вот упала Катержина, которую каким-то чудом вынесли из-под обстрела магов воздуха и положили рядом с огнерожденной. Древня получила серьезные раны, но выжила и теперь пребывала в беспомощности.

Вот Орелия с Рэмирусом, полностью отрезанные от остатков воинства, отступившего к самому центру лагеря, сражались с вражескими магами воздуха.

Вот вражеская лавина, точно наводнение, затопила пространство между рядами телег и подалась вперед, стремясь наконец-то закончить тяжелое ночное сражение.

«Надежды нет».

Игнис бросила короткий взгляд на Вилнара, сжимавшего копье вместо привычного лука. Взгляд ловчего был полон отчаянной решимости и огнерожденная поняла: тот не сдастся. Он умрет, до конца защищая Блаклинт.

И потом, когда это произойдет, настанет время Дилириса торжествовать.

Это казалось таким дико несправедливым, что Игнис захотелось разрыдаться в голос. Твари и предатели, обрекшие на гибель десятки, если не сотни тысяч, вновь будут праздновать победу! Для чего, спрашивается, они убегали прочь из замка безумной королевы? Для чего сражались с ее приспешниками, да еще какими?!

«Ну уж нет. Радости видеть меня в слезах я им не доставлю!» — решительно подумала девушка. — «Никогда и ни за что. Лучше откушу себе язык»!

Бойцы сражались отчаянно, но шансов победить у них не оставалось ни единого. И все же, марравцы не сдавались. Они падали, умирали, истекали кровью, но забирали с собой благородных рыцарей Дилириса.

«Эта победа будет куплена очень дорогой ценой!» — с удовлетворением подумала Игнис, глядя на все приближающиеся вражеские отряды.

А затем...

Затем с неба ударил яркий, ослепительный свет — точно зажглось второе солнце, и над полем боя разнесся кошмарный рев, исторгнуть который человеческая глотка была не в

состоянии.

Игнис широко распахнула глаза и засмеялась. Радостно и счастливо. Впервые за долгие месяцы она поняла, что все будет хорошо.

Таривас не сразу понял, что случилось. Сперва раздались крики боли, придворных и матери, затем их всех едва не оглушил раскатистый вопль, издать который, наверное, мог лишь самый кошмарный монстр.

А сразу вслед за этим, всех женщин в окружении захлестнула одна эмоция — яркая и насыщенная — страх. Нет, не так. Дикий, непередаваемый ужас.

— Как это могло случиться? — прошептала мать. — Почему? Почему, я вас спрашиваю?! Он не должен был узнать! Не мог! Мне обещали, обещали, обещали!!!

Она сорвалась на визг, приправленный нотками истерики и, как послышалось Таривасу, отвесила кому-то оплеуху.

— Ваше величество, нужно срочно трубить отступление! — проговорил Эварис Пьюрхарт.

В голосе маршала принц также расслышал неподдельный страх, и это сразу сказало ему о многом, потому как Пьюрхарта было не так-то просто напугать.

— Мама, что происходит? — напряженно спросил он.

— Госпожа моя, дайте приказ! — перебил его маршал.

— Нет, нет, нет! Не сейчас, когда успех так близок! — визжала Кэлиста.

— Мама, что случилось?!

— Ваше величество!

— Не-е-е-ет!!!

Какофония звуков и эмоций накрыла Тариваса, отдаваясь острой болью в основании черепа и тот зажал уши ладонями, чтобы хоть как-то совладать с этой бурей.

Все стихло столь же внезапно, как и началось.

— Вороний Король здесь, — тихим бесцветным голосом прошептала Кэлиста. — Мы все потеряли...

«Еще не все», — подумалось Таривасу.

— Маршал, трубите отход и оставьте отряд пехоты в арьергарде.

Чтобы спасти тяжелую конницу — основу основ Дилириса — придется пожертвовать чем-то менее ценным, но это предотвратит разгром.

— Слушаюсь, ваше высочество, — с готовностью повиновался тот, и уже в следующую секунду призывно завывли трубы, усиленные магией воздуха. Один сигнал: «отступить».

Бежать, спасать свои жизни, оторваться от противника, чтобы зализать раны и продолжить борьбу.

«Пока я жив, я не сдамся», — решительно подумал Таривас. — «Вороний Король, тебе следовало не лишать меня зрения, а просто прирезать. Ты совершил ошибку и еще поплатишься за нее, обещаю!»

Слуга взял поводья его лошади и Таривас пустил ту иноходью.

Принц не мог видеть, что сейчас творилось в практически захваченном лагере марравцев, и, пожалуй, был даже рад этому. Оставалось только надеяться на то, что до своих лошадей доберется как можно большее число воинов.

«Только бы успеть, только бы успеть, только бы успеть!» — эта мысль билась в голове Лариэса, точно молот о наковальню, высекая искры страха и волнения. Ничто больше не имело значения. Ни лошадь, хрипящая и роняющая клочья кровавой пены, ни то, что их было всего пять тысяч всадников и тысяча гарпий, ни малая вероятность отыскать небольшую армию марравцев на огромных просторах Дилириса. Ничего.

Значение имело лишь то, что Игнис жива!

Сообщение, которое три дня назад было доставлено хозяину посредством какой-то странной птичьей магии — Лариэс так и не понял, откуда почтовый голубь знал, куда нужно лететь — однозначно свидетельствовало о том, что Игнис жива!

Игн, дочь Вороньего Короля, страстная и резкая на язык особа, в которую он умудрился по уши влюбиться всего за несколько недель совместного путешествия, а после похоронить и оплакать, каким-то фантастическим образом не только спаслась, но и сумела сбежать из плена. В коротком сообщении четко говорилось, что пленительницей была Речная Королева, хотя виконт решительно не понимал, каким это образом Кайса Иссон вообще умудрилась повернуть столь хитрый трюк.

И еще, конечно же, интересно, куда пропала вся разведка северного направления? Почему о приближении отряда оракула они узнали из ее же письма? Ответ имелся, и он дико пугал юношу, заставляя нещадно подгонять замученное животное. И, надо полагать, не он один думал так же, потому что отряд, возглавляемый Вороньим Королем, стремительно двигался на север, а дети неба, разделившись на небольшие отряды, прочесывали окрестности.

После придется разбираться с предательством или хитроумной волшебной. Ну, или как минимум выяснить, что произошло с отрядами разведчиков, почему они ослепли и оглохли.

Но... Не все ли равно сейчас?

Это. Может. Подождать.

«Главное — успеть, остальные вопросы решим, когда вернемся!»

Он бросил короткий взгляд на скачущих рядом друзей. Кларисса слабо улыбнулась и ободряюще кивнула, Индржих, молчаливый и сосредоточенный, смотрел лишь вперед, Цилла — нервно поглаживал рукоять пистолета, а Эрик... зевал. К ним присоединились и Алиссия с Лирой. Ученицы Кающегося и Целительницы наотрез отказались оставаться в столице, а вместе с ними увязался и Клеменс Вентис. Правда, сейчас ветророжденный находился в арьергарде, охраняемый парой сотен телохранителей, и, говоря начистоту, переход юноше давался тяжело.

Виконт едва заметно улыбнулся. То, что друзья были рядом, немного успокаивало и настраивало на позитивный лад. Всего в бешеной гонке участвовали ровно сто человек из его свежесформированной гвардии. Можно было легко обойтись и без них, но полукровка счел, что пора обкатывать парней в реальных боевых условиях.

Он не был уверен, что отряд окажется полезным, но бывший Щит принца поклялся себе в том, что умрет ради Игнис, если потребует! А в таких делах каждая мелочь может оказаться решающей.

Лариэс покосился наверх, туда, где в ночном небе шелестели крылья. Гарпиям, пожалуй, пришлось куда труднее, чем остальной части отряда, возглавляемого самим

Корвусом, ведь у них не было ни малейшей возможности нормально отдохнуть все это время. Люди хотя бы скакали на лошадях. Впрочем, именно дети неба отыскивали верное направление и сейчас разбросанные сотни их возвращались в армию, чтобы помочь товарищам в намечающемся бою.

«Сколько же нам еще скакать?»

И, точно отвечая на его вопрос, где-то вдалеке послышались до боли знакомые звуки: гулкая канонада, лязг стали, крики и виконт облегченно вздохнул. Если бой идет, значит, еще не поздно!

Видимо, не он один думал так же, потому как по колонне пробежала команда: двигаться на звук и вступать в схватку по мере прибытия, а многочисленные вестовые метнулись во все стороны, чтобы предупредить другие отряды.

Корвус разбил войско на пять групп по тысяче человек в каждой. Авангардом же заведовал Охотник, прихвативший ради такого дело пару десятков своих лучших ловчих.

И вот теперь они спешно возвращались назад, неся новости.

Лариэс пришпорил своего измученного скакуна, чтобы оказаться поближе и услышать, что же именно скажет Древний.

— Нужно торопиться, — голос Изегрима был, как обычно, сух и деловит, но в нем слышались оттенки напряженности. — Они почти разбиты.

— Сколько осталось времени?

— Полчаса, не больше.

— Что с вражескими дозорами?

— Уничтожены. А как там с насекомыми?

— Не осталось ни одного. Судя по всему, первая Тень собрала всю живность округи, чтобы бросить ее в атаку.

— Талантливая дрянь.

Эти слова Охотник произнес с нескрываемой злостью и Лариэс вспомнил, что говорил Вороний Король: в ночь нападения на дворец Мислия каким-то невероятным образом успела спастись от Ступившего на Путь Вечности, который пришел не только за глазами его высочества, но также и за Звериным Амулетом.

«Видимо, теперь он желает свести счеты», — подумал Лариэс.

— О Древний, — обратился он к Охотнику, перекрикивая все нарастающий шум, — сколько их?

Тот сразу понял, что речь идет о врагах, а потому ответ не заставил себя долго ждать.

— Тысяч десять-двадцать. Точнее сказать не могу, не было времени сосчитать.

Лариэс прикусил губу.

— Нам нужно было взять больше людей.

— И это бы замедлило армию, — равнодушным голосом заметил Вороний Король, — мы и так едва успеваем.

— Но нас слишком мало...

Вместо ответа оба Древних рассмеялись. Зло, без веселья в голосах. Этот смех не предвещал ничего хорошего дилирисцам.

— Поверь, мы вдвоем стоим всей этой их армии, — ответил Вороний Король.

— Виконт, когда все начнется, внимательно следи за своим господином. Поверь, такого ты еще не видел, — многообещающе добавил Охотник.

Никаких больше пояснений и распоряжений не последовало и Лариэс занял свое место

в строю.

— Какие будут приказы? — сразу же насторожилась Кларисса.

— Следуем за его величеством, — без раздумий ответил Лариэс. — Будем прикрывать ему спину... Если потребуется.

Девушка вопросительно выгнула брови, но ничего не ответила, зато вместо нее заговорил Эрик:

— Вороноголовые сожрут свои перья, когда узнают, что мы были телохранителями их живого бога.

Тут он, пожалуй, был не сильно далек от истины. Когда Корвус на экстренном совещании приказал седлать самых быстрых коней и в течении часа подготовить несколько тысяч выносливых бойцов, генерал Каш-рон буквально взвился на дыбы. Лишь жесткий приказ Вороньего Короля заставил могучего карраса подчиниться, но при этом он волком зыркал в сторону людей и лунксов, которым выпала честь отправиться вместе с Древним.

К сожалению, будучи практически идеальной пехотой, каррасы вообще не были в состоянии вести конный бой и в целом относились к ездовым животным с подозрением, а потому пришлось обойтись без их помощи.

Зато Эрато отобрала элитный отряд и лично возглавила свою крылатую армию, не слушая никаких доводов Корвуса. В конце концов тот махнул рукой и разрешил канцлеру принять участие в спасательной миссии, предупредив, что отставших ждать не станут.

— Почему гарпии не атакуют? — спросил вдруг Цилла. — Они ведь уже могут отправиться вперед, не дожидаясь нас.

— Думаю, его величество все-таки хочет ударить скоординировано, — ответил Лариэс, указывая на конные сотни, начавшие разворачиваться в боевые построения. — Правда, я не совсем понимаю, что собирается делать он, почему держится во главе строя. Все-таки, он чародей, а не воин.

— Думаю, сейчас мы это узнаем, — задумчиво проговорил Эрик. — Не уверен, правда, что ответ мне понравится.

Спустя каких-то десять минут они, наконец, подобрались достаточно близко к полю боя и смогли увидеть разворачивающиеся на нем события.

Классический лагерь марравцев, состоящий из целых двух рядов фургонов, был практически полностью захвачен. Бои велись возле самых подступов к центру, и, как Лариэс полагал, от сдачи виннифисцев удерживало лишь наличие в армии Оракула.

Мысль о Катержине сразу же вернула к воспоминаниям о таком далеком предсказании, которое сбывалось с ужасающей точностью. Впрочем, поразмышлять над этим у него не получилось.

Корвус ударил копытами коня, пустив того в дикий галоп и Лариэс, не размышляя, повторил эту процедуру, выжимая из несчастного животного последние капли сил. Он поравнялся с Вороньим Королем и прокричал:

— Наставник, что вы делаете?

— Убиваю, — односложно ответил Корвус, одной рукой резко натягивая поводья, а другой — срывая маску.

Лариэс догадывался, что зрелище выйдет неприятным, но такого кошмара не ожидал даже он. Вся нижнюю половину лица и шею Древнего покрывали кошмарные рваные шрамы, плохо заросшие и уродовавшие лицо. Человек, получивший такие увечья, мог выжить исключительно по воле какого-нибудь божества!

Впрочем, виконт не совсем понимал, что Ступивший на Путь Вечности собирается предпринять и был готов к любым чарам, но то, что произошло дальше, поколебало его уверенность... во всем.

Ания, все это время летавшая в небесах, стремительно спикировала на голову своего хозяина, который раскрыл рот... И забралась внутрь!

Лариэс смотрел на это во все глаза, равно как и остальные телохранители, но это оказалось только начало.

Тело чародея стремительно начало раздуваться, расти ввысь и в ширь, покрываться перьями. Он легко выпрыгнул из седла и приземлился на ноги... Нет, на птичьи лапы, огромные и заканчивающиеся мощными, бритвенно-острыми когтями. То, во что превратился Корвус, вызывало лишь истинный животный страх. Это был невообразимо кошмарный монстр, дикая помесь человека с вороном, высотой, наверное, в добрых десять футов.

Черные перья отливали в лунном свете, единственное крыло, казалось, выковали из стали, а голову сменила птичья башка с длинным изогнутым клювом. Балахон Вороньего Короля, как ни странно, сохранился, хотя и видоизменился, открывая всю верхнюю половину тела, но, подобно юбке, закрывая нижнюю ее часть.

Монстр поднял голову к небу, раззявил клюв, и издал леденящий душу вопль, после чего бросился в атаку.

Этот крик, точно команда, был подхвачен всей армией: и всадниками на земле и гарпиями в небесах. Все устремились за своим предводителем.

— Вперед! — заорал Лариэс и со всей силы ударил шпорами коня.

Несчастное животное издало практически человеческий стон, но все-таки повиновалось.

В считанные минуты они добрались до прорванной линии укреплений. Корвус перемахнул через телеги, словно их и не было, и бросился на вражеских воинов, раскидывая тех в стороны, точно пушинки.

Огромный вороноподобный монстр пробивался через вопящих от ужаса людей, не щадя никого, кто попадался ему на пути. Сразу же стало понятно, что, в общем-то, защитники Древнему не то, чтобы очень сильно нужны — мечи и копья отскакивали от перьев, пули, посылаемые в упор, не заставляли чудовище даже почесаться. Оставалась лишь магия и Лариэс, заранее подготовивший специальную пулю, ни на секунду не ослаблял внимания, ожидая внезапной атаки врага.

Однако ее не последовало. Латники Дилириса стремительно откатывались прочь от лагеря, стремясь, по-видимому, добраться до оставленных неподалеку лошадей.

Часть вражеской армии уже успела благополучно отступить, однако — и это было очевидно — повезло далеко не всем. На изрытом ядрами и заклинаниями лугу несколько тысяч человек спешно формировали какое-то подобие баталии, чтобы остановить накатывающуюся конницу Волукрима. Даже беглого взгляда на них — освещенных ярким лунным светом — хватило Лариэсу для того, чтобы понять: в арьергард поставили всех, кого не жалко. Скорее всего, обычную пехоту, которой предстояло погибнуть, чтобы действительно ценные бойцы выжили.

Впрочем, сейчас не было времени ни на быстрый разгром заслона, ни на преследование — внутри наполовину разгромленного лагеря Виннифиса оставалось еще много врагов, с которыми следовало что-то придумать.

Кажется, Древний пришел к точно такому же заключению, потому как он вновь взревел, и луна окрасилась алым, а в следующую секунду с небес на людей начали пикировать вороны, сотканые из мрака. Они пробивали доспехи, не встречая никакого сопротивления, и воины Дилириса падали, один за другим. Но крови не было — кошмарная магия буквально выжимала тела досуха, оставляя мумии в дорогах латных доспехах.

Все новые и новые вороны падали с небес, и все новые и новые воины умирали, не имея ни малейшего шанса спастись.

А уже в следующую секунду, с грохотом раскидывая противников вокруг себя, к ним присоединился и Изегрим.

— Корв, хватит! — в голосе Охотника слышалось нешуточное волнение. — Пусть это — всего лишь копия, даже она слишком опасна. Остановись!

Вороний Король бросил короткий взгляд на друга и небрежным взмахом крыла обезглавил сразу двоих воинов Дилириса, оказавшихся слишком близко. Он яростно взревел, но — замер на месте, а кошмарные птицы зависли в воздухе, нацеленные на вражеских воинов.

— Сложите оружие и будете жить! — во всю мощь своих легких взревел Изегрим. — И учтите, времени нет! Еще минута, и его величество возобновит атаку.

Лариэс и не подозревал, что этот невзрачный ничем не примечательный человек способен переорать шум битвы, однако факт оставался фактом — глотка у Изегрима оказалась поистине луженой, а его командному голосу могли позавидовать даже очень опытные генералы. Несколько секунд Лариэс думал, что дилирисцы откажутся, но... Сперва один, затем другой, третий, все больше и больше воинов бросали оружие на землю, признавая свое полное и окончательное поражение.

Лариэс посмотрел на поле — там ситуация для его бывшей родины оказалась лучше — враги отступали, ошестившись копьями и падая под стрелами гарпий и пулями гвардейцев Клеменса Вентиса. Тем не менее то, что основные силы Вороньего Короля сконцентрировались на спасении попавших в беду товарищей, а арьергард дилирисцев сумел-таки создать устойчивую оборону, спасло остатки армии ее величества от полного уничтожения.

Спешившись, Лариэс замер за спиной своего господина. Огромная воронья голова повернулась и клюв чуть приоткрылся, издавая тихий клеткот. Юноша сглотнул. Он и раньше слышал об этой легендарной форме Древнего, но, откровенно говоря, полагал, что истории изрядно приукрашены.

«И снова я ошибся», — подумал он, — «Вороний Король даже могущественнее, чем я думал. И чем рассчитывал его высочество!»

А Корвуса, меж тем, скрутил спазмический припадок, клюв открылся во всю ширину и из него наружу устремилась черная, перепачканная слюной и желчью птица. Как только она вырвалась на волю, монстр принялся усыхать и уменьшаться, перья втянулись в кожу, клюв медленно стаял, уступив место лицу, одежда... сама восстановилась, точно и не была разорвана в клочья, и вот, спустя секунду, перед ним стоял владыка Волукрима, такой же, как и обычно.

Впрочем, нет — иной. С удивлением Лариэс понял, что седовласого мужчины, выглядящего на пятьдесят лет, больше нет. Его место занял пышущий здоровьем могучий воин в самом расцвете сил: седые волосы сменили жгучие, как смоль или вороново крыле черные локоны, отросшие до самых плеч, морщины на лбу и лице разгладились, в глазах

зажглося пламя молодости, плечи раздались вширь.

Но отчетливее стали и кошмарные шрамы, исполосовавшие всю нижнюю половину лица Корвуса. Казалось, в незапамятные времена, на него набросилось какое-то животное вроде росوماхи или тигра и изрядно порвало когтями свою жертву. Но это было не так. Лариэс даже в ночном свете отчетливо видел следы, которые не могли быть ничем иным, кроме ударов кинжалом или ножом. Губы, щеки, подбородок, и, конечно же, шея, перерезанная в нескольких местах сразу, вызывали самый настоящий трепет, если не сказать — ужас. Древний перехватил взгляд слуги и быстро повязал зеленый платок, на котором вспыхнули и погасли сложные магические символы.

Ания довольно каркнула и уселась на плечо своего спутника, а Лариэс замер, не в состоянии подобрать слов. За него это сделал сам Вороний Король:

— Потом расскажу, — красивым бархатистым баритоном, достойным лучшего певца, произнес он. — Сейчас важно разоружить пленных и быстрее найти мою дочь! Изегрим, организуй преследование, но не усердствуй. Мне очень не нравится происходящее. Как бы не оказаться в очередной ловушке.

— Слушаюсь, — коротко ответил Охотник и взлетел в воздух в могучем прыжке, исчезая за телегами марравцев.

— Идем, — распорядился Корвус.

С этими словами он двинулся вперед, нетерпеливо расталкивая сдавшихся дилирисцев.

Лариэс переглянулся с товарищами и последовал за ним.

— Чувствую себя бесполезной, — прошептала Кларисса. — Какой смысл защищать этого монстра? Зачем ему вообще нужна армия?

— Затем, графиня, — не оборачиваясь ответил чародей, чей слух, судя по всему, также улучшился, — что в один прекрасный момент я могу столкнуться с точно таким же монстром, как и я сам, и вот тогда все решит число полков.

— Прошу прощения, ваше величество.

— Не за что. Вы не оскорбили меня. С точки зрения нормального человека я — действительно чудовище. И — нет, Лариэс, сейчас я не буду рассказывать об этом. Позже.

Лариэс, открывший уже рот для того, чтобы задать вопрос, послушно захлопнул его и с обидой во взгляде принялся буравить спину Ступившего на Путь Вечности.

— Кар, — насмешливо произнесла Ания, полуобернувшись к юноше и на этот раз в карканье восьмиглазой птицы ему послышались слова: «Любопытных бьют, ты не знал?».

— Угу-угу, — фыркнул он, старательно глядя по сторонам.

Побоище вышло кошмарное, ничего не скажешь. Хваленый виннифисский вагенбург стоял насмерть, марравы костями легли на пути врагов, причем — буквально. Они прошли мимо места, где грудями валялись Непорочные. Если такое опустошение произошло среди личной дворцовой гвардии Оракула, не предназначенной для рукопашной схватки, то можно было представить, каково пришлось остальным воинам.

Они преодолели заваленный трупами второй ряд и предстали перед защитниками. Те к одобрению Лариэса и не думали расслабляться. Воины были поголовно ранены, залиты кровью как своей, так и вражеской, но строй не распался, фитили аркебуз никто и не думал тушить, а наконечники копий и алебард грозно смотрели на новоприбывших.

Когда Корвус приблизился, по рядам воинов прошел шепоток: «Вороний Король, Вороний Король, его величество», который с каждой секундой набирал обороты, превращаясь в многоголосый рев облегчения людей, считавших себя уже покойниками.

— Отец, отец, это ты? — раздался до боли знакомый голос и сердце Лариэсе дернулось, а в ногах появилась предательская слабость.

Воины стремительно разошлись, пропуская Корвуса внутрь круга, который они защищали до последних сил. Здесь, в центре десятка телег, составленных в подобие последнего бастиона, лежала девушка, чьи огненно-рыжие волосы Лариэс узнал бы из тысяч. Игнис.

«Игнис. Игн... Любовь моя!»! — подумал он, на этот раз не стыдясь и не скрывая слез, которые выступили на глазах. Он едва не бросился к раненой огнерожденной, но Вороний Король оказался быстрее.

Стремительным рывком сковывающий преодолел расстояние, отделяющее его от дочери, и заключил ту в нежные объятия. По щекам одного из сильнейших магов мира текли слезы, он рыдал навзрыд, не стесняясь этого и не скрывая своих чувств.

— Доченька, родная, ты жива, жива! Я уже похоронил тебя. Хвала всем богам, ты жива! — не говорил — кричал — Древний и слезы очерчивали на его щеках соленые дорожки. — Теперь все будет хорошо, все будет хорошо. Хорошо...

— Папа, прости меня, прости, я была плохой дочерью! — в тон ему рыдала Игнис, и ее плечи судорожно тряслись. — Я не должна была уходить и оставлять тебя одного. Из-за меня случилось столько непоправимого...

— Ты ни в чем не виновата, — горячо возразил Древний, чуть отстранившись и положив единственную руку на плечо девушки. — Если кого и винить, то только Кэлисту Вентис и Кайсу Иссон... Но все это подождет, главное — ты со мной. Снова со мной!

Он взял себя в руки и чуть отстранившись взглянул на девушку, словно мог видеть сквозь ее серебряную маску. Металлические губы искривились, а всхлипывания стали только сильнее. Несколько минут отец и дочь обнимали друг друга, затем, Корвус отстранился и Игнис увидела Лариэса.

— Лар? — ахнула она. — Кларисса? Эрик? Индржих? Цилла? Ребята, что вы тут делаете?

Лариэс с теплотой смотрел на девушку и его губы сами собой разошлись в широкой добродушной улыбке.

— Охраняем нового господина, хотя, кажется мне, он не нуждается в телохранителях, — ответил он.

— Но как... — начала был Игнис, а затем ее взгляд перешел на правую руку Лариэса, которую тот забыл спрятать за спину. — Что произошло?

— Думаю, по дороге в Сентий у вас будет достаточно времени для того, чтобы наговориться, — заметил Древний. — Скажи лучше, где остальные? Что стало с Ридгаром и Орелией?

— Мы тут, — раздался знакомый, лишенный всяких эмоций голос Целительницы, и она показалась откуда-то из-под телег. — Корв, я, конечно, очень рада, что ты нас спас, но сейчас немного занята. Раненым требуется неотложная помощь.

Вороний король хмыкнул.

— Я могу помочь?

— Зная твои целительные способности, при иных обстоятельствах я бы прогнала тебя взащей, но сейчас у нас нет выбора.

— Ясно, — кивнул Древний, после чего скомандовал молчаливым виннифисцам. — Лагерь привести в порядок. Мертвых похоронить. Дозоры выставить. Пленных —

разоружить и собрать в одном месте. Раненых — сюда. Исполнять!

И тотчас же, точно они ждали этого, десятки людей замельтешили туда-сюда, точно стая бешеных муравьев.

Одного за другим к Вороньему Королю приносили раненых и тот делал что-то, от чего людям прямо на глазах становилось лучше. Да, его исцеление было гораздо грубее, да, после него оставались уродливые шрамы, но это было неважно. Главное — люди сохраняли конечности и жизни.

— Рад, что ты цел, — к Лариэсу подошла Орелия, за которой сразу четверо марравцев несли Кающегося. — Блаклинт с Вилнаром спят, не хочу их беспокоить, а вот Ридгару срочно требуется помощь.

Вороний Король отвлекся от исцеления и взглянул на странные металлические кольца, навешенные на руки, ноги и шею Древнего. Затем — грубо выругался.

— Вот уж не думал, что снова увижу эту погань, — процедил он сквозь зубы. — Извини, Ори, сейчас я ничего не могу сделать. Чтобы их снять, придется попотеть.

Орелия пожалала плечами.

— Что ж, я ожидала чего-то подобного.

— Давно он без сознания?

— Около часа. Все порывался драться, а потом упал и больше не приходил в себя. Так что, полагаю, все не настолько страшно, как могло бы быть.

Корвус покачал головой и перешел к следующему раненному — пленному дилирирскому офицеру, чья левая рука была почти перерублена и держалась лишь на остатке сухожилия, да коже. Он накрыл кошмарную рану ладонью, и та в считанные секунды срослась.

— Учти, рука не будет работать так же хорошо, как и раньше, — предупредил ошеломленного человека Вороний Король, затем обернулся к Целительнице и попросил. — Предлагаю поговорить, когда все закончится. Мне не терпится узнать, каким именно образом ты смогла спасти мою дочь... И кстати, где Рэмирус?

— Валяется там, — махнула рукой Древняя, указывая куда-то за спину. — Даже его силы оказались безграничными.

— Ничего удивительного. Стихийные маги — вообще не очень приспособлены для затяжных сражений. — Он обернулся к Лариэсу. — Виконт, устройство лагеря доверяю тебе.

— Слушаюсь, ваше величество, — поклонился Лариэс и направился прочь от раненых. Прочь от Игнис.

У него еще будет время поговорить с ней, а сейчас — следует выполнить распоряжение господина.

— И вот так вот мы оказались в Виннифисе, — закончила рассказ Игнис. — После этого добрались до госпожи Катержины и скорым маршем отправились в Дилирис, где нас и перехватила Кэлиста Вентис со своим войском.

Девушка умолкла, бросив короткий взгляд на отца. Все утро его величество не отходил от дочери ни на шаг и лишь к вечеру, когда армия разбила лагерь, Лариэсу удалось пообщаться с огнерожденной.

В шатер, занятый Игнис, сразу же набилась куча народу, включая как Древних, их учениц и принца Клеменса, так и товарищей Лариэса, переживших поход на восток.

Когда Игнис договорила, повисло тягостное молчание, нарушаемое лишь голосами солдат, ржанием лошадей, да скрипом колес. Каждый думал о своем. Лариэс — о том, насколько же безумной оказалась Кайса Иссон. Когда все детали хитроумного заговора прояснились, вопросов стало только больше.

— Я не понимаю, — произнес он, — на что они рассчитывали? И почему не ударили по Тиерланду, когда его величество вместе с армией отправился на юг? Это было бы логично. Неужели все еще ждут вступления в войну Аэтернума?

Этот его вопрос заставил Вороньего Короля нахмуриться. Сегодня он выглядел все таким же здоровым и полным сил и Лариэс поклялся себе, что не отстанет от господина, пока тот не расскажет, каким это образом он омолодился.

— Я уверен, что именно этого Кайса и жаждет. У Дилириса даже вместе с Ривеландом нет ни единого шанса против Волукрима.

— Но ведь теперь у них ничего не получится, верно? — с надеждой в голосе спросила Игнис. — Госпожа Катержина отправила Генералу письмо. Мы все можем засвидетельствовать, что в нем написана правда, и я так понимаю, Сентий пал?

Корвус кивнул.

— Да. Лариэс позже расскажет тебе об этом, благо он оказался в самом центре событий.

Игнис удивленно моргнула и тот пожал плечами.

— Долго объяснять, да и не так это важно.

— То есть то, что ты принимал участие в штурме Сентия — не важно?

— Принимал участие? — ехидно хмыкнула Кларисса. — Игн, да он организовал его, склонив к измене капитана городской стражи, несколько мастеровых цехов, главу преступного мира столицы и нашего старого приятеля из гвардии принца!

— Ты. Расскажешь. Все. — Отчеканила Игнис и глаза ее блеснули, отчего сердце Лариэса трепетно дернулось в груди.

— Хорошо, хорошо, — поспешил он согласиться, — но разве у нас сейчас нет более важным тем для разговора?

Юноша многозначительно посмотрел на Корвуса и тот застонал, хлопнув себя по лбу.

— Вы обещали, ваше величество, — напомнил он.

Стон стал громче, а в следующий миг его сменил дружный хохот.

Все из товарищей Лариэса: и его старые боевые друзья, и новые, ставшие таковыми во время долгого и тяжелого путешествия на восток, и совсем новые — Лира с Алиссией и Клеменсом Вентисом, смеялись, точно дети, и в смехе этом выходило то напряжение и те

страхи, что копились в них все эти дни.

Никто не знал, что принесет будущее, никто не представлял, действительно ли получится избежать новой Последней Войны, никто — даже Катержина, пристроившаяся в уголке и попивающая чай под присмотром перебинтованной Пришки, — не мог предсказать свою судьбу. И все же, они радовались, точно дети.

Тому, что все еще живы. Тому, что победили — пускай лишь сегодня, но победили. Тому, что я они все сидят в этом шатре и наслаждаются вином, а не покоятся на дне братской могилы.

— Я вижу, вы веселитесь? Это хорошо, ибо сказано было: «и похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем», — раздался голос и полог шатра откинулся в сторону, впуская новых гостей.

Лариэс с первого взгляда понял, кто этот мужчина, выглядящий на пятьдесят лет, заботливо поддерживаемый Орелией, а потому сделал то, что должен был любой добропорядочный христианин при встрече со святым, ушедшим от мира и посвятившим всего себя молитвам: он бросился на колени и замер перед Отшельником.

— Прошу благословить меня, отче, — попросил он.

Древний размашисто перекрестил юношу и опустил руку на его лоб.

— Сей раб Божий благословляет тебя, сын мой, — произнес он. — А теперь поднимись, я не люблю, когда люди падают ниц предо мной. Это навевает неприятные воспоминания о тех годах, когда я еще не нашел Господа.

Виконт поспешил исполнить приказ и с обожанием во взгляде уставился на ожившую легенду. Честно говоря, когда он узнал, что Отшельник все еще не отправился к престолу Его, то был поражен. Как и большинство жителей Дилириса, Лариэс был уверен в том, что великий правитель Аэтернума, отказавшийся от трона и добровольно отправившийся в горы сотни лет назад — еще до встречи своей с Архитектором — давным-давно уже вкушает заслуженные райские блага. Оказалось, что это не так.

Рэмирус Солум Квинт стоял перед ним и выглядел точно также, как и на гравюрах: библейского вида старец с длинной окладистой бородой, седыми волосами, спадающими на плечи, худым лицом и живыми умными глазами, в которых искрилась вера.

При этом — Лариэсу сразу бросилось это в глаза — выглядел чародей неважно: был бледен, его тряс озноб, на лбу выступил холодный пот. Даже великие маги могут перенапрячься — правила владения стихиями одинаковы для всех.

С трудом усевшись прямо на пол и прислонившись спиной к походному сундуку Катержины, Древний закашлялся и вытер тыльной стороной ладони выступившую на губах кровь.

— Недешево нам обошлось спасение юной Игнис, — проговорил он, наконец, — но оно того стоило. Если бы еще Ридгар был здесь. Он так и не пришел в себя.

— Я разберусь с браслетами, как только вернемся в Сентий, — пообещал Корвус.

— Стало быть, столица Дилириса действительно пала? — переспросил Отшельник.

— Да.

— Я бы хотел послушать, как это произошло.

Множество пар глаз уставились на Лариэса и тот со вздохом принялся рассказывать, так как понимал — отвертеться не получится. Он говорил едва ли не до самой ночи и когда закончил, с досадой понял, что так и не узнал ровным счетом ничего о способностях

Корвуса.

Учитель, однако, с легкостью прочитал невысказанный упрек юноши, потому как, уходя, шепнул тому на ухо:

— Поговорим на Грани. Встречаемся на обычном месте.

Лариэс кивнул и едва сдержал победную улыбку. Он кивнул товарищам и торопливым шагом покинул палатку.

Игнис стояла на самом краю лагеря и смотрела на звезды. Казалось, она должна радоваться избавлению и буквально плясать от счастья, но отчего-то по ее щекам текли слезы. История, рассказанная Лариэсом, была грустна, а то, что поведал отец, вызывало лишь безотчетный ужас. И еще — у них с Орелией и Рэмирусом имелись какие-то секреты, в которые не посвятили даже Катержину, хотя, казалось бы, та тоже была Ступившей на Путь Вечности. От внимания девушки не укрылось, как отец переменялся в лице, когда она рассказала о встрече с личным придворным сковывающим Кайсы Иссон. Да, всего лишь на миг, но она прочла в его глазах самый настоящий страх.

А в этом мире осталось не так много вещей, способных даже на секунду испугать самого Вороньего Короля!

«Что же нас ждет»? — думала она. — «И что ждет меня»?

Игнис совершенно запуталась в том, что же делать дальше и как поступать. Еще несколько месяцев назад все было таким простым, таким понятным: отправиться в славное путешествие, победить зло, вернуться героями...

Как же сильно все запуталось!

Звук шагов вырвал ее из оцепенения, в котором огнерожденная пребывала уже какое-то время и она, дернувшись, резко обернулась. Как оказалось, приближалась целая женская делегация: Блаклинт, Кларисса, Лира и Алиссия, о чем-то тихо переговариваясь, двигались к ней. Странное они представляли собой зрелище, честно говоря, но, вместе с тем, и забавное: сложно было представить столь непохожих девушек, идущих рука об руку.

— Я же сказала, что найду ее здесь, — улыбнулась Кларисса. — Игн, ты всегда избегаешь людей, когда не в настроении, верно?

Огнерожденная улыбнулась. Сама не зная почему, в этот момент она вдруг почувствовала себя по-настоящему счастливой. То, что дилирисская дворянка, ставшая ее подругой, не предала и выжила, само по себе было сродни чуду, но еще теплее на душе становилось от того, что она действительно понимала принцессу.

Каким образом за несколько недель у этой пепельноволосой красавицы получилось так хорошо узнать ее, та, наверное, не смогла бы ответить и сама, но факт оставался фактом.

— А вы разве не собираетесь спать? — осведомилась Игнис.

— Нет, — застенчиво улыбнулась Блаклинт, — мы решили собраться в женском кругу и немного посплетничать. Как тебе такая мысль?

Игнис фыркнула и, не сдержавшись, рассмеялась.

— Посплетничать? Серьезно? Посреди военного лагеря?

— А почему нет? — пожала плечами ученица Кающегося.

Эту девушку Игнис раньше видела лишь один раз в жизни, и не знала, как к ней относиться, но раз она вместе с Алиссией помогала Лариэсу...

Темнокожую же ученицу Орелии Игнис знала достаточно хорошо и, откровенно говоря,

всегда завидовала ей. Ангельская красота дочери Империи Бархатных Островов, достойная стихиирожденной, каждый раз пробуждала в принцессе недостойные мысли, связанные с причинением тяжких увечий. Она понимала, что это неправильно, но ничего не могла с собой поделать. Раньше.

Сейчас же вид Алиссии не вызывал ни малейшего раздражения и над причинами этого еще следовало поразмыслить. Впрочем, это можно было сделать и позже. А сейчас...

— Действительно, почему бы и нет, — согласилась она. — Ведите.

Едва оказавшись под фиолетовыми небесами, Лариэс сосредоточился и перенесся в Государственный Волукримский университет магии и технологии. Вороний Король уже ждал его, с комфортом разместившись в просторном кресле с резными подлокотниками. Выглядел на Грани он, как и всегда — стареющим мужчиной пятидесяти лет. И этот контраст сильно бросался в глаза.

Едва заметив своего подопечного, чародей кивнул.

— Что ж, тут мы можем поговорить спокойно, — проговорил Древний. — Полагаю, тебе очень хочется узнать, отчего же это я так омолодился, и каким образом превращаюсь в чудовище?

— Да, учитель.

Корвус снял маску, демонстрируя изуродованную нижнюю половину лица. Тотчас же к нему на плечо приземлилась Ания, но, к счастью, на этот раз она не пыталась забраться в рот.

— Забавно, — Корвус провел пальцами по изуродованной плоти, — сколько бы я ни пытался, не могу убрать эти шрамы. Помнишь, как во время нашей первой встречи на Грани ты сказал: «наша физическая оболочка определяет мировосприятие и наоборот»? Очень верно подмечено. Мы те, кем себя воспринимаем. А я за прошедшие века свыкся с этими отметинами. Итак, хочешь знать, как я стал тем, кем стал? Из первых, так сказать, уст?

Лариэс кивнул. Еще год назад он и мечтать не смел о таких знаниях, а потому приготовился слушать и запоминать каждое слово.

— Вся история слишком долгая, — задумчиво произнес Корвус, — я поведаю ее тебе полностью в другой раз. Сейчас же расскажу одну поучительную притчу.

Он прикусил губу, точно прикидывая что-то, а потом, видимо, решившись, заговорил:

— Некогда жил-был один простодушный человек, которому все давалось легко. У него был великолепный учитель, множество друзей, любящая жена и прекрасная дочка. Его исследования могли решить множество проблем мира и даже залечить шрамы, нанесенный окончившейся недавно войной. А еще у него был ученик. Талантливый, надо сказать. Одаренный особой силой... Но человек не видел очевидного — ученик любил его жену. А с любовью рядом частенько идет ревность. И зависть. И однажды пришла тень, жаждущая убить учителя человека. Но это было непросто, ибо равных учителю под луной почти не было. И тогда тень обратилась к ученику. Она сказала: «зачем тебе страдать? Почему бы не взять свое по праву? Убей его, и она твоя. А не захочет — обрати на нее свою силу». В первый раз ученик прогнал тень прочь. Во второй раз — выслушал. А в третий раз... После третьего раза он заманил человека в ловушку, подчинил себе разум жены и убил дочь прямо на его глазах, затем в схватке отрубил руку и, наконец, перерезал горло. Но столь сильна была его ненависть, что одного разреза оказалось ученику мало и он выместил на человеке

всю свою злобу, исполосовав тому лицу. Странно даже, что нос, глаза и уши оставил в порядке. Закончив начатое, он выбросил остывающий труп в реку, возле которой стоял его замок. Тень была довольна — обезумевший от ярости учитель помчался мстить за ученика, дочь и внучку. И погиб. Ученик тоже был доволен. Он получил ту, кого желал больше всего на свете. Да, она стала безвольной куклой — чтобы подчинялась, пришлось выжечь ей мозги, но слишком многим из нас от женщин иного и не требуются. Недоволен был лишь мертвый человек. Ну, почти мертвый. Его исследование, то, что должно было осчастливить мир, позволило не просто выжить, но и ступить на Путь Вечности. А потом — отомстить. Как думаешь, какой вывод можно сделать из этой притчи?

Лариэс слушал, не перебивая. Не то, чтобы «притча» была ему неизвестна. Напротив, про Вороньего Короля ходило множество самых разнообразных слухов. Вот только все они изобиловали огромным количеством лишних сведений и откровенного вранья, а тут же виконту досталось Знание. Чистое, просеянное от всего шлака, нанесённого веками. Бесценный самородок!

— Не верить людям? — неуверенно ответил он.

— Неплохой вариант. Да, если бы ты подозревал принца, то, возможно, и не отправился бы в полет со скалы. А что еще скажешь?

— Беречь любимых?

— Да, верно. Они могут покинуть нас в любой миг. Еще?

Лариэс задумался. Он чувствовал, что правильный ответ важен для Корвуса, а потому желал порадовать учителя.

— Не слушать всякие тени? — неуверенно спросил, наконец, юноша.

Лицо Древнего расплылось в широкой улыбке.

— Именно. Никогда и ни при каких обстоятельствах не верь тем, кто мягко стелет. Спать потом будет жестко. Хорошая поговорка, кстати, советую запомнить.

Лариэс впервые слышал такое изречение, но машинально кивнул. Когда с тобой делится мудростью кто-то вроде Вороньего Короля, следует тщательно подбирать даже самые мельчайшие ее крупички.

— Но как вы... то есть мертвый человек ожил?

Корвус лукаво улыбнулся.

— Хочу услышать твои предположения. Подумай о том, что ты видел в последние месяцы, вспомни то, что знал раньше, соедини эти сведения и предложи мне свой вариант ответа.

Лариэс серьезно задумался. Задача, говоря начистоту, была непростой. Он перебирал в памяти одну за другой истории превращения чародея в Ступившего на Путь Вечности. Спустя несколько бесплодных минут, Лариэс вдруг сообразил:

«Так, погоди-ка, он ведь сказал подумать о том, что я видел в последние месяцы. Не сейчас, не вчера» ...

Ухватившись за эту мысль Лариэс, быстро пришел к весьма логичному выводу:

«Превращение его величества сильно напоминало то, что произошло с Мелисом во время боя с изначальными. Но он человек, не оборотень» ...

И вот тут уж опереться было решительно не на что. Про оборотней вообще было мало известно, а потому Лариэсу пришлось ограничиться общими фразами:

— Ваше превращение... Оно как у оборотней.

Улыбка Корвуса стала еще шире и довольней.

— Приятно все-таки учить людей, стремящихся получать знания и умеющих ими пользоваться. Верно, мое преобразование имеет общий корень с источником силы порождений Темного Леса.

— Вы... искусственный оборотень?

— Не совсем так, — Корвус почесал шею Ании, отчего птица довольно каркнула. — Ты, наверное, не знаешь историю этого народа, верно?

— Нет.

— И не в курсе их верований?

Про это Лариэс что-то слышал.

— Кажется, они поклонялись идолам животных... Да, точно. У каждого клана был идол, которому они молились. И в это животное обороти могли превращаться.

— Верно. А что такое эти идолы, ты знаешь?

Лариэс замер на секунду, затем медленно, с полными удивления глазами посмотрел на Анию.

— Не может быть...

Корвус сухо рассмеялся, а в тон ему закаркала и птица.

— Может, еще как может. Каждый идол был анимусом — зверобогом небольшой силы, питавшимся верой своих последователей. Сотни этих божков издревле обитали в Темном Лесу и когда переселенцы пришли туда, заключили с ними сделку. Люди обрели невероятную силу, боги — верных последователей.

— И вы... подписали контракт с таким... божеством? — Лариэсу очень захотелось перекреститься, но он удержался от ненужного сейчас жеста.

— Не совсем. Ания сама решила помочь мне в исследованиях, еще до того, как произошли события из притчи. И она же предложила выбор: выжить и отомстить или умереть и обрести покой, воссоединившись с дочерью, а чуть позже — и женой за Гранью. Я выбрал мечь.

В этих словах послышалась такая боль и грусть, что Лариэсу стало не по себе.

— И с ее помощью вы превращаетесь в...

— Чудовище? — иронично приподняв брови уточнил Древний. — Да. Обратни используют силы, дарованные анимусами, в моем же случае все происходит несколько иначе. Как только я снимаю маску, Ания проникает внутрь, изменяя меня и сливаясь с телом. Именно поэтому вот уже несколько столетий я ничего не ел и не пил. Я вынужден питаться жизненной силой других существ. Пойдут любые: насекомые, животные, птицы, рыбы.

— Люди, — закончил список виконт.

— Люди, — согласился Древний. — Благодаря дару Ании я стал чем-то вроде вампира — могу лечиться, исцелять и омолаживать себя за счет чужих жизней. Обычно я не злоупотребляю этой своей способностью, но вчера... Вчера я немного разозлился и использовал то, что не следовало. И — нет — я не расскажу тебе об этом. Рано еще.

Лариэс недовольно засопел, но вынужден был сдержаться. Уже того, что поведал ему Древний было достаточно, чтобы изрядно насытить любопытство юноши. И Вороний Король явно понимал это, потому как неожиданно сказал:

— Полагаю, что я удовлетворил твою тягу к знаниям на сегодня, а потому предлагаю закончить. Отправляйся к товарищам и отдохни немного. Вам, молодым, бывает полезно побыть со сверстниками. Старики вроде меня часто забывают об этом. Обучение продолжим

завтра. Думаю, позанимаемся снохочеством, которое ты подзабросил в последние недели.

Лариэс, который действительно, узнав все, что хотел, был не против пообщаться с Игнис, лишь благодарно склонил голову и покинул Грань, думая, что он скажет огнерожденной, и будет ли вообще что-то говорить.

В палатке, подготовленной для Игнис, которую оккупировали девушки, нашлось вино, сладости и фрукты, сюда же были принесены многочисленные ковры и магические светильники, добавлявшие походному лагерю тепла и уюта.

Игнис блаженно распласталась на ворсистом ковре, всем телом ощущая его приятное тепло. Быть тут, в безопасности, с друзьями, наслаждаться вкусной едой и приятным общением... После месяцев тюремного ада о подобном можно было только мечтать, и все-таки, что-то не давало ей покоя. Она и сама не могла понять, что именно, но не находила себе места.

Девушки, расслабившиеся после долгой и тяжелой дороги, пили вино и весело щебетали, даже Лира, не отходившая от постели Кающегося, и та выглядела довольной и радостной. Они выспрашивали у Игнис и Блаклинт подробности тюремного заключения, интересовались, как выглядела последняя из драконов, сложно ли было сражаться против Оракула и многое, многое другое.

Игнис что-то отвечала, она даже выглядела веселой и радостной, и все-таки, что-то было неправильно. Бросив украдкой взгляд на Блаклинт, она тотчас же перехватила заинтересованный взгляд водородной, которая едва заметно кивнула подруге в сторону выхода...

«А ведь она тоже напряжена!» — поняла вдруг Игнис и в этот миг все сразу встало на свои места.

С момента, когда они были спасены, ни Игнис, ни Блаклинт толком не говорили друг с другом, а обсудить им было что...

«Нет, так дальше не может продолжаться», — решительно подумала Игнис и, поднявшись и извинившись перед подругами, вышла прочь из шатра и двинулась вперед — подальше от костра.

Спустя пару минут позади послышались тихие шаги и, бросив взгляд через плечо, она увидела Блаклинт, идущую следом.

Когда девушки отошли достаточно далеко от ближайших палаток, Игнис обернулась к подруге и стала дожидаться ту.

— Игн, — Блаклинт подошла практически вплотную к огнерожденной и теперь смотрела ей глаза в глаза. — Нам нужно поговорить.

Игнис кивнула.

— Да, нужно.

Блаклинт густо покраснела и попросила:

— Можно снять твою маску?

Игнис нерешительно замерла, но затем кивнула.

Блаклинт, осторожно, будто бы боясь причинить боль, потянула на себя серебряную личину, затем, свободной рукой провела по изуродованной щеке Игнис.

— Когда я поняла, что и Тар и мама использовали меня, точно ненужную вещь, я, наверное, несколько дней рыдала и не выходила из своей комнаты...

Игнис удивленно взглянула на подругу — та еще не рассказывала о причинах, побудивших ее предать Ривеланд и совершить ту безумную попытку вызволить огнерожденную из тюремных застенков.

— Я не понимала, что происходит, почему они все делают это... Но осознала, что была счастлива лишь когда мы втроем с Клариссой тренировались на отшибе. Это было так здорово, — на пухлых губах северянки сама собой сложилась трогательная и милая улыбка. — Никогда и никому, кроме, разве что, Вилнара, я не была нужна, но вы... Вы вытащили меня из раковины, помогли поверить в себя, поверить в то, что я чего-то да стою... А Тар же заставил почувствовать себя желанной...

Она покраснела и потупилась.

— А после — растоптал меня, походя, не глядя...

Игнис молчала, ожидая, что же дальше скажет подруга.

Та горестно вздохнула, и вдруг без предупреждения и каких бы то ни было объяснений, поцеловала Игнис.

Огнерожденная чуть отстранилась, а затем, неожиданно для себя ответила на горячий и жаркий поцелуй Блаклинт. Несколько секунд они стояли, прижавшись друг к другу, слившись в единое целое. Все мысли покинули голову принцессы, и она отдалась водопаду чувств и желаний, обрушившихся на нее.

Когда волшебный поцелуй закончился, девушки так и стояли, лбы, и Блаклинт, глядя влюбленными глазами на свою подругу, прошептала:

— Я не думаю, что у нас что-нибудь получится. Я не знаю, сколько это продлится... Но я хочу хотя бы немного побыть с тобой. Это возможно?

Игнис улыбнулась и провела пальцами по щеке водорожденной, а затем, шепнула: «да», и сама поцеловала ее.

Лариэс не шел — бежал — выискивая глазами Игнис. Он окончательно решился — сегодня он признается принцессе, а там, будь что будет. Внутри все пело, наконец-то хоть что-то в последние тяжелые месяцы стало понятным и очевидным. Хватит уже все держать в себе, хватит вечно прятать чувства и носить маски! Он сделает то, что должен и точка!

Игнис не обнаружилась в своей палатке. Не нашел он ее и в главном шатре, не было девушки у Клариссы. Наконец, один из ночных охранников указал в сторону от лагеря, сказав, что ее высочество отправилась туда в сопровождении водорожденной и Лариэс двинулся в указанном направлении.

Он дошел практически до телег, отмечающих внешнюю границу лагеря, когда увидел ее. Точнее — их. Игнис и Блаклинт стояли, тесно прижавшись одна к другой, и их губы были скрепленные страстным поцелуем. Пожалуй, впервые за всю свою жизнь Лариэс проклял отличное ночное зрение лунксов, позволяющее увидеть куда больше, чем ему хотелось бы.

Он остановился и, сам не понимая, зачем это делает, спрятался за одним из шатров, продолжая наблюдать за девушками. Они целовались, потом — шептались о чем-то так тихо, что даже его чуткие уши не могли расслышать сказанное, после чего — направились прочь. Куда — это было неважно.

Будто кто-то выбил весь воздух из легких Лариэса, тому казалось, что он начинает задыхаться. Ноги подкосились, и старые раны точно рвали раскаленным клещами.

Говорить не хотелось. Думать не хотелось. Ничего не хотелось, если честно. Просто

свернуться где-нибудь калачиком и уснуть. Конечно, Лариэс был в курсе страстных натур всех стихиярожденных. Откровенно говоря, у принца тоже было несколько пусть и непродолжительных, но весьма бурных романов с мужчинами, что виконт, как истинный христианин, просто не мог одобрять, но, как и положено телохранителю, держал свое мнение при себе. Да и ее величество в свободное время частенько достаивала придворных дам чести сопроводить себя в спальню. Все так, но...

«Но я думал, что с Игнис все будет иначе», — подумал он. — «Наивный».

Сперва принц, затем — принцесса.

Он прикрыл глаза ладонями и тихо выругался, затем — еще раз, чуть громче. Лариэс уже почти готов был заорать, но его остановили тихие шаги.

Подняв голову, виконт увидел приближающуюся к нему Клариссу, выглядящую донельзя задумчивой.

— Мне показалось, или ее высочество только что направилась в свой шатер в сопровождении ее высочества Блаклинт Иссон? — поинтересовалась воительница, странно глядя на Лариэса.

«Она знает!»! — понял вдруг тот, покрываясь — почему-то — краской стыда. — «Все знает!»!

Вместо ответа он сделал неопределенный жест рукой, а Кларисса, не спрашивая разрешения присела рядом.

— Не везет тебе в любви, Лар, — чуть насмешливым тоном проговорила она.

— Ну извини уж.

— Зато, наверное, ты сейчас понимаешь, каково было мне все последние годы.

Лариэс остолбенело посмотрел на подругу.

— Ох. Прости.

Та чуть заметно улыбнулась.

— Ничего, я привыкла. Если честно, мне показалось, что Блаклинт как-то уж очень близко сдружилась с Игнис еще по пути в Восточные графства. Впрочем, обе они тогда были увлечены принцем, а потому история не получила дальнейшего развития.

— Видимо, в тюрьме Речной Королевы у них нашлось достаточно времени для, хм, более тесного общения.

— Ну, они стихиярожденные, как-никак — пожала плечами светловолосая воительница. — От них ожидаешь подобной... влюбчивости. Не думаю, правда, что эти отношения продлятся долго, вот тогда у тебя и появится хороший шанс.

Лариэс смотрел на подругу во все глаза и никак не мог понять ее.

— Солнышко, — наконец выдавил он из себя, — зачем ты делаешь это?

— Что?

— Почему помогаешь кому-то вроде меня? Почему не отыщешь себе нормального мужчину, который сделает тебя счастливой, а тратишь бесценное время на вот это, — он с отвращением продемонстрировал изуродованную правую руку. — Я не понимаю. Женщина твоей красоты, ума, силы и происхождения могла бы с легкостью стать герцогиней или даже королевой, а ты продолжаешь следовать за мной. Зачем?

На лице Клариссы отразился напряжённый мыслительный процесс, а потом она просто пожала плечами и ответила:

— Потому что я люблю тебя.

И от этих простых и банальных слов что-то вдруг надломилось внутри Лариэса, и он

прикрыл глаза руками, ощущая, как по пальцам начала течь соленая влага, а Кларисса, смутившись, продолжила.

— Мы все следуем за тобой, потому что любим. Правда, искренне надеюсь, что Эрик с Циллой и Инджем все-таки испытывают к тебе иные чувства, нежели я. Не хочу плодить соперников.

И Лариэс засмеялся. Слезы и не думали останавливаться, а порывы резкого отрывистого смеха налетали, точно волны на угловое суденышко, сотрясая все его тело и грозя вновь отправить в пучину безумия.

Но на сей раз все-таки и смех и слезы выполняли одну цель — дарили облегчение.

Лариэс резко поднялся и закончил Клариссу в крепкие объятия.

— Спасибо, — прошептал он, отстранившись, — теперь я должен побыть один. Есть над чем подумать.

Больше всего на свете Корвус ненавидел утренние пробуждения. Причем эта его черта осталась неизменной со времен ученичества, когда великий Архитектор заставлял юного и перспективного парнишку вскакивать с первыми петухами и заниматься магией, магией и снова магией.

«Когда ты спишь, твои враги учатся», — в таких случаях говорил Айнрит Гарш дэ Жиллтэн, закрепляя сию нравоучительную сентенцию чем-нибудь вроде небольшого ведерка воды, выливаемого на голову не пришедшего еще в себя ото сна мальчишки.

С годами изменилось многое. Почти все! Но не эта привычка.

Правда, обосновывал свое нежелание просыпаться ни свет, ни заря, Корвус теперь иначе. Во снах он мог бродить по Грани и воссоздавать сцены из прошлого. Во снах он мог наблюдать за чужими жизнями и чужим счастьем. Во снах он мог усмирять кошмары и дарить радость...

Во снах Мия и Хилэрия — свет его души и маленькое солнышко — были живы. Он часто видел их и никогда не желал добровольно возвращаться назад, в юдоль скорби и одиночества.

Впрочем, когда великий чародей спас Игнис, в его жизни вновь появился смысл. Ни один ребенок, встреченный Ступившим на Путь Вечности за эти долгие, несправедливо долгие годы, не был так сильно похож на Хилэрию, как изуродованная безумием Кайсы девочка. Такая же волевая, такая же твердохарактерная, такая же справедливая.

Иногда ему даже начинало казаться, что сектанты, принесшие из другого мира учение о перерождении — колесе Сансары, как они его называли, — не так уж неправы, ибо, глядя на Игнис, он точно смотрел в глаза родной дочери.

Той, которая так и не выросла, не нашла себе мужа, не родила детей. Той, что была зверски убита на глазах безутешного отца под пустым и равнодушным взглядом матери — сломанной куклы со стертým сознанием.

Перед глазами Корвуса потемнело и он ощутил поднимающуюся волну безумной ярости...

Взяв в себя в руки, чародей досчитал до десяти и заставил внутреннего демона — нет, не уснуть, а всего лишь немного затихнуть. Он знал, что злоба и боль никуда и никогда не денутся, и ночной разговор с Лариэсом лишь разбередил старые раны.

«И не я один был в курсе этого», — отвлеченно подумал чародей, совершая утренние

процедуры и одеваясь. — «Тот, кто похитил Игнис определенно рассчитывал на то, что я не сумею взять под контроль безумную вспышку ярости и наломаю дров. Надеюсь, что ответ Лория все-таки оставит нам шанс разойтись, балансируя на грани».

— Кар, — важно сообщила Ания и Древний удивленно приподнял брови.

— Сидит там всю ночь? Ты шутишь, наверное. Когда мы вчера прощались, у него были какие-то дела, но я подумал, что мальчику просто хочется немного отдохнуть в компании сверстников. Клянусь всем хорошим, что есть в этом мире, он слишком мало веселится и слишком серьезно смотрит на жизнь. Даже по моим меркам.

— Кар, — восьмиглазая птица демонстративно проигнорировала его.

— Ладно, ладно, иду.

И действительно — юный полукровка сидел неподалеку от его костра и неотрывно следил за двумя каррасами, охранявшими Вороньего Короля. Видок у него, надо сказать, был тот еще. Древний отметил чуть заметные дорожки на щеках, оставленные слезами, огромные мешки под глазами, красными от недосыпа.

«С девушкой поругался, что ли»? — подумал Древний, вспоминая пепельноволосую красавицу, которая, определенно, испытывала чувства к полукровке. — «Эх, до чего же хорошо быть молодым!» — с некоторым сожалением подумал Вороний Король, в очередной раз ощущая груз прожитых лет и тяжесть принятых решений.

Изувеченную руку полукровка старательно прятал за спиной — видимо, все еще не свыкся со своей неполноценностью. Что ж, столь одаренному воину, как он, придется немало времени потратить для того, чтобы научиться жить по-новому. Увы, но силы Орелии слишком истощены, чтобы тратить их даже на столь простые процедуры. Долгие месяцы, если не годы уйдут у Целительницы на то, чтобы прийти в себя, уж слишком много сил она потратила. Причем безумное сражение с последней из драконов стало лишь вишенкой на торте из непрерывных воскрешений, исцелений и, самое главное, тяжелейших ранений, полученных Древней.

Каким образом она сумела пережить падение в бездны Бесконечных Гор не знал и сам Корвус.

«А ведь после она еще воскресила того мальчишку, открыла врата на Грань, сразилась демоном и спасла Игнис из тюрьмы! Просто фантастика!»

Впрочем, пора было заняться текущими делами, а потому он сделал шаг по направлению к своему телохранителю, уже догадываясь, что тот хочет сказать.

Лариэс, будто ждал этого. Он вскочил и, сделав два шага навстречу Древнему, опустился на колени.

— Кажется, я говорил тебе отдохнуть, — заметил Корвус. — Поднимись.

— Прошу прощения, учитель, — юноша встал с колен, — никак не мог уснуть. Просто после того, что случилось в последние дни мое желание учиться возросло. Не хочу терять ни минуты.

«Глупый ребенок», — с теплотой подумал Древний. — «Ладно, помогу тебе, так и быть».

— Похвальная тяга к знаниям. Что ж, у нас еще есть около часа до отбытия. Потратим же их с пользой!

На этот раз в Сентий Лариэс въехал среди бела дня и по левую руку от Вороньего Короля. У городских ворот их уже встречал почетный караул — герцог... нет, король Устин Вентис, подготовил торжественный прием победителям. Лариэс видел безотчетную радость на лице сурового воина, когда тот обнимал вернувшегося живым и невредимым сына. Заметил он и то, с какой тревогой смотрела на своего единственного ребенка Аккэлия ради такого случая оставившая научные изыскания и присоединившаяся к встречающим.

После этого они отправились во дворец, где Лариэс вновь оказался в своих старых покоях. Он едва успел смыть с себя дорожный пот, когда пришло послание от его величества...

Корвус приказывал ученику незамедлительно явиться в лазарет.

Лариэс, едва успел накинуть чистую рубашку и залезть в новые штаны, даже не сменив дорожные сапоги на что-нибудь более качественное и подходящее случаю, помчался выполнять распоряжение. Срочность намекала на то, что произошло нечто из ряда вон выходящее, а поэтому, когда Лариэс ворвался в большое помещение, заполненное ровными рядами кроватей, он ожидал услышать любые новости, но вместо этого обнаружил, что его ждут в отдельной комнате, куда положили Ридгара.

Здесь помимо Корвуса находились Орелия с Аккэлией.

Герцогиня приветливо кивнула юноше и удовлетворенно заметила:

— Ты быстро.

— Я не привык заставлять людей ждать, ваше величество.

При упоминании титула Аккэлия Вентис поежилась.

— А я не привыкла к тому, что теперь — целая королева, — пояснила она, натянуто улыбаясь.

— Вы никогда не мечтали о власти, ваше величество? — напрямик спросил виконт.

— Сложно сказать, — честно призналась она. — С одной стороны, трон никогда не привлекал меня — слишком много мороки, да и герцогиней быть весьма неплохо, с другой же стороны — к почтению быстро привыкаешь, а возможностей у королевы сильно больше... Ладно, поговорим об этом в другой раз. Его величество сказал, что за прошедшие недели ты немного освоил истинное зрение, это так?

Лариэс кивнул.

— Превосходно, — расплылась в улыбке чародейка, — о Древний, ты просто обязан позволить мне немного позаниматься со столь одаренным учеником, иначе я буду завидовать черной завистью.

Корвус вздохнул и покачал головой. В его взгляде отчетливо читалось: «как дети малые».

— Лариэс, — ответил он вместо этого. — Ты догадываешься, зачем я пригласил тебя сюда?

Полукровка взглянул на бессознательное тело Ридгара и кивнул.

— Сейчас вы будете снимать браслеты, — проговорил он.

— Верно, я займусь этой мерзостью. Но сперва дам тебе некоторые пояснения. Магия сковывания, как я уже успел рассказать, позволяет манипулировать с истинными именами предметов, воздействуя на законы природы по своему усмотрению. Мы не можем напрямую

влиять на живых существ, однако из этого не следует, что косвенное воздействие также недопустимо.

Его тон, как и всегда в подобных случаях, стал менторским. Древний наслаждался, объясняя что-то благодарным слушателям.

— Так вот, — продолжил он, — в данном случае мы столкнулись именно с подобным типом манипуляции. Крайне занимательным с точки зрения как теории, так и практики применения магических сил. Данные артефакты имеют крайне узкую направленность и достаточно примитивное назначение — они непрерывно пьют жизненную силу своего хозяина. Обычный человек умер бы уже спустя пару часов использования подобных устройств, однако Кающийся, как вы все знаете, не является обычным.

— Бессмертного нельзя убить, выпив его жизненную силу, верно? — уточнила Аккэлия.

— Именно так, — согласился Корвус. — Но можно ослабить его до предела, особенно если этот бессмертный будет, точно последний дурак, лезть в драку!

— Многое бы я отдала за то, чтобы понять причину бессмертия Древнего! — с жаром в голосе проговорила королева.

— Это не моя тайна, — ответил Вороний Король. — Если он захочет — расскажет.

Королева грустно вздохнула и пожала плечами.

— Ученый во мне просто вопит благим матом, ваше величество.

— Ничего страшного, я понимаю. — Древний перевел взгляд на Лариэса. — Ученик, взгляни истинным зрением на браслеты и скажи, что ты видишь.

Лариэс прищурился и сфокусировал зрение так, как ему объяснял наставник, направляя магическую силу в зрачки. Он моргнул раз, другой, третий...

— Что это такое? — пораженно прошептал полукровка.

— «Что это такое» — не ответ, — резко оборвал его Корвус. — Как я говорил? Четкость формулировок. Четкость мыслей. Четкость действий. Сковывание — магия терпеливых, и она требует железной логики. Ошибешься — и даже я не смогу вернуть тебя.

— Прошу прощения, наставник, — пристыженно проговорил Лариэс.

Он напряг зрение еще сильнее и начал описывать увиденное.

— Вокруг браслетов я вижу черное облако диаметром... не более пары дюймов. От каждого из элементов устройства отходит по четыре тонких темных линии, соединяющих одно с другим. Все они образуют вписанную в пятиугольник звезду с вершиной в шее.

Лариэс поморщился — глазам вдруг стало невыносимо больно, но учитель не отступал.

— И это все?

— Нет.

— Слушаю.

— Какие-то... символы? — последнее слово полукровка произнес с неуверенностью в голосе — он и сам не до конца понимал, что видит.

Однако Корвуса и Аккэлию его слова удовлетворили — сковывающие переглянулись и чуткие уши Лариэса уловили потрясенный возглас чародейки: «Поразительно, спустя всего несколько недель».

Подобная похвала была приятной? и юноша зарделся.

Он и не думал, что такие простые вещи могут так сильно тронуть его.

Корвус же, удовлетворенно кивнув, продолжил лекцию.

— Что ж, очень, очень хорошо. Теперь я объясню детали. Итак, символы, которые ты заметил — есть магическое отображение в материальном мире истинного имени, а точнее

— именов, сковавших металл браслетов. Артефакт этот именуется Оковами Боли, и изготовлен он из сангвини лаписа. Знаешь, о чем идет речь?

— Кровавый камень? — ахнул Лариэс.

Конечно же, он слышал страшные истории про сангвини лапис — невероятно редкий металл с Западных Островов, считавшийся священным у местных дикарей — мзаорри. Он, как гласила молва, способен был пить кровь, точно огромный комар, а некоторые утверждали, что камень этот способен вытянуть душу из тела.

Мзаорри делали свое оружие именно из него, и, надо сказать, в бою оно действительно пугало. Именно поэтому дикарей без нужды старались не беспокоить даже сильные государства вроде Вениса или Хавланда. Да что там, империя Аэтернум — и та не пыталась взять под контроль острова, занимающие изумительное положение на полпути к таинственному Новому Свету, наполненному, как говорили, всевозможными чудесами и невообразимыми ужасами.

Торговать с жителями Западных островов разрешалось исключительно купцам Хавланда, так гласил старый договор, уходящий корнями в глубину веков. Лариэс не знал всех подробностей. Кажется, лет двести назад король Хавланда как-то очень здорово помог вождю дикарей и тот объявил его и всех его потомков своими побратимами, гарантировав безопасность северных купцов на архипелаге. Или нет. Черт его знает, если честно.

Однако факт оставался фактом — лишь Хавланд мог торговать с Западными Островами, но это значило, что товарооборот между этими двумя государствами должен был находиться под полным контролем Изегрима — фактического правителя северного королевства. А раз так — каким образом таинственный сковывающий Кайсы Иссон умудрился заполучить в свои руки столь ценный материал?

Лариэс озвучил этот вопрос, и все присутствующие в комнате одобрительно закивали.

— С этим нам предстоит еще разобраться, причем очень быстро, — вздохнул Вороний Король. — Изегрим уже начал работу, но, боюсь, результатов не стоит ждать раньше, чем через пару недель, а то и месяцев. А сейчас мы вернемся к браслетам. Кровавый камень, как ты, наверное, слышал, обладает рядом... неприятных особенностей. Главная из них — вампиризм. Материал пьет кровь, но не только. Магическая энергия и жизненные силы в целом — тоже подойдут.

— Значит, из руды были выплавлены браслеты? — тотчас же спросил Лариэс. — Почему именно они?

— Думаю, для удобства, — пожал плечами Корвус. К тому же, изделия из металлов проще всего заговаривать на прочность и неразрушимость, а на каждом из этих браслетов стоит по меньшей мере пара подобных усилений.

— Но я не вижу их...

— Всему свое время, — усмехнулся Древний. — Ты и так различаешь слишком много для человека, чье истинное зрение было открыто меньше месяца назад.

Лариэс вздохнул, но и не подумал останавливать поток вопросов.

— А что за черные облака?

— Аура самих браслетов. В них сконцентрирована масса боли.

— Кающегося?

Корвус покачал головой.

— Нет. Я прекрасно знаю, как делаются такие артефакты, а потому со всей уверенностью готов утверждать: с их помощью было убито не меньше ста человек.

Лариэс побледнел.

— Но зачем?

— Чтобы металл стал сильнее. В противном случае он не выдержал бы магии Ридгара, — мрачно ответил Древний. — И наш таинственный враг прекрасно это знает.

— Но откуда?

— В королевской библиотеке Иссонов сохранились некоторые книги учителя, — коротко ответил Вороний Король. — В одной из них вполне мог описываться ритуал.

Эти слова звучали не слишком уверенно, но Лариэса ошеломило другое.

— Наставник, вы хотите сказать, великий Архитектор тоже делал такую мерзость?

— Тоже делал? — невесело усмехнулся правитель Волукрима. — Лариэс, да он и придумал этот артефакт! И назвал его Оковами Боли.

Челюсть Лариэса отвисла. Все, что он слышал о великом Айнрите Гарше дэ Жиллтэнэ было однозначно — Архитектор являл собой прямо-таки идеал человеколюбия, порядочности и честности.

Чтобы такой, как он, сотворил нечто настолько отвратительное...

Корвус сразу же понял, о чем подумал виконт, и дал пояснения.

— Ты, наверное, думаешь, что наставник за всю свою жизнь и мухи не обидел? Это не так. Как и любой могущественный чародей, он убивал, причем много.

— Убивать, чтобы защитить жизнь или спасти людей — это я могу понять... Но приносить их в жертву...

— Увы, у него не было выбора, — вместо Корвуса ответила Орелия. — Айнрит не хотел, но даже я тогда поддержала его, о чем не жалею.

Лариэс моргнул.

«Сама святая согласилась принести в жертву не одну сотню людей»? — подумал он. — «Но с какой целью? Нет, неправильно. Что нужно было ограничивать такой ценой»?

И Лариэс задал этот свой вопрос.

Ответ его не порадовал.

— Изначально их придумали для борьбы с высшими Великими Жнецами, — ответила Целительница. — Понимаешь, эти... люди, назовем их так, были очень, прямо-таки очень трудноубиваемы. Отруби высшему Великому Жнецу голову, а на следующий день он пришьёт ее и придет к тебе за сатисфакцией. Сожги тело — и злобный дух будет преследовать тебя до тех пор, пока не найдет подходящего материального носителя. Попытайся избавиться от духа... И узнаешь массу неприятных вещей об истинной силе некромантов. Поэтому для нейтрализации сильнейших труповодов приходилось пользоваться такими устройствами.

— Принося в жертву людей?

— Да, — Древняя согласно кивнула и Лариэсу показалось, что в ее лишенном каких бы то ни было эмоций голосе звучит неподдельное горе. — Выхода не было. Сперва опустошили все тюрьмы и пустили под нож преступников, приговоренных к смертной казне... Затем — перешли на пленных воинов Великих Жнецов. Закончили простыми крестьянами.

Она покачала головой.

— Тяжелая и мрачная страница нашей истории. Решения принимали четверо: Алрик, Айнрит, Рэмирус и я. И поверь, никто из нас не гордился этим, но...

— Мы делаем то, что должно, — Лариэс заученно процитировал слова, начавшие уже

введаться в подкорку. — Если против врага работает лишь одно оружие, оно должно быть применено безо всяких раздумий.

— Именно так, — подтвердил слова ученика Корвус. — Вот только после окончания войны наставник приложил все силы для того, чтобы вымарать из хроник даже косвенные упоминания об Оковах Боли, а перед этим — постарался уничтожить все сохранившиеся артефакты. Они должны были исчезнуть навеки, однако...

Тонкие пальцы Древнего коснулись гладкой металлической поверхности и тотчас же по ней пробежали багровые всполохи.

«Оно... пытается поглотить силу учителя!» — с ужасом и отвращением осознал Лариэс.

Браслеты эти походили больше всего на отвратительных, напившихся крови клещей, присосавшихся к беспомощной жертве.

— Несмотря на свою омерзительность, — продолжал великий сковывающий, — Оковы Боли являются настоящим шедевром магической мысли, а также — отличным учебным пособием, с помощью которого я наглядно смогу объяснить тебе некоторые особенности артефактной магии. Следи внимательно.

Лариэс приготовился запоминать.

— Сковывание, как я уже неоднократно говорил, — начал Корвус, еще раз погладив браслет, охватывающий руку бесчувственного Ридгара, — есть магия порядка и структурирования. Это магия превращения первозданного хаоса в упорядоченное, призванная не просто выяснить истинное имя предмета, но и воплотить ее в чем-то законченном. Именно поэтому мы так любим амулеты, браслеты, посохи, статуэтки, огранные камни и прочие фетиши. Ведь, казалось бы, для чего нужно, создавая, к примеру, одноразовое боевое заклинание, делать вот такое.

Он порылся в карманах своего плаща и извлек на свет небольшую деревянную палочку, покрытую изумительной резьбой. Говоря начистоту, Лариэс бы не сумел сотворить нечто подобное и двумя руками, не то, что одной.

Корвус, явно поняв, о чем думает ученик, улыбнулся, и продолжил.

— Нашим источником силы может стать любая щепка, любой камешек, любой кусок железа. Зачем же усложнять себе жизнь? Так может показаться на первый взгляд, однако это совершенно неправильная точка зрения. Артефактор не просто погружается в суть предмета, выживая истинное имя. Он видоизменяет его в соответствии со своими потребностями, а также — возможностями самой вещи. И чем сложнее предмет, чем больше сил и любви было в него вложено, чем богаче его история и разнообразнее структура — тем больше возможностей тот предлагает чародею. Я с легкостью могу убить человека обычной щепкой, за секунды превратив ее в дротик. Думаю, нечто подобное частенько использовала твоя бывшая Первая Тень.

Лариэс согласно кивнул.

— У меня тоже есть подобные простенькие заклинания, не требующие особых трудозатрат и собираемые буквально на коленке. Но если мне потребуется дождь из дротиков, способный причинить урон целой роте, то я, скорее всего, попытаюсь найти какое-нибудь копьё столетней давности с древком из красного дерева, богатой инкрустацией и наконечником из булатной стали, изготовленное прославленным мастером и оставшееся от могучего воина. Поработав с таким оружием пару месяцев, я смогу превратить его в однократно используемый артефакт, за полгода — в оружие, которое получится использовать регулярно. Думаю, общий принцип ты понял.

Лариэс снова кивнул.

— Выходит, что сковывающему не обязательно каждый артефакт отливать или вырезать самостоятельно?

— Нет, конечно, но это помогает. Сковывание вообще очень индивидуально. Я, к примеру, предпочитаю работать с деревом, а Аккэлия — с драгоценными камнями и золотом.

Королева помахала виконту рукой, буквально увешанной всевозможными кольцами.

— Так что тут каждый сам решает, что подходит ему. Паллидий любит обсидиан, опалы и кварц. А, помнится, лет двести назад жил один сковывающий, зачаровывающий фигурки из слоновой кости. Он сам вырезал их и вкладывал в свои творения такую сумасшедшую магию, что все только диву давались.

— Значит, мне самому придется выбрать, чем пользоваться?

— Да, когда придет время, — кивнул Древний. — Впрочем, это будет нескоро. Сперва тебе следует освоить первый уровень погружения и не погибнуть при этом, а это далеко не так просто, как может показаться. На первом уровне молодому сковывающему вроде тебя придется столкнуться с тем, что в простонародье именуют рунами.

— А это не так?

— Нет, — вместо Корвуса ответила Аккэлия. — Руническая магия северных жрецов потеряла силу, когда их боги погибли во времена Рагнарёка. То, что простые обыватели именуют рунами, всего лишь есть истинное имя явления.

Лариэс тупо уставился на чародейку, и та вздохнула.

— Проще говоря, сковывающий приказывает предмету стать прочнее или долговечнее.

— А много таких... истинных имен?

— Не слишком, — ответил вместо нее Вороний король.

Лариэс кивнул, а оба его лектора, наконец, видимо, решив, что со вводной частью покончено, приступили к делу.

— Что ж, полагаю, мы можем, наконец, снять браслеты. Смотри внимательно.

Корвус достал из кармана небольшую коробочку, в которой лежали пять высушенных пиявок, а точнее — их шкурки. Лариэс ожидал чего угодно, но не подобного, а потому не сумел сдержать возглас удивления.

— Как я уже говорил, — продолжил пояснять Корвус, методично раскладывая странные изделия на браслеты, — данные артефакты выпивают чужую силу. Обычный сковывающий, даже очень сильный, ни за что не сумел бы снять их быстро. Почему? Потому, что не представляет механизм работы Оков Боли. Думаю, той же Мислии потребовалось бы как минимум неделя для того, чтобы разобраться в структуре и найти слабые точки. К нашему счастью, я знаю, как следует поступать. Артефакты таких типов ни в коем случае нельзя разрушать грубой силой. Они только мощнее станут. Нет наша задача применить хитрость и нарушить сообщение энергетических каналов.

— Это те лучи, что тянутся от одного браслета к другому?

— Именно. В нашей магии, старающейся, как я уже говорил, упорядочить природный хаос, все стремится к каким-либо устойчивым конструкциям. Геометрическим — в том числе. Силовые линии браслетов образуют пентаграмму с центром в сердце жертвы. Древняя схема, нашедшая свое отражение во множестве школ магии, не только в сковывании. Однако нарушь ее — и сила, державшая могучие атаки чужой воли, в один миг обратится сама против себя. Смотри внимательно.

Корвус тихо прошептал одно слово и Лариэс широко распахнул глаза.

От пиявок или их высушенных шкур, или что это еще было, повалил густой белесый дым, который начал покрывать золотистые линии. В этот самый момент чернота, окружавшая браслеты, точно у нее был разум, набросилась на дым, стремясь развеять его... Нет, не развеять — поглотить!

Но, съедая дым, тьма пожирала и силовые линии. Несколько мгновений спустя стройная картина нарушилась, свечение в одном месте стало сильнее, в другом — слабее, вся пентаграмма замигала, а затем без каких бы то ни было эффектов погасла.

И в следующую секунду щелкнули застежки на браслетах, освобождая пленника.

— Все на два шага назад, — коротко приказал Корвус, и никто даже не подумал задавать вопросы.

Лариэс отошел, прислонившись к стене и ощутив спиной ее холодную прохладу, а буквально в следующую секунду глаза Ридгара распахнулись, и он рванулся вперед с диким животным рыком.

— Стой! — повелительно воскликнул Вороний Король, и лианы, появившиеся из ниоткуда, спеленали Древнего по рукам и ногам.

Несколько секунд Кающийся дико вращал глазами и рычал, походя больше на бешеного пса, нежели на человека, но вот, наконец, на его лице появилось осмысленное выражение.

— Корв? — прохрипел он. — Ты?

— Я.

Слабая улыбка тронула тонкие губы Ридгара.

— Невероятно... Мы выбрались!

Произнеся это, он рухнул на пол, совершенно обессиленный.

— Лариэс, положи, пожалуйста, его на кровать, — попросил наставник. — Я бы и сам это сделал, да вот только одной рукой — неудобно.

— Конечно, ваше величество, — Лариэс быстрым шагом подошел к человеку, обучавшему его искусству сноходчества и осторожно положил того на койку, укрыв одеялом и заботливо подтолкнув подушку под голову.

— Хорошо. Теперь давайте подведем итоги. Аккэлия, ты все разглядела, сможешь повторить в случае нужды? — спросил Древний у королевы.

Та кивнула.

— Вот только не проси меня использовать кожу пиявок.

— Материал — на твое усмотрение. Главное, он должен иметь хотя бы какое-то отношение к вампирам. Учитель использовал клыки летучих мышей, они надежнее, но у меня не было времени искать нечто подобное.

Королева кивнула и ткнула носком сапога один из браслетов.

— А с этим что будете делать, ваше величество.

— Брошу в плавильню, — решительно ответил Древний. — Эта погань не имеет права на существование. Искренне надеюсь, что наши враги просто нашли подходящий артефакт в каком-то тайнике, сохранившемся со времен войны Великих Жнецов.

— Рада слышать. Было любопытно посмотреть на браслеты вблизи, но мне пора идти, — попрощалась королева. — Дела зовут.

Вслед за ней комнату покинула и Орелия, предварительно проверившая пульс Кающегося. Для чего это было нужно лично Лариэс не знал — какая разница, ведь Ридгар все равно бессмертен, — но задавать лишние вопросы он не стал. Вместо этого —

поинтересовался у Древнего:

— Когда господин Ридгар очнется?

— Думаю, через пару часов, — с лёгкой неуверенностью в голосе ответил тот. — Хочешь подежурить возле него?

Лариэс кивнул.

— Можно, — согласился Древний. — Тебе тоже не помешает передохнуть.

Он сунул руку за пазуху и извлек маленькую, точно булабочная головка книжку, прошептал слово-активатор, и та превратилась в увесистый фолиант.

— Вот, — Вороний Король передал его Лариэсу, — начинай штудировать. Тут про базовые имена, те самые «руны». Вечером спрошу.

С этими словами он покинул Лариэса, оставив того вместо няньки при раненом.

Юноша пожал плечами и, раскрыв книгу на самой первой странице, погрузился в чтение.

Вот уже несколько дней Таривас не ощущал со стороны матери ничего, кроме отчаяния и жалости к себе. Королева еще не надломилась, но была опасно близка к этому состоянию. По-хорошему, ее следовало хоть как-то приободрить, но у принца просто не оставалось сил на это. Он чувствовал себя не лучше матери.

Все пропало: Целительницу не удалось пленить, от армии осталась половина, потеряли четырех магов воздуха!

«И как нам быть?» — думал он, прислушиваясь к мерному цоканью копыт по мощеной дороге. — «Как сражаться? Что предпринять для спасения Дилириса».

В который раз юноша осознал, как же глупы и наивны они были, когда согласились на предложение Речной Королевы. Да, никто не обещал легкой прогулки, но такое...

«Подумать только, королевство пало за два месяца», — вздохнул он, пытаясь найти хоть какие-то положительные стороны в сложившейся ситуации. Увы, их не оставалось. Уже спустя несколько недель подданные начнут разбегаться — в этом не было ни малейших сомнений — и присягать на верность новому королю.

Таривас даже догадывался, почему дядя — человек невероятной воли и порядочности — переметнулся на сторону Вороньего Короля. Просто, как и всегда, Устин Вентис делал то, что лучше для Дилириса, а не для дома Вентисов.

«Возможно то, что мы держали лучшего генерала королевства в неведении относительно своих планов, было ошибкой», — подумал он. — «А может, и нет. Кто знает, как давно он столкнулся с Вороньим Королем? Быть может, дядя поднял бы восстание в любом случае?»

Спросить бы его, да как? И зачем...

«Да, самое главное — зачем?»

Принц опять пытался что-нибудь придумать, но не смог. Так выходило, что от него и матери теперь ничего не зависит.

«Ну да ладно, жизнь еще не кончилась, вернемся, отдохнем, как-нибудь выкрутимся», — решил он, пытаясь мыслить позитивно. — «По идее, мы уже должны быть возле города».

Неожиданно движение прекратилось.

Прислушавшись к эмоциям матери, Таривас сразу же ощутил вспыхнувшую надежду, вперемешку с еще большим страхом и недоверием.

— Что случилось? — спросил он.

— Гонец, — прошептала королева. — Под флагом Аэтернума. Направляется по дороге к нам.

Солнце уже опускалось за горизонт, а колокола прозвонили начало вечерней службы, когда Ридгар наконец-то пришел в себя.

Причем Лариэс пропустил это знаменательное событие — так сильно увлекла его книга. За время, прошедшее с ухода его величества, он успел запомнить все базовые руны — «имена первого погружения», как называл их автор трактата, и сейчас штудировал теорию применения.

Эти самые имена, как понял юноша, были одним из немногих более-менее общепринятых элементов сковывания, причем — самых простых. Заговоры на остроту оружия, на крепость доспехов или защиту от простенького яда и все в том же духе.

«Руны», как раньше называл их Лариэс, изменяли законы мироздания и заставляли предметы корректировать свои характеристики в соответствии с повелением чародея.

Как было сказано в книге, их эффективность определялась талантом сковывающего, что, в принципе, не удивляло. Любая магия, что стихийная, что артефактная, в высшей степени индивидуальна, даже если и имеет ряд общих заклинаний, магических практик и традиций.

Впрочем, книга предостерегала от недооценки базовых, общепринятых, и как бы «слабых» чар.

«Некоторые считают», — говорилось в тексте, — «что лишь сковывание глубокого погружения заслуживает внимания, а с простенькими заговорами справятся и ученики. Это — фатальное заблуждение, с результатами которого рано или поздно сталкивается любой артефактор. В магии нет незначительных мелочей и слабых заклинаний. Есть лишь отсутствие фантазии и неумение пользоваться мудростью предыдущих поколений, создавших для нас удобные и эффективные инструменты».

Лариэсу показалось, что он буквально видит Корвуса, вышагивающего взад-вперед по лекционному залу своего Университета. Да, автор книги не был указан, но этого и не требовалось — за каждой строчкой стояла личность Вороньего Короля.

«К примеру, банальное повышение прочности предмета может оказаться неоценимым в случае, если ваша магическая защита уже истощена, а противник использует меч или кинжал. Обыкновенная метаморфоза также может быть превращена в страшное и сокрушительное оружие при должном подходе. Если за схожее время вы можете создать тысячу одноразовых боевых артефактов-метаморфов, либо один артефакт четвертой степени погружения — лучше создайте тысячу. Пятью сотнями вы гарантированно пробьете практически любую защиту вашего врага, сохранив половину имеющегося запаса.

Я призывал, призываю и буду призывать оценивать результаты магической деятельности сковывающего не по мощи используемых им артефактов, а по соотношению затраченного времени к полученному результату, ибо, прежде чем возводить дом, следует подготовить фундамент».

Некоторые слова были пока непонятны для Лариэса, хотя он интуитивно и угадывал их смысл, но, в целом, мысль Вороньего Короля оказалась ясной. Тут все было как в армии: тысяча простых солдат с обычными пиками и аркебузами гарантированно уничтожат даже очень хорошую рыцарскую сотню, бьющую в лоб. Причем неважно, насколько дорогие доспехи носит аристократ и его спутники, бронированы ли их кони и сколько магии было вложено в защиту. Дружный залп в упор, поддержанный лесом пик все равно возьмет верх. В такой ситуации эффективным будет только удар в тыл или во фланг...

Лариэс тряхнул головой и непроизвольно коснулся изувеченной руки.

«Так, я замечтался, хватит уже. Максимум, что мне теперь доступно — это новомодная волукримская атака с пистолетами. Даже рубка нежелательна».

Он вздохнул, поняв вдруг, что несмотря на все ужасы войны, которые успел повидать за свою недолгую жизнь, действительно будет скучать по временам, когда мог вести коня галопом на вражеских стрелков, ощущая, как свистят вокруг пули, как они бьются о щит и нагрудную броню благородного животного как в честной схватке грудь на грудь решается

судьба...

«Этого больше не будет», — напомнил он себе. — «И не потому, что я калека» ...

Лариэс захлопнул книгу и мысленно вернулся на месяц назад — на залитые кровью и затянутые порохом Мариевы поля.

Он прикрыл глаза, вспоминая ровные линии каррасской пехоты. Этот обезличенный механизм, в которой каждый боец был лишь винтиком, вымуштрованным и дисциплинированным, идеально выполнявшим приказы.

Вспомнил он и слова Вороньего Короля, сказанные во время одного из уроков: «В области военной теории Волукрим опережает всех соседей, за исключением, быть может, Аэтернума, на сотню лет. Дилирис только-только проводит реформы, которые у нас уже признаны устаревшими. Наша пехота не имеет аналогов в мире. Жаль, не могу сказать того же и про конницу».

И в очередной раз за последние недели Лариэс задался вопросом: откуда Вороний Король знает то, что знает. Его действия не казались наитием или удачной задумкой. Нет, Древний явно следовал какому-то плану, он владел сведениями, недоступными окружающим и Лариэс, как новоиспеченный ученик, надеялся в один прекрасный момент удовлетворить свое любопытство и докопаться до истины.

«Но для этого я должен штудировать книгу!» — обругал сам себя виконт, раскрывая трактат на заложенной странице. — «Работать!»

Но продолжить учебу не вышло — открылась дверь и в комнату, держа маску в руках, вошла Игнис. Девушка приветливо улыбнулась полукровке, сев на свободный стул напротив него.

— Как там Ридгар? — шепотом — точно боясь разбудить больного — спросила она.

— Пока — без изменений, но его величество говорил, что сегодня он придет в себя. Я решил продолжать здесь... во дворце слишком многое напоминает мне о былых временах, не хочу лишний раз ходить по нему.

Тут Лариэс не кривил душой. Он ведь замечал, какие взгляды бросают на бывшего Щита принца придворные, наперебой спешившие засвидетельствовать свое уважение и преданность новому правителю королевства. Он видел презрение в их глазах и прямо-таки ощущал кожей слова, бросаемые в спину.

«Предатель. Подстилка Вороньего Короля. Выродок. Пес, укусивший руку хозяина».

То, что в гвардии ему поверили, как поверили Сервус с Руфином, конечно, радовало, но... Но Лариэс понимал — ему никогда не забудут того, что было совершено.

Как ни крути, а именно он едва ли не в одиночку, пользуясь тем, что большая часть Теней покинула столицу, состряпал заговор, перетянул на свою сторону всю городскую стражу, часть гвардии, а также — цеховых мастеров и, о ужас, даже воротилу преступного мира крупнейшего города планеты. Именно он сделал так, что крепость, взять которую не смог даже великий Лорий Солум — самый опытный и талантливый полководец в истории Интерсиса — пал, точно спелое яблоко. Почти бескровно, не продержавшись и одного дня.

Лариэс считал, что поступил правильно, что сберег своими действиями тысячи жизней... Но все-таки ему требовалось немного времени для того, чтобы свыкнуться с новой реальностью.

«Кстати о новшествах», — он посмотрел на ставшее таким родным и желанным лицо изуродованной огнерожденной. — «С этой ее гранью также придется свыкаться и надеяться... На что? На то, что две принцессы, утолив страсть, охладели друг к другу и что у

меня появится шанс? Н-да, начинаю понимать Вилнара. Интересно, кстати, как он там?»

Телохранитель Блаклинг был чудовищно слаб, большую часть дня спал, а ходил с трудом. И было непонятно, когда он поправится и поправится ли вообще. Целительница порывалась было немного подлечить его своей магией, но Корвус строжайше запретил ей это делать, и все прочие Древние поддержали того. Самым грустным было здесь то, что даже Лариэс соглашался со своим учителем и господином. Святая, говоря простым языком, куда важнее обыкновенного ловчего — ловчего, ха, никогда бы не подумал! — не самого высокого ранга.

Принцесса понимающе кивнула.

— Извини, что почти не разговаривали во время обратного пути...

— Ничего страшного, — поспешно перебил ее Лариэс, — у меня, как видишь, тоже не слишком много свободного времени.

Он указал на толстую книгу в своей руке.

— Сковывающий, да, — цокнула языком принцесса. — Сковывающий и сноходец. Ну надо же, учился ходить по Грани и ни словом не обмолвился, а я думала, что мы — друзья.

— Я никому не рассказывал об этом, — парировал Лариэс, — и дружба тут не причем. Уж ты-то должна понимать.

Принцесса провела пальцами по серебряным губам маски, которую положила на колени и задумчиво посмотрела на Лариэса.

— Скажи, почему ты согласился на предложение отца? Сковывание — опасная штука, в первую очередь — для самого мага.

«Чтобы быть рядом с тобой».

— От меня теперь мало толку, — Лариэс продемонстрировал изуродованную руку. — Я не смогу держать оружие, а подвижность левой ноги не вернется уже никогда.

— Орелия может...

— Нет, не может и мы с тобой это знаем, — резче, чем нужно, перебил ее полукровка, — прости.

— Все хорошо, я понимаю...

От ее жалости стало очень тяжело на душе и Лариэс поспешил продолжить свою мысль:

— Но я не могу не служить, понимаешь? Я всю жизнь защищал хозяина, я не знаю, что делать с обретенной свободой. Она мне не нужна.

— И поэтому ты присягнул отцу?

— Да. И я надеюсь, что, став магом сумею принести пользу ему... И моим друзьям. Смогу сделать новую руку Эрику, избавить от голода детей погибших гвардейцев, а может, придумаю что-нибудь, что спасет десятки тысяч жизней...

Лариэс говорил и говорил, рассказывал о новых планах, о будущем, которое обязательно наступит. Когда он закончил, то неожиданно понял, что из левого глаза Игнис тонкой струйкой бежит слеза.

— Игнис, что случилось? — взволнованно спросил он.

— Ты... ты... ты такой правильный, — прошептала она. — Скажи, почему люди вроде тебя должны страдать?

Вопрос этот поставил полукровку в тупик, но он быстро нашел, что ответить.

— Такова воля Господа.

— Ах да, — на лице принцессы появилась вымученная улыбка. — Всемогущей и всеведущей силы, которая так сильно нас любит, что непрерывно мучает. Видимо, ей в

радость следить за чужими страданиями.

Лариэс укоризненно покачал головой.

— Ты стала жестче.

— Тюрьма сильно меняет, — вздохнула принцесса, а затем, как будто смутившись, добавила, — впрочем, не так, как падение... Скажи, тебе было страшно?

Лариэс задумался. На самом деле он еще ни разу не размышлял над своими ощущениями во время полета с горы. Память блокировала кошмарные воспоминания, да и как-то не хотелось лишней раз ворошить прошлое.

— Знаешь, — неуверенно ответил он, — пожалуй нет. Было обидно.

— Обидно?! — воскликнула Игнис. — Знаешь, Лар, ты, наверное, первый в истории Интерсиса человек, которому было обидно лететь со скалы. Обычно люди вопят от ужаса, некоторые даже умирают в полете от разрыва сердца. По крайней мере, так говорил отец.

— Ничего не могу с собой поделать... Когда я услышал эти слова принца... Увидел его взгляд...

Лариэс неожиданно понял, что дрожит, точно от озноба.

— Если неприятно, не вспоминай, — предостерегающе вскинула руки Игнис.

— Я должен, — прошептал юноша. — Должен самому себе...

Он облизнул враз пересохшие губы и продолжил.

— Его высоко... Таривас был для меня всем, я не представлял свою жизнь без выплаты долга Вентисам... А он предал меня. Предал нас всех, легко, будто так и надо. Он сказал мне, что следует просто закрыть глаза, как я делал всегда, и все будет хорошо, что мое упрямство будет стоит жизни тем из гвардейцев, сопровождавшим нас до подножия горы! В этот момент весь мой мир рухнул...

И он подробно, останавливаясь на каждой мелочи, рассказал Игнис о том, что произошло возле запечатанного заклинанием входа. Огнерожденная же поведала товарищу о своих злоключениях в плену Кайсы Иссон, поразив бывшего Щита Принца до глубины души — он и не подозревал, что безумие северянки зашло настолько далеко.

Да, была в рассказе девушки некоторая недоговоренность, связанная, как понимал Лариэс, со специфическими пристрастиями водороденной, но он, конечно же, не стал требовать от подруги подробного отчета о том, что же безумная королева вытворяла со своей беспомощной жертвой и как так оказалось, что этой самой жертве подобное настолько понравилось, что она перепрыгнула в кровать дочери своей пленительницы.

Лариэс резко оборвал себя. Злая и несправедливая мысль, которая только что посетила его, была попросту недостойна дворянина и мужчины.

«Это ее выбор. Пусть будет счастлива!» — мысленно обругал он себя, заканчивая слушать историю Игнис — та повторяла рассказ о побеге, дополняя его некоторыми новыми деталями.

— Ну а то, что было дальше, ты знаешь, — грустно улыбнулась она.

Лариэс опустил голову, стремясь побороть внезапно охвативший его стыд.

— Как же сильно жизнь изменилась за каких-то пару месяцев, — прошептал он, наконец. — Никогда бы не подумал, что все перевернется с ног на голову.

— Жизнь имеет особенности удивлять, — раздался вдруг до боли знакомый голос, — странно, что вы еще не поняли этого.

Лариэс с Игнис дружно обернулись к говорившему и радостно в унисон закричали:

— Ридгар!

Они так заболтались, что и не заметили, как Кающийся пришел в себя. И теперь он лежал — тощий, точно после месяца без еды, еще более бледный, чем обычно, и выглядящий слабым, точно новорожденный. Лишь в глазах все так же плескалась сила и не было никакого страха.

— Я так понимаю, нам удалось спастись, — безо всякого удивления проговорил Древний. — Это хорошо.

Он осторожно вытянул вперед правую руку и внимательно воззрился на дрожащие пальцы.

— А вот то, что я буду бесполезен в ближайшие месяцы — это очень плохо, — он огляделся по сторонам и вперил взгляд сперва в Лариэса, затем перевел его на книгу.

После этого тонкие губы бессмертного тронула по-настоящему добрая улыбка.

— Лариэс, я рад, что ты все-таки оказался на нашей стороне. Хотя... сковывающий? Не ожидал. Но это многое объясняет, включая твой поразительный талант к снохочеству.

Взгляд Древнего переместился на изувеченную руку.

— Расскажи мне все, что произошло с момента предательства Тариваса Вентиса.

— Господин, но разве мы не должны предупредить его величество?

— Корвус подождет, — командным тоном оборвал его Кающийся. — Я хочу знать обо всем, что пропустил. Приступайте. Оба.

Переглянувшись, Лариэс и Игнис наперебой принялись выполнять приказ.

— И вот так мы оказались спасены и спокойно добрались до Сентия, — закончила Игнис. — Хотя, скажу тебе, я была поражена, когда узнала, что отец официально принял Лара в ученики.

Она чуть заметно кивнула товарищу, который в последние дни выглядел каким-то потерянным и сбитым с толку. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Лариэс ничуть не кривил душой, говоря о перевернувшемся мире. Игнис и сама ощущала нечто подобное, и речь тут шла не о внезапно вспыхнувших к Блаклинту чувствах. Слишком много странного и необъяснимого случилось с молодыми людьми за пару последних месяцев.

«А ведь я мечтала о приключениях», — с грустью подумала Игнис. — «Нужно быть осторожнее в своих желаниях — те могут сбыться».

— Что ж, кажется, общую картину я составил, — вздохнул Древний. — Сентий наш, равно как и половина Дилириса. Армия ее величества практически истреблена, казна — у герцога... Точнее, уже у короля, а значит, наемников Кэлисте взять неоткуда.

Он помрачнел.

— Что Лорий?

— Его величество ведет переговоры, насколько мне известно, — вместо Игнис ответил Лариэс. — Мы ждем гонца даже не со дня на день, а в считанные часы.

— Что ж вы раньше не сказали?

Древний попытался встать, но измученное тело не позволило ему сделать это. Он нахмурился и попросил:

— Игнис, выйди на минуточку, пожалуйста.

— Тебе нужно лежать, — возмутилась девушка.

— Налегался. Более чем достаточно. А теперь — прошу, подожди за дверью, мне нужно одеться. Лариэс поможет.

Сокрушенно покачав головой, принцесса надела маску, после чего покинула комнату больного, закрыв за собой дверь и едва ли не нос к носу столкнулась с Клариссой.

Красивая блондинка дружелюбно кивнула своей подруге, но на лице ее не было улыбки, а в глазах была заметна плохо скрываемая тревога.

— Что случилось?

— Гонец Аэтернума.

Все внутри огнерожденной сжалось в тугой комок, и она с трудом сглотнула.

— Отец вызывает меня?

— Тебя, Лариэса и Ступившего на Путь Вечности, если он уже пришел в себя.

— Пришел, сейчас одевается.

— Хорошо, тогда подождем.

Девушки встали рядом, прислонившись к стене. Неожиданно Кларисса наклонилась к уху Игнис и прошептала:

— Слушай, а у вас с Блаклинт, оно все... серьезно?

Принцесса резко обернулась и пораженно уставилась на подругу.

— В... каком смысле? — пролепетала она, однако более хриплый чем даже обычно голос выдавал волнение принцессы.

— Понимаешь, я кое-что видела той ночью, ну, после наших посиделок. Это точно не было дружеским поцелуем на прощание.

Игнис ощутила, как кровь приливает к здоровой щеке. Конечно, она не обязана была отвечать, однако графиня действительно стала ее подругой и огнерожденной очень не хотелось лгать той.

— Я не знаю, если честно, — призналась она. — С Блаклинт хорошо... Ну, не только в этом смысле... — смутившись быстро добавила принцесса. — С ней просто, она... ну, она — Блаклинт, ты ведь понимаешь?

Кларисса улыбнулась и кивнула.

— Что вы планируете делать потом? — задала она следующий вопрос.

Игнис и сама не знала, как на него ответить. К счастью — не пришлось: дверь открылась и в коридор, поддерживаемый Лариэсом с одной стороны и тростью — с другой, вышел Ридгар.

Бросив короткий взгляд на Клариссу, он вежливо кивнул ей и скомандовал:

— Идем к Корвусу.

Отец вместе со своей свитой находился в зале для переговоров. Тут за круглым столом собрались все Древние, Устин Вентис с сыном, женой и ближайшими командирами, капитан городской стражи, которому было заметно не по себе от оказанной чести.

При виде Ридгара раздались радостные возгласы, на которые тот вяло отзывался. Игнис заняла место рядом с отцом, Лариэс же с Клариссой посадили Древнего около Орелии и Рэмируса, после чего намерились покинуть зал.

— Оставайтесь, — распорядился Корвус.

Лариэсу он указал на стул за собой, Клариссе — позади Игнис. Девушки недоуменно переглянулись, но перечить королю Волукрима, естественно, ни одна не собиралась. Если тот считает, что его ученик и телохранительница должны присутствовать — так тому и быть.

— Можете позвать посланника, — распорядился Устин Вентис, являвшийся формальным хозяином собрания.

Широкие резные двери немедленно отворились и внутрь вошла...Игнис ахнула.

Она видела эту женщину лишь однажды, но была уверена, что запомнит навсегда. Высокая, статная, с длинными ногами и изумительной фигурой, эта рыжеволосая красавица была закутана в странный плащ, точно сотканный из тысяч разноцветных лоскутов, которые шелестели и переливались всеми цветами радуги при каждом ее шаге, подчеркивая, как достоинства фигуры, так и невозможную зелень изумрудных глаз.

Молочно-белая кожа, так несвойственная для жителей юга вроде дилирисцев или аэтернумцев, говорила об аристократичности и богатстве, а пухлые, чувственные губы, подобные зернам перезрелого граната, сами собой притягивали мужские взгляды.

Впрочем, страха в вышеуказанных взглядах было куда больше, нежели вожделения, и Игнис прекрасно понимала, почему.

«Отец не мог не знать, кого Генерал отправил в Сентий послом. Значит, он специально заставил ее ждать. Хочет разозлить? Не слишком ли это рискованно? Хотя нет, она не самоубийца — нападать на сильнейших Древних, не имея за спиной армии марионеток».

— Приветствую вашу светлость, — томным, полным вызова и потаенных намеков голосом проворковала красавица, кивнув — всего лишь кивнув! — Устину Вентису.

«Не признает титула. Не приветствует, как равного. Плохо», — мысли так и мелькали, с каждой секундой становясь все мрачнее и мрачнее. — «У нас серьезные проблемы».

— И вам доброго здравия, о Ступившая на Путь Вечности, — точно и не заметив оскорбления, ответил король.

Не удостоив его больше ни единым взглядом, Древняя повернулась к Корвусу.

— Приветствую тебя, Корв.

— Здравствуй, Аматера, — вздохнул чародей. — Не думал, что ты оставишь северную границу Аэтернума незащищенной и отправишься к нам в качестве обычного посла.

Его голос был ровным и спокойным, но Игнис буквально кожей ощущала, чего стоило отцу напускное хладнокровие. Он был буквально на грани отчаяния, но, как и всегда, делал то, что должно.

Причина подобного настроения также была ясна. Лорий Солум ни за что не отправил бы свою любовницу и верную помощницу Аматеру, прозванную Швеей, с простым поручением. Послание Генерала, определенно, не несло ничего хорошего ни Дилирису, ни Волукриму, ни Аэтернуму. Ни всему Интерсису, да смилостивятся боги над несчастным миром!

— Мои легионы справятся и без своей хозяйки, ты же знаешь. К тому же, если так заботаешься об Аэтернуме, незачем было заставлять меня так долго ждать. Какое нам дело до всех этих твоих марионеток? Могли бы поговорить наедине.

— Они — товарищи и союзники, не куклы на ниточках, — на этот раз в голосе Древнего появилось едва различимое раздражение. — И я надеюсь, что ты приехала для того, чтобы передать послание Лория, а не оскорблять нас.

Красавица фыркнула, презрительно наморщив носик, и пренебрежительно махнула рукой, отчего плащ ее зашелестел.

— Давай не будем тратить время на все эти дипломатические экивоки.

Она сделал шаг вперед, Изегрим вскочил, по-звериному ощерившись и заворчав, а в его правой руке блеснул кинжал с бирюзовым камнем.

— Песик, не лай, ты все равно не укусишь меня без разрешения своего хозяина, а он слишком благороден для того, чтобы подобный приказ отдать. Всегда был таким, за что и

поплатился. — Демонстративно не обращая на Охотника никакого внимания, проговорила Швея. — А ведь я тебя в свое время предупреждала: «придуши этого гаденьша, слишком уж сальными глазками он смотрит на Мию».

Корвус сделал Изегриму жест и тот вновь уселся на место, не сводя напряженного взгляда с вошедшей, напряженный, точно сжатая пружина.

А посол Аэтернума замерла перед самым столом, с интересом обводя взглядом окружающих.

— Госпожа Орелия, господин Ридгар. Признаю честно, ваш внешний вид поражает. Если от святой я ожидала непрерывной работы за пределами возможного, то что же случилось с вами? Вы, говоря начистоту, похожи на живого мертвеца даже больше, чем обычно, а это, признаюсь, сомнительное достижение.

— А ты не получала письма Катержины? — чуть насмешливо поинтересовался Кающийся. — И, может, прекратишь уже? Я знаю, как ты любишь выводить людей из себя, но у нас тут серьезное собрание, если ты еще не заметила.

Аматера буквально расцвела.

— Ну вы же знаете, что это так весело... Играть с теми, кто злится в ответ на невинные подначки.

Древний покачал головой.

— Все-таки Неназываемый дурно повлиял на тебя.

— Как и на нас всех, — враз растеряв всю напускную веселость отозвалась та. — Мы все стали чудовищами из-за него. Впрочем, многие были ими куда раньше. Но вы правы, господин Ридгар, и я прошу вас и госпожу Орелию простить мою несдержанность. Соблазн был слишком велик.

— Прощаю, — со вздохом ответил Ридгар. — Но знай, Диана не одобрила бы твоего поведения.

Аматера дернулась, как от удара и ее изумрудные глаза полыхнули ненавистью.

— Ага. Не нравится, значит, — удовлетворенно улыбнулся Кающийся. — Будем считать, что на этом мы закончили с обоюдными оскорблениями и перейдем к делу.

— Это было нечестно, — Древняя, точно маленький ребенок, рассерженно топнула ножкой по полу.

Ридгар в ответ на это лишь пожал плечами и кивнул в сторону Корвуса.

— Хорошо, хорошо, — буркнула Аматера.

Ее рука исчезла в недрах странного лоскутного плаща и спустя мгновение появилась вновь, но на этот раз — не пустая. Натруженные — словно у крестьянки, а не у аристократки, практически равной самому императору, — пальцы сжимали металлическую капсулу, запечатанную сургучом.

«И не только», — сразу поняла Игнис, взглянув на тонкую нитку, обвивавшую печать сверху. Магия нитей, прерогатива Швеи. Единственная и уникальная, неповторимая и не имевшая аналогов за всю письменную историю людских племен, населявших Интерсис.

Магия прекрасная и ужасная одновременно.

Аматеру не просто так называли Повелительницей Марионеток. Эта гениальная чародейка ловко манипулировала целыми армиями кукол, изготовленным либо ей самой, либо по ее заказу, и каждая такая кукла с легкостью могла убить опытного, закованного в броню воина. Собственно говоря, она и Лорий, по сути, лично управляли примерно половиной всей армии Аэтернума, водя в бой десятки тысяч неодушевленных существ.

К сожалению, на этом таланты Швей не заканчивались. Ее марионеткой мог стать и обычный человек, контроль над телом которого чародейка была способна перехватить с такой же пугающей легкостью, как и Речная Королева. При этом Аматера не являлась менталисткой, она просто опутывала свою жертву незримыми нитями и заставляла делать то, что ей хочется. Ну, или не делать ничего, заставив с ужасом и болью наблюдать, как бездушные куклы режут тело на куски.

Как будто этого было мало, Аматера достаточно неплохо владела магией сковывания и, как поговаривали, была сноходцем, причем опытным.

Собственно говоря, знаменитый плащ Аматеры, представлял собой мощнейший артефакт четвертого уровня погружения и даже отец не знал всех его возможностей.

Иными словами, дворец Сентия посетила сама смерть. Конечно, Аматере было далеко до своей кошмарной наставницы Мойры, но та, к счастью, уже много веков никак не показывала себя, отчего многие считали ее мертвой. Отец, правда, к их числу не принадлежал. Он считал, что Мойра продолжает свою бесконечную войну с Алриком и не появится до тех пор, пока Непобедимый — также растворившийся в небытии сразу после Второй Войны Гнева — вновь не выйдет на свет.

А пальцы Вороньего Короля, меж тем, сомкнулись на цилиндре и коснулись печати.

С легким шипением та рассыпалась в прах, а нить, точно живая, соскользнула и, извиваясь, направилась к своей хозяйке, всосавшись в полу плаща.

Отец открутил колпачок капсулы и извлек аккуратно свернутый лист гербовой бумаги, заполненный письменами, выведенными каллиграфическим почерком. Осторожно развернув его, он внимательно изучил содержимое. Во время прочтения на лице чародея не дрогнул ни единый мускул, но Игнис видела, что подобное спокойствие дается ему лишь ценой невероятных усилий.

Дочитав, он протянул послание Устину Вентису, который, несмотря на весь свой стоицизм не сумел сдержать длинного то ли выдоха, то ли стоны, после чего передал документ соседу.

Обойдя стол — а все, кто за ним сидел, реагировали одинаково плохо, — лист, наконец, оказался в руках Игнис.

Та внимательно вчиталась в него и с трудом сдержала грубое ругательство, а внутри — в животе — все точно сковало холодом. Так жутко ей было только в самый первый день пленения Кайсой.

Аккуратные, точно на подбор, буквы, складывались в не менее аккуратные, но совершенно безжалостные слова:

Старый друг. Я получил послание Катержины и Орелии и верю им. Ни ты, ни Видящая ни Святая не стали бы лгать. И потому мое сердце обливается кровью, когда я пишу эти строки.

Я долго, очень долго думал, но, наконец, пришел к заключению. Захват Дилириса твоим сторонником недопустим даже ввиду кошмарного вероломства со стороны Кэлисты Вентис и Кайсы Иссон. Я не знаю, что за безумную игру они затеяли, но обязательно выясню это и накажу каждую. Могу обещать тебе это.

Но сперва Дилирис должен быть очищен от твоих войск, а узурпатор Устин Вентис отправлен в изгнание в Волукрим. Это — мое условие и я не отступлю с него ни на шаг.

Если ты не желаешь войны столь же сильно, как и я, то смиришь свой гнев и отступишь.

Искренне надеющийся на твою благоразумие и миролюбие, Лорий.

Игнис передала бумагу отцу и прикрыла глаза.

Ее начала трясти мелкая дрожь.

Безусловно, тон послания был неформальным и дружеским — все-таки отца и Генерала связывало многое и в душе они остались все теми же приятелями-идеалистами, мечтавшими осчастливить человечество и покончить с войнами, но...

«Бросить союзников и отступить, да еще после того, что сотворили Вентисы и Иссоны, означает расписаться в своей слабости. Кто захочет вести дела с королем, который по первому требованию убегает, поджимая хвост, и оставляя на произвол судьбы доверившихся ему людей?» — подумала девушка.

Да, Лорий великодушно предлагал Устину Вентису — герцогу и принцу крови, а теперь еще и королю, помазанному на царствие митрополитом Сентийским, почетные условия. Безусловно, в Волукриме найдется достаточно земли и занятий для столь прославленного воина... Вот только как быть с остальными?

С капитаном Сервусом, который сцепил зубы так, что, казалось, они начнут крошиться, с графиней Клариссой Астинийской, которая прочитала послание из-за плеча Игнис и сейчас мрачно взирала на Швею, со многими другими?

Не нужно было обладать выдающимися умственными способностями для того, чтобы понять: Волукриму предлагают полную и безоговорочную капитуляцию, после которой союзники королевства побегут от него прочь, точно тараканы.

И то, как Корвус Вороний Король и Устин Вентис ветророжденный посмотрели друг на друга говорило лишь об одном: они не просто так задержали посланницу, прикрываясь формальным поводом. Нет. Когда стало известно о том, кого направил Генерал, был собран экстренный совет и на нем, однозначно, прорабатывались все варианты, включая и этот.

И отец убедил девушку в своей правоте.

— Аматера, скажи, ты имеешь право говорить от имени Лория?

— Да. — Вредная улыбочка сошла с лица Древней, и та сейчас выглядела так, как и положен одной из Ступивших на Путь Вечности.

— Обида, нанесенная мне Кэлистой Вентис, требует отмщения. Она не только пыталась убить мою дочь и лишить Интерсис живой святой. Она вместе с Кайсой Иссон пробудила Изначальных, погубив десятков тысяч жизней. А теперь ты хочешь, чтобы она получила обратно все то, что уже успела потерять, не понеся никакого наказания?

— Думаю, ослепление ее сына и уничтожение большей части ее армии, а также измена родного брата — достаточное наказание, не находишь?

— Измена — неправильное слово, — поправил древнюю Корвус. — Его величество не сумел закрыть глаза на все происходящее, а потому принял... сложное решение.

— Как тебе будет угодно. Но теперь тебе и ему придется принять еще одно — не менее сложное — решение.

— Я предлагаю Лорию компромисс: военные действия прекратятся, Дилирис будет разделен на восточный и западный, а объединенная армия Аэтернума и Волукрима преподаст урок вежливости зарвавшемуся Ривеланду, после чего я с готовностью уступлю Лорию право выбирать послевоенную судьбу королевства Тысячи Рек.

Предложение было, откровенно говоря, не самым плохим, по крайней мере, на взгляд Игнис. Она не до конца была уверена в том, что Устин Вентис добровольно поддержал столь неприятные требования, буквально разрывающие королевство его предков надвое... Хотя,

говоря начистоту, а был ли у него выбор?

В любом случае, Лорий Солум, согласившись на предложение отца, совершенно спокойно и практически бескровно получал в свое распоряжение густонаселенный запад Дилириса и весь Ривеланд — слова насчет «права выбора послевоенной судьбы» следовало трактовать однозначно.

А это было очень и очень немало, это позволяло восстановить паритет, окончательно разделив последние великие королевства, избежавшие необходимости выбирать между двумя центрами силы. Это позволяло оттянуть неизбежное на добрую сотню лет. И, судя по задумчивому выражению лица Швеи, она предполагала именно что-то в этом духе.

Теперь оставалось только получить ее — а значит и Генерала — согласие и можно будет сесть за стол переговоров, чтобы достичь компромисса.

— Нет, — неожиданно проговорила Древняя.

Короткое простое слово, но сколько же в нем было ужаса!

Игнис во все глаза уставилась на чародейку, не понимая, что же именно не нравится той. Отец, кажется, также хотел узнать причины, а потому задал вопрос:

— Хотелось бы узнать, почему.

— Потому что ты слишком много хочешь, Корв, — пожала плечами Амата. — Отдать тебе половину Дилириса — это слишком много.

— Лорий получит больше.

— Сегодня — да. А в перспективе?

Корвус молчал, ожидая продолжения, и то не заставило себя ждать.

— Приказ Генерала был четок и однозначен: Дилирис должен быть независим. Ривеланд — тоже. Кайса ответит за свои преступления, равно как и Кэлиста, но на этом — точка.

Изегрим что-то рыкнул, губы Рэмируса тихо зашевелились — Отшельник, определенно, начал читать молитву, Ридгар выругался, а Орелия ровным неестественным голосом спросила:

— Амата, неужели вы так сильно жаждете повторить ужасы Последней Войны?

Та с виноватой улыбкой развела руками.

— Извините, госпожа, но выбора у нас нет. Ваш подопечный набрал слишком большую силу. Отдавать ему даже половину Дилириса — недопустимо.

— Как занятно, — сухо проговорил Корвус. — Семьдесят лет назад вы пытались завладеть всем Дилирисом и забрали добрую четверть его владений себе, затем выдержали несколько оборонительных войн против целого союза, теперь же прикладываете все силы для спасения вашего соперника.

— Корв, прошу, не оскорбляй мой слух подобными речами, — поморщилась Древняя. — Мы с тобой оба прекрасно понимаем, что Дилирис даже со всеми его временными попутчиками никогда не был соперником империи. Каждый раз так или иначе из-за спин наших противников торчали чьи-то пернатые и клювастые головы. Мы делаем ровно то же самое, что и ты.

И тут она, увы, была права. Во времена так называемого Разгрома, когда судьба Сентия висела на волоске, и, казалось, что история Дилириса подошла к концу, только грозный окрик Вороньего Короля охладил немного амбиции Генерала, который в те времена стремился сдерживать своего бывшего друга, воссоздав империю Аэтернум в ее первоначальных границах.

И все-таки, отец не выдвигал таких жестких условий, хотя и мог бы. Генерал же практически выкручивал Вороньему Королю руки, не оставляя тому выбора.

И все-таки, отец не сдавался.

— Скажи, Аматаера, если, допустим, вы примем ваше предложение. Смогут ли все те, кто помогал его величеству Устину Вентису, отправиться с ним в ссылку.

— Нет.

А вот это было совершенно невероятно!

«Они хотят войны!»! — с ужасом осознала Игнис.

Лорий Солум, истинный правитель Аэтернума, выжидавший вот уже несколько месяцев, тоже принял тяжелое решение. Девушка не знала, что подтолкнуло Древнего к этому, но полагала, что его мотивы достаточно серьезны, потому как несмотря на противоречия все эти годы Волукриму и Аэтернум удавалось балансировать на грани.

До сегодняшнего дня.

Все, кто присутствовал на собрании, как-то сразу поскучнели, а руки Изегрима, и, как ни странно, Ридгара, потянулись к висевшим на поясах ножам.

Все выжидающе устремили свои взгляды на Корвуса, причем даже Швея проявила некоторые признаки беспокойства. Конечно, она верила в порядочность отца, но с другой стороны... Соблазн уничтожить пришедшую во вражеское логово чародейку, конечно же, был велик.

И, судя по плотоядному взгляду Ании, отец тоже рассматривал этот вариант, причем достаточно серьезно.

— Проведите посланницу к ее людям, — медленно, точно через силу, процедил Вороний Король. — И подготовьте полагающийся ее статусу эскорт. Начальник отряда сопровождения передаст ответное послание Лорию.

Швея кивнула.

— Я знала, что на твою порядочность можно положиться, Корв.

— Не вижу причин радоваться, — тихо проговорил отец. — Когда мы встретимся в следующий раз, ты умрешь.

Та грустно улыбнулась и вновь развела руками, вызвав обильное шелестение лент своего плаща.

— Или ты. Тут уж как распорядится судьба.

— Мы сами вершим свою судьбу. И вы с Лорием только что сделали выбор. Все необходимое будет подготовлено в течении десяти минут. Никто и пальцем тебя не тронет до самой границы Аэтернума и, надеюсь, что с моими посланниками поступят также.

— Я лично прослежу за этим, — ответила Древняя.

— Благодарю. Прощай, Аматаера, увидимся на поле боя.

— Прощай, Корв.

И с этими словами она круто развернулась, отчего полы плаща хозяйки марионеток пришли в движение, и покинула зал для совещаний. Когда за Швеей закрылась дверь, Корвус обессиленно рухнул на спинку кресла и застонал. Остальные выглядели не слишком радостнее, и ничего удивительного тут не было.

Все внутри Игнис сжималось от одной только мысли о том, что ожидает их всех уже в ближайшие недели. Она не питала никаких иллюзий относительно того, что именно произойдет. Не верила и в быстрое окончание войны. Скоро польются не реки, а целые океаны крови.

Девушка взглянула в высокое застекленное окно, туда, где погожий осенний денек был в самом разгаре.

«Когда это солнышком заволокут пожары? Сколько полей будет вытоптано, а деревень и городов — сравнено с землей? И что, ради всех богов, натворили Кэлиста с Кайсой? Эти две чокнутые суки!»

— Корв, — подал голос Охотник.

— Нет, Изг, я запрещаю.

— Но она же на наших землях!

— Нет! — повысил голос отец. — Она доедет до Лория. Посланник передаст ему письмо, оно уже готово, осталось только подписать...

«Так он все-таки рассматривал подобный вариант развития ситуации, верно?» — подумала Игнис.

— А после? — допытывался Изегрим.

— После того, как послание перейдет из рук в руки, я слагаю с себя все обязательство, взятые перед Лорием.

На лице Изегрима заиграла широчайшая ухмылка, а его длинные — длиннее, нежели у обычного человека, — клыки обнажились в свирепом оскале.

— Кто будет послом?

Корвус прикрыл глаза рукой и прошептал:

— Тебе решать.

Изегрим вскочил и, широко ухмыльнувшись, унесся прочь.

«Подбирать подходящего убийцу», — подумала Игнис. — «Смертника, который вместе с посланием Вороньего Короля доставит также и депешу от Охотника. Слова эти будут: «спи, прикрыв лишь один глаз, потому что охота на тебя началась», а вместо подписи — росчерк ножа с бирюзовым камнем».

— Ваше величество, — произнес Корвус, обращаясь к Устину Вентису, — начните немедленно укреплять побережье Дилириса и особенно — Сентий. Если повезет, у нас будет время до весны.

— Да, так и поступлю, — серьезно кивнул тот. — Но прошу заметить, что это изрядно сократит численность армии, которую я смогу выставить в поле.

— Не страшно, — с болью и тоской в голосе проговорил Древний, — не страшно...

Лариэс сидел, точно громом пораженный. То, чему он стал сейчас свидетелем, безо всяких сомнений войдет во все исторические хроники.

«Если, конечно же, их будет кому писать», — одернул себя юноша.

Однако несмотря на то, что момент этот оказался поистине трагическим, одновременно с этим он был и великим. Два могущественнейших чародея, сотни лет умудрявшихся как-то договариваться, наконец исчерпали все доступные варианты и обратились к последнему доводу королей.

«А началось все с похода на восток», — то ли с восторгом, то ли с ужасом подумал бывший телохранитель. — «С, казалось бы, возвращения древнего зла. Зла, которому, как выяснилось, далеко, очень далеко до так называемого добра. Зла, которое было таковым по своей природе, а не из-за каких-то соображений высших целей».

Он молча наблюдал за тем, как довольный, точно кот, дорвавшийся до целого тазика сметаны, Изеграм, убежал прочь, по-видимому, выбирать убийц, которые попытаются прирезать Генерала во время передачи ответа Вороньего короля, официально начинающего войну.

Он слушал своего наставника, со все большим волнением.

Вот тот обратился к его величеству и получил ответ от ветророжденного, после чего с тоской в голосе проговорил:

— Не страшно... Не страшно. Эрато, отправь нескольких посланников в Волукрим к Александеру.

— Какое сообщение они должны доставить, патэрас? — вкрадчиво спросил гарпия.

Вороний король снова тяжело вздохнул и прикрыл глаза.

Когда он вновь посмотрел на окружающих, то в его взгляде не осталось места и капли сомнения:

— Пускай объявляет мобилизацию.

Лариэс увидел, как помрачнела гарпия, но ответ ее был четким и однозначным:

— Будет исполнено, патэрас. Посланники будут лететь, не жалея сил, а потому мобилизационный план вступит в силу уже через четыре дня.

— Да будет так, — подвел черту Корвус.

«Мобилизация», — Лариэс распробовал на вкус очередное незнакомое слово, и оно очень сильно не понравилось юноше. Веяло от него чем-то нехорошим, кровавым, чужим.

Кажется, не он один не знал, что это такое, потому как взоры многих сановников были полны удивления и непонимания, но никто не решался задать вопрос, а Корвус, поднявшись, проговорил:

— На этом предлагаю закончить. Проведите последние счастливые дни в кругу семьи, завершите все дела и напишите завещания. Не все переживут зиму.

Он умолк на мгновение, подбирая удачные слова, потом продолжил свой монолог:

— Я не знаю, как потомки назовут эту войну, если, конечно, по ее окончанию хоть кто-нибудь останется, но будьте уверены, что я положу все силы для того, чтобы победить и жду подобного от вас. Лариэс, Игнис, за мной.

Отдав приказ, он быстрым шагом направился прочь из зала, не останавливаясь и не оборачиваясь.

Лариэс, как и всегда, повиновался, не раздумывая. Он вскочил, тотчас же пожалев об этом, и, стараясь не обращать внимания на острую боль в ноге, последовал за своим господином.

— Ваше величество, — начал он, когда двери зала совещаний закрылись. — Куда мы направляемся?

— У меня есть задание для вас двоих, — ответил Древний.

— Задание? — удивилась Игнис. — Какое?

— Тебе — восстанавливать силы и оттачивать мастерство.

— Лариэсу — посвятить себя обучению. Боюсь, что время очень скоро станет нашим главным врагом, и когда это произойдет, каждая крупица силы, которую вы сможете получить, станет цениться на вес золота.

— Вас понял, наставник, — отрапортовал Лариэс. — Но почему вы говорите это нам двоим?

— Потому что с этого момента ты и твои друзья — персональные телохранители Игнис.

Назначаю тебя ее Щитом.

— Что? — в один голос вскричали молодые люди.

Корвус резко остановился и обвел каждого из них тяжелым взглядом.

— Какие-то проблемы?

— Нет! — хором ответили Лариэс с Игнис, бросая друг на друга короткие, но очень выразительные взгляды.

«Ну что ж, теперь я буду ближе к Игнис, чем когда бы то ни было. Вопрос только в том, делает ли это меня счастливым?» — подумал Лариэс, прикидывая, как часто теперь ему придется видеть двух целующихся принцесс.

— Дочку Кайсы берите с собой, а заодно прихватите и учениц Ридгара и Орелии, если те не станут возражать. Кажется, вы успели неплохо подружиться.

«Три принцессы!» — мысленно застонал Лариэс, стараясь сохранить на лице невозмутимое выражение. — «Три стихиирожденных в одном месте, спаси меня Господь!!!»

Лишь вбитое за долгие годы службы чувство субординации помешало ему сделать какую-нибудь глупость. Например, застонать или сказать что-то вроде: «пусть вашу дочку защищает ее любовница».

Вместо этого Лариэс проговорил:

— Ваше величество, сейчас под моим началом всего три с половиной сотни бойцов, считая бывших воинов гвардии принца. Когда я смогу получить остальные силы? Без этого, боюсь, выполнить ваше распоряжение будет сложно.

— Твои новые подчиненные прибудут уже на этой неделе. Постарайся привести полк в порядок так быстро, как это только получится. Повторюсь: время начало играть против нас.

— Слушаюсь, ваше величество! — склонился в поклоне виконт.

— Кхм, — кашлянула Игнис и Лариэс, взглянув на принцессу понял, что та кипит от злости.

— А меня никто не хочет ни о чем спросить? — поинтересовалась она.

— Нет, — отрезал Корвус, причем тон его был таким, что у полукровке по спине пошли мурашки.

Древний внезапно стал выглядеть куда больше, вокруг него точно сгустилась аура силы, подавляющая любое сопротивление, не дающая вздохнуть, страшная и угнетающая.

— С этой минуты, боевой маг первого ранга, у вас нет права обсуждать приказы главнокомандующего. Вы будете исполнять их, не задавая вопросы, потому что мы на войне.

Игнис отпрянула чуть назад — даже она не ожидала столь резкого ответа, но Корвус не унимался.

— Я жду, — повелительным тоном проговорил он.

— Слушаюсь, ваше величество, — склонилась в поклоне девушка. — Прошу простить мою несдержанность.

И уже в следующий миг все пропало: и давящая аура, и мрачный тон, и общая нервозность обстановки. Корвус вновь превратился в любящего отца, который подошел к своей дочери и заключил ту в объятия.

— Игн, прости, но это для твоего же блага, — прошептал он. — Я не смогу потерять тебя еще раз.

Девушка шмыгнула, и обняла отца в ответ.

— Это ты прости меня. Ситуация изменилась. Конечно же, ты прав.

Лариэс отвернулся, стараясь не смотреть в их сторону и не портить момент. Наконец,

Древний отстранился от приемной дочери и жестом приказал ученику следовать за собой. Игнис, немного постояв, двинулась рядом.

— Наставник, дозволено ли мне будет задать вопрос? — поинтересовался Лариэс, когда они проходили по длинному, увешанному батальными полотнами коридору, ведущему в восточное крыло дворца — туда, где располагались комнаты Игнис и остальных.

— Полагаю, ты хочешь узнать, что такое мобилизация, — хмыкнул Корвус.

— Да, — немного обескураженно ответил Лариэс.

— Мобилизация — это призыв в армию определенной части населения страны. В случае Волукрима призываться будут преимущественно каррасы, а также — некоторая часть молодых мужчин из числа обитателей Великой Равнины. Из них мы в ближайшие недели укомплектуем по крайней мере три корпуса, а также обеспечим живой силой все логистические и вспомогательные подразделения. Из остатков создадим первые маршевые батальоны для восполнения потерь.

Лариэс слушал, с каждой секундой понимая все меньше и меньше и Корвус прекрасно видел это, а потому, со вздохом, пустился в долгие разъяснения. Когда они наконец-то добрались до цели своего пути, голова юноши буквально трещала от новых знаний, таких удивительных и необычных.

— Наставник, вы сами придумали все это? — восхищенно прошептал Лариэс.

— Увы, нет. У меня есть... один помощник, — ответил чародей. — Около полутора сотен лет назад познакомились с ним. Интересный человек, что уж тут. Рассказал много нового. Кое-что из этого я сумел приспособить к делу. Сейчас именно он остался в Волукриме за главного.

— Наверное, это великий мудрец?

Вместо Вороньего Короля ответила Ания, молчавшая все это время.

— Кар, — неодобрительно отозвалась ворона. — Кар. Кар.

— Круглый дурак? — переспросил Лариэс, переводя удивленный взгляд с птицы на ее хозяина.

— Я бы сказал, наивный идеалист, живший в очень спокойные времена, — ответил тот, открывая дверь в покои Игнис. — Ладно, о нем мы поговорим позже, возможно даже, я скоро вас познакомлю. День уже клонится к закату, так что вы вольны делать все, что пожелаете. Ночью мы продолжим наши занятия, не опаздывай.

Сказав это, он оставил молодых людей одних.

— Что скажешь? — невесело усмехнулась Игнис, снимая маску и садясь в мягкое кресло с резными подлокотниками. — Теперь я твоя госпожа.

— Так точно, ваше высочество, — Лариэс уважительно поклонился, в очередной раз проклиная негнущуюся ногу. — Каковы будут приказы?

— Не смешно, — буркнула девушка.

— Я не мог удержаться, извини, — он нервно улыбнулся. — Странно: мир рушится вокруг нас, со дня на день польется кровь, а мы тут веселимся и шутим, как будто ничего не произошло.

Огнерожденная тяжело вздохнула.

— А что мы можем изменить? Генерал принял решение. Отец — тоже. Пути назад больше нет, остается только гордо поднять голову и идти в бездну с улыбкой. Я надеюсь, что ты поддержишь меня, что бы не готовило нам будущее.

Лариэс ощутил острую режущую боль где-то в груди, но сумел сохранить невозмутимое

выражение лица.

— Конечно, ведь для этого и нужны друзья, — ответил он. — Я уверен, что мы пройдем наш путь до конца вместе и я никогда тебя не предаю. Можешь поверить.

Лорий Солум наблюдал за плавно текущими войсками. Ровные квадраты пикинёров чередовались «карманами» мушкетеров и аркебузирова, а те, в свою очередь, крупными эскадронами рейтар и тяжело бронированных имперских рыцарей. Вслед за людьми шаг в шаг двигались иные существа — големы, отлитые из стали и оживленные магией Древнего. Его сила даровала подобие жизни этим десятифутовым, восьминогим и шестируким монстрам, чьим единственным предназначением являлась война.

Генерал взял с собой элитный Стальной Легион, оставив более старые и слабые Каменный, Деревянный и Железный далеко позади. Они вместе с основными силами должны были нагнать двадцатитысячный экспедиционный корпус где-то через полторы недели.

Древний вздохнул.

Откровенно говоря, то, что должно случиться, ни капли не радовало его, но выхода действительно не оставалось. Несколько месяцев он напряженно наблюдал за происходящим на востоке и с каждым днем, с каждой новой победой старого друга, все сильнее и сильнее мрачнел.

Да, Корвус непрерывно демонстрировал миролюбие и нежелание развязывать войну. Да, он не захватывал Дилирис лично, вместо этого — сажал свою марионетку на престол. Да, он не был виновником войны — всего лишь воспользовался удачной возможностью.

В глубине души Лорий понимал, что несправедлив к старому другу, что тот, потерявший приемную дочь, которую любил, точно родную, просто помутился рассудком от горя и совершил то, что никогда не сделал бы, находясь в здравом уме и твердой памяти.

Вот только... Вот только Интерсису от этого не легче. Так или иначе, но война с Дилирисом началась и, если честно, лучше бы Корвус обрушился на него всей своей мощью, вместо того чтобы демонстрировать миролюбие.

Уничтожив добрую треть королевской армии в одном пограничном сражении, не использовав для этого и четвертой части своего войска и вообще не принимая никакого участия в битве, он продемонстрировал то, что Лорий давно уже подозревал, но боялся признавать вслух: Волукрим стал сильнейшим королевством континента.

Баланс сместился и то, что Игнис с Ридгаром оказались — как выяснилось позже — похищены Кайсой Иссон, не меняло ничего.

Да, смертные королевы затеяли безумную игру. Да, они дернули за усы даже не льва — дракона! — и должны понести наказание, но...

Но все это ничего не значило по сравнению с равновесием, коего, собственно говоря, больше нет. Корвус чересчур могущественен, его следует остановить, пока на континенте еще существуют достаточно сильные союзники: остатки Дилириса, Ривеланд, Сампфлинд и Венис.

Конечно же, Танма поддержит империю, в этом Лорий не сомневался, но он не сумеет прибыть на материк раньше весны, а значит...

«Значит, какое-то время мы будем предоставлены сами себе», — думал Генерал, глядя на поток войск, движущихся по направлению к лагерю объединенного войска.

«Полагаю, завтра или послезавтра вернется Аматаера», — с грустью подумал Лорий. Мысли о Швее каждый раз пробуждали воспоминания о Диане — ее убитой сестре,

единственной из бесконечного сонма любовниц и любовников, к которой Генерал испытывал настоящие чувства.

Он вздохнул и тронул коня под уздцы — работы непочатый край. Времени прохлаждаться не осталось.

«К тому же, Кайса, если я правильно понимаю, должна наконец-то прибыть. Вот и взглянем на эту припадочную и ее таинственного сковывающего, а заодно пообщаемся и с Кэлистой».

Королеву Дилириса и ее настойчивые попытки встретиться для обсуждения стратегии Лорий сознательно игнорировал вот уже несколько дней. После того, что эта дура учудила, она должна благодарить Господа за то, что ее вообще не вздернули на ближайшей осине!

Откровенно говоря, если бы не грядущая война с Корвусом, в которой потребуются каждый чародей, он бы так и поступил — уж очень высок был соблазн. Но...

«Мы делаем лишь то, что должно», — передразнил старого друга Генерал. — «Ну да, а должно нам устроить диктатуру, указывать остальным, как им поступать, твердой отеческой рукой направлять мир в светлое будущее!»

И в очередной раз Лорию вспомнился их давешний спор с Корвусом, состоявшийся почти сразу после окончания Второй Войны Гнева, когда Кукловод был окончательно уничтожен. Тогда каждый до хрипоты доказывал другу свою точку зрения. Лорий — отстаивал право всех Ступивших на Путь Вечности поступать в соответствии со своими желаниями, говоря, что закручивание гаек не позволит ни контролировать каждого бессмертного, ни помешать сильным чародеям ступить на Путь Вечности. Корвус с точно таким же жаром объяснял, что все крупнейшие войны последней тысячи лет, стубившие неисчислимое количество простых смертных, так или иначе были вызваны именно Древними, их жаждой власти, неуемным любопытством, гордыней и стремлением уподобиться богам, а значит, великая сила должна контролироваться.

Несколько часов они приводили друг-другу аргументы, выстраивали логические конструкции, апеллировали к авторитетам, пытались подловить оппонента на ошибках и нестыковках... А затем — каждый уехал в свое королевство.

Сперва они еще пытались действовать сообща, но чем больше времени проходило, тем острее становились противоречия и тем большая пропасть пролегала между двумя великими магами.

«И вот мы пришли к тому, к чему пришли», — подумал Лорий, стряхивая оцепенение раздумий и прислушиваясь к многоголосью дилирисского лагеря.

На него косились и показывали пальцами, но никто не смел заступить дорогу истинному правителю Аэтернума, который, спешившись, уверенным шагом направлялся к королевскому шатру.

Пара гвардейцев вытянулись во фронт при его приближении, и только после этого Лорий бросил короткий взгляд за спину. Туда, где шли четыре его личных телохранителя — человекоподобных голема из кровавого камня. Практически неуничтожимые, пожирающие саму жизнь одним касанием, эти монстры неотступно следовали за своим повелителем, куда бы тот ни направился. А сейчас фактический правитель Аэтернума желал направиться в королевский шатер.

— Ее величество отсутствует, — отрапортовал один из стражей. — Они вместе с его высочеством отправились встречать ее величество Кайсу Иссон со свитой.

— Ничего, я подожду внутри, — ответил Генерал и, не давая солдатам ни секунды на

то, чтобы собраться с мыслью, вошел в просторный шатер.

Телохранители, повинувшись мысленной команде Древнего, рассредоточились по углам, сжимая в руках копыя из все того же кровавого камня. Сковывающий кивнул Первому и тот вернул жест.

Каждый из големов являлся относительно разумной и самостоятельной личностью. Относительно, потому как у всех его творений отсутствовал страх смерти, равно как и инстинкт самосохранения, а также — личные цели и стремления.

Они безоговорочно были преданы своему создателю и без раздумий жертвовали жизнями ради него, ничего не прося за свою вечную и тяжелую службу.

Впрочем, эти четверо, пожалуй, больше всего походили на людей. Возможно, из-за материала.

Лорий прикрыл глаза и вновь погрузился в размышления. Он прикидывал варианты развития событий, подбирал стратегии, перебирал в памяти ворох сведений о каждом более-менее значимом офицере и маге в армии Вороньего Короля, про которого ему было известно.

В предстоящем конфликте не будет мелочей и победит тот, кто совершит меньше ошибок. Лория все называли гениальным полководцем, но он относился к подобным утверждениям с юмором. Сам Древний считал, что не бывает каких-то там «прирожденных стратегов», есть просто люди, учитывающие мелочи. И чем лучше они это делают, чем дальше заглядывают в своих прогнозах, чем больше им будет способствовать так называемая «удача».

Это слово Генерал презирал. Если человек, к примеру, не озаботился подготовить достаточное количество стрел, или же на разобрался в вопросах логистики — науки, из которой на добрую треть состояла любая война, — то нет смысла жаловаться на какое-то там «невезение».

К сожалению, Корвус относился к числу людей, которые понимали это ничуть не хуже, чем сам Лорий. Причем в отличии от Генерала старый друг куда лучше учитывал мелочи, связанные с производством и торговлей, что гарантировало его королевству прочный и надежный фундамент.

Землерожденный, к своему стыду, понимал такие моменты заметно хуже, из-за чего где-то раз в десять-двадцать лет ему приходилось устраивать массовые чистки среди чиновников, потому как искоренить взяточничество не получалось, хоть ты тресни!

«Интересно, а как Корв справляется с мздоимцами у себя? Не поверю, что у него никто не берет взяток», — подумал Генерал.

В этот момент шум на улице прервал вывел его из состояния транса.

Полог откинулся и Лорий с некоторым интересом стал рассматривать замершую на пороге Кэлисту Вентис.

Хороша, ничего не скажешь: ладная точеная фигурка, плотно облепленная зеленым шелковым платьем, золотистый загар, выразительное лицо, большие глаза. Жаль, что внутреннее содержимое не соответствует внешнему. За спиной королевы возвышался ее сын. Принц мало изменился с момента их последней встречи, разве что возмужал и раздался в плечах. Ну и, конечно, лишился глаз — черная повязка, прикрывающая место, куда вонзился кинжал с бирюзовым камнем, плотно обматывала голову.

«Дураки», — зло выругался про себя Древний. — «Самонадеянные дураки».

Вслух же он произнес другое, вставая из-за кресла королевы, которое безо всякого

стеснения занял, и подходя ближе.

— Приветствую ее величество и его высочество. Рад повидаться с благородными Вентисами, — его взгляд метнулся за их спины, — и Иссонами тоже. Прошу вас, нас ждет долгий и тяжелый разговор.

И, не дав своим будущим союзникам вставить и слова, повелительным жестом приказал — не попросил — войти.

Они начали заходить внутрь. Кэлиста с сыном, маршалом и канцлером, северянка со старшим сыном и наследником престола, а также пресловутой драконицей и, конечно же, Непобедимым. Еще пара мало что значащих людей, затем... оракул — неказистая девчонка лет пятнадцати.

«И где они только ее откопали? Подумать только, вторая ясновидящая за сто лет! Не иначе, как мир действительно на всех парусах несется к пропасти!»

Посчитав, что все более-менее значимые люди в сборе, Генерал заговорил:

— Вы можете задать вопрос, почему я тут? Ответ очевиден: причиной тому стала ваша глупость и слабость. У вас не хватило ума лучше продумывать свои жалкие интриги и силы для того, чтобы реализовать их так, как вы планировали. Результат можете понаблюдать на улице. Сколько солдат в этом лагере? Десять тысяч? Двадцать? Армии Дилириса нет и, если бы не я, Ривеланд уже к концу зимы оказался бы один на один с Волукримом.

Он переводил взгляд с перекошенного от дикой ярости лица Кэлисты на спокойное и сосредоточенное лицо Кайсы.

Как же отличались эти две розы — северная и южная!

«И как Дилирису не повезло с королевой», — подумал Ступивший на Путь Вечности, продолжая говорить обидные и оскорбительные вещи.

— Я протяну вам руку помощи, но на моих условиях. С этого дня и Ривеланд и Дилирис а точнее то, что от него осталось, мои вассалы. Вы подпишете соответствующие документы и передадите в мои руки командование армиями, пока еще есть чем командовать.

— А если нет? — по-змеиному процедила Кэлиста.

— Вы умрете прямо сейчас, — отрезал Древний и големы из кровавого камня пришли в движение, наставив копыя на людей. — Выбирайте, время пошло.

И тут раздался сухой неприятный смех, и голос — о Господи, до боли знакомый голос! — произнес:

— Не волнуйтесь, он просто вас запугивает. Я сам научил его так вести переговоры с позиции силы. Никто сегодня не умрет.

Люди расступились и прямо перед Лорием оказались двое — мужчина средних лет, держащий кресло на колесах, и старик-калека, разместившийся в нем.

— Галий, отойди на пару шагов, нам есть о чем поговорить с великим и ужасным Генералом, — распорядился старик и в этот момент Лорий все понял.

Каждая странность, каждая мелкая подробность последних месяцев — нет, целых лет, а может и десятилетий! — сложилась в единый узор и там, где раньше не было ничего, кроме бессмысленной глупости, четко начал проследиваться злой и безжалостный умысел.

А в следующую секунду чистая и незамутненная ярость захлестнула сознание Лория. Древний взревел, взывая к своей силе и из земли один за другим выросли десять воинов, вооруженных копиями. Магия землерожденных позволяла легко контролировать подобные искусственные создания, из-за чего Солумы на всем протяжении своей истории обладали осязаемым численным превосходством над оппонентами.

Копья — как из кровавого камня, так и из спрессованной земли — усталились на ничего не понимающих людей.

В это же мгновение големы Лория окружили шатер, оттеснив гвардейцев двух королей и не пуская никого внутрь.

— У вас есть ровно десять секунд для того, чтобы объясниться. Потом я начну убивать, — прошипел Лорий, с трудом сдерживая рвущуюся наружу неукротимую ненависть. — Кайса, тварь, как давно это существо управляет тобой?

Северянка лишь фыркнула.

— Кэлиста, — не обратив внимание на ее пренебрежение продолжил Древний, — ты была в курсе?

— О чем ты вообще говоришь! — завизжала ветророжденная, побагровев от гнева, — и как смеешь угрожать мне? И причем вообще тут этот калека? Кто он и зачем здесь?

— Слишком много вопросов, девочка, — зло рассмеялся старик, — но я отвечу на них, правда после того, как поговорю с тем, кто действительно будет принимать решения в нашем маленьком альянсе.

— Альянсе? — Лория буквально трясло. Он вытянул в сторону руку, призывая пылевой клинок и наводя его на грудь собеседника. — Назови хоть одну причину, по которой я не должен убить тебя на месте!

— Я нужен тебе, — зло, безо всякого страха, рассмеялся ему в лицо калека. — И ты это знаешь, мальчик. Знаешь лучше, чем все прочие. Ну давай, убей меня, докажи, что я неправ. Ну, чего же ты медлишь?

Лорий готов был взвыть от бессильной ярости. Всего один удар, со всей силы, и....

«И ничего не будет. Этот ублюдок не из тех, кто рискует жизнью», — подумал он, силой воли успокаивая нервы. — «И ты, дорогой мой друг, знаешь это лучше прочих. А еще ты знаешь, что он прав».

Точно прочитав его мысли, калека продолжил, не обращая внимания ни кипевшую от злобы Кэлисту и подбравшегося, точно барс, готовящийся прыгнуть на добычу, Тариваса.

— Ты ведь понимаешь, что моя точка зрения была верной, а твой дружок Корвус — ошибался, да, мальчик?

— Корвус поступает неправильно во имя благих целей, — отчеканил Лорий.

— Стало быть, я поступал правильно, во имя неверных целей?

— Нет, — Генерал скривился. — Ты поступал неправильно во славу своей неумной алчности, а теперь просишь, чтобы я — я! — присоединился к тебе?

Калека хитро подмигнул землерожденному и произнес:

— А у тебя есть выбор?

— Да! Прикончить вас всех и помириться с Корвусом, преподнеся твою голову в качестве подарка!

— И почему же ты до сих пор этого не сделал?

Когда эти слова были произнесены, силу будто бы оставили чародея, и он легким взмахом руки обратил земляных воинов в пыль, а телохранителям приказал отойти.

В этот момент Лорий чувствовал себя точно грязная дешевая шляха, вернувшаяся к ненавистному сутенеру, избивавшему ее и пользовавшему так, как заблагорассудится. Он ненавидел себя и презирал... но не мог не признать правоты говорившего.

«Он действительно нужен мне. Корвуса иначе не победить — слишком много могущественных Древних сейчас на его стороне, а ведь он еще не призвал всех, кого мог, да

и Изегрим не взялся за дело всерьез!»

И все же, от осознания того, что придется быть в союзе с *этим* к горлу подступал ком.

«Танма, полагаю, будет чувствовать себя не лучше», — подумал землерожденный. — «Хотя он, скорее всего, примет неизбежное легче, чем я».

Обстоятельства вынуждали Лория принимать любую протянутую ему руку, но Господи, как же мерзко было от этого! Проще, наверное, было нырнуть в выгребную яму и, хорошенько поплескавшись ней, перекусить несвежим дерьмом! Скорее всего, это было бы еще и куда приятней.

— Могу ли я считать это согласиен заключить союз? — рассмеялся калека.

— Да, — процедил Лорий.

«Ох и устроит же мне Аматера скандал!»! — подумал он. — «Надеюсь, хоть, дух Дианы не начнет являться по ночам».

— Да? — улыбка старика стала шире.

— Да, я согласен заключить союз по всем правилам, зафиксировав его соответствующим документом! — заорал Древний, вновь теряя самообладание. — Теперь ты доволен?!

— Теперь — да, — старик откинулся на спинке своего передвижного кресла и посмотрел на белую от ярости Кэлисту. — Слушай, объясни ей ситуацию, что ли, а то девочку сейчас хватит удар и мы останемся без талантливой ветророжденной.

Королева пошла алыми пятнами и издала непонятный звук, отдаленной напоминающий нечто среднее между кваканьем и хрюканьем, но каким-то чудом сумела взять себя в руки и лишь процедила:

— Кто это?

— Это? — Лорий тяжело вздохнул. — Это, Кэлиста, причина всех бед Интерсиса на протяжении вот уже пяти сотен лет. Это — монстр в человеческом обликии, который в очередной раз умудрился выжить после того, как тело его было сперва расчленено, затем — сожжено, а дух выброшен за Грань. Ума не приложу, как он вернуться, кстати. Это мой учитель — Гайнрих, он же — Кукловод или Неназываемый.

Кровь стремительно отхлынула от щек ветророжденной и та, явно не осознавая, что делает, осенила себя крестным знаменем, причем точно также поступили практически все члены ее свиты и даже сын.

Лорий лишь невесело усмехнулся, глядя на них, и продолжил.

— Именно эта тварь стояла за хитрым планом, который ты, Кэлиста, наверное, приписывала себе. Именно он оживил Изначальных и погрузил сперва восточные графства, а затем и Дилирис в хаос. Именно он вынудил меня ввязаться в войну со своим лучшим другом, с которым вместе мы пару сотен лет назад открутили ему голову. И знаешь, что самое паршивое? У нас нет выбора, дорогая моя. Мы стали еще одними марионетками, подвешенными на нитях беспринципного монстра, и теперь будем плясать, весело подергивая конечностями.

Он обернулся к улыбающемуся Древнему и сплюнул тому под ноги.

— Не думай, что я простил тебя или хоть что-то забыл. Как только мы покончим с Корвусом, ты ответишь за все.

— Конечно, поступай, как пожелаешь, — рассмеялся Гайнрих. — Если, конечно же, тебе хватит сил. Или ты запомнил, ученик, какой философии я придерживаюсь?

— Твоя философия — вещь крайне пластичная, — с презрением ответил Лорий. — Но

— да, я поступлю так, как пожелаю. Останови меня, если сможешь.

— Я попытаюсь, — серьезно ответил Кукловод. — Если, конечно, мы оба переживем надвигающуюся войну.

— Сказал тот, кто сумел собраться из пепла.

— Не скажу, что это далось мне легко, — с грустью в голосе проговорил Древний и тут из-под потолка ему на плечо спикировал громадный нетопырь. — Познакомься, это — Нетора.

Лорий внимательно всмотрелся в существо и грубо выругался.

— Понятно. Наша с Корвом и Изегримом вина — недоглядели.

Старик неприятно ухмыльнулся.

— Вы много чего недоглядели, детишки. Впрочем, сейчас это уже не имеет значения. Настало время обсудить планы войны, но сперва я познакомлю вас с еще одним ее участником. Этого союзника, я уверен, ты будешь приветствовать куда теплее.

И полог шатра откинулся в сторону, пропуская очередного гостя. Увидев, кто встал на их сторону, Лорий мысленно застонал и еще раз воззвал к Богу, моля о прощении.

— Приветствую великую Мойру, — сказал он, опускаясь на одно колено.

А вслед за Древним на колени рухнули и все присутствующие в шатре, снизу-вверх глядя на невысокую юную девушку с длинными светлыми волосами. Она была известна жителям родного мира под именем норна Скульд. Перебравшись в Интерсис, стала отзывать на прозвище, данное ей гарпиями — Мойра, Перерезающая нить.

Девушка холодно улыбнулась и тихим бесцветным голосом проговорила:

— Настало время обрезать много нитей. И мы приступим к этому в самое ближайшее время.

Больше книг на сайте - Knigoed.net